

ИНСТИТУТ КИТАЯ И СОВРЕМЕННОЙ АЗИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

КУН-ЦЗЫ ЦЗЯ ЮЙ (РЕЧИ ШКОЛЫ КОНФУЦИЯ)

Перевод с китайского,
исследование и примечания
А.Ю. Блажкиной

Москва
ИКСА РАН
2022

УДК 1(510)
ББК 87.3(5Кит)3-206
К91

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом
Института Дальнего Востока РАН*

Главный редактор
д-р филос.н. *А.Е. Лукьянов*

Ответственный редактор
к.и.н. *В.М. Майоров*

Рецензенты:
проф. *Лю Ядин*
проф. *Ли Чжицян*

Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция) / пер. с кит., исслед. и примеч. А.Ю. Блажкиной; отв. ред. В.М. Майоров; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. – М.: ИКСА РАН, 2022. – 318 с. – ISBN 978-5-8381-0395-6

DOI 10.48647/IFES.2022.21.92.004

Впервые публикуется полный русский перевод конфуцианского памятника «Кун-цзы цзя юй», содержание которого составляют истории из жизни великого древнекитайского философа Конфуция (551–479 гг. до н.э.), его беседы с ближайшими учениками, а также видными политическими деятелями того времени. Беседы эти представляют собой философские диалоги, они касаются важнейших онтологических, этических, эстетических и эпистемологических вопросов. В книге исследуются вопросы авторства и происхождения этого текста, история его изучения и основные темы трактата. В русле общего развития синологии изучение письменных памятников древнего конфуцианства важно для расширения арсенала философского знания, а также диалога философских культур Востока и Запада.

ISBN 978-5-8381-0395-6

© Блажкина А.Ю., 2022
© ФГАУН ИКСА РАН, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А.Ю. Блажкина. «Кун-цзы цзя юй» – выдающийся памятник древнего конфуцианства</i>	5
1. Вводные замечания	5
2. История изучения трактата «Кун-цзы цзя юй»	7
3. Основные темы трактата «Кун-цзы цзя юй»	13
3.1. Этика и эстетика: учение о ритуале	18
3.2. Социально-политическая философия: роль наказаний и феномен суицида	28
3.3. Философия времени: концепция индивидуального синхронного опыта	44

ПЕРЕВОД

Глава I. Советник в царстве Лу	57
Глава II. Начать казнь	62
Глава III. Разъяснения речей ванов	66
Глава IV. Разъяснения бракосочетания [Сына Неба]	71
Глава V. Разъяснения поведения конфуцианца	74
Глава VI. О ритуале	79
Глава VII. Разъяснения о пяти типах людей	83
Глава VIII. Тщательно обдумывать	89
Глава IX. Три снисхождения	99
Глава X. Любить жизнь	104
Глава XI. Созерцать Чжоу	112
Глава XII. Строй учеников	116
Глава XIII. Достойные мужи	123
Глава XIV. Рассуждения об управлении	129
Глава XV. Шесть основ	134
Глава XVI. Приводить в порядок сущее	144
Глава XVII. Ай-гун спросил об управлении	151
Глава XVIII. Янь Хуэй	156

Глава XIX. Первая встреча с Цзы Лу	160
Глава XX. В опасности	165
Глава XXI. Быть чиновником	169
Глава XXII. Клятва в трудном положении	173
Глава XXIII. Добродетель пяти государей	179
Глава XXIV. Пять государей	183
Глава XXV. Держать поводья	186
Глава XXVI. Разъяснения корня судьбы	193
Глава XXVII. Суждения о ритуале	197
Глава XXVIII. Созерцать пиршество и стрельбу из лука	202
Глава XXIV. Спрашивать о загородном жертвоприношении Небу	205
Глава XXX. Разъяснения пяти видов наказаний	208
Глава XXXI. Наказания и принципы управления	212
Глава XXXII. Движение ритуала	215
Глава XXXIII. Гимн ритуалу совершеннолетия	225
Глава XXXIV. Порядок в храме предков	228
Глава XXXV. Разъяснения деления музыки	230
Глава XXXVI. Вопросы о яшме	235
Глава XXXVII. Разъяснения об обидах	238
Глава XXXVIII. Разъяснения о семидесяти двух учениках	245
Глава XXXIX. Разъяснения о фамилии	254
Глава XL. Последняя запись	258
Глава XLI. Разъяснения о подлинной морали	261
Глава XLII. Цзы Гун спросил о разнообразных [видах] ритуала	278
Глава XLIII. Цзы Ся спросил	289
Глава XLIV. Гунси Чи спросил	299
Библиография	305
Указатель имен	310
Указатель географических названий	315
Summary	316
内容提要	318

А.Ю. Блажкина

«Кун-цзы цзя юй» – выдающийся памятник древнего конфуцианства

1. Вводные замечания

Данная монография представляет собой первый в России полный перевод конфуцианского трактата «Кун-цзы цзя юй» 孔子家语 (сокр. «Цзя юй»)¹, снабженный краткими комментариями. В этой статье тезисно освещена история изучения «Цзя юй» в мировой синологии, а также даны предварительные замечания относительно основных тематических блоков текста. Прежде всего стоит отметить, что изначально «Кун-цзы цзя юй» («Речи школы Конфуция»)² состоял из 27 свитков, но до нас дошло только 10. В современном виде «Цзя юй» разделен на 44 главы. Названия глав даны не по первым двум иероглифам (как, например, в случае с «Лунь юй»), а отражают самую суть главы. Содержание трактата «Кун-цзы цзя юй» составляют истории из жизни Кун-цзы (孔子) (551–479 гг. до н.э.), его беседы с ближайшими учениками, а также видными политическими деятелями того времени. Беседы эти представляют собой философ-

¹ Перевод выполнен по электронному тексту «Кун-цзы цзя юй».

² В отечественной синологии известны различные переводы названия памятника: «Речи Конфуция для школы» [Кобзев, Ткаченко 2010: 20–29], «Семейные предания о Конфуции» [Головачёва. Ян Бо-цзюнь о названии], «Изречения из школы Конфуция» [Маслов 2020: 86], «Беседы в школе Конфуция» [Бонч-Осмоловская 2020: 30]. Нам представляется более приемлемым перевод «Речи школы Конфуция».

ские диалоги, касающиеся важнейших онтологических, этических, эстетических и эпистемологических вопросов.

Датировка и авторство «Цзя юй» вызывают ряд существенных вопросов, решение которых, без сомнения, внесет весомый вклад не только в исследование философского наследия конфуцианства, но и вообще в историю философии. Диспуты вокруг авторства и времени написания данного трактата не утихают до настоящего момента. Долгое время было принято считать, что дошедший до нас вариант «Цзя юй» был впервые записан и прокомментирован ученым-конфуцианцем Ван Су 王肃 (195–256), жившим в царстве Вэй в эпоху Троецарствия (220–280). Помимо того что Ван Су занимал различные административные должности при дворе, он посвятил себя толкованию таких классических книг, как «Шу цзин» («Канон писаний»), «Ши цзин» («Канон поэзии»), «Лунь юй» («Беседы и суждения»), «И ли» («Церемонии и ритуалы»), «Ли цзи» («Записки о ритуале»), «Чжоу ли» («Чжоуские ритуалы»), «Цзо чжуань» («Комментарии [господина] Цзо») и др.

Таким образом, первый вопрос, который возникает перед исследователем, таков: записан ли «Цзя юй» кем-то из учеников самого Кун-цзы и отражает взгляды основателя конфуцианства или же перед нами более позднее произведение, плод творчества каноноведа Ван Су? Отвечая на него, одни исследователи атрибутируют «Кун-цзы цзя юй» как аутентичный письменный памятник, другие усматривают в нем сознательную фальсификацию (伪书 *вэйшу*). На наш взгляд, важно то, что, несмотря на бесконечные споры, более чем за тысячу лет эта книга распространилась в Китае повсеместно. Выдающийся русский синолог С.М. Георгиевский, один из первых ученых в нашей стране, начавший заниматься историей древнего Китая, в работе «Принципы жизни Китая: культ предков, многобожие и философия» (1888 г.) не раз обращается к «Кун-цзы цзя юй» как к важному источнику, а в ряде случаев даже дает перевод отдельных отрывков данного текста [Георгиевский 2015: 50, 99, 119, 124, 138, 203, 212]. В своих комментариях к переводу 47-й главы «Ши цзи» («Исторические записки») Сыма Цяня – «Кун-цзы ши цзя» («Наследственный дом Кун-цзы – Конфуция») Р.В. Вяткин также несколько раз ссылается на «Кун-цзы цзя юй» [Истап 1992]. Современный российский востоковед А.А. Маслов в своей монографии, посвященной Кун-цзы, отмечает, что «Помимо самого „Лунь юя“,

есть другой обширный сборник высказываний и историй из жизни Конфуция, „Кунцзы цзя юй“ – „Изречения из школы Конфуция“... ряд абзацев повторяет диалоги Конфуция с учениками из „Лунь юя“, другие – дают новую информацию» [Маслов 2020: 86]. Однако в отечественном Китае сведения сравнительно мало работ, посвященных комплексному исследованию непосредственно «Кун-цзы цзя юй», данный трактат до сих пор полностью не переведен на русский язык. Приходится признать, что для широкого круга читателей «Цзя юй» остается практически неизведанным текстом.

Трактат «Кун-цзы цзя юй» почти в четыре раза превышает по объему знаменитый конфуцианский памятник «Лунь юй», который насчитывает 15 918 иероглифов, в то время как «Цзя юй» – около 57 500. В отличие от таких произведений древнекитайской мысли, как «Сяо цзин» («Канон сыновней почтительности»), «Чжун юн» («Следование середине») или «Да сюэ» («Великое учение»), «Цзя юй» представляет собой не узконаправленный тематический текст, а довольно сложное и разноплановое сочинение. В последние годы количество исследовательских работ, касающихся памятника «Кун-цзы цзя юй», и в Китае, и за его пределами неуклонно растет, что может служить свидетельством интереса академического сообщества к данному тексту. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть ход изучения «Кун-цзы цзя юй» в мировой синологии.

2. История изучения трактата «Кун-цзы цзя юй»

Хотя в главном историографическом памятнике древнего Китая, каким является «Ши цзи» Сыма Цяня, мы не находим прямых отсылок к «Кун-цзы цзя юй», однако некоторые из глав «Кун-цзы цзя юй» практически полностью совпадают с эпизодами из «Ши цзи»³. Одно из первых упоминаний о «Кун-цзы цзя юй» встречается в библиографическом разделе «Хань шу» («Книга [истории] династии Хань»)⁴ (I в. н.э.), где сказано, что ученики Кун-цзы записали

³ Ср. главы I, II, VIII, XIX «Кун-цзы цзя юй» и главу 47 «Ши цзи», а также главу X «Кун-цзы цзя юй» и главу 36 «Ши цзи».

⁴ «Хань шу» 汉书 – историческая хроника Ранней династии Хань, охватывающая период с 260 г. до н.э. до 20 г. н.э.

27 свитков и что данная книга была утрачена («孔子家语»二十七卷...书已亡) [Хань шу]. Потомок Кун-цзы, западноханьский канонист Кун Аньго (孔安国) (156–74 гг. до н.э.), написавший сочинение «Кун-цзы цзя юй хоу сюй» («Послесловие к „Речам школы Конфуция“» 孔子家语后序), полагал, что «в одно время с „Лунь юй“ и „Сяо цзин“... то, что не вошло в „Лунь юй“, было собрано воедино и получило название „Кун-цзы цзя юй“» [Ван Шэньюань 2014: 2]. Как считает большинство современных китайских исследователей, традиционный вариант «Кун-цзы цзя юй» был, по всей видимости, письменно зафиксирован, упорядочен и разделен на главы именно Кун Аньго по фактическим записям изречений Кун-цзы, сделанным его учениками [Ян Чаомин. Кун-цзы]. Кун Аньго указывает, что «во время императора [Цинь] Ши-хуана, [когда] Ли Сы сжигал книги, „Кун-цзы цзя юй“ была в одном ряду с произведениями древних мудрецов, однако, напротив, не была предана огню», так книга и сохранилась вплоть до династии Хань [Там же]. Ответ на неизбежно возникающий вопрос, почему книга не пострадала, Кун Аньго не дает, а лишь констатирует факт. Кроме того, Кун Аньго отмечает, что хотя в доцинский период «Цзя юй» передавалась из уст в уста и, без сомнения, многие ученые изучали и преподавали «Цзя юй», но заслуга сохранения этой книги принадлежит главным образом философу Сюнь Куану 荀况 (ок. 313 – 215 гг. до н.э.), т.е. Сюнь-цзы 荀子. Как полагает в связи с этим директор Научно-исследовательского института Конфуция Ян Чаомин 杨朝明, «вполне очевидно, что Кун Аньго не только оставил нам ценный материал для изучения раннего конфуцианства⁵, но, кроме того, добросовестно и кропотливо проанализировал и привел в порядок [записи], чем внес значительный вклад в систематизацию „Кун-цзы цзя юй“» [Ян Чаомин. Кун-цзы]. В последующее время текст передавался в устной традиции, пока не был наконец обнародован в эпоху Троецарствия Ван Су. Ван Су редактировал и упорядочивал древние тексты, выступал против

⁵ В отечественной синологии под ранним конфуцианством *цзао ци жу цзя* 早期儒家 или *цзао ци жу сюэ* 早期儒学 понимается конфуцианство до Дун Чжуншу (179–104 гг. до н.э.), с которого началось становление конфуцианства как официальной имперской идеологии, провозглашенной императором У-ди (140–87 гг. до н.э.). В раннем конфуцианстве также выделяется доцинское конфуцианство (*сянь цинь жу цзя* 先秦儒家), т.е. конфуцианство, исторически предшествовавшее объединению страны Цинь Шихуаном в 221 г. до н.э. Этот термин в основном используется китайскими учеными.

канонovedческой традиции ханьского ученого-конфуцианца Чжэн Сюаня 郑玄 (127–200), который призывал раскрывать значение иероглифа на основании его осмысления в разных контекстах. В рамках конфуцианской экзегетики традиция Чжэн Сюаня получила название *чжэн сюэ* 郑学, а традиция Ван Су, соответственно, – *ван сюэ* 王学⁶.

Янь Шигу 颜师古 (581–645), известный литератор и лингвист времен династий Суй (581–617) и Тан (618–907), автор важных комментариев к «У цзин» («Пятиканоние»), «Ши цзи» и «Хань шу», полагал, что 27 ханьских свитков Кун Аньго не тождественны дошедшему до эпохи Тан варианту «Кун-цзы цзя юй». Он считал, что «Цзя юй» принадлежит перу Ван Су и что это сочинение в 10 свитках [Ян Чаомин. Кун-цзы]. Мнение Янь Шигу и послужило своего рода отправной точкой для формирования концепции поддельности «Кун-цзы цзя юй».

Уже начиная с династии Сун (960–1279), многие авторитетные ученые рассматривали «Цзя юй» как литературную фальсификацию [Ван Госюань, Ван Сюэмэй 2011: 13]. Новатором в этой области был сунский библиофил Ван Бо 王柏 (1197–1274), который комплексно исследовал историю вопроса и в своей работе «Исследование „Цзя юй“» (家语考) высказал мнение, что «сорок четыре главы „Цзя юй“ – это разнообразные выдержки из „Цзо чжуань“, „Го юй“ („Речи царств“), „Сюнь-цзы“, „Мэн-цзы“, „Ли цзи“, принадлежащие перу Ван Су» [Ян Чаомин. Кун-цзы]. Во времена династии Цин (1644–1911) такие видные ученые, как Яо Цзихэн 姚际恒 (1647–1715) («Исследование поддельных книг древности и современности» 古今伪书考), Фань Цзясян 范家相 (ум. 1768) («Опровержение „Цзя юй“» 家语证伪), Сунь Чжицзу 孙志祖 (1737–1801) («Аргументированные комментарии к „Цзя юй“» 家语疏证), не признавали «Кун-цзы цзя юй» аутентичным памятником раннеконфуцианской традиции [Чэнь Юбинь. Чжунго лидай]. Сунь Чжицзу, в частности, прямо называл Ван Су «плагиатором», который «ввел в заблуждение последующие поколения». По мнению Сунь Чжицзу, деятельность Ван Су была в первую очередь направлена против Чжэн Сюаня [Циндай].

Однако были и ученые, которые придерживались другой точки зрения. Например, в эпоху Сун такой корифей неоконфуцианства,

⁶ Не путать с философским учением неоконфуцианца Ван Янмина 王阳明 (1472–1529), которое также именуется *ван сюэ* 王学.

как Чжу Си 朱熹 (1130–1200), полагал, что «„Цзя юй“ была лишь записана Ван Су на основании древних заметок. Хотя в книге много изъянов, но это не плод творчества Ван Су» [Чжу-цзы]. Один из исследователей времен династии Цин Чэнь Шикэ 陈士珂 (1748–1796) в своей книге «Комментарии к „Кун-цзы цзя юй“» 孔子家语疏证 тоже признавал аутентичность данного памятника и подчеркивал его непреходящую научную ценность [Ян Чаомин. Кун-цзы]. Так или иначе, но в течение многих веков «Цзя юй» была широко обсуждаема интеллектуальными кругами Китая. Хотя начиная с 20-х годов XX в., во время господства в академическом сообществе КНР научного течения «сомнения в древности» (*игу пай* 疑古派)⁷ трактат «Кун-цзы цзя юй» безоговорочно считался подделкой, недавние археологические исследования пролили свет на эту запутанную историю и стали, по мнению китайского историка Нин Чжэньцзяна 宁镇疆, «невиданным и несслыханным вызовом традиционным представлениям о том, что „Кун-цзы цзя юй“ является литературной фальсификацией Ван Су» [Нин Чжэньцзян 2013: 8].

При проведении в 1973 г. раскопок в уезде Динчжоу 定州 провинции Хэбэй археологами было обнаружено захоронение времен династии Западная Хань (датировано 55 г. до н.э.), в котором сохранились бамбуковые планки текста «Жу цзя чжэ янь» («Конфуцианские словеса» 儒家者言). В ходе сравнительного анализа ученые пришли к заключению, что данный текст по своему содержанию чрезвычайно близок к «Цзя юй». Спустя несколько лет, в 1977 г. в Шуангудуе 双古堆 округа Фуян 阜阳 провинции Аньхой было раскопано парное захоронение также времен династии Западная Хань (датировано 165 г. до н.э.), где были найдены эпиграфические тексты (надписи на бамбуке, дереве, свинце и др.), а среди них – начертанный на бамбуковых планках текст «Жу цзя чжэ янь», содержание которого во многом совпадает с «Цзя юй» [Ульянов, Ахтемова 2013: 6–68]. Данные находки, конечно, не могут быть стопроцентным доказательством подлинности «Кун-цзы цзя юй», но становится очевидным, что уже в эпоху Западной Хань если не сам текст, то его прототип имел широкое хождение. По мнению большинства авторитетных ученых КНР, недавние археологические раскопки свидетельствуют о

⁷ Научное течение «сомнение в древности», во главе которого стоял видный китайский ученый Гу Цзеган 顾颉刚, подвергло сомнению аутентичность многих древних памятников.

том, что «Цзя юй» не фальсификация, и тем более маловероятно, что он изначально принадлежал перу Ван Су. Более того, по-видимому, этот текст древнее письменного памятника «Мэн-цзы». По крайней мере такого мнения придерживается известный китайский историк и философ Пан Пу 庞朴 [Пан Пу 2004: 71–76]. Заметим, что современная научная литература, посвященная изучению «Кун-цзы цзя юй» в КНР, весьма обширна. Стоит упомянуть, например, такие работы видных китайских специалистов, как «Ханьские бамбуковые планки из Шуангудуя (Фуян) и „Кун-цзы цзя юй“» [Ху Пиншэн 2000], «Изучение подлинности книги „Кун-цзы цзя юй“» [Ян Чаомин. Кун-цзы], «Толкование „Кун-цзы цзя юй“» [Ван Шэньюань 2014] и др.

Вопрос об аутентичности «Кун-цзы цзя юй» можно считать ключевым, так как если трактат признается подлинным, то его содержание, по всей вероятности, характеризует мысли самого Кун-цзы и его ближайших учеников. В таком случае трактат можно смело ставить в один ряд со знаменитым памятником «Лунь юй». Конечно, вопрос о подлинности «Кун-цзы цзя юй» чрезвычайно сложен. Название и специфика содержания книги доказывают ее древность, но в то же время очевидно, что текст «Кун-цзы цзя юй» многократно редактировался и переписывался. Тем не менее большинство современных китайских исследователей относят данный текст к раннеконфуцианской философской традиции. Так считает, в частности, профессор Ян Чаомин: «Мы делаем вывод, что составление и компиляция „Цзя юй“ непременно имеет отношение к [внуку Кун-цзы] – Цзы Сы... „Кун-цзы цзя юй“ по праву можно считать „первой книгой для изучения Кун-цзы“». В подтверждение этого он ссылается на одного из ведущих ученых современности профессора Ли Сюэцина 李学勤, который полагал, что «ханьская книга на бамбуке „Жу цзя чжэ янь“ из Хэбэя, а также тексты из Фуяна являются прототипами „Кун-цзы цзя юй“». Все эти тексты – звенья одной цепи» [Ян Чаомин. Кун-цзы]. По всей вероятности, даже если не сам окончательный полный вариант текста «Кун-цзы цзя юй» был создан Цзы Сы или кем-то из его последователей, а был отредактирован и записан каноником Ван Су в эпоху Троецарствия, то он, скорее всего, имел более древний прототип – заметки ближайших учеников Кун-цзы.

В западной синологии, во многом по причине споров вокруг аутентичности «Кун-цзы цзя юй», а также из-за того, что памятник

содержит немало отсылок к другим древним текстам, хорошо изученным ранее, этому трактату не уделялось пристального внимания. При этом, видимо, отрывки из «Кун-цзы цзя юй» переводили на латынь еще иезуитские миссионеры в XVII в. Вот что пишет, в частности, в своей монографии Чжан Сипин 张西平: «В книге „Конфуций – философ Китая“ (1687 г.) иезуиты не только перевели три классических конфуцианских трактата – „Великое учение“, „Беседы и суждения“, „Следование середине“, но в процессе перевода было также приведено большое количество цитат из китайских классических произведений, таких как „Канон поэзии“, „Записки о ритуале“, „Канон документов“, „Полное собрание сведений о природе и принципе“, „Канон сыновней почтительности“, „Речи школы [Конфуция]“, „Иероглифический состав (словник)“, „Троесловие“, „Подлинные рифмы Хунъю“ и др.» [Чжан Сипин 2016: 148]. Такие видные исследователи, как Дж. Легг и Р. Вильгельм, признавали подлинность «Кун-цзы цзя юй» [Kramers 1950: 13]. В 1878 г. была издана книга А.Б. Хатчинсона «Семейные высказывания Конфуция», где автором осуществлен перевод первых десяти глав «Цзя юй» [Hutchinson 1878]. Наиболее известный на данный момент перевод первых десяти глав, снабженный подробными комментариями, принадлежит Р.П. Крамерсу и был сделан в 1950 г., т.е. без учета результатов археологических раскопок 1973 и 1977 гг. [Kramers 1950]. Тем не менее Р.П. Крамерс приходит к выводу, что текст «Кун-цзы цзя юй» состоит из двух взаимопроникающих частей: оригинальный ранний текст переплетается с более поздними добавлениями, сделанными Ван Су [Goldin 1999: 135].

Даже беглое рассмотрение *основных вех изучения трактата* «Кун-цзы цзя юй» в мировой синологии позволяет делать вывод, что данный текст имеет непосредственное отношение к конфуцианской традиции и несет в себе непреходящую философскую ценность. Книга «Кун-цзы цзя юй» может быть интересна как для специалистов по древнекитайской философии, так и для всех интересующихся восточной мудростью. Это не случайно, ведь в ней не только освещены этические и онтологические постулаты конфуцианства, но и подробно раскрыто значение важнейших ритуальных практик, повлиявших на всю традиционную культуру Востока⁸.

⁸ Примечательно, что в ноябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин 习近平, посетив родину Кун-цзы г. Цюйфу (на территории пров. Шаньдун), в ходе встречи

3. Основные темы трактата «Кун-цзы цзя юй»

Охват тем, которые получают философское осмысление в «Цзя юй», чрезвычайно широк. Этот трактат представляет собой источник, по которому мы можем судить о конфуцианском учении, источник, повествующий о жизни и деятельности первого Учителя Поднебесной, а также об историческом фоне и ключевых моментах его биографии. Сам памятник представляет собой записи разговоров Кун-цзы с его ближайшими учениками и касается самого широкого спектра теоретических и практических вопросов. В самом общем виде их можно разделить на несколько тематических групп.

Одна из таких групп – *гармонизация Поднебесной путем добродетельного управления (дэ чжи 德治)*. К числу основ такого управления относятся: правомерность наказаний; выявление и сокрытие пороков правителя; семь наставлений и три принципа просвещенных ванов древности; характеристика человеческого Дао; любовь и уважение как основа социального взаимодействия; самосовершенствование и самоуважение как принципы морального взращивания; эффективное использование достойных мужей как политическая прозорливость; конфуцианское человеколюбие как один из принципов умиротворения народа; запрет и допущение самоубийства как выражение преданности правителю; принципы защиты Родины и др. Кроме того, в главе ХХХII «Ли юнь» («Движение ритуала»), которая почти полностью совпадает с одноименной главой из трактата «Ли цзи», дается характеристика общества Великого единения (*да тун 大同*)⁹: «Когда действовало Великое Дао, Поднебесная была общей,

в Научно-исследовательском институте Конфуция обратил особое внимание на две книги: «Кун-цзы цзя юй тун цзе» («Толкование „Речей школы Конфуция“» 孔子家语通解) и «Лунь юй цюань цзе» («Разъяснение „Бесед и суждений“» 论语诠解). Си Цзиньпин подчеркнул: «Эти книги мне стоит изучать самым серьезным образом» (Чжунхуа личжи ван 中华励志网 (Китайский интернет-ресурс «Воспитание стойкости»)). Тем самым руководитель КНР не только продемонстрировал личный интерес к философскому наследию древности, но и призвал изучать конфуцианскую мудрость, ставшую неотъемлемой частью современных политической и экономической культур КНР.

⁹ Термин «Великое единение» (*да тун 大同*) (в переводе В.М. Майорова – «великое согласие») впервые упоминается в гл. «Хун фань» «Шан шу» [Шан шу 2014: 294].

выбирали достойных и талантливых, заботились о верных и делали добро ближним. Вот почему родными человеку были не только его родственники, а детьми не только его дети. Старцы [спокойно] доживали свой век, людей в расцвете сил использовали [согласно способностям], вдовцы и вдовы, сирые и убогие имели пропитание. Не разрешалось бросать материальные блага на землю, но и не разрешалось копить их [без меры]. Порицалось не давать реализации своим силам, но и не разрешалось стремиться только к личной [выгоде]. Вот почему были сокрыты и не возникали коварные замыслы, не совершались грабежи и кражи, смуты и беспорядки, не запирались наружные двери дома. Это называлось Великим единением» [Кун-цзы цзя юй. Гл. XXII, 1]. Эпоха Великого единения полагается конфуцианскими мыслителями как идеальное состояние, в котором пребывала Поднебесная в период золотой древности¹⁰.

Важное место в тексте «Цзя юй» занимают рассуждения Кун-цзы и его учеников о необходимости *ритуальной практики*, поскольку, по их мнению, ритуалом умеряют распущенность, а сам ритуал представляет собой корень управления. Подробно разъясняются разновидности ритуала: ритуал встречи невесты, ритуал жертвоприношения, ритуал ношения траура, ритуал оплакивания, ритуальная уступчивость, ритуал приветствия, ритуал аудиенции у государя, а также традиционные для раннего конфуцианства вопросы педагогического и просветительского характера (наставление народа при помощи учения совершенномудрых древности, убеждение народа при помощи достойных людей; устрашение народа при помощи силы). Кроме того, в гл. V «Кун-цзы цзя юй» дается полная и развернутая характеристика таких положений конфуцианской доктрины, как поведение конфуцианца, его одежда и головной убор, аксиологическая составляющая конфуцианства, конфуцианец в качестве социально-политического корректора и т.п. Образ благородного мужа (*цзюнь-цзы* 君子) как носителя конфуцианской мудрости разворачивается в двух плоскостях – внутренней (*нэй* 内) и внешней (*вай* 外): «Он несет в себе человеколюбие и долг, его внешний вид не вступает в противоречие с внутренним содержанием» (VII, 6).

¹⁰ Данная концепция имеет прямое отношение к современной политической культуре Китая. Она получила свое воплощение в идее «Сообщества единой судьбы человечества» (*жэньлэй минъюнь гунтуанти* 人类命运共同体), которая была выдвинута Генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином в ноябре 2012 г. на XVIII съезде КПК.

Как и в конфуцианском корпусе годяньских рукописей¹¹, в «Цзя юй» раскрыта концепция *индивидуального синхронного опыта*¹², согласно которой человек не может ни игнорировать, ни прогнозировать позитивные или негативные события, которые определяются индивидуальной судьбой, дарованной Небом (*тянь* 天). А роль случайного стечения обстоятельств (*ши* 时) есть причина удачного или неудачного развития индивидуального опыта человека. Для интеллектуальной элиты, которая ждала своего часа во время заката эпохи Чжоу (1066–221 гг. до н.э.), эта идея отчасти была объяснением сложившейся исторической ситуации: тогда талант и выдающиеся качества не были гарантией возвышения и успеха в обществе, примером чему может служить судьба и жизненный путь самого Кун-цзы.

Кроме того, главы XI, XXV, XXXIII «Цзя юй» проливают свет на взаимоотношения двух великих философов древности – Кун-цзы и Лао-цзы. Подтверждается факт встречи Кун-цзы и Лао-цзы, о которой упомянуто и в других древних письменных памятниках: «Чжуан-цзы», «Ши цзи», «Люйши чуныцю» («Вёсны и осени Люй Бузыя»). Более того, в главе XI Кун-цзы прямо называет Лао-цзы своим учителем: «Я внимал [тому, что говорил] Лао Дань о том, как распространять древность и знать современность, как проникать в истоки ритуала и музыки, как просветлять Дао и Дэ. Он – мой учитель». Эти слова можно считать косвенным доказательством мировоззренческой близости раннего даосизма и раннего конфуцианства. Вообще вопрос о взаимосвязи раннего конфуцианства и раннего даосизма остается актуальной темой исследования в мировой синологии. Некоторые ученые полагают, что изначально традиционное, древнее конфуцианство и даосизм были близки в идейном плане, а «теоретические противоречия между различными течениями были в то время не столь остры, как их представляет позднейшая традиция,

¹¹ Годяньские рукописи были обнаружены китайскими учеными в октябре 1993 г. в процессе археологических раскопок древних захоронений в уезде Шаян пров. Хубэй (территория древнего царства Чу). По месту обнаружения близ деревни Годянь 郭店 рукописи на бамбуковых планках получили название «годяньские бамбуковые планки» (*годянь чжу цзянь* 郭店竹简). Китайские археологи обнаружили 804 планки трапециевидной формы, на 730 из них были начертаны знаки чуской письменности, всего около 13 тыс. иероглифов. Годяньские рукописи представляют собой философские тексты, они датируются концом IV – началом III в. до н.э. Подробнее о философском значении годяньских рукописей см.: [Ли Лин 2002].

¹² Термин австралийской ученой Ширли Чан [Chan 2011: 71].

и значительная часть конвенциональных ценностей разделялась большей частью или даже более или менее всеми мыслителями» [Гомулин 2013: 8].

Важно отметить, что в трактате «Кун-цзы цзя юй» содержатся сведения о 76 учениках Кун-цзы, которые названы поименно (гл. XII, XXXVIII), причем есть сведения, которые отсутствуют в других источниках, например в «Ши цзи». Вместе с тем сведения, приводимые в главе 67 («Чжун-ни ди-цзы ле чжуань» – «Жизнеописание учеников Конфуция») «Ши цзи», не всегда совпадают с той информацией, которую мы читаем в «Цзя юй» [Ян Чаомин. Цзы Юань]. Отдельная глава (гл. XVIII) трактата специально посвящена фавориту Кун-цзы – Янь Хуэю. В целом такое внимание к ученикам Кун-цзы рождает у читателя представление о конфуцианстве как об устоявшейся философской школе, где есть Учитель и ученики, которые слушают разъяснения Учителя, рефлексиируют над его словами, интерпретируют их и претворяют в жизнь. Конфуцианская школа предстает перед нами не как закрытый религиозный орден со своей жесткой иерархией, а скорее как живое сообщество любителей мудрости, в которой не возбраняется высказывать собственное мнение. Хотя авторитет Учителя чрезвычайно высок, но пиетет перед ним не есть слепое и фанатичное обожание, а в большей степени результат сознательного движения мысли. В этом смысле представление о Кун-цзы как о первом или одном из первых частных учителей Поднебесной является правдоподобным. В то же время едва ли можно говорить об обособленной конфуцианской школе (цзя 家) именно в европейском понимании – как о прочно связанной социальной организации. В данном случае необходимо помнить, что классификация философских школ древнего Китая была сделана историками¹³, а не философами, она носила явно выраженный библиографический характер, поэтому вряд ли в чистом виде отдельные философские школы существовали во времена жизни Кун-цзы.

Большое теоретическое значение имеет то обстоятельство, что в «Цзя юй» не только приводится генеалогия Учителя (гл. XI, XXXIX) и повествуется о его последних днях и смерти (гл. XL), но и дается

¹³ Первая классификация философских школ древнего Китая была осуществлена Сыма Танем 司马谈 (ум. 110 г. до н.э.) в трактате «Лю цзя» («Шесть школ»), который его сын Сыма Цянь включил в состав своего основополагающего исторического труда по истории древнего Китая – «Ши цзи».

его психологический портрет. Этот образ кажется очень искренним, правдивым, отчасти лишенным ореола святости. Кун-цзы предстает перед нами благородным философом, увещающим правителей царств, трактующим небесные знамения и обнаруживающим глубокое понимание основ общественной жизни, поэтому современники прямо называют его совершенномудрым (гл. XXXV). В то же время ему не чуждо ничто человеческое. Он бывает принципиален, даже жесток и беспощаден (гл. I – казнь карликов и шутов, гл. II – казнь луского сановника Шао Чжэнмао), бывает убит горем (гл. XL – скорбит по Янь Хуэю как по собственному сыну, гл. XLIII – смерть Цзы Лу повергает его в шок), бывает восхищен (гл. XX – выражает удовлетворение словами Янь Хуэя о сути Дао благородного мужа), печален (гл. XLIV – горько плачет, узнав от учеников, что ливень разрушил могилу его родителей) или полон благодарности (гл. VIII, где говорится, как скупец поднес ему похлебку). Он готов стерпеть обиду ради сохранения старой дружбы, даже когда друг ведет себя как низкий человек (гл. XXXVII); готов отбросить заносчивость ради великой цели – спасения Родины (гл. XXXVII), но стремится лишь к тому, чтобы стать благородным мужем, ведь «вся жизнь благородного мужа – радость, в ней нет и единого дня для печали» (XX, 2). Текст трактата отражает стремление к метафизической радости, радости гармонии с Поднебесной, радости политической и социальной стабильности своей страны, радости следовать заветам совершенномудрых прежних эпох. Представляется вероятным, что в «Цзя юй» рисуется объективный и реальный образ Первого учителя Поднебесной. Вот как говорит об этом тайваньский профессор Ци Сюйшэн 季旭昇: «С ранних лет нас учат уважать Кун-цзы. Кун-цзы – идеальный, священный и неприкосновенный персонаж... в „Кун-цзы цзя юй“ же мы читаем о человеческой природе Кун-цзы» [Ци Сюйшэн 2010: 6–7]. В тексте «Цзя юй» излагаются ключевые моменты жизненного пути Кун-цзы (назначения на пост министра в Чжунду, на пост советника по судебным делам и т.д.), его политические достижения и перипетии судьбы. Необходимо подчеркнуть, что если «Лунь юй» содержит подчас отрывочные цитаты, фрагментарный текст, из которого по крупницам приходится извлекать контекст повествования, то «Цзя юй» дает общую историческую картину жизни Кун-цзы, его современников и даже людей, живших в предшествующие исторические периоды (так, например, в гл. VIII, 9 дается

оценка моральных качеств основателя философского течения легизма – Гуань Чжуна).

Богатое содержание и разнообразная тематика «Цзя юй» представляют собой ценный материал, который раскрывает суть философии раннего конфуцианства. Отдельные фрагменты «Цзя юй» совпадают с такими классическими памятниками, как «Шу цзин», «Лунь юй», «Сяо цзин», «Чжун юн», «Ли цзи» и др. Говоря о взаимосвязи «Ли цзи» и «Кун-цзы цзя юй», российский синолог О.А. Бонч-Осмоловская высказывает предположение, что «Кун-цзы цзя юй» (или по крайней мере его часть) создавался как дополнение к «Ли цзи»: «Ли цзи, текст с более-менее достоверной родословной, действительно фиксирует различные диалоги наставников с учениками (был ли это сам Конфуций – вопрос, конечно, спорный), а уже на его основе и как дополнение к нему был создан „Кун-цзы цзя юй“» [Бонч-Осмоловская 2020: 31]. Профессор Роберт Эно (Robert Eno), приводящий в своем исследовании «Указатель параллельных фрагментов между „Тань гун“ и „Кун-цзы цзя юй“», полагает, что «тридцать процентов фрагментов обеих главы „Тань гун“ имеют параллели с пятью заключительными главами из „Кун-цзы цзя юй“» (Ено 2016: 2). Кроме того, в «Цзя юй» приводится множество цитат из протофилософского текста «Ши цзин».

3.1. Этика и эстетика: учение о ритуале

Одной из центральных тем философской доктрины трактата «Кун-цзы цзя юй», как уже говорилось, является учение о ритуале (*ли* 禮). Наиболее важные аспекты учения о ритуале изложены в четырех отдельных главах трактата (гл. VI «О ритуале», гл. XXVII «Суждения о ритуале», гл. XXXII «Движение ритуала», гл. XLII «Цзы Гун спросил о разнообразных [видах] ритуала»), а также в ряде других глав. Причем, как мы увидим из текста, этическая направленность этого учения часто превосходит эстетическую. Само понятие ритуала в конфуцианстве имеет широкий семантический диапазон: это и установленные церемониальные нормы, которые регулируют весь спектр общественной жизни индивида, и этическая константа, отвечающая за процесс личного самосовершенствования (*сюй шэнь* 修身) и надлежащего поведения. В отечественной и зарубежной науке не-

мало глубоких исследований, повествующих о сущности конфуцианского ритуала, здесь нет необходимости их повторять, поэтому обратимся непосредственно к внутреннему содержанию трактата «Кун-цзы цзя юй».

Ритуал в «Кун-цзы цзя юй» рассматривается и как внутреннее свойство индивида, и как внешний набор правил или норм. Он появляется тогда, когда Великое Дао (*da dao* 大道) предано забвению и когда минула эпоха Великого единения. Ритуал необходим для успокоения Поднебесной и укоренения нравственных оснований мироздания: «Посредством ритуала управляли человеческими чувствами, классифицировали духов-*гуй* и духов-*шэнь*, устанавливали траур, жертвоприношение, стрельбу из лука, инициацию, бракосочетание, аудиенцию, приглашение на службу. Поэтому, когда совершенномудрые поучали, руководствуясь ритуалом, Поднебесная могла выправиться» (XXXII, 1). Ритуал осмысливается автором «Кун-цзы цзя юй» как основа социального космоса и корень этического воспитания индивида. Ритуал – способ (канал) взаимосвязи между Небом и человеком: «[Ритуал] – великое отверстие, через которое достигают Дао Неба и следуют человеческим чувствам. Только совершенномудрые познали, что ритуал неиссякаем» (Там же). То, что связывает Дао Неба и Дао человека, называется ритуалом. В современном автору «Цзя юй» обществе нет ритуала, которым можно было бы гармонизировать страну: «Если ритуал не упорядочен, то служилые-*ши* не исполняют своих обязанностей, а народ не подчиняется. Такое государство называется больным» (Там же).

В главе I «Цзя юй» описывается официальная встреча луского Дин-гуна с циским правителем, в ходе которой циска сторона не раз нарушала ритуал (исполнение варварской музыки, выступление карликов и шутов перед правителями, пиршество после завершения встречи) и тем самым демонстрировала свою враждебность по отношению к лускому государю. Кун-цзы резюмирует такое поведение следующими словами: «Сажать пустоцвет и сорняк – позор для правителя, забывать ритуал – дурная слава [для него]» (I, 2). Забвение ритуала (*ци ли* 弃礼) – не просто нарушение укорененной культурной традиции, это – нарушение вселенской гармонизирующей силы, и потому такое поведение в отдельных случаях может караться очень жестоко, вплоть до смертной казни: «„Когда простолоудины вводят в заблуждение *чжухоу*, такое злодеяние должно наказывать казнью,

прошу правого воеводу-сыма немедленно наказать злодеев“. После чего карлики и шуты были казнены» (Там же). В данном случае казни ни в чем не повинных карликов и шутов, которые реализуют политические интересы и выражают намерения циских властных кругов, можно рассматривать как аналог показательного процесса. Целью такого публичного действия было предостережение для правителя царства Ци. На первый взгляд, действия Кун-цзы не согласуются с конфуцианской нравственной доктриной, однако в действительности они отражают идеал справедливости/долга (*и* 义).

По мысли Кун-цзы, действия, нарушающие ритуал, не только не этичны, но также не разумны, подобны тому, как «сажают пустоцвет и сорняк». Нарушать ритуал может только безумец, так как во внутреннем содержании ритуала уже заключена квинтэссенция знаний древних совершенномудрых. В главе I понимание норм ритуала не только помогает Кун-цзы следить за надлежащим исполнением необходимых при встрече двух правителей церемоний, но и оказывается выражением политической мощи царства Лу. Благодаря успешному исходу встречи «царство Ци вернуло Лу четыре захваченных поселения и земли в Вэньяне» (Там же), а Кун-цзы наглядно продемонстрировал эффективность своего учения.

Хотя трактат «Кун-цзы цзя юй» является политематическим философским сочинением, анонимный автор уделяет большое внимание анализу сущности ритуала. Более того, в «Кун-цзы цзя юй» подробно осмысляются разные виды ритуала, которые отражают многообразие человеческой деятельности, а именно:

- ритуал бракосочетания Сына Неба (*да хунь* 大婚), который является наивысшей точкой в проявлении уважения (*цзин* 敬): «В управлении на основании ритуала самым важным было уважение; предел уважения – это бракосочетание [Сына Неба]. Во время бракосочетания [Сын Неба] надевал парадный головной убор и приезжал за невестой в ее дом – в этом заключается уважение» (IV, 4);
- ритуал жертвоприношения Небу и Земле (*цзяошэ чжи ли* 郊社之礼), который «выражает гуманное отношение к духам» (XXVII, 1);
- ритуал большого жертвоприношения в храме предков (*дичан чжи ли* 禘尝之礼), который «выражает гуманное отношение к предкам» (Там же);

- ритуал жертвенного подношения пищи (*куйдянь чжи ли 饋奠之礼*), который «выражает гуманное отношение к мертвым» (Там же);
- ритуал стрельбы из лука и пир [для представления государю достойнейших учеников] (*шэсян чжи ли 射飧之礼*), которые «выражают гуманное отношение к землякам» (Там же);
- ритуал пиршества (*шисян чжи ли 食飧之礼*), который «выражает гуманное отношение к гостям» (Там же), помогает осуществить «добродетельное правление» (XXVIII, 2) и «выявляет иерархию между старшими и младшими, возрождает ритуальную уступчивость» (XXX, 1);
- ритуал вступления в брак (*хунь хунь 婚* или *хуньинь хунь 婚姻*), который «упорядочивает отношения между женщиной и мужчиной» (XXVI, 1);
- ритуал пиршества и стрельбы из лука (*сяншэ чжи ли 乡射之礼*), который помогает «самосовершенствоваться» (XXVIII, 1);
- ритуал загородного жертвоприношения Небу (*цзяо 郊*), который помогает «вернуться к истокам, быть в согласии с самим Первопредком» (XXIX, 1);
- ритуал жертвоприношения покойному, совершаемый после похорон (*санцзи чжи ли 丧祭之礼*), который представляет собой «обучение человеколюбию и милосердию... Дао того, как человеколюбивый сын неустанно поддерживает родителей» (XXX, 1);
- ритуал аудиенции, или прием местного князя-чжухоу государем (*чаопинь чжи ли 朝聘之礼*), который «разъясняет сущность долга» (Там же);
- ритуал поднесения стоворных даров родителям невесты (*хуньтинь чжи ли 婚聘之礼*), который «устанавливает различие между мужчинами и женщинами, выявляет чувство долга между супругами» (Там же);
- ритуал совершеннолетия (*гуань 冠*), который «неизменен, во всей Поднебесной нет более значимого ритуала» (XXXIII, 1);
- ритуал жертвоприношения духу очага (*цзаосы чжи ли 灶祀之礼*) (XLII, 7);
- ритуал жертвоприношения-и (*и 绎*) (XLIV, 11);
- траурный ритуал (*сан чжи ли 丧之礼*) (XLII, 11, 12, 13, 14, 15, 25, 26, 28, 29), в рамках которого выделяются трехлетний траур (*саньянь чжи сан 三年之丧*) (XLIII, 2, 16), траур в один год

- (цуй 衰) (XLIII, 4), траур в девять месяцев (*дагун* 大功), малый траур (*сяогун* 小功) (XLIII, 4), траур по матушке-воспитательнице (*цыму чжи сан* 慈母之喪) (XLIII, 12);
- ритуал похорон (*цзан* 葬) (XLIII, 12; XLIV, 5, 6, 7), в рамках которого выделяются похороны матери или жены (*му юй ци чжи сан* 母与妻之喪) (XLIII, 12), похороны тетки (*бому чжи сан* 伯母之喪) (XLIII, 12, 15), ритуал временного захоронения (*бинь* 殓) (XLIII, 6), малые похороны (*сяо лян* 小殓) (XLIII, 15), похороны *дафу* (*дафу чжи сан* 大夫之喪) (XLIV, 1), совместные захоронения (*хэ цзан* 合葬) (XLIV, 3). Отдельно описывается ритуал похорон (*цзан* 葬) и траура по Учителю, который осуществляли ученики после смерти Кун-цзы (XL, 4, 5, 6);
 - ритуал сватовства (*цюхунь чжи ли* 求婚之礼) (XLII, 30);
 - ритуальное омовение (*юй* 浴) (XLIII, 5);
 - ритуал кормления предков (*ши цзи чжи ли* 食祭之礼) (XLIII, 7);
 - жертвоприношение-*фу* (*фу* 祔), которое являло собой «начало поклонения духам предков» (XLIII, 10);
 - жертвоприношение при облегчении траура (*лян* 练), которое совершалось на 13-м месяце после смерти родителей (XLIII, 14);
 - ритуал вкушения (*чан* 尝), во время которого «совершают подношение съестным» (XLIV, 9).

Согласно конфуцианству, ритуал, являясь формальным установлением и официальным обрядом, который связан с общественной жизнью и маркирует значимые события в рамках социального космоса, устанавливает сопричастность, глубокую духовную связь с другими людьми (в том числе и с умершими предками), поддерживает и укрепляет связи внутри сообщества, а также возвращает этическую константу почтения (*цзунь* 尊) по отношению к человеческому бытию как таковому. При этом подлинная (т.е. соответствующая мере) эмоциональная составляющая превалирует над внешней последовательностью действий: «Во время погребального ритуала следуют подлинным качествам [выражения скорби]» (XLII, 11), поэтому ритуал всегда связан с чувствами, поскольку, с одной стороны, ритуальная практика предполагает возвращение должных чувств, а с другой стороны, без участия этих чувств невозможно осуществлять саму ритуальную практику. Иными словами, без подлинных чувств ритуал бесполезен. По мысли конфуцианских фило-

софов, осуществлять ритуальную практику необходимо, опираясь на чувство благоговения (*зун 恭*): «без благоговения нет ритуала» (XIX, 2). Оно, в свою очередь, наполняет ритуальные действия наивысшим духовным содержанием.

Конфуцианские мыслители превозносят погребальный ритуал не только потому, что он соответствует установлениям древних совершенномудрых ванов, но и потому, что они ценят жизнь человека. Так, Кун-цзы не только выступал против практики захоронения вместе с покойником реальных людей, но и даже был против использования погребальных статуэток (*оу 偶*), которые выглядели как настоящие люди (XLIV, 7). В «Кун-цзы цзя юй» мы находим пронзительный эпизод: Кун-цзы горько плачет, узнав о том, что из-за дождя разрушен могильный холм его родителей (XLIV, 3); это наглядно демонстрирует тот факт, что в сфере социального космоса ритуал является проявлением истинной сущности человека – человеколюбия (*жэнь 仁*): «Тот, кто может обуздать себя и обратиться к ритуалу, обладает человеколюбием» (XLI, 1). Именно ритуал отличает людей от животных, а ритуал и человеколюбие являются взаимозависимыми аспектами конфуцианской концепции человеческого Дао (*жэнь дао 人道*), т.е. принципами морали, на которых строится общество: «Ритуал и мера управляют плотскими страстями народа, выявляют благо и зло, следуют Небесному Дао» (XXX, 1). Ритуал и человеколюбие можно концептуально различить следующим образом: ритуал относится к церемониальной форме надлежащего поведения, человеколюбие – понятие более общее, оно характеризует не только внутреннюю сущность человека, но и принцип взаимодействия между людьми в рамках социума в довольно широком смысле слова.

Ритуал – это конкретный социальный инструмент для самосовершенствования и средство гармоничной человеческой коммуникации, поведенческая опора конфуцианской этики: «Поведение совершенного человека – постижение сокровенного и познание ритуала. В этом есть процветание добродетели» (XVIII, 1). Ритуал часто путают с политической властью или привилегиями, богатством или авторитетом, которые легче определить эмпирически, чем ритуальные действия. Но такое представление ошибочно, поскольку ритуал должен выражать человеколюбие и согласовываться с ним, в противном же случае это вообще не ритуал: «Когда богатство выше ритуала, жди беды» (XLII, 2).

Ритуал относится к обширному кругу норм поведения, начиная с определенной последовательности действий в ходе официальных церемоний (разного рода жертвоприношений, сватовства, аудиенции, приветствий и т.д.) и до более общих ограничений и предписаний, которые охватывают едва ли не весь спектр жизненных ситуаций, касаются надлежащего поведения в семье, на службе и т.д. и не входят в сферу официальных церемоний. Причем нормами ритуала определяются не только последовательность действий, но и используемая ритуальная утварь (*ли ци* 礼器), а также внешний облик (выражение лица, одяние, головной убор) участников церемонии вплоть до мельчайших деталей. Хотя формально нормы ритуала не носят обязательный характер, но, по сути, это утверждение касается лишь простолюдинов, поведение которых повторяет поведение правителя и высшего чиновничества, поэтому «благородный муж не смеет пренебрегать установленными [правилами] ритуала» (XXIX, 1). Ритуал в конфуцианстве выступает в качестве инструмента, благодаря которому можно гармонизировать нравы общества, укрепить древние культурные традиции, определить внутреннее содержание норм поведения внутри общества. Когда конфуцианец следует ритуализированному поведению, он тем самым демонстрирует другим членам социального космоса (посредством движений, выражения лица, походки, тембра голоса и др.), что они нравственно скреплены в единую семью (для этого и устраивается ритуал пиршества) и что каждый в рамках такой семьи заслуживает внимания и уважения: «Стремиться поступать должным образом, совершенствоваться в ритуале, относиться ко всем людям на тысячи *ли* как к своим братьям. Если не стремиться поступать должным образом и не совершенствоваться в ритуале, то и живущие по соседству не пожелают связываться с тобой» (XV, 21).

Единство и устойчивость государства в связи с этим будут зависеть от бесчисленных взаимодействий между отдельными людьми: «Если руководствоваться ритуалом, то в стране будет стабильность» (XXV, 1); «Царствовать, не опираясь на ритуал, – это бедствие [для Поднебесной]» (XXXII, 1). Поэтому ритуал всегда требует индивидуальной включенности, личной заинтересованности тех, кто в нем участвует, и этим он отличается от безличного и деперсонифицированного закона (*фа* 法), о котором говорили легисты. Вместе с тем ритуал дает строгие предписания для действий, тем самым ограждая

пространство социального космоса от вседозволенности и безнравственности, поэтому самоограничение и скромность являются необходимыми условиями нравственного совершенствования. Кроме того, ритуал, поскольку он создан совершенномудрыми людьми древности, является калькой природных процессов и фиксацией основополагающих принципов мироздания, поэтому чужд принуждению и искусственности. Хотя порядок ритуального действия четко регламентирован, он рождает чувство подлинного естества, гармоничен и обладает спонтанностью, происходит как бы сам по себе, без внешних усилий.

В «Кун-цзы цзя юй» описан ряд случаев, когда, поступая вразрез с ритуалом, благородный муж (*цзюнь-цзы* 君子) в широком смысле следует принципам человеколюбия, которые вмещают в себя ритуальное поведение и вместе с тем сохраняют личную заинтересованность на уровне взаимоотношений между людьми: «Жил в царстве Лу один скупец, как-то раз он сварил похлебку, попробовал и решил, что похлебка удалась. Налил похлебку в глиняный горшок-треножник и преподнес Кун-цзы. Кун-цзы с такой радостью принял похлебку, будто это было ритуальное кушанье. Цзы Лу спросил: „Сосуд сделан грубо, похлебка тоже самая простая, почему же Учитель так рад?“ Учитель ответил: „Потому что хороший советник думает о государе, тот, кто ест вкусную пищу, вспоминает о своих родных. Я ценю не столовую утварь, я ценю то, что, вкушая пищу, [этот человек] вспомнил обо мне“». Далее говорится: «Кун-цзы был в царстве Чу, один рыбак преподнес ему рыбу. Но Кун-цзы отказался, тогда рыбак сказал: „День сегодня жаркий, а рынок далеко, где мне продать рыбу? Чем выбросить ее, не лучше ли преподнести благородному мужу? Поэтому я и посмел подойти к вам“. Тогда Учитель дважды поклонился и принял [подарок]. Затем он велел ученикам подмести пол и приготовиться к жертвоприношению рыбой. Ученики спросили: „Этот [человек] хотел выбросить [рыбу], а Учитель собирается принести ее в жертву, почему же?“ Кун-цзы ответил: „Я слышал, что если человек, приготовив пищу, сожалеет, [если она испортится], и отдает ее другому, то такого называют человеколюбивым. Где же это видано, чтобы не принести в жертву то, что отдал тебе человеколюбивый?“» (VIII, 2, 3). В обоих приведенных выше фрагментах обнаруживается антропоцентрическая направленность конфуцианского учения, максимальная включенность философии

в социальную сферу. Все вопросы конфуцианства, будь то вопросы этические, эпистемологические или эстетические, в конечном счете сводятся к человеку и к его природе (*син* 性). Идеал человека в конфуцианстве воплощен в образе благородного мужа, который всегда мыслится не изолированно, а в рамках семьи и общества. Общество понимается как макросемья, в нем действуют те же нравственные законы, что и в семье. Своим поведением Кун-цзы демонстрирует заботу о другом, подчеркивает, что различие между благородным мужем и ничтожным человеком – различие не социальное, а этическое. Конфуцианское определение человека как такового – это прежде всего нравственное определение, которое сразу выявляет отличие человека от других существ. Ритуал и человеколюбие в этом плане полагаются специфически антропологическими характеристиками, они выступают мерилем морального начала в индивидууме: «Ритуал для человека – словно закваска для вина. В благородном муже он крепок, в низком человеке он слаб» (XXXII, 1).

Конфуцианская этика не была оторвана от политических и социальных реалий, поэтому в «Кун-цзы цзя юй», как и в ряде других текстов («Лунь юй», «Чжун юн», «Да сюэ»), магистральными являются политические принципы должного управления страной. Кун-цзы разработал систему, которая призвана была контролировать и сдерживать насилие путем следования добродетели, исходящей от Неба, но культивируемой путем воспитания ритуальной уступчивости и обучения древним канонам («Ши цзин», «Шу цзин», «И цзин»): «...Кун-цзы наказывает [ученикам] сначала изучить „Ши цзин“ и „Шу цзин“, руководит ими на основании сыновней почтительности и уважения к старшим братьям, говорит о человеколюбии и долге, сближает посредством ритуала и музыки, затем завершает [обучение] на основании культуры и добродетели» (XII, 1).

Целесообразно отметить, что ритуал не только являлся важной частью придворной жизни царствующего дома, но и обладал эстетическим и этическим содержанием (ритуал и прекрасен, и добродетелен одновременно), поэтому вполне естественна и закономерна связь ритуала с музыкой (*юэ* 乐): «Благородные мужи древности при встрече не обязательно разговаривали друг с другом, но выражали [почтение] посредством ритуала и музыки. Ритуал – это порядок, музыка – это мера. Без порядка не действуй, без меры не делай» (XXVII, 1). Благородные мужи, опирающиеся на ритуал и музыку,

предстают в качестве руководителей культурной трансформации, они соотносят свое поведение с порядком (*ли* 理) и мерой (*цзе* 节). Кроме того, ритуал не был оторван от других, более приземленных аспектов политической и социальной традиций. Вместе с тем ритуал осмыслялся в качестве составляющей конфуцианской доктрины об управлении на основании добродетели (*вэй чжэнь и дэ* 为政以德) в противовес управлению на основании наказаний (*син* 刑) и законов: «Ритуал – то, что приводит в порядок дела. Если у благородного мужа есть какое-то дело, его надлежит упорядочивать. Если управлять страной, не опираясь на ритуал, это подобно тому, как слепому [ходить] без поводья, разве сможет он достигнуть цели?» (XXVII, 1).

Хотя использование законов и наказаний разграничивает нормы надлежащего и ненадлежащего поведения и принуждает людей к совершению приемлемых с точки зрения социального устройства поступков, однако страх наказания может заставить человека делать все, что угодно, лишь бы избежать его. В рамках конфуцианской идеальной модели общества народ добровольно, без принуждения подчиняется монарху, копирует его поведение. Вместе с тем люди усваивают нормы ритуального поведения как активно, так и пассивно: активно, когда индивид осознанно подражает добродетельным «верхам», желая тоже стать добродетельным и продемонстрировать свои благие качества; пассивно, когда он придерживается ритуальных норм неосознанно, без какого-либо сознательного желания или намерения, а просто потому, что неоднократно уже поступал подобным образом.

В периоды великих потрясений, политической нестабильности и общественных волнений конфуцианская доктрина об управлении Поднебесной на основании ритуала имела важное теоретическое и практическое значение. Хаос в рамках социально-политического космоса в большей степени объяснялся тем, что «верхи» переставали транслировать «низам» нормы ритуального поведения, т.е. смута среди правящего класса порождала смуту в народе. Таким образом, выполнение задачи должным образом трансформировать поведение народа требовало начать с реформирования поведения власть имущих. Здесь следует отметить, что для достижения состояния гармонии и порядка в стране необходима аристократия, которая будет обладать конфуцианскими добродетелями, и благодаря этим добродетелям влиять на народ, побуждая его к нравственному совершенству.

вованию: «Среди всех живущих в мире важен ритуал. Без ритуала нельзя служить духам Неба и Земли, без ритуала не разделить правителя и чиновника, высших и низших, старших и младших, без ритуала не установить отношения между мужчинами и женщинами, между отцами и детьми, между старшим и младшим братьями, не установить брачные отношения и отношения родства, не различить близких и дальних родственников. Вот почему благородный муж сначала сам почитает ритуал, а затем с его помощью обучает народ послушанию, непрестанно [обучает] соответствию с границами [ритуала]» (VI, 1).

Суммируя все сказанное, необходимо подчеркнуть, что ритуал в «Кун-цзы цзя юй», во-первых, выступает в качестве средства для гармонизации Поднебесной и укоренения нравственных основ мироздания; во-вторых, маркирует глубинную духовную связь индивида с другими людьми, поддерживает и укрепляет связи внутри сообщества, развивает почтительное отношение к человеческому бытию; в-третьих, представляет собой поведенческую опору конфуцианской этики; в-четвертых, является калькой природных процессов, поэтому чужд принуждению и искусственности; в-пятых, осмысливается в качестве компонента конфуцианской доктрины об управлении на основании добродетели.

3.2. Социально-политическая философия: роль наказаний и феномен суицида

Проблематика социально-политической философии в «Кун-цзы цзя юй» в целом разрабатывается в русле древнего конфуцианского учения. Анонимный автор трактата задается вопросами о принципах руководства народом и необходимости соблюдения ритуала, который является гармонизирующей для общества силой (гл. I); обсуждается сущность норм общественно регулирования, которые благородный муж внедряет в рамках социально-политического космоса, а также условия применения разных видов наказаний (гл. II, XXX, XXXI); Дао прежних ванов древности рассматривается как часть доктрины о человеческом Дао (гл. III, XXIII), этическая проблематика («пять учений») – как часть политической стратегии, включая образ идеального конфуцианского бюрократа, обладающего человеко-

любием и руководствующегося добродетелью (гл. VIII, XXI); приводится в качестве примера образ достойных правителей и чиновников того времени (гл. XIII); перечисляются принципы эффективного управления государством: не расточать богатства, наставлять чиновников, основываться на принципе экономии, одобрять ближних и покорять дальних, пять способов увещевания государя (гл. XIV, XXXI); рассматриваются место и роль конфуцианских канонов в процессе воспитания народа (XXXVI) и др.

В отличие от трактата «Лунь юй», в котором главным образом формулируются принципы человеколюбивого и добродетельного правления (*жэнь чжэнь дэ чжи* 仁政德治), «Кун-цзы цзя юй» содержит немало материала, по которому можно судить о теоретической разработке в рамках конфуцианской философии использования карательных мер. Классический письменный памятник «Шан шу» относит возникновение системы карательных мер ко времени правления идеальных государей древности – Яо и Шуня. В главе «Шунь дянью» («Установления Шуня») сказано: «[Шунь] ввел нормы для определения наказаний. Ссылкой заменялись пять наказаний... За ненамеренные и случайные [преступления] освобождали от наказания. За умышленные преступления наказывали. Осторожно и [очень] осторожно [наказывали]! Наказывали обдуманно! ...Для пяти наказаний [должны] быть [соответствующие] обстоятельства... В ясном разборе добьешься должного определения [наказания]» [Шан шу 2014: 45–53]. Вряд ли можно воспринимать это упоминание как хронологически точное историческое свидетельство, нам важно отметить, что уже в «Шан шу» упор делается на то, что «пять [видов] наказаний»¹⁴ нельзя применять бездумно. И эта традиция, бесспорно, находит продолжение в учении Кун-цзы, политические воззрения которого основаны на управлении государством посредством добродетели (*дэ* 德) и через следование ритуалу.

Кун-цзы полагал, что наказания необходимы для наставления и искоренения пороков, однако предотвратить преступления можно только на основании добродетели. Более того, злоупотребление наказаниями ввергает страну в хаос, получает резкий отпор и неприятие со стороны народа. Эта идея подтверждается и цитатой из «Шан шу», где в главе «Лю син» («Наказания по Люю») сказано:

¹⁴ «Пять [видов] наказаний» (*у син* 五刑) – клеймение, отрезание носа, отрубание пальцев (ступней) на ногах, кастрация, смертная казнь.

«Казнили и убивали невинных. Начали огульно применять отсечение носа, отрезание ушей, кастрацию, клеймение. Так что давали наказания безо всякого порядка, не делая различия между виноватыми [и невинными]. Люди принялись обманывать друг друга, и [все] пошло вкривь и вкось» [Шан шу 2014: 518]. В данном случае уголовные наказания и штрафы рассматриваются в качестве орудия для перевоспитания народа. Добродетель – основной метод в стремлении к политическому идеалу, а использование наказаний оправдано лишь в крайних случаях. Концепция осторожности в наказаниях (*шэнь фа* 慎罰), также берущая свое начало в трактате «Шан шу», со временем стала традиционной для конфуцианской мысли: «Твой сиятельныйший покойный отец Вэнь-ван умел отличать добродетельных и быть осторожным в наказаниях» [Шан шу 2014: 342].

Большинство исследователей полагают, что данная концепция появилась в начале правления древней династии Чжоу и, по всей видимости, ко времени жизни Кун-цзы представляла собой лишь умо-зрительный идеал, не была принята властью имущими в качестве руководства к действию и не применялась повсеместно. И тогда наказания стали едва ли не единственным способом общественного контроля: «Ныне все не так, наставления беспорядочны, а наказания многочисленны, поэтому народ сбит с толку, его не только ложно обвиняют, но и [жестoko] подавляют. Потому наказания многочисленны, но преступников не становится меньше» [Кун-цзы цзя юй. Гл. II, 2].

Очевидно, что конфуцианская этика не была оторвана от политических и социальных реалий, поэтому и в «Лунь юй», и в «Кун-цзы цзя юй» магистральными являются политические принципы должного управления. Кун-цзы разработал систему, которая была призвана контролировать и сдерживать насилие путем следования добродетели, исходящей от Неба и культивируемой путем воспитания и обучения. Например, в главе «Вэй чжэн» («Об управлении») трактата «Лунь юй» сказано: «Если вести [народ] посредством указов, а выравнивать посредством наказаний, то народ будет остерегаться, но не будет испытывать стыда. Если вести [народ] посредством добродетели, а выравнивать посредством ритуала, то народ будет испытывать стыд, и к тому же не будет выходить за рамки» [Лунь юй. II, 3]¹⁵. Таким образом, использование наказаний неэффективно для

¹⁵ Здесь и далее, если не указано иное, источники цитируются в нашем переводе.

того, чтобы породить чувство стыда (*чи* 恥) в рядовых гражданах. По Кун-цзы, сама угроза внешнего наказания подрывает возвращение внутреннего личного стыда. Иными словами, каждый индивид обязан поступать должным образом не из страха наказания, а потому что стремится придерживаться норм ритуала, которые сформулированы еще совершенномудрыми.

В рамках конфуцианской социально-политической философии простой народ подчиняется монарху без всякого внешнего давления, подобно тому, как маленькие дети подчиняются воле отца не потому, что боятся наказания, а потому, что авторитет отца в их глазах настолько высок, что не приходит в голову поступить иначе. Вместе с тем было бы нецелесообразно утверждать, что Кун-цзы категорически отрицал управление на основании закона. Согласно «Кун-цзы цзя юй», Учитель лишь утверждал примат добродетели, которая стоит над законом и дополняется им, но не пренебрегал последним: «[Управлять] на основании добродетели и закона. Добродетель и закон – инструменты управления народом точно так же, как удила и узда – инструменты управления лошадью» (XXV, 1). В этом отношении само наказание необходимо лишь в том случае, если преступление идет в разрез с принципами добродетельного управления и совершается низким человеком (*сяо жэнь* 小人). В конфуцианстве благородный муж (*цзюнь-цзы*) – это нравственный образец, который противопоставляется низкому человеку. Низкий человек – воплощение эгоистического начала, ему чужды альтруизм и жертвенность благородного мужа. Именно этическое, а не социальное различие между *сяо жэнь* и *цзюнь-цзы* является определяющим: *цзюнь-цзы* близок к Дао, а *сяо жэнь* далек от него. Преступление, которое совершает *сяо жэнь*, направлено против добродетели и человеколюбия, а следовательно, и против человечества в целом. Такого рода действия караются максимально строго, вплоть до смертной казни. Подтверждение этому находим в главе II «Кун-цзы цзя юй» – «Ши чжу» («Начать казнь»), где Кун-цзы отвечает на вопрос своего ученика Цзы Гуна относительно целесообразности казни луского сановника Шао Чжэнмао: «В Поднебесной есть пять видов зла, и воровство не входит в этот список. Первое – сердцем идти наперекор [Дао] и представлять опасность [для людей], второе – выделяться недолжным поведением и упорствовать в этом, третье – произносить фальшивые речи и искусно пользоваться этим, четвертое – записывать непри-

стойные вещи и распространять их повсеместно, пятое – следовать недолжным речам и недолжному поведению и притом приукрашивать их. Если кто-то обладает хотя бы одним из пяти видов зла, то уже заслуживает казни, а Шаочжэн Мао обладал всеми из них» (II, 1).

В историко-философской науке нет единого мнения относительно исторической достоверности приведенного события. Вот что пишет, например, видный российский синолог Л.С. Переломов: «В 500 г., когда Конфуцию исполнилось уже 52 года, он был назначен на одну из высших должностей в государстве Лу – главой судебного ведомства. Именно в этот период его деятельности в Лу был совершен беспрецедентный акт: по решению Конфуция был казнен аристократ Шао Чжэнмао за неподчинение верховной власти... В достоверности этого эпизода в жизни Конфуция, приверженного принципам гуманности и добродетели, сомневалось немало исследователей» [Четверокнижие 2004: 16]. Вместе с тем повествование о казни Шао Чжэнмао содержится, кроме «Цзя юй», в трактате «Сюнь-цзы» [«Сюнь-цзы», гл. 28, чж. 2], а также упоминается в ряде других текстов. Строго говоря, действия, совершенные Шаочжэн Мао, не носили уголовный характер, но представляли собой «недолжное (преступное) поведение» (*син би* 行辟), идущее вразрез с нормами конфуцианской морали. Казнь Шаочжэн Мао, по-видимому, имела еще воспитательный и устрашающий характер, именно поэтому, как сказано в нашем источнике, «труп казненного висел на башне у ворот дворца в течение трех дней» (II, 1).

Автором «Цзя юй» в указанной главе постулируется необходимость казни как крайней меры наказания для тех, кто «вносит смуту в управление» (*луань чжэн* 亂政) и «идет наперекор» (*ни* 逆), дабы пресечь возможность объединения «в группы единомышленников» (*чэн дан* 成党), искоренить малое зло и тем самым избежать большого зла. В данном случае казнь – это не вопрос о наказании отдельно взятого индивидуума, нарушающего закон, а скорее вопрос о сохранении этической и социальной гармонии. Поэтому никакого противоречия в действиях Кун-цзы мы не находим, ведь даже, как сказано там же, «Вэнь-ван казнил Пань Чжэна». Развивая теорию управления Поднебесной на основе соблюдения добродетели и ритуала, Кун-цзы вместе с тем предусматривал штрафы, наказания и даже смертную казнь. В той же главе «Цзя юй» Учитель конкретно оговаривает те условия, при которых смертная казнь возможна:

«Если верхи наставляют недолжным образом, в том нет вины народа. Тот, кто несвоевременно передает приказы и радуется о казнях, – предатель. Тот, кто собирает налоги в неположенное время, – злодей. Тот, кто вводит неопробованные [опытом] законы, – деспот. Только если [в стране] исключены три вышеперечисленные ситуации, тогда можно казнить».

Казнь Шаочжэн Мао была удивительна и в то же время показательна с той точки зрения, что смертный приговор был вынесен и приведен в исполнение в отношении высокопоставленного чиновника *дафу*. Неудивительно, что в «Кун-цзы цзя юй» (I, 2) приведены примеры казни и простолюдинов. Понятно, что казнь карликов и шутов, о которой говорилось выше, была стратегически необходима Кун-цзы для того, чтобы продемонстрировать политическую мощь царства Лу. В то же время необходимость наказания была продиктована попыткой соблюсти и закрепить равновесие, установить отношения двух равных властителей («наши два правителя хорошо ладят между собой»), а также показать цискому правителю, что «забывать ритуал – дурная слава». Поскольку ритуал призван поддерживать не только личную индивидуальную целостность, но и стабильность социальной стратификации, за его нарушение полагается кара. Так наказание становится своего рода продолжением ритуала, где сторона, которая отказывается поддерживать гармоничное устройство Поднебесной, принуждается к этому. Это утверждение справедливо и в отношении Шаочжэн Мао. Кроме того, два эпизода смертной казни (Шаочжэн Мао и циских шутов) характерны с той точки зрения, что, согласно конфуцианским воззрениям, социальное положение индивида не может быть критерием его нравственности.

Разумеется, абсолютно неправомерно представлять Кун-цзы кроважидным мучителем, который использовал собственное положение при дворе для осуществления личной мести или в целях поднятия своего авторитета в обществе. Хотя порой наказания неизбежны, но конфуцианство в первую очередь подчеркивает необходимость претворять в жизнь устои нравственного воспитания, наставлять и просвещать, побуждать к благу. Конфуцианская этика вообще преуменьшает роль юридического принуждения как метода управления, а вместо этого делает акцент на моральном увещании и вдохновении поданных. В условиях тирании (деспотичного правления) действует зеркальная ситуация, которая выражена в концепции,

закрепленной в «Лунь юй»: «казнить без [предварительного] обучения» (*бу цзяо эр ша* 不教而杀) [Лунь юй. XX, 2]. Тогда наказания совершаются без наставлений, ими пользуются как единственным и достаточным инструментом для контроля в обществе, о чем в «Цзя юй» говорится: «Увы! Когда верхи теряют Дао, они начинают умертвлять низших. В этом нет истины! Не наставлять [народ] на основании сыновней почтительности, а закрывать в тюрьмы – это истребление невинных» (II, 2).

Идейный пафос конфуцианства заключается в том, что при должном правлении карательные меры становятся бессмысленны и безосновательны. Конфуцианская традиция возлагает ответственность за наказания на правителя, объясняя их необходимость неудачами в сфере политики. Наказания приходится применять тогда, когда в управлении существуют перекосы, когда правители страны погрязли в разврате, когда утерян духовный центр (*чжун* 中), когда не придерживаются меры (*ду* 度). В «Кун-цзы цзя юй» говорится: «Жань Ю спросил Кун-цзы: „В древности три владыки и пять государей не использовали пять видов наказаний, не так ли?“ Кун-цзы ответил: „Совершенномудрые охраняли [добродетель], ценили отсутствие преступлений. Не придерживались правления на основании пяти видов наказаний, так как осуществляли идеальное правление. Блуд, воровство, беззаконие и противоправные действия обычного человека происходят из-за недостаточности. Недостаточность происходит из-за отсутствия меры, нет меры – тогда низший ворует, а высший расточает, и тот, и другой не знают правил“» (XXX, 2). Таким образом, функция наказаний заключается в том, чтобы выявить эту недостаточность, маркировать отсутствие меры. В конфуцианской традиции способом изменить данное положение дел является дальнейшее усилие в образовании и самосовершенствовании. Конфуцианская философия сформировала идеал должного индивидуального культивирования, где наказания могут прекратить существование в случае, если Сын Неба человеколюбив и следует ритуалу.

Идеальное правление (*чжи чжи* 至治), которое осуществлялось в период легендарной древности, конфуцианской утопии, когда престол занимали совершенномудрые, характеризуется, в частности, отсутствием наказаний. Хотя сама пенитенциарная система и существовала, но не было необходимости пользоваться ей, так как «три владыки и пять государей» (*сань хуан у ди* 三皇五帝) в полной мере

обладали добродетелью. Следовательно, отсутствовал и сам феномен правонарушений. Очевидно, что времена такого гармоничного устройства давно минули, и теперь перед конфуцианскими мыслителями стоит ряд насущных вопросов: каким образом стабилизировать положение в Поднебесной? Какая роль отводится наказаниям? В связи с этим отдельная глава «Цзя юй», озаглавленная «Наказания и принципы управления» (*син чжэн 刑政*), посвящена проблеме использования карательных мер в политической системе: «Когда управляет и преобразовывает совершенномудрый, он непременно совмещает принципы управления и наказания. Во времена Великой древности обучали народ с помощью добродетели, уравнивали с помощью ритуала, ныне же руководят народом с помощью указов, пресекают [преступления] с помощью наказаний, карают тех, кто не соблюдает закон» (XXXI, 1). По мысли автора «Кун-цзы цзя юй», правитель карает подчиненных не для того, чтобы отомстить, изувечить, причинить зло, но для того, чтобы в дальнейшем избежать наказаний. Конфуцианская традиция допускает наказания, но, в отличие от легистской, не полагается на них всецело. В ряде случаев карательные меры представляют собой часть воспитания, но от них должно отказаться, если это возможно.

Как добиться искоренения наказаний? В «Цзя юй» устами Кун-цзы дается вполне конкретный ответ на этот вопрос: руководство «семью наставлениями» (*ци цзяо 七教*) снимает необходимость применения уголовных мер. «Если совершенствуют „семь [наставлений]“, то в пределах четырех морей народ не подвергают наказаниям» (III, 7). Таким образом, над силой принуждения стоит сила наставления, образования, просвещения. Ответственность за осуществление «семи наставлений» возлагается прежде всего на Сына Неба. В рамках конфуцианской традиции подлинное знание (*чжи 知*) с необходимостью порождает должное действие (*син 行*), согласное с приобретенными знаниями. Для начала необходимо сказать несколько слов о том, что в тексте «Кун-цзы цзя юй» понимается под «семью наставлениями»: «Когда верхи уважают старших, то у низов процветает сыновняя почтительность; когда верхи почитают стариков, то у низов процветает братская любовь; когда верхи творят благие дела, то у низов процветает великодушие; когда верхи испытывают родственную близость по отношению к достойным, то низы разборчивы в выборе друзей; когда верхи любят добродетель, то ни-

зы не скрывают ошибки; когда верхи презируют алчность, то низы стыдятся вести судебные тяжбы; когда верхи придерживаются ритуальной уступчивости, то низы стремятся быть умеренными. Вот что называется „семь наставлений“. „Семь наставлений“ – корень управления народом» (III, 6). Таким образом, общественная стабильность, социальная гармония зиждется на конфуцианских этических постулатах, на моральной норме «семи наставлений», без них любое политическое правление обречено на провал. Осуществление «семи наставлений» в рамках страны начинается с требования к государю стремиться к самосовершенствованию и нравственному воспитанию на уровне всех ступеней чиновничества. Образ подлинного конфуцианского бюрократа определяется через неукоснительное следование Дао, отсутствие персональной выгоды и уважение к закону. В трактате «Кун-цзы цзя юй» образ благородного мужа даже в случае применения наказаний неразрывно сопрягается с добродетелью. Благородный муж предстает воплощением самой сути правосудия, которое основано, во-первых, на соблюдении закона (никакого негативного отношения к закону здесь мы не обнаруживаем) и стремлении к добродетели, а, во-вторых, на осмотнительном использовании наказаний. Только тот, кто бесстрастно придерживается закона, имеет великодушное сердце, сможет изменить нравы народа и защитить людей. Гарантом правосудия в таком случае выступает конфуцианский аристократ, он справедлив, так как «Небо породило благородного мужа, его Дао незыблемо» (VIII, 4). В эпоху политической нестабильности, когда монаршая власть пришла в упадок, а власть *чжунху* набирала силу, когда порой отсутствовал единый критерий определения виновности преступника, а карательные меры применялись беспорядочно, именно благородный муж возлагает на себя миссию умиротворения Поднебесной, искореняя социальные пороки века.

На основании предварительного анализа материалов трактата «Кун-цзы цзя юй» относительно роли наказаний в конфуцианской философии можно сделать следующие выводы:

1. В рамках конфуцианской идеальной модели политического устройства управление народом в первую очередь строится на основании добродетели. Такое управление базируется на господстве конфуцианских этических постулатов и осуществляется не

посредством принуждения и насилия, а посредством научения и просвещения. В рамках неидеального общественного порядка применение наказаний необходимо, но следует стремиться к их минимизированию.

2. Наказания выступают не столько в качестве индивидуальной расправы, изменения поведения конкретного индивида, сколько в качестве попытки установления всеобщей гармонии, равновесия в рамках социально-политического космоса. В связи с этим даже казнь луского аристократа Шаочжэн Мао (если, конечно, являлась реальным историческим фактом, как свидетельствует «Цзя юй» и ряд других источников) не противоречит конфуцианской доктрине о должном управлении государством.

3. Хотя карательные меры (вплоть до смертной казни) могут применяться, но в то же время постулируется необходимость осмотрительного использования наказаний, налагается запрет на «казнь без [предварительного] обучения». В противном случае страна ввергается в хаос, а общественное неприятие власти возрастает. Таким образом, наказания применяются, только если увещания и наставления оказываются неэффективными. При этом Сын Неба должен стремиться избегать карательных мер.

4. В трактате «Кун-цзы цзя юй» наказания носят воспитательный (являются частью воспитания), охранительный (охраняют целостность общества, в котором каждый занимает свое строго отведенное место) и гармонизирующий (являются способом гармонизировать Поднебесную) характер. Конфуцианский благородный муж, являясь образцом человеколюбия, обеспечивает незыблемость закона, осуществляет правосудие, так как следует Дао и не руководствуется соображениями личной выгоды.

Кроме того, в рамках социально-политической философии в «Кун-цзы цзя юй» затрагивается вопрос о *ценности человеческой жизни*, ее соотношении с моральными категориями, а также об условиях совершения суицида. В связи с этим автору настоящей статьи представляется целесообразным рассмотреть следующие аспекты: как традиционное конфуцианство относилось к жизни и смерти, существовали ли случаи, когда самоубийство осмыслялось в качестве проявления конфуцианских этических констант, а также проследить истоки воззрений на суицид в раннеконфуцианских философских текстах, в частности в трактате «Кун-цзы цзя юй».

Для начала обратимся к главе VIII трактата «Кун-цзы цзя юй», которая называется «Чжи сы» («Тщательно обдумывать») и подробный анализ которой провели профессор Ян Чаомин и доцент Шаньдунского педагогического университета Чжан Лэй 张磊 [Ян Чаомин, Чжан Лэй]. В данной главе приводятся разнообразные рассуждения Кун-цзы относительно социально-политической, а также духовной и интеллектуальной жизни, в том числе имеющие непосредственное отношения к феномену суицида. Девятый чжан данной главы посвящен обсуждению личных качеств мыслителя Гуань Чжуна 管仲. Основной вопрос этого обсуждения заключается в том, соответствуют ли действия Гуань Чжуна Дао человеколюбивого мужа (*жэнь жэнь чжи дао* 仁人之道). Ученик Кун-цзы Цзы Лу 子路, желающий получить ответ на этот вопрос, полагает, что Гуань Чжун не обладает заслугами, и едва ли его можно называть добродетельным человеком. Однако Кун-цзы дает свою оценку личности Гуань Чжуна, и эта оценка напрямую связана с конфуцианскими воззрениями на суицид: «Цзы Лу спросил у Кун-цзы: „Что за человек Гуань Чжун?“ Кун-цзы ответил: „[Он] человеколюбивый“. Цзы Лу сказал: „Некогда Гуань Чжун увещевал Сян-гуна, но тот не послушался, [значит, Гуань Чжун] не разделял [хорошего и плохого]. Он желал поставить [у власти] Гун-цзы Цзю, но не смог, [значит], не обладал мудростью. В царстве Ци семья [Гуань Чжуна] была истреблена, а он не горевал, [значит], не был милостив [к людям]. [Гуань Чжун] носил оковы и наручники, жил в арестантской клетке, но не стыдился этого, [значит], был бессовестным человеком. Он служил государю, которого [некогда желал] убить, [значит], не обладал честностью. Шао Ху умер [за Гун-цзы Цзю], но [Гуань Чжун] не поступил так же, [значит], не был преданным“. Кун-цзы ответил: „Гуань Чжун увещевал Сян-гуна, но тот не послушался, поэтому спрашивать надо с *гуна*. Желал поставить [у власти] Гун-цзы Цзю, но не смог, так как не представилось подходящего случая. В царстве Ци семья [Гуань Чжуна] была истреблена, а он не горевал, потому что познал власть судьбы. Носил оковы и наручники, но не стыдился этого, потому что был осмотрительным. Он служил государю, которого [некогда желал] убить, потому что умел сообразовываться с обстоятельствами. Не умер за Цзы Цзю, потому что знал цену [жизни] и смерти. Цзы Цзю не стал правителем, а Гуань Чжун не стал его чиновником. Гуань Чжун придерживался долга, он не умер от пут и оков, прославил себя, так что же

в том зазорного! Хотя Шао Ху покончил с собой, не стоит превышать меру даже в стремлении к человеколюбию!“» (VIII, 9).

Из данного отрывка помимо характеристики Гуань Чжуна можно сделать ряд выводов. Прежде всего очевидно, что для того времени самоубийство с целью подтверждения верности государю было делом обыденным и, без сомнения, даже почетным. По крайней мере, Цзы Лу называет чиновника Шао Ху «преданным» (*чжун* 忠), ведь тот умер за своего правителя. Кун-цзы, в свою очередь, выходит за рамки общепринятого представления об аксиологической оценке человеческой жизни, полагая, что суицид, в котором «превышают меру», совершенно нецелесообразен и не может быть этически возвышенным. Поэтому фундаментальный вопрос данного отрывка заключается в следующем: «Приемлемо ли с точки зрения морали не совершать суицид в ситуации, в которой должно его совершить?» Кун-цзы отвечает на этот вопрос утвердительно: по его мнению, благородному мужу прежде всего необходимо «сообразовываться с обстоятельствами». Очевидно, что в данном случае философ исходит из принципа «следования середине» (*чжун юн* 中庸), что согласуется с четвертым чжаном одноименного конфуцианского трактата, где сказано: «Учитель сказал: „Дао не действует, я знаю. Мудрый выходит за него, глупец не достигает его. Дао не ясно, я знаю. Достойный выходит за него, бесчестный не достигает его.“» [Чжун юн. Чж. 4]. Шао Ху, совершивший суицид, хотя внешне проявил благородство и даже поступил согласно принятому в то время ритуалу, но, по сути, его смерть не принесла никакой пользы Поднебесной, не помогла ему исполнить свой исторический долг. В данном случае не используется специального термина для обозначения суицида, сказано только, что Шао Ху «умер» (*сы* 死). Но из контекста «Цзы юй» и таких источников, как «Лунь юй» [Беседы и суждения 2011: 316] и «Ши цзи» [Истзап 1987], становится ясно, что Шао Ху именно покончил с собой, а не умер своей смертью. Раннее конфуцианство последовательно выдвигало идеи активного участия индивида в общественной жизни и деятельного преобразования этой жизни с учетом полученных знаний и в то же время ратовало за соблюдение древних ритуалов, которые носили воспитательный, гармонизирующий и охранительных характер. Поэтому с точки зрения конфуцианской этической доктрины поведение Шао Ху было приемлемым, хотя и не наилучшим.

В связи с этим возникает вопрос о том, при каких условиях и для каких социальных групп совершение суицида было обязательным. Представляется целесообразным отметить, что в конфуцианстве оправдать суицид не могли никакие личные причины (даже физическая деградация, инвалидность, тяжелая болезнь, финансовые трудности и т.д.), единственным оправданием были стремление к общественному благу и тяга к гармоничному развитию Поднебесной. В «Кун-цзы цзя юй» (XXX, 2) об этом сказано следующим образом: «Жань Ю спросил Кун-цзы: „Ваны прежних эпох устанавливали законы и повелевали, чтобы наказания не применялись к лицам рангом *дафу* и выше, ритуал же не распространялся на простолюдинов и ниже. В таком случае если *дафу* совершал преступление, то его не наказывали. Жизнь простолюдина не регулировалась нормами ритуала. Не так ли?“ Кун-цзы ответил: „Нет. Всякий, кто упорядочивает благородных мужей, управляет их сердцами посредством ритуала, наставляет посредством норм бескорыстия и стыдливости. В древности, если *дафу* обвиняли в продажности, то его выгоняли со службы и отправляли в ссылку. Но не говорили, что выгоняют со службы и отправляют в ссылку из-за продажности, а говорили: ‘Короб для жертвенного зерна не в порядке’. Если обвиняли в блуде, то, значит, отсутствовало различие между мужчинами и женщинами. Но не говорили, что блуд – [последствие] отсутствия различия между мужчинами и женщинами, а говорили: ‘Разорвались занавес и полог’. Если обвиняли в обмане высшего и в отсутствии преданности, то не говорили об обмане высшего и отсутствии преданности, а говорили: ‘Моральные устои чиновника неочевидны’. Если обвиняли в слабости и неспособности вести дела, то не говорили о слабости и неспособности вести дела, а говорили: ‘Подчиненные не [знают своих] обязанностей’. Если обвиняли в нарушении устоев страны, то не говорили о нарушении устоев страны, а говорили: ‘Ведет дела, не спросив совета’. В этих пяти ситуациях, если вина *дафу* доказана, но он не в состоянии прямо признать ее, стоит воздерживаться от упоминания [о проступках], потому как это стыд [для *дафу*]. Преступления *дафу* также караются пятью наказаниями, узнав о таких преступлениях, их стоит порицать и разоблачать. Чтобы признать свою вину, [*дафу*] надевал белую шапку с завязками из хвостов животных, наполнял плошку водой и клал поверх нее меч, и тогда государь велел своим слугам не связывать *дафу* [веревками] и не заковывать его

[в кандалы]. В случае тяжкого преступления [*дафу*], слушая приговор государя, должен стоять лицом к северу, [затем] дважды поклониться, встать на колени и покончить с собой. Государь же не велит своим слугам хватать силой и казнить [*дафу*]. [Государь] произносит: ‘*Дафу*, вы сами навлекли на себя это! Я жду, что вы поступите согласно ритуалу!’ Хотя и сказано, что наказания не применялись к лицам рангом *дафу* и выше, но *дафу* не миновать их, в этом заключалось обучение“». Заметим, что в данном случае для исполненного *дафу* используется термин *цзы цай* «自裁», который обозначает «покончить с собой, кончить [жизнь] самоубийством» (досл. «зарезать себя», при этом второй иероглиф – «зарезать, прикончить» – имеет основное значение «кроить, резать, шить [платье]»).

Таким образом, суицид как проявление человеколюбия государя и в то же время как возможность избежать позора и бесчестия в случае совершения тяжкого преступления, когда вина подсудимого доказана, был не просто желательным, но даже обязательным для высшего чиновничества. Очевидно, что отказ от такого самоубийства не предполагался, по крайней мере в трактате «Кун-цзы цзя юй» не оговариваются условия, при которых отказ был бы допустим. Настоящий вид суицида помогает и государю, и преступному чиновнику соблюсти нормы ритуала; по всей видимости, в таких ситуациях суицид имел облигаторную специфику. В связи с этим российский историк В.Ц. Головачёв отмечает: «Даже ритуальный, альтруистичный или „героический“ суицид, чаще всего, имеют вынужденный характер (например, добровольно-принудительное умерщвление матери наследника престола у сяньбийцев, а также вдов в древней Руси, о котором сообщал Ибн-Фадлан)... китайские императоры часто жаловали сановникам „право на самоубийство“ за тяжкие государственные преступления, „гуманно“ избавляя от казни прочую родню преступника» [Головачёв. Самоубийство].

Мы знаем, что конфуцианские мыслители превозносили сыновнюю почтительность (*сяо* 孝) и уважение-любовь к старшему поколению (*ти* 悌), однако само по себе долголетие (а также бессмертие как бесконечное долголетие) в конфуцианстве никогда не было высшим идеалом. Если жизнь индивида не связана с осуществлением норм добродетели, то такая жизнь ничего не стоит. Бесспорно, конфуцианство призывает беречь здоровье и собственное тело, так как в этом заключается одна из центральных обязанностей для осуществ-

вления сыновней почтительности, и такое отношение к телу – одна из характеристик благородного мужа. Об этом в «Кун-цзы цзя юй» говорится так: «Пока не наступила смерть, он ценит свою жизнь, поддерживает тело для того, чтобы исполнить свой долг. Конфуцианец всегда поступает таким образом» (V, 6). Но все же древние философы выше жизни ставили добродетель, а суицид в Китае хотя и порицался, однако не имел статуса греха, как в христианской культуре. Профессор Ло Бинсян 罗秉祥 справедливо замечает: «Кун-цзы полагает, что биологическая жизнь человека не является наивысшим благом; нельзя принять тот факт, что ради длительности жизни можно отступить от человеколюбия... иными словами, биологическая жизнь не священна, священны только человеколюбие и долг» [Ло Бинсян 1998: 53–54].

Утверждая право на суицид в рамках морального самосовершенствования, Кун-цзы вместе с тем весьма осторожно относился к данному феномену и редко высказывался на этот счет. Но все же ряд отрывков из «Кун-цзы цзя юй» позволяет сделать некоторые выводы. Вот один из таких отрывков: «Цзы Лу спросил Кун-цзы: „Цзан Учжун возглавлял войско и сразился с чжуэцами в местечке Хутай, [лусцы] потерпели поражение, множество воинов погибло, но [Цзан Учжун] не понес наказание. Разве в этом заключается Дао древних?“ Кун-цзы ответил: „Если план военного советника провалился, он должен покончить с собой. Если план военного советника поставил под удар столицу страны, он должен погибнуть. Вот в чем заключается Дао древних. [Цзан Учжун] получил приказ от своего правителя [Сян-гуна], поэтому и не понес наказание“» (XLII, 8). Этот факт подтверждается и в комментариях «Цзо чжуань» («Комментарии [господина] Цзо») к летописи «Чунь цю» («Вёсны и осени»), где сказано: «Зима. В 10 луне, в день светло-зеленой свиньи Цзан-сунь-хэ убежал в Чжу» [Конфуциева летопись 2018: 295]. Как видим, Цзы Лу знает нормы ритуала и справедливо недоумевает, почему Цзан Учжун не совершил суицид и даже как осмелился отправиться в другое царство и избежал положенного в таких случаях наказания. Объяснение Кун-цзы строится главным образом на конфуцианской концепции эффективного упорядочивания высших и низших (*ци шан ся* 齊上下), согласно которой между высшими и низшими с необходимостью существует тесная взаимосвязь. Кроме того, попытка ставить низших на место высших считается отступлением

от добродетели (*фань дэ* 反德), так как это нарушает социальную иерархию и общественное согласие и называется дисгармонией (*бу хэ* 不和). Вместе с тем, с учетом вышеизложенной концепции, позиция Кун-цзы становится более отчетливой, так как Цзан Учжун, будучи низшим по отношению к Сян-гуну, действовал не по своей воле, а исполнял приказ высшего. По данному вопросу в своем исследовании профессор Роберт Эно выдвигает следующее предположение: «Стоит отметить, что Цзан Учжун был покровителем отца Кун-цзы и что данный отрывок из „Кун-цзы цзя юй“ мог иметь некоторую пропагандистскую направленность» [Ено 2016: 64]. Возможно, приведенное выше высказывание Кун-цзы и имело под собой некую скрытую политическую подоплеку, нам же важно акцентировать внимание на том, что даже институциональные суициды, которые были обусловлены определенными социальными нормами, не всегда однозначно оценивались с точки зрения конфуцианской этики.

Конфуцианство не могло оправдать бездумное и самопроизвольное отношение к жизни и смерти индивида. Таким образом, хотя суицид в конфуцианстве и считался приемлемым способом защиты достоинства и добродетели, в то же время конфуцианские интеллектуалы не рассматривали его в качестве лучшего способа достижения нравственного идеала. «Моя жизнь и смерть принадлежат только мне, поэтому я имею полное моральное право распоряжаться ими по собственному усмотрению» – рост числа суицидов во многих странах современного мира со всей очевидностью демонстрирует опасность такой установки, к сожалению, прочно укоренившейся ныне в сознании людей.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что конфуцианство разработало довольно сложную систему воззрений касательно феномена суицида. В самом общем виде эту систему можно представить следующим образом: существует градация в отношении к суицидам, не все они морально тождественны между собой. С одной стороны, ради стабилизации положения в Поднебесной необходимо придерживаться норм ритуала, который предписывает самоубийство в случае тяжких преступлений высшего чиновничества. С другой стороны, конфуцианство воспекает нормы сыновней почитательности, которые предполагают уважение и любовь к своему телу, дарованному родителями. Очевидно, что конфуцианство всегда сложнее и мудрее четких предписаний и устоявшихся догм. Предельно детер-

минировав общественные роли каждого члена социума, оно в то же время всегда оставляло возможность для творческого, активного и осмысленного действия индивида. Возможно, этим объясняется жизнеспособность конфуцианской мысли, а обновление традиционного конфуцианства в современном Китае и успешное экономическое развитие страны могут служить подтверждением данного тезиса.

3.3. Философия времени: концепция индивидуального синхронного опыта

Еще одним важным тематическим блоком в трактате «Кун-цзы цзя юй» является *философия времени*. Осмысление феномена времени в конфуцианской традиции имеет долгую историю. Время (*ши* 时) понимается в разных смысловых плоскостях: как сокровенная движущая сила мироздания (*тянь ши* 天时), сродни Небесной судьбе (*тянь мин* 天命); как закономерность и последовательность смены четырех сезонов (*сы ши* 四时); как метафизическое единство-взаимосвязь между прошлым и настоящим, приобщиться к которому человек может посредством ритуального почтения к старшим поколениям; как непрерывный поток, течение вселенских перемен (*и* 易). У Кун-цзы и его последователей время представляет собой категорию не физическую, а метафизическую, трансцендентную, она относится главным образом не к области натурфилософии, а скорее к области этики. Время осознается не само по себе, оно интересует конфуцианских мыслителей в первую очередь потому, что тесно связано с Небом, которое, в свою очередь, является источником индивидуального синхронного опыта. В данном случае представляется целесообразным использовать термин «индивидуальный синхронный опыт», предложенный австралийской ученой Ширли Чан [Chan 2011: 71]. Этот термин несет в себе хронологическую характеристику, а также емко и четко отражает один из аспектов конфуцианского взгляда на концепцию времени, которая довольно подробно описана, в частности, в трактате «Кун-цзы цзя юй» и в корпусе госяньских рукописей.

По всей видимости, эти тексты (или по крайней мере их прототипы) относятся к раннеконфуцианской философской мысли и обнаруживают идейное родство по ряду вопросов, в частности относительно концепции индивидуального синхронного опыта. Смысловым

ядром данной концепции является понятие «время». Внутреннее содержание понятия «время» вполне конкретное: это – «случай», «нужное время», «удобный случай», «подходящий момент», «счастливая возможность». Случай-*ши* – это то, что случается в «свое время», некая поворотная точка, которая во многом определяет дальнейшую судьбу конкретного человека или даже всей Поднебесной. Время имеет смысл в контексте естественного порядка, которому индивид, как часть многообразия сущего, должен соответствовать в своих действиях, если он хочет процветать и достичь успеха в жизни. Такое понимание времени близко древнегреческим мифологическим представлениям о Кайросе (или Кэросе, др.-греч. Καῖρός «благоприятный момент»), боге счастливого момента. Обычно Кайрос изображался как обнаженный крылатый юноша, неуловимый и стремительный. Он олицетворял удачу, которую нужно «поймать», и тогда человек сможет достичь успеха в любом, даже самом сложном деле.

В древнекитайской философской традиции концепция времени текстуально закреплена в ряде ранних письменных памятников. Так, в комментарии «Сицы чжуань» («Комментарий привязанных слов») к «Чжоу и» («Чжоуские перемены») говорится о феномене времени, который является источником вселенских превращений и метаморфоз: «Изменения и циркуляция направляются временем» [Чжоу и]. Всеохватный и бесконечный процесс перемен – это и есть время, которое, с одной стороны, является источником вселенских изменений, а с другой стороны, само по себе также подвержено постоянным изменениям. Кроме того, в «Сицы чжуань» время трактуется как решающий момент и является маркером для начала активности благородного мужа: «Благородный муж хранит при себе [необходимые] предметы, ждет подходящего случая и затем действует, разве может это быть неблагоприятным?» [Чжоу и]. Своевременность считается не только способом умиротворения и гармонизации страны, но и нравственным идеалом индивидуума, конечной точкой конфуцианского самосовершенствования. В этом смысле конфуцианство, хотя и настаивало на неукоснительном следовании ритуальным нормам, всегда оставляло место личной свободе, которая должна быть основана на анализе специфики каждой конкретной ситуации, а не на слепом повторении четко предписанных правил поведения. Вместе с тем вся жизнь конфуцианского благородного мужа, укладываясь во временные рамки, подчиняется регламенту своевременности.

«Идти в ногу со временем», «отвечать требованиям времени» (*ши чжун* 時中) – это и есть для конфуцианских мыслителей способ следования середине: «Следование середине у благородного мужа заключается в том, что он согласуется со временем» [Чжун юн. Чж. 2]. Понятие «время» в данном случае понимается специфическим образом, поскольку предполагает рассмотрение ситуации со всех сторон, с учетом анализа наибольшего количества внешних обстоятельств-условий (*ши* 勢).

Конфуцианская этика включает в себя хронологическую характеристику, поэтому проявление добродетели выражается посредством своевременных действий, когда индивиду присуща внутренняя способность рационально оценивать и глубоко осмысливать сложившуюся ситуацию. Эта же мысль продолжается и в трактате «Кун-цзы цзя юй» (VIII, 5): «Поэтому, хотя Дао ценно, необходимо сначала поймать случай, а потом перевозносить [Дао], необходимо дождаться [соответствующих] обстоятельств, а потом действовать». Иными словами, разрабатывается максима построения наиболее эффективного процесса преобразования Поднебесной: необходимо сначала создать благоприятные условия, а затем постепенно претворять в жизнь идейную составляющую Дао. Это означает также, что в ходе нравственного воспитания индивида внешние факторы должны прийти в соответствие с внутренней интенцией к моральным действиям.

В памятнике «Лунь юй» понятие «время» встречается всего дважды, и оба – в первой главе – «Сюэ эр» («Учиться и...») и одном смысловом ключе: «Учиться и своевременно применять [изученное] на практике, это ли не радость?»; «Управляя царством в тысячу колесниц, служи почтительно и [руководствуйся] верностью, будь умеренным в расходах и люби людей, своевременно используй народ» [Лунь юй. Гл. I, 1]. Таким образом, как и в «Сици чжуань», в «Лунь юй» феномен времени становится частью политической стратегии, поскольку подчеркивается необходимость надлежащего, т.е. своевременного действия, которое выступает в качестве условия эффективного социального регулирования. Конфуцианская философия использует феномен своевременности как элемент этического руководства для самосовершенствования. Ранние конфуцианские мыслители задавались вопросом о том, как надлежит действовать человеку в условиях непрерывных изменений, особенно в эпоху внутриполитического кризиса. Интенция на своевременность остерегала власть

предержащих от необдуманных решений и была воплощением этической константы осторожности-осмотрительности (*шэнь* 慎).

В конфуцианском корпусе годяньских рукописей и в трактате «Кун-цзы цзя юй» время осмысляется в несколько ином ключе, а именно как источник индивидуального синхронного опыта. Феномен времени понимается как «случай», являясь частью концепции различия Неба и человека (*тянь жэнь чжи фэнь* 天人之分). Эту концепцию наиболее полно развил Сюнь-цзы¹⁶. Позиция, которую отстаивал Сюнь-цзы, решительно противостояла идее о единстве Неба и человека (*тянь жэнь хэ и* 天人合一). В годяньских рукописях и в трактате «Кун-цзы цзя юй» Небо, опосредованно через судьбу (*мин* 命), понимается как ключ к индивидуальному успеху или же, наоборот, к личной неудаче. Категория Неба обладает временной характеристикой, осмысляется как определяющий фактор успеха или провала: В «Кун-цзы цзя юй» (XXXII, 1) об этом сказано так: «Небо рождает случай» (*тянь шэн ши* 天生时). В годяньском тексте «Цюнда и ши» («Простота и величие зависят от случая») эта идея выражается посредством сущностного антагонизма «простоты» (*цюн* 穷) и «величия» (*да* 达) [Ли Лин 2002: 493–496].

И в годяньском тексте, и в трактате «Кун-цзы цзя юй» на примере ряда легендарно-исторических личностей утверждается позиция, согласно которой человек не может ни игнорировать, ни прогнозировать позитивные или негативные события, которые определяются индивидуальной судьбой, дарованной Небом. Тем самым нивелируется философское основание веры в последовательность между добродетелью и счастьем/успехом: «[Ты] не понял, я скажу тебе: ты полагаешь, что человеколюбивому обязательно верят, так почему же Бо И и Шу Ци¹⁷ умерли от голода на горе Шоуян? Ты полагаешь, что мудрого обязательно используют [на службе], так почему же у Би Ганя¹⁸ вырвали

¹⁶ До обнаружения годяньских рукописей в историко-философской науке бытовало мнение, что первым, кто заговорил о различии Неба и человека, был конфуцианский философ Сюнь-цзы. В частности, на этот факт указывает китайский исследователь Лян Тао [Лян Тао 2008: 231].

¹⁷ Бо И 伯夷 и Шу Ци 叔齐 – сыновья иньского правителя Гучжу Цзюня 孤竹君, жившие в конце эпохи Шан. В конфуцианстве Бо И и Шу Ци предстают как пример братской любви, поскольку они отказались от управления государством в пользу друг друга.

¹⁸ Би Гань 比干 – мудрый и добродетельный дядя тирана Чжоу Синя, последнего правителя династии Шан. Би Гань пытался наставить своего племянника на путь истинный, но тот повелел вырвать ему сердце.

сердце из груди? Ты полагаешь, что преданному непременно должны воздать должное, так почему же Гуаньлун Фэн¹⁹ не избежал казни? Ты полагаешь, что советника должны непременно слушаться, так почему же У Цзысюй²⁰ умер не своей смертью? Поэтому произойдет или нет встреча – [решает] случай» [Кун-цзы цзя юй. XX, 1]. В этом отрывке мы находим объяснение и судьбы самого Кун-цзы, дается ответ на вопрос в том, как осмыслить разрыв между идеями Кун-цзы и непростой исторической реальностью, в которую он жил? Жизненные перипетии, конкретные позитивные или негативные ситуации для благородного мужа – отражение действий вселенских перемен, осуществление трансцендентной и непознаваемой судьбы, которая ниспосылается Небом. Согласно воззрениям конфуцианских мыслителей, судьба, как и все сущее, находится в круговороте перемен, она не есть что-то раз и навсегда данное и неизблемое, это скорее комбинация различных факторов, складывающихся тем или иным образом в зависимости от обстоятельств и ответственных за индивидуальный успех или провал. Определенный человеческий опыт наступает в момент совпадения человеческой природы и судьбы, это и есть синхронный опыт, некая поворотная критическая точка. В этой точке фиксируется момент сопряжения природы и индивидуальной судьбы каждого конкретного человека. Синхронный опыт может быть как позитивный, так и негативный, поскольку он невозможен без участия случая.

Вселенная в конфуцианстве имеет свой собственный порядок, который не зависит от человеческой воли и который полностью не познаваем. И потому основной вопрос конфуцианской этики, как этики предельно антропоцентричной, заключается в том, какое место человек занимаем в рамках парадигмы, где, на первый взгляд, нет места ни свободе, ни активному творческому действию. Причем процесс становления человека (*жэнь* 人) как одной из составляющих фундаментальной концептуальной связки «трех составляющих» или «трех первооснов» универсума (*сань цай* 三才) включает в себя хронологическую характеристику. Этот процесс представляет собой

¹⁹ Гуаньлун Фэн 关龙逢 или Лун Фэн 龙逢 – достойный муж, призывал тирана Цзе, правителя династии Ся, к порядку, но был казнен.

²⁰ У Цзысюй 伍子胥 (559–484 гг. до н.э.) по прозвищу Шэн Сьюй 申胥 – военачальник; родился в царстве Чу, в молодости был вынужден бежать в царство У, где поначалу зарабатывал на жизнь игрой на флейте. Увещевал уского вана Фучая, но тот поверил клеветнику Бо Пи 伯嚭 и приказал У Цзысюю покончить с собой.

непрекращающееся развитие, которое заканчивается лишь смертью конфуцианца. Вот что пишет об этом американский синолог Роджер Т. Эймс: «Каким образом индивид становится совершенномудрым человеком? – вот многовековой вопрос конфуцианства» [Ames 2010]. В связи с этим задача благородного мужа заключается в том, чтобы с честью принять свою судьбу, не надеясь, подобно низкому человеку, на удачу или помощь извне.

Несмотря на моральное разложение и социальный регресс чжоуского Китая эпохи Чжаньго (475–221 гг. до н.э.), сам Кун-цзы не оставлял попыток умиротворить и гармонизировать Поднебесную, проявляя непоколебимость нравственных устоев. В трактате «Кун-цзы цзя юй» в его уста вложены следующие слова: «[Хотя] благородный муж обладает широтой познаний и видит далеко вперед, но и тех, кому не [посчастливилось] повстречаться со случаем, много. А не только один лишь я! Орхидея произрастает в лесной чаще, из-за того, что некому [вдыхать ее аромат], она не становится менее благоухающей» (XX, 1). Практически идентичную цитату мы находим и в голянском тексте «Цюн да и ши» [Ли Лин 2002: 493]. Эстетическая притягательность цветка в данном отрывке сравнивается с этической константой добродетели идеального конфуцианского бюрократа, к которой всегда стремился Кун-цзы. Сокровенная суть благородного мужа сродни аромату орхидеи, эта суть не может измениться под воздействием внешних факторов.

Немаловажным в данном случае является и то, при каких обстоятельствах Кун-цзы произносит эту фразу: «Чуский Чжао-ван²¹ пригласил Кун-цзы на службу. Кун-цзы отправился совершить обряд приветствия, и путь его лежал через царства Чэнь и Цай. Аристократы *дафу* из Чэнь и Цай решили так: „Кун-цзы – совершенномудрый, он высмеивает пороки *чжухоу*, и если царству Чу от этого будет польза, то нашим царствам грозит опасность!“ Они послали солдат задержать Кун-цзы. Он не мог продолжать путь, на седьмой день закончился провиант, извне его не пропускали [солдаты], похлебка из лебеды не могла насытить [его людей], и вся свита заболела. Кун-цзы же был воодушевлен, пел под аккомпанемент струнных инструментов, и [воля его] была непоколебима» [Кун-цзы цзя юй. XX, 1]. Эта история о злоключениях Кун-цзы в разных вариантах известна и

²¹ Чжао-ван 昭王 (523–489 гг. до н.э.) – правитель царства Чу в 515–489 гг. до н.э., сын чуского Пин-вана 平王.

по другим источникам: о ней упоминается в тексте памятника «Лунь юй» [Лунь юй. Гл. XV, 2], она пересказана у Сюнь-цзы [Сюнь-цзы. Гл. 28, чж. 1] и даже в даосском трактате «Чжуан-цзы» [Чжуан-цзы 2004: 199]. Слова Учителя направлены не только на то, чтобы воодушевить своих спутников, вселить в них уверенность и бесстрашие, они являются ответом на прямую критику со стороны учеников Цзы Лу и Цзы Гуна, которые выражают сомнение в истинности избранного Учителем Пути. Кун-цзы же аргументирует свою мысль предельно просто: если даже выдающиеся мужи (Бо И, Шу Ци, Би Гань, Гуаньлун Фэн и др.) не смогли избежать незавидной участи, то в сложившейся ситуации нет ничего удивительного, ведь воля Неба в социальном космосе демонстрируется посредством судьбы и предугадать ее никому не дано. Будучи уверенным в своей правоте, Кун-цзы недоумевает: разве можно отойти от своих принципов, как говорит Цзы Гун, «уменьшить свое Дао» только потому, что «Поднебесная не может вместить его» [Кун-цзы цзя юй. XX, 1]. Даже трагичный итог жизни благородного мужа не означает неэффективность его этической стратегии. Если посмотреть на весь ход социально-исторического развития конфуцианской философской мысли, то мы приходим к выводу, что такая теоретическая установка оказалась весьма жизнеспособной: пройдя долгий путь взлетов и падений, конфуцианская мысль стала в конце концов магистральным философским течением как традиционной, так и современной культуры Китая.

Хотя в трактате «Кун-цзы цзя юй» признаются авторитет и власть Неба, которое транслирует свою волю (*чжи* 志) посредством случая и является вселенской космической силой, спонтанно вторгающейся в жизнь людей, однако конфуцианские представления о вере в Небесную судьбу предполагали взаимосвязь между добродетелью и счастьем/успехом: «если быть ленивым и распущенным, то упустишь [счастливый] случай» [Кун-цзы цзя юй. XXI, 1]. Такое восприятие произрастало из концепции единства Неба и человека. Как мы видим, данные концепции о единстве и различии Неба и человека не только не были взаимоисключающими, они даже встречаются в рамках одного текста. Так, в «Кун-цзы цзя юй» (VII, 13) мы читаем: «[Луский] Ай-гун²² спросил Кун-цзы: „Существование или гибель страны, ее процветание или упадок вверяется Небесной судьбе, а не

²² Ай-гун 哀公 (ум. 468 г. до н.э.) – правитель царства Лу в 494–468 гг. до н.э., личное имя – Цзи Цзян 姬將.

человеку?» Кун-цзы ответил: „Существование и гибель, процветание и упадок – все [зависит] от человека, и только. Но стихийные бедствия от него не зависят“. Гун сказал: „Великолепно! О каких событиях говорит Учитель?“ Кун-цзы сказал: „В древности, во времена правления иньского вана Ди Синя²³, на углу городской стены маленькая пташка родила большую птицу“. В гадании сказано: „Всякий раз, когда от малого рождается большое, страна непременно будет [Поднебесной] вана и будет процветать“. В результате чего Ди Синь руководствовался добродетелью маленькой пташки, не совершенствовался в управлении страной, был безгранично надменным, придворные чины не могли усмирить его, внешний враг [вторгся на территорию], и государство Инь перестало существовать. Когда человек идет против Небесного случая, благополучие может обернуться бедой. В прежние времена правления иньского вана Тай У²⁴ Дао было в недостатке, а правила были нарушены, поэтому на царском дворе вырос вредоносный побег тутовника, через семь дней он стал в две ладони в объёме. В гадании сказано: „Если тутовник или дикие растения вырастают на царском дворе – это может привести к гибели государства!“ Тогда Тай У испугался и начал самосовершенствоваться, размышлял над принципами управления прежних ванов, вникал в Дао взращивания народа. Спустя три года даже в отдаленных землях стремились следовать долгу, гонцы из шестнадцати стран являлись ко двору [Тай У]. Когда человек идет против Небесного случая, беда может обернуться благополучием. Поэтому стихийные бедствия – предостережение для правителя, а увидеть диковинные вещи – предостережение для чиновников. Но даже стихийным бедствиям не разрушить благого правления, диковинным вещам не преодолеть благих деяний».

Таким образом, в этом отрывке, с одной стороны, утверждается мысль о том, что Небесный случай (*тянь ши* 天吋) ограничивает сферу человеческого, поэтому слова Кун-цзы можно воспринимать как предостережение правителю царства Лу, Ай-гуну, ведь самодовольство государя может стать причиной хаоса в Поднебесной. С другой стороны, усилия и старания человека могут изменить положение дел, поэтому необходимо соотноситься с обстоятельствами и упорствовать в моральном взращивании. Вот почему данный

²³ Ди Синь 帝辛 (1105–1046 гг. до н.э.), он же шанский Чжоу-ван 商纣王 – последний правитель династии Шан-Инь, жестокий тиран.

²⁴ Тай У 太戊, или Тянь У 天戊 по имени Чжоу 紂 – правитель (1535–1460 гг. до н.э.) династии Шан-Инь.

отрывок – настоящий гимн деятельной и созидательной силе человека, в которой благое личное творческое начало настолько мощно, что порой не подвластно даже силам природы.

Согласно воззрениям конфуцианских мыслителей, роль случайного стечения обстоятельств есть причина удачного или неудачного развития индивидуального опыта человека. Небо определяет это развитие, текстуально оно выражено посредством максимы «произойдет или нет встреча – [решает] Небо» (*юй бу юй тянь е 遇不遇天也*) [Ли Лин 2002: 493]. Небо предписывает определенный ход событий и направление человеческой жизни, но вместе с тем, даже если личные качества человека остаются прежними, ход жизни может радикальным образом измениться по причине внезапно сложившихся обстоятельств: «Сначала у Цзы Сюя было много заслуг, потом он был убит, это не потому, что его мудрость пришла в упадок» [Там же]. Личные этические качества индивида могут послужить или не послужить причиной социального возвышения и признания, так как это зависит от случая. Иными словами, встреча со случаем может иметь как позитивные, так и негативные последствия.

Вместе с тем в «Кун-цзы цзя юй» развивается идея о том, что личные духовно-душевные качества влияют на социально-общественное положение индивидуума в том случае, если он «познал время» (*чжи ши 知时*). Таким образом, в конфуцианской философии своевременность как возможность успеха в общественной жизни коррелирует с добродетелью. Познание времени – это и есть добродетель (*де 德*): «В четырех сторонах света Шунь был известен сыновней почтительностью и братской любовью, занимался гончарным делом и ловлей рыбы, чтобы служить родителям. Он проявлял снисходительность и был мягким в обращении с людьми, был преданным и обладал острым умом, а также познал время, страшился Неба и любил народ» [Кун-цзы цзя юй. XXIII, 5]. Повседневная жизнь людей не может функционировать без учета физического времени; кроме того, время играет важную роль в процессе преемственности верховной власти и смены исторических эпох. В данном контексте время сближается с Небом, вселенской силой, которая утверждает государя и отмеряет срок его правления. Тот, кто умеет использовать время с толком, кто знает, как «не упустить случай» (*бу ши ши 不失时*), почитается как обладающий мудростью (*чжи 智*): «Храбрый не бежит от трудностей, человеколюбивый не оставляет в беде,

мудрый не упускает случай, обладающий долгом не нарушает преемственности» [Кун-цзы цзя юй. XXXVII, 2].

Обстоятельства успеха или провала в социуме, которые определяются случаем, ниспосланы Небом. Без того, чтобы «повстречаться с судьбой» (*юй мин* 遇命) и «быть в нужном месте в нужное время» (*фэн ши* 逢时), легендарные государи древности могли бы никогда не стать правителями Поднебесной. Судьба наделяется хронологической характеристикой, так как стоит в связке со временем или случаем. Поэтому в годяньских рукописях и в трактате «Кун-цзы цзя юй» судьба понимается как некая специфическая ситуация, которая складывается определенным образом, и становится причиной ключевого события. Это событие происходит под действием различных факторов, предписанных свыше (Небом), обстоятельства встречи с судьбой также зависят от Неба. Для познания принципов человеческого Дао (искусство управлять народом), а также соотношения между Небесным Дао (*тянь дао* 天道) и человеческим Дао (*жэнь дао* 人道) необходимо осознать различие между Небом и человеком: «Есть Небо, и есть человек, между Небом и человеком существует различие. Учитывай это различие, и узнаешь, как поступать» [Ли Лин 2002: 493]. Осознать это различие необходимо для того, чтобы реконструировать механизм действия подлинного человека: сосредоточиться на добродетельном поведении и не стремиться изменить то, что решает Небо. Из положения о различии Неба и человека не следует, однако, что Небо и человек никаким образом не взаимосвязаны. Этот идея лишь демонстрирует, что осведомленность и понимание определенных ролей, которые играют человек и Небо, дают возможность для реализации человеческой судьбы, которая складывается посредством «действия» (*вэй* 为), т.е. конструктивной творческой деятельности. Такая деятельность предполагает процесс гармонизации духовного и социального космоса.

Небо задает последовательность событий и назначает каждому индивидуальный жребий, но при этом сам человек несет перед Небом ответственность за свои поступки. Конфуцианские мыслители выстраивают систему этики, которая утверждает гармоничный способ взаимодействия Неба и человека. Различие между Небом и человеком не приводит к их взаимному антагонизму, но, наоборот, дает возможность осуществить взаимосвязь между Небесной судьбой и человеческой природой. Успех в обществе – функция случая, который является показателем дихотомии простоты и величия. Понимание

и принятие естественного хода событий делает человека спокойным и невозмутимым в круговороте страстей и крушений внешнего мира. Важное теоретическое значение при этом несет идея о непреходящей ценности добродетели и о необходимости индивидуального само-совершенствования: «Добродетельное поведение – вот единственно важное... Благородный муж со всей требовательностью обращается к себе самому» [Ли Лин 2002: 493–494]. Обращение внутрь, к самому себе (*фань цзи* 反己) определяет развитие личности посредством морального взращивания, ведет к предельной осознанности человеческого существования, нивелирует тотальный фатализм.

Конфуцианская философская мысль в меньшей степени трактовала время как физическое явление, делая акцент на метафизической природе времени, которая тесно связана с категорией Неба. Кроме того, время представляет собой этическую константу, которая задает вектор действий идеального бюрократа – благородного мужа. В трактате «Кун-цзы цзя юй» дается теоретическое обоснование концепции индивидуального синхронного опыта. Индивидуальный синхронный опыт – это момент сопряжения человеческой природы и индивидуальной судьбы, ниспосылаемой Небом. Индивидуальный синхронный опыт может быть как позитивным, так и негативным, поэтому общественное признание никак не связано с моральным превосходством. Общественный провал, в свою очередь, не является критерием истинности или ложности избранного нравственного пути.

В заключение настоящей вступительной статьи хочу отметить, что, хотя трактат «Кун-цзы цзя юй» по ряду причин не считается каноническим произведением конфуцианства, он несет в себе непреходящую философскую ценность, а потому нельзя не согласиться с мнением тех китайских ученых, которые называют этот текст «ценным материалом для изучения раннего конфуцианства» [Ян Чаомин. Кун-цзы]. В связи с этим исследование «Кун-цзы цзя юй» представляется автору актуальной научной задачей. С учетом новых теоретических данных и в русле общего развития синологии изучение письменных памятников древнего конфуцианства способно расширить арсенал мирового философского знания, а также способствовать диалогу философских культур Востока и Запада. Практическая же значимость данного исследования заключается в возможности использования его результатов в дальнейшей научной работе, а также в ходе составления учебных пособий для учащихся высших учебных заведений и специализированных школ.

ΠΕΡΕΒΟΔ

Глава I

Советник в царстве Лу

I, 1. В начале своей службы Кун-цзы был министром-цзай¹ в Чжунду². Он руководил так, чтобы [народ] поддерживал живых родителей и [по ритуалу] хоронил мертвых, чтобы стар и млад не вкушали одинаковую пищу, чтобы сильные и слабые не выполняли одну и ту же работу, чтобы мужчины и женщины ходили разными тропами, чтобы [народ] не подбирал оброненного на дорогах, чтобы вещи не украшались сверх меры. [Кун-цзы] велел делать гробы [из досок толщиной] в четыре цуня³ и саркофаги [из досок толщиной] в пять цуней, устраивая могилу на пригорке, не сооружать высокий могильный холм и не сажать поблизости цветы. [Кун-цзы] в течение года осуществлял такое управление, после чего и западные чжухоу начали подражать ему. Дин-гун⁴ спросил Кун-цзы: «Следуя вашему учению, как стоит управлять царством Лу?» Кун-цзы ответил: «Мое учение достаточно для того, чтобы управлять всей Поднебесной, а не только царством Лу!» Через два года после этого Дин-гун назначил [Кун-цзы] советником-сыкуном⁵, тогда Кун-цзы разделил землю на вид родов⁶, велел сеять на каждом участке земли надлежащий вид растений, и они выросли повсеместно. Прежде Цзи Пин-цзы⁷ [повелел] захоронить Чжао-гуна⁸ к югу от могил [прежних

¹ Цзай 宰 – министр, управляющий, правитель местности, т.е., по сути, Кун-цзы был главой города Чжунду.

² Чжунду 中都 – другое название г. Луи на территории совр. пров. Шаньдун.

³ Цунь 寸 – мера длины, около 3,33 см.

⁴ Дин-гун 定公 (556–480 гг. до н.э.) – правитель царства Лу по имени Сун 宋, сын луского правителя Сян-гуна 襄公, младший брат луского Чжао-гуна 昭公.

⁵ Сыкун 司空 – советник, отвечавший за общественные работы.

⁶ Лесистая местность, местность близ рек и озер, холмистая, гористая и болотистая местности.

⁷ Цзи Пин-цзы 季平子 или Цзи-сунь Ижу 季孙意如 (ум. 505 г. до н.э.) – цин в царстве Лу из клана Цзи-сунь 季孙. Сунь 孙 – букв. «потомок», фактически же это был клан (ши 氏) Цзи 季, представители которого носили фамилию Цзи 姬. Далее будет сказано о представителях данного клана.

⁸ Чжао-гун 昭公 (560–510 гг. до н.э.) – правитель царства Лу (541–510 гг. до н.э.) по имени Чоу 稠, сын Сян-гуна 襄公, старший брат Дин-гуна 定公. В 517 г. до н.э.

ванов]. Тогда Кун-цзы [решил] вырыть ров, чтобы объединить захоронение [Чжао-гуна] с могилами [прежних ванов]. Он сказал Цзи Хуань-цзы⁹: «Хула на правителя выявляет собственные пороки, в этом – отрицание ритуала. Сейчас я объединил захоронения, с тем чтобы скрыть проступок вашего батюшки». Затем [Кун-цзы] от советника-сыкуна [поднялся] до советника-сыкоу¹⁰ и, хотя он устанавливал законы, не пользовался своим положением [в личных целях], а потому [в царстве] не было порочных людей.

1, 2. Дин-гун встретился с циским хоу в Цзягу¹¹. Кун-цзы, исполнявший обязанности распорядителя-сяна¹², сказал: «Ваш покорный слуга слышал, что, когда совершаются мирные дела, должно быть готовым к военным делам; а когда совершаются военные дела, должно быть готовым к мирным делам. В древности чжухоу, покидая пределы своего царства, обязательно брали с собой [полный] штат сопровождающих чиновников. Прошу вас взять левого и правого воевод-сыма». Дин-гун так и поступил. На месте встречи установили жертвенник, к которому вели три земляные ступени. Перед жертвенником [Дин-гун и циский хоу] совершили ритуал встречи, приветствовали друг друга и, поднимаясь к жертвеннику, уступали друг другу дорогу. Завершился ритуал чествования вином, и тогда циский [советник] повелел воинам из [варварского] царства Лай бить в барабаны, с тем чтобы запугать Дин-гуна. Перешагивая через ступеньки, Кун-цзы вышел вперед и, закрывая собой Дин-гуна, сказал: «Чиновников заменили воинами. Наши два правителя хоро-

в результате поднятого мятежа бежал в царство Ци, а затем в царство Цзинь, где и скончался. Об этом см.: Ши цзи («Исторические записки»), гл. «Кун-цзы ши цзя» («Наследственный дом Кун-цзы – Конфуция»): «Конфуцию исполнилось 35 лет. В это время Цзи Пин-цзы на петушиных боях поссорился с Хоу Чжао-бо. Этим был недоволен луский правитель Чжао-гун. Возглавив войска, он напал на Цзи Пин-цзы. Тогда род Пин-цзы совместно с кланами Мэн и Шусунь напал на Чжао-гуна. Солдаты Чжао-гуна потерпели поражение. Чжао-гун бежал в княжество Ци. Циский правитель поселил Чжао-гуна в Ганьхоу. По прошествии некоторого времени в Лу началась смута» [Истзап 1992].

⁹ Цзи Хуань-цзы 季桓子 (ум. 492 г. до н.э.) – сын Цзи Пин-цзы.

¹⁰ Сыкоу 司寇 – советник по судебным делам; начальник уголовного приказа.

¹¹ Цзягу 夾谷 – местность на территории совр. уезда Лайфу пров. Шаньдун. Об этом см.: «Чунь цю» («Весны и осени»), «Дин-гун ши нянь» («10-й год правления Дин-гуна»), Цзо чжуань. Электр. текст, а также «Ши цзи» («Исторические записки»), гл. «Кун-цзы ши цзя» («Наследственный дом Кун-цзы – Конфуция»): «Гуны встретились в Цзягу...» [Истзап 1992].

¹² В данном случае Кун-цзы следил за надлежащим соблюдением ритуала.

шо ладят между собой, так для чего же нам [смотреть] на плененных варваров, да еще и с оружием в руках? Это вовсе не тот путь дружбы, которому должен следовать циский правитель. Иностранцы не смогут соответствовать [установлениям] Ся, варвары не должны ввергать Поднебесную в смуту, пленные не должны участвовать в собрании, воины не должны угрожать дружбе, иначе духи беспокойны, добродетель ошибочна, а люди нарушают ритуал. Правитель никогда не поступает таким образом». Циский *хоу* был пристыжен, подняв сигнальный флаг, он велел прекратить церемонию. Вскоре зазвучала музыка, и вперед вышли карлики и шуты, веселящие [публику]. Кун-цзы стремительно поднялся по ступенькам и сказал: «Когда простолюдины вводят в заблуждение *чжухоу*, такое злодеяние должно наказывать казнью, прошу правого воеводу-*сыма* немедленно наказать злодеев». После чего карлики и шуты были казнены. Циский *хоу* был напуган и пристыжен. Заключая договор, цисцы внесли запись: «В случае, если войско Ци покидает границы царства и идет военным походом, царство Лу обязано предоставить 300 колесниц в помощь». Кун-цзы повелел Цзы Ухаю¹³ дать такой ответ: «[Ци] не вернуло нам [захваченные] земли в Вэньян¹⁴ и при этом желает, чтобы мы снабжали [Ци] колесницами, так в чем же смысл договора?» Циский *хоу* организовал торжественный пир [в честь Дин-гуна]¹⁵. Кун-цзы сказал Лянцю Цзюю¹⁶: «Разве вы не слышали о ритуале наших двух царств? Собрание уже завершилось, а правитель Ци решил устроить пир – это ли не напрасный труд для вас, милостивый государь? К тому же кубок для вина-*сисян*¹⁷ не должно выносить за пределы дверей дворца, а ритуальная музыка не должна звучать под открытым небом. Когда такие предметы используются для пиршества [под открытым небом], тогда забывают о ритуале. Если же на пиру вообще не используют ритуальную утварь, то это подобно тому, как сажать пустоцвет и сорняк. Сажать пустоцвет и сорняк – позор для правителя, забывать ритуал – дурная слава [для него]. Почему бы вам не задуматься об этом? Пир должно устраивать для того, чтобы

¹³ Цзы Ухай 兹无还 – луский *дафу*.

¹⁴ Вэньян 汶阳 – местность на территории совр. уезда Нинъян пров. Шаньдун.

¹⁵ Ван Шэньюань отмечает, что это был ритуал подношения даров Дин-гуну [Ван Шэньюань 2014: 10].

¹⁶ Лянцю Цзюй 梁丘据 – циский *дафу*, был ответственным по вопросам ритуала.

¹⁷ Кубок для вина *сисян* 犧象 изготавливался для вина в форме головы быка или слона.

продемонстрировать добродетель [правителя], в противном случае же не стоит пировать». И тогда пир был отменен. Циский хоу вернулся к себе и с укором сказал своим чиновникам: «Учение благородного мужа из Лу помогает лускому правителю, а вы наставляете меня с помощью учения варваров, и потому я оказался виноватым [перед правителем Лу]». И тогда царство Ци вернуло Лу четыре захваченных поселения¹⁸ и земли в Вэньяне.

I, 3. Кун-цзы сказал Дин-гуну: «Не хранить латы и доспехи в домах [чиновников]¹⁹, в столице не возводить городские стены [более чем] сто *чжи*²⁰ – в этом система управления древних. Ныне, если три семьи следуют ошибочному порядку, в этом вред для всех». Поэтому повелели личному управляющему клана Цзи²¹ по имени Чжун Ю²² разрушить три городские стены²³. Представители клана Шу-сунь²⁴ были недовольны кланом Цзи, тогда распорядитель Гуншань взбунтовался в Би²⁵, он возглавил людей из Би, чтобы напасть на [правителя] Лу. [Дин]-гун, Цзи-сунь, Чжун-сунь²⁶, Шу-сунь²⁷ скрылись во дворце Би, а Кун-цзы взобрался на боевую башню. Люди из

¹⁸ Четыре поселения (*сыи* 四邑) – это Юнь на территории совр. уезда Есянь, а также Хуань, Гуй, Ян – все на территории совр. пров. Шаньдун.

¹⁹ «На тринадцатом году [правления] Дин-гуна (498 г. до н.э.), летом, Конфуций сказал Дин-гуну: „Простой подданный не хранит в своем доме оружия, в усадьбах сановников не должно быть укрепленных стен длиной в сто *чжи*“» [Истзап 1992].

²⁰ В эпоху Чуньцю правом возводить стены площадью в сто *чжи* обладал только правитель. *Чжи* – мера площади стен, около 30 кв. м.

²¹ Клан Цзи 季氏 или клан Цзи-сунь 季孙氏. Сунь 孙 – букв. «потомок», представители этого рода носили фамилию Цзи 姬. Видимо, в данном случае имеется в виду Цзи Пин-цзы. Цзи У-цзы 季武子, Цзи Пин-цзы 季平子, Цзи Хуань-цзы 季桓子, Цзи Кан-цзы 季康子 – эти представители клана Цзи в царстве Лу поочередно сменяли друг друга, возглавляя клан в период жизни Кун-цзы.

²² Чжун Ю 仲由 (542–480 г. до н.э.) – ученик Кун-цзы, известен также как Цзы Лу 子路 и Цзи Лу 季路.

²³ Имеются в виду стены домов «трех [потомков] Хуань[-гуна]». Три самых влиятельных клана луских *дафу* – Мэн-сунь 孟孙, Цзи-сунь 季孙 и Шу-сунь 叔孙. Сунь 孙, восходившие к лускому правителю Хуань-гуну 桓公, по сути дела управляли царством Лу начиная с VII в. до н.э.

²⁴ Клан Шу-сунь 叔孫 не уступал по влиянию клану Цзи-сунь.

²⁵ Би 费 – город, владение царства Лу эпохи Чуньцю, на территории нынешней пров. Шаньдун.

²⁶ Т.е. Чжун-сунь Хэцзи, иначе Мэн И-цзы (ум. 481 г. до н.э.) – луский *дафу* из клана Мэн-сунь.

²⁷ Т.е. Шу-сунь Ушу 叔孙武叔 (ум. 470 г. до н.э.), по фамилии Цзи 姬, его имя Чжоуцзо 州仇 – луский воевода-*сыма*, один из представителей клана Шу (Шу-сунь).

Би начали штурм, и, когда они поравнялись с башней, Кун-цзы отдал приказ Шэнь Цзюйсюю²⁸ и Юэ Ци²⁹ удерживать войско и подавить неприятеля. Жители Би обратились в бегство, и три городские стены были успешно разрушены, силы правителя укрепились, а силы аристократии ослабли. Уважать правителя и презирать чиновников – в этом [заключается] великое дело по управлению государством и воспитанию народа.

I, 4. Некогда в царстве Лу был торговец овцами по имени Шэнь Юши, по утрам он частенько давал овцам много пить, обманывая, таким образом, покупателей³⁰. Был в Лу человек по имени Гун Шэньи, его жена была распущенного нрава, и даже он сам не мог найти на нее управу. Был там еще человек по имени Шэнь Куйши – кутила и нарушитель закона. В царстве Лу продавец скота до крайней степени поднимал цены. Но когда Кун-цзы взял бразды правления в свои руки, Шэнь Юши не осмеливался больше поить овец водой [перед продажей], Гун Шэньи развелся с женой, а Шэнь Куйши покинул границы [Лу]. Через три месяца продавцы скота уже не взвинчивали цены, а продавцы ягнят и поросят не обманывали покупателей, мужчины и женщины ходили разными тропами, [народ] не подбирал оброненного на дорогах, в мужчинах высоко ценили преданность и верность, в женщинах высоко ценили целомудренность и послушание. Люди со всех сторон света прибывали в столицу Лу, им не нужно было [на это] получать разрешение у [местных] властей, словно бы они вернулись к себе домой.

²⁸ Шэнь Цзюйсюй 申句须 – луский *дафу*.

²⁹ Юэ Ци 乐颀 – луский *дафу*.

³⁰ Так как, вдоволь напившись воды, баран, естественно, весил больше.

Глава II

Начать казнь

II, 1. Кун-цзы исполнял должность советника-сыкоу в царстве Лу, на этом посту он выглядел довольным собой¹. Чжун Ю спросил: «Я слышал, что благородный муж не страшится, если приходит беда, а в счастье не радуется [сверх меры], ныне вы так радостны, почему же?» Кун-цзы ответил: «Верно! Так говорят, но говорят еще: „Радуйся, если ценишь нижестоящих!“». Через семь дней после этого [Кун-цзы приказал] казнить дафу Шаочжэн Мао², который вносил смуту в управление государством. После казни труп висел на башне у ворот дворца в течение трех дней. Цзы Гун спросил: «Шао Чжэн-мао – известный человек в царстве Лу, ныне Учитель ради [должного] управления [повелел] начать казнь, есть ли в этом ошибка?» Кун-цзы ответил: «Сядь, я объясню тебе, в чем причина [моего поступка]. В Поднебесной есть пять видов зла, и воровство не входит в этот список. Первое – сердцем идти наперекор [Дао] и представлять опасность [для людей], второе – выделяться недолжным поведением и упорствовать в этом, третье – произносить фальшивые речи и искусно пользоваться этим, четвертое – записывать непристойные вещи и распространять их повсеместно, пятое – следовать недолжным речам и недолжному поведению и притом приукрашивать их. Если кто-то обладает хотя бы одним из пяти видов зла, то уже заслуживает казни, а Шаочжэн Мао обладал всеми из них. Такие люди с успехом создают группы единомышленников там, где живут. Их речи способны очаровывать толпу. Их напора хватит, чтобы сломить тех,

¹ «Ши цзи», гл. «Кун-цзы ши цзя» («Наследственный дом Кун-цзы – Конфуция»): «На четырнадцатом году [правления] луского Дин-гуна (497 г.) Конфуцию исполнилось пятьдесят шесть лет. Он исполнял обязанности сыкоу и одновременно вел дела первого советника гуна. Внешне он имел очень довольный вид. Один из его учеников сказал ему: „Я слышал, что, когда к совершенномуудрому приходит беда, он не пугается, когда приходит счастье, он не выражает [особой] радости“». Конфуций на это сказал: „Есть такое выражение, но разве не говорят так: ‘Радуйся тому, что ты ценишь нижестоящих’“. Вскоре он казнил луского сановника Шаочжэн Мао, который замыслил бунт против власти в княжестве» [Истзап 1992].

² Шаочжэн Мао 少正卯 (ум. 496 г. до н.э.) – луский дафу.

кто держится обособленно. Такие люди – отъявленные злодеи, их необходимо уничтожать! Поэтому иньский [Чэн] Тан³ казнил Инь Се⁴, Вэнь-ван⁵ казнил Пань Чжэна⁶, Чжоу-гун⁷ казнил Гуань[шу Сянь]⁸ и Цай[шу Ду]⁹, Тай-гун¹⁰ казнил Хуа Ши¹¹, Гуань Чжун¹² казнил Фу И¹³, Цзы Чань¹⁴ казнил Ши Хэ¹⁵. Эти семеро нарушали [порядок] в мире и были казнены. Эти семеро нарушали [порядок] в мире и олицетворяли собой зло, поэтому их нельзя было помиловать. В „Ши цзин“ сказано: „На сердце тревожно, меня ненавидят мелкие люди“¹⁶. Когда мелкие люди собираются вместе – в том море печали».

II, 2. Кун-цзы исполнял должность советника-сыкоу в царстве Лу. Однажды отец и сын пришли к [Кун-цзы] вести тяжбу. Он велел запереть их в одной камере, три месяца не допрашивал никого из них, после чего отец попросил остановить следствие. Кун-цзы помиловал обоих. Цзи-сунь¹⁷, услышав [об этом случае], с грустью сказал: «Со-

³ Чэн Тан 成汤, или Шан Тан 商汤 (1670–1587 гг. до н.э.) – первый правитель династии Шан (1600–1046 гг. до н.э.).

⁴ Инь Се 尹諧 – крупный чиновник при сяком тиране Цзе 桀.

⁵ Вэнь-ван 文王 (1152–1056 гг. до н.э.) – мудрый и справедливый основатель династии Чжоу (1045–221 гг. до н.э.).

⁶ Пань Чжэн 潘正 – неустановленная личность.

⁷ Чжоу-гун 周公 (ум. 1032 г. до н.э.) – сын Вэнь-вана и регент малолетнего Чэн-вана 成王, младший брат государя У-вана 武王. В конфуцианстве Чжоу-гун олицетворяет собой эталон добродетели и справедливости.

⁸ Гуаньшу Сянь 管叔鲜 – младший брат чжоуского У-вана 周武王.

⁹ Цайшу Ду 蔡叔度 – младший брат чжоуского У-вана 周武王. Сыма Цянь пишет о том, что «Гуань-шу и его многочисленные братья начали распространять в стране слухи, говоря: „Чжоу-гун намерен действовать во вред Чэн-вану...“ Тогда Чжоу-гун, получив повеление Чэн-вана, поднял войска и выступил в поход на восток, составив перед этим Да-гао — „Большое обращение“. Вслед за этим он казнил Гуань-шу... и сослал Цай-шу». «Ши цзи», «Лу Чжоу-гун ши цзя» («Наследственный дом луского Чжоу-гуна») [Истзап 1987].

¹⁰ Тай-гун 太公, или Цзян Цзяя 姜子牙 (ок. XII – XI в. до н.э.) – знаменитый военный советник чжоуского Вэнь-вана 周文王.

¹¹ Хуа Ши 华士 – неустановленная личность.

¹² Гуань Чжун 管仲 (725–645 гг. до н.э.) – политический деятель царства Ци.

¹³ Фу И 付乙 – неустановленная личность.

¹⁴ Цзы Чань 子產 (ум. 522 г. до н.э.), или Гунсунь Цяо 公孙侨 – государственный деятель и философ, главный министр княжества Чжэн в 544–522 гг. до н.э.

¹⁵ Ши Хэ 史何 – неустановленная личность.

¹⁶ «Ши цзин» I, III, 1 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 32].

¹⁷ Т.е. Цзи Хуань-цзы.

ветник-сыкоу обманул меня, разве не говорил он прежде: „Необходимо управлять страной на основании сыновней почтительности!“ Я должен был бы казнить того, кто не обладает сыновней почтительностью, чтобы научить народ, а [Кун-цзы] помиловал его. Разве есть в этом польза?» Жань Ю¹⁸ рассказал об этом Кун-цзы. Кун-цзы с тяжелым вздохом ответил: «Увы! Когда верхи теряют Дао, они начинают умертвлять низших. В этом нет истины! Не наставлять [народ] на основании сыновней почтительности, а закрывать в тюрьмы – это истребление невиновных. Если три полка потерпели поражение, нельзя обезглавить всех воинов, если в столичных и местных тюрьмах нет порядка, нельзя умертвить всех [заключенных]. Почему же? Если верхи наставляют недолжным образом, в том нет вины народа. Тот, кто несвоевременно передает приказы и радуется о казнях, – предатель. Тот, кто собирает налоги в неположенное время, – злодей. Тот, кто вводит неопробованные [опытом] законы, – деспот. Только если [в стране] исключены три вышеперечисленные ситуации, тогда можно казнить. В „[Шан] шу“ сказано: „Применять наказания по справедливости, казнить за дело, нельзя руководствоваться только велением своего сердца, ведь [судебное решение] отнюдь не простое дело“¹⁹. Здесь сказано о том, что сначала необходимо наставлять, а уж потом казнить. Когда устанавливают Дао и добродетель, то сначала убеждают [народ], а уж если [народ] не внемлет, то прибегают к помощи достойных. Если снова не получается [наставить народ на истинный путь], то надлежит отстранить от должности [достойных] и устрашать [народ] посредством силы. Через три года народ выправляется. Если после этого кто-то из народа не следует наставлениям, то следует применять наказания, чтобы все в народе знали, в чем вина [осужденного]. В „Ши цзин“ сказано: „Будь опорой Сыну Неба, побуждай народ не сбиться с пути“²⁰. [Здесь сказано:] силу и напор не применяй, наказания не используй. Ныне все не так, наставления беспорядочны, а наказания многочисленны, поэтому народ сбит с толку, его не только ложно обвиняют, но и [жестoko] подавляют. Потому наказания многочисленны, но преступников не

¹⁸ Жань Ю 冉有 (род. 522 г. до н.э.) – ученик Кун-цзы, известен также как Жань Цю 冉求 и Цзы Ю 子有.

¹⁹ Неточная цитата из главы «Кан гао». Полный перевод «Шан шу» см.: [Шан шу: 2014].

²⁰ Ши цзин II, IV, 7 [Ши цзин]. В поэтическом переводе: [Ши цзин 2015: 186].

становится меньше. Пустая повозка не преодолет преграду высотой в три *чи*²¹, почему же? По причине высоты. На гору высотой в сто *жэней*²² тяжело восходить, почему же? Потому что [почва] на склоне рыхлая, вот почему. Ныне нравы людей давно стали „рыхлыми“, хотя есть наказания и законы, но народ не может преодолеть себя».

²¹ *Чи* 尺 – мера длины, равная $\frac{1}{3}$ метра.

²² *Жэнь* 仞 – мера длины в 7 или 8 *чи*.

Глава III

Разъяснения речей ванов¹

III, 1. Кун-цзы отдыхал, а Цзэн Шэнь² прислуживал ему. Кун-цзы сказал: «Цань! Нынешние правители слушают только речи служилых-ши и дафу, что же касается речей благородных мужей, то их приходится слышать крайне редко! На основании речей [прежних] ванов можно, не выходя со двора, преобразовать всю Поднебесную!»

III, 2. Цзэн-цзы встал со своей циновки и сказал: «Осмелюсь спросить, в чем же заключается [смысл] речей [прежних] ванов?» Кун-цзы не ответил. Тогда Цзэн-цзы сказал: «У вас, Учитель, мало свободного времени, поэтому я дерзнул обратиться к вам [сейчас]».

III, 3. Кун-цзы снова не ответил. Цзэн-цзы охватил благоговейный страх, он подобрал полы одежд и отступил назад, повернувшись спиной, встал со своего места. В это мгновение Кун-цзы вздохнул и сказал Цзэн-цзы: «Цань! С тобой можно говорить о просветлении Дао [прежних] ванов!» Цзэн-цзы сказал: «Я полагаю, что моих [познаний] недостаточно, я осмелюсь лишь внимать вашим речам и учиться у вас!»

III, 4. Учитель сказал: «Сядь, я расскажу тебе [о Дао прежних ванов]. Всякое Дао есть просветление добродетели, добродетель – это почитание Дао. Поэтому если нет добродетели и Дао, то нет и почитания, если нет добродетели и Дао, то нет и просветления. Пусть даже в государстве есть добрый скакун, но если им не управлять должным образом, то невозможно преодолеть дорогу. Пусть даже есть обширная территория с многочисленным населением, но если не управлять им посредством Дао, то дело не завершится успехом. Поэтому в древности просвещенные ваны исправляли внутреннее на основании семи наставлений, а внешнее – на основании трех принципов. Когда выправлены семь наставлений, то можно охранять [го-

¹ Подробнее о виде комментариев *цзе* 解 (разъяснения) см.: [Бонч-Осмоловская 2020: 18–36].

² Цзэн Шэнь 曾參, или Цзэн-цзы 曾子 (505–436 гг. до н.э.) – ученик Кун-цзы, предположительно автор или редактор трактата «Да сюэ» («Великое учение»).

сударство]. Когда действуют согласно с тремя принципами, то можно выступить в поход против внешнего врага. Дао просвещенных ванов заключается в том, чтобы охранять, тогда непременно отобьешь врага и за тысячу *ли*³ [от дома], в войне с внешним врагом непременно одержишь победу. Поэтому сказано: когда исправляют внутреннее на основании семи наставлений, то верхи не ведают усталости; когда во внешнем действуют согласно с тремя принципами, то богатства не растрачиваются. Вот что называется Дао просвещенных ванов».

III, 5. Цзэн-цзы спросил: «Тот, кто не ведаёт усталости и не растрчивает богатства, тот называется просвещённым ваном, не так ли?» Кун-цзы ответил: «В древности [Великий] Юй и Гао Яо⁴ помогали государю Шуню, он управлял Поднебесной, не вставая с циновки. А потому разве мог он устать? Если в делах управления не придерживаться середины, то в этом беда для правителя. Если указам не следуют – в том вина чиновников. Если взимать одну десятую в качестве налога, то народу придется трудиться [на принудительных работах] три дня в год; если предоставлять народу возможность в соответствии с сезоном работать в горах и на водоемах, вести торговлю и [обрабатывать] земельный надел, не взимая при этом излишних пошлин, то это – путь к получению богатства и к процветанию. Кроме того, просвещённые ваны экономно расходовали [ресурсы страны], так как же было возможно, чтобы богатства растрчивались?»

III, 6. Цзэн-цзы спросил: «Что такое „семь наставлений“?» Кун-цзы ответил: «Когда верхи уважают старших, то у низов процветает сыновняя почтительность; когда верхи почитают стариков, то у низов процветает братская любовь; когда верхи творят благие дела, то у низов процветает великодушие; когда верхи испытывают родственную близость по отношению к достойным, то низы разборчивы в выборе друзей; когда верхи любят добродетель, то низы не скрывают ошибки; когда верхи презирают алчность, то низы стыдятся вести судебные тяжбы; когда верхи придерживаются ритуальной уступчивости, то низы стремятся быть умеренными. Вот что называется „семь наставлений“. „Семь наставлений“ – корень управления народом. Когда политика и наставления тверды, то корень выправлен.

³ *Ли* 里 – мера длины, равная 0,5 км.

⁴ Гао Яо 皋陶 – справедливый и беспристрастный судья при государе Шуне. Гао Яо урегулировал пять видов наказаний, провел судебную и военную реформы.

Верхи – образец для подражания низов, если образец выправлен, то откуда возьмется чему-то невыправленному? Поэтому правитель вначале устанавливает человеколюбие, затем *дафу* устанавливают преданность, служилые-*ши* устанавливают верность, тогда нравы народа безыскусные, мужчины осмотрительные, а женщины целомудренные. Эти шесть положений – результат наставления. Оно распространяется по всем четырем сторонам света, и в Поднебесной нет своеволия. Если таким образом выстраивать отношения в каждой семье, то не встретишь сопротивления. Если ранжировать посредством ритуала, устанавливать посредством долга, действовать посредством послушания, то среди народа исчезнет зло, подобно тому как снег тает в кипятке».

III, 7. Цзэн-цзы сказал: «Дао – величайшее! Вот только [ваш] ученик недостаточно постиг [суть ваших речей]». Кун-цзы ответил: «Цань! Ты полагаешь, я остановился на этом? Мне еще есть что [сказать]. В древности просвещенные ваны управляли народом на основании закона, непременно давали землю в надел на основании титула, наделяли должностями на основании справедливости, и поэтому достойные люди не были в тени, а дурные не могли остаться незамеченными. [Просвещенные ваны] велели тем, кто у власти, ежедневно проверять себя и своевременно обдумывать [положение дел], выдвигать достойных и добродетельных, отстранять бесчестных и скверных. Тогда достойные радовались, а скверные испытывали страх; сирые и вдовы встречали сочувствие; возвращали одиноких и обездоленных; заботились о нищих и жалких; учили сыновней почтительности и братской любви; выбирали талантливых и способных. Если совершенствуют „семь [наставлений]“⁵, то в пределах четырех морей народ не подвергают наказаниям. Верхи питают родственную близость к низам, подобно тому как [связаны] руки и ноги, грудь и сердце. Низы питают родственную близость к верхам, подобно тому как младенец [связан] со своей матерью. Верхи и низы взаимно питают друг к другу родственную близость, поэтому указам следуют, [надлежащие] меры исполняются, народ лелеет в груди добродетель, ближайшее [окружение] охотно подчиняется, дальнейшее [окружение] изъявляет покорность – вот высшая степень управления. Разводя пальцы, узнаешь длину одного *цуня*, разводя руки, узнаешь длину одного *чи*, разводя локти, узнаешь длину одного *сюня*⁵ – это

⁵ Сюнь 尋 – мера длины, равная 8 цуням.

то правило, которое всегда под рукой. Со времен [эпохи] Чжоу триста шагов – это *ли*, тысяча шагов образуют *цзин*⁶, три *цзина* образуют границу территории, называемой *ле*, три *ле* образуют квадрат земли, на территории в пятьдесят *ли* можно построить город, на территории в сто *ли* можно построить государство, такая территория достаточна для того, чтобы накопить необходимое для жизни и помогать тем, кто переезжает с места на место. Хотя у нас и у варваров различные одеяния и головные уборы, языки, на которых мы говорим, тоже различны, но нет никого, кто бы нам не подчинился. Поэтому сказано: „Хотя торговля не ведется, но народ не испытывает недостатка в [продовольствии], хотя наказания не применяются, но народ не творит беспорядков“. Охотятся и стреляют из лука не для того, чтобы до отказа набить добычей царские закрома, простой люд держат в строгости не для того, чтобы пополнить казну, а для того, чтобы использовать накопленное в случае бедствий. Посредством ритуала умеряют распущенность. Если [правитель] умножает верность и уменьшает внешний лоск, то его ритуал сохраняют, его речам следуют, его действия берут за образец. Подобно тому как голодающий обретает пищу, испытывающий жажду получает воду, верность народу – как холод и жара, ее непременно следует доказывать [делами]. Поэтому хотя [правитель] далек от [народа], но его почитают близким, не по расстоянию, но потому, что зрят его просвещенную добродетель. По этой причине [правитель] хотя не надевает латы и доспехи, но пользуется авторитетом, не получает выгоды для себя, но испытывает родственную близость [к народу]. Так просвещенные ваны охраняли [Поднебесную], поэтому можно было отбить врага и за тысячу *ли* [от дома]».

III, 8. Цзэн-цзы сказал: «Осмелюсь спросить, что называется тремя принципами?» Кун-цзы ответил: «Когда отказываются от наивысшего ритуала, но Поднебесная упорядочена. Когда не раздают великие награды, но служилые-*ши* не выражают недовольства. Когда не слышно звуков большой радости, но народ пребывает в гармонии. Просвещенные ваны старательно следовали трем принципам, чтобы знать, кто сможет управлять Поднебесной, кто из служилых-*ши* может стать чиновником, кого из народа можно использовать».

III, 9. Цзэн-цзы сказал: «Осмелюсь спросить, что такое долг?» Кун-цзы ответил: «В древности просвещенные ваны знали имена

⁶ *Цзин* 井 – 1 кв. *ли*.

всех выдающихся мужей в Поднебесной, не только знали их имена, но знали также их положение, не только знали их количество, но и знали их местонахождение. Затем [просвещенные ваны] распределили ранги знатности между выдающимися мужами с тем, чтобы выразить свое уважение к ним. Это называется: „когда не отказываются от наивысшего ритуала, но Поднебесная упорядочена“. [Просвещенные ваны] назначили жалование с тем, чтобы служилые-ши жили в достатке. Это называется: „когда не раздают великие награды, но служилые-ши не выражают недовольства“. Таким образом, честь и слава Поднебесной возрастала. Это называется: „когда не слышно звуков большой радости, но народ пребывает в гармонии“. Поэтому сказано: „Тот, кто в Поднебесной называется человеколюбивым, тот может наполнить Поднебесную родственной близостью до крайней степени. Тот, кто в Поднебесной называется просвещенным, тот может выдвинуть всех достойных в Поднебесной“. Когда все эти три положения пускают в ход, только тогда можно выступить в поход против внешнего врага. А потому, самое великое в человеколюбивом – любовь к людям, самое великое в мудром – знать достойных, самое великое в том, кто добродетельно управляет – использовать на службе способных. Если правитель, имеющий земли, совершенствует эти три [принципа], то в пределах четырех морей [народ] имеет общую судьбу с [правителем]. Если просвещенный ван выступает в поход против внешнего врага, то непременно уничтожает все, что в упадке. Поэтому [просвещенный ван] казнит правителя вражеской страны и меняет систему управления, проявляет жалость к народу этой страны и не присваивает его богатства. Вот почему правление просвещенных ванов подобно дождю вовремя [засухи], дождь пролился, и народ пребывает в радости. Таким образом, пространство для применения [должного правления] расширилось, а тех, к кому [ван] испытывал чувство родственной близости, становилось больше. Это и называется „в войне с внешним врагом непременно одержишь победу“».

Глава IV

Разъяснения бракосочетания [Сына Неба]

IV, 1. Кун-цзы сидел сбоку и прислуживал [лускому] Ай-гуну¹. Ай-гун спросил: «Что самое важное в человеческом Дао?» Кун-цзы изменился в лице и сказал: «Ваши слова – уже милость для народа, и потому мне стоит отвечать немногословно и точно. В человеческом Дао самое важное – [должное] управление.

IV, 2. Управление – это выпрямление. Если правитель прям, то народ следует за ним и сам выпрямляется. Если правитель не прям, то как же народ сможет следовать за ним?»

IV, 3. Гун сказал: «Осмелюсь спросить, как должно управлять?» Кун-цзы ответил: «Между мужем и женой должно быть различие, между мужчиной и женщиной должна быть родственная близость, между правителем и чиновником должна быть верность. Если между этими тремя [парами] есть прямота, то все сущее следует за ними».

IV, 4. Гун сказал: «Хотя я не обладаю достаточными способностями, но хотел бы узнать, как осуществлять Дао этих трех [пар]?» Кун-цзы ответил: «В древности управляли таким образом: любовь к людям была самой важной, в управлении на основании любви к людям самым важным был ритуал; в управлении на основании ритуала самым важным было уважение; предел уважения – это бракосочетание [Сына Неба]. Во время бракосочетания [Сын Неба] надевал парадный головной убор и приезжал за невестой в ее дом – в этом заключается уважение. Поэтому благородный муж выражал уважение и достигал родственной близости, а если уклонялся от уважения, то утрачивал и [чувство] родственной близости. Когда нет родственной близости и нет уважения, то нет и почтения. Любовь и уважение – вот в чем корень управления».

IV, 5. Гун сказал: «Я желаю узнать, когда [Сын Неба] надевает парадный головной убор и приезжает встречать невесту – не слыш-

¹ Данный отрывок совпадает с «Ли цзи», гл. «Ай-гун вэнь» («Ай-гун спросил») [Ли цзи].

ком ли величественна [эта церемония]?» Кун-цзы изменился в лице и ответил: «Единение между двумя семьями нужно для того, чтобы следовать за прежними совершенномудрыми для того, чтобы стать главой в храме предков всей Поднебесной. Почему же правитель говорит, что это слишком величественно?»

IV, 6. Гун сказал: «Я действительно невежественный человек, иначе вы бы не произнесли такие слова! Я хочу спросить, но не нахожу подходящих слов, объясните мне [еще раз]!» Кун-цзы ответил: «Когда Небо и Земля не находятся в согласии, десять тысяч вещей не рождаются. Бракосочетание – это преемственность десяти тысяч поколений, как же правитель говорит, что это слишком величественно?» После чего Кун-цзы добавил: «Когда внутри руководят ритуалом в храме предков, этого достаточно для того, чтобы поставить в соответствие Небо и Землю. Когда вовне руководят ритуалом выпрямления речей, этого достаточно для того, чтобы установить уважение между высшими и низшими. Если вещи в упадке, этого достаточно, чтобы привести их в порядок, если страна в упадке, этого достаточно, чтобы возродить страну. Поэтому в управлении ритуал играет первостепенную [роль], ритуал – корень управления». После чего Кун-цзы добавил: «Во времена трех первых эпох [Ся, Шан, Чжоу] просвещенные ваны непременно уважали своих жен, в этом есть Дао. Жены испытывали родственную близость к главе [храма предков], дети испытывали родственную близость к последующим поколениям, как же могло не быть уважения? Поэтому благородный муж непременно уважает [жену и детей]. В уважении самое важное – уважение к самому себе. Сам человек – ветвь родственной близости, как же может не быть уважения? Если не уважаешь себя, то тем наносишь урон родственной близости. Когда наносят урон корню, то погибают и ветки. Эти три составляющих [Сын Неба, его жена и дети] – образ для простого народа. Сам [Сын Неба] является [Сыном Неба], дети являются детьми, жена является женой. Если правитель в состоянии усовершенствовать эти три [положения], то великие превращения ждут Поднебесную. В этом заключается Дао великих ванов древности, тогда Поднебесная была умиротворена».

IV, 7. Гун сказал: «Осмелюсь спросить, что называется уважением к себе?» Кун-цзы ответил: «Если благородный муж говорит недобдуманно, то народ совершает ошибки, если он ведет себя недолжным образом, то народ берет с него пример. Не делать ошибок

в словах, не совершать промахов в делах, тогда простолюдины выражают уважение и следуют приказам. Если поступать таким образом, то это означает быть в состоянии уважать себя, быть в состоянии совершенствовать своих родных».

IV, 8. Гун сказал: «Что значит совершенствовать своих родных?» Кун-цзы ответил: «Благородный муж – известнейший из людей. Когда простолюдины содействуют его известности, называют его благородным мужем, тогда он совершенствует своих родных, является благородным мужем, а [простолюдины] являются его детьми». После чего Кун-цзы добавил: «Если управлять, но не любить людей, то не сможешь самосовершенствоваться. Если не можешь самосовершенствоваться, то не сможешь умиротворить Родину, если не можешь умиротворить свою Родину, то не сможешь радовать Небо. Если не можешь радовать Небо, то не сможешь самосовершенствоваться».

IV, 9. Гун сказал: «Что значит самосовершенствоваться?» Кун-цзы ответил: «Действовать, не превышая [меры] вещей, – вот что значит самосовершенствование. Не превышать [меры] вещей – значит находиться в согласии с Дао Неба».

IV, 10. Гун сказал: «Как благородный муж ценит Дао Неба?» Кун-цзы ответил: «Ценит его бесконечно. Если солнце и луна, восток и запад без конца следуют друг за другом – это Дао Неба. Не останавливается и длится вечно – это Дао Неба. Осуществляет недеяние, а вещи совершаются – это Дао Неба. Совершенное и просветленное – это Дао Неба».

IV, 11. Гун сказал: «Я – темный и недалекий человек, счастье в том, что Учитель терпеливо излагает [свои] мысли». Кун-цзы почтилительно встал со своего места и ответил: «Человеколюбивый человек не превышает [меры] вещей, почтительный сын не превышает [меры] родственной близости. Поэтому человеколюбивый человек служит родителям подобно тому, как служит Небу. Служить Небу подобно тому, как служат родителям, – это называется самосовершенствованием почтительного сына».

IV, 12. Гун сказал: «Я уже слышал об этом, но как же быть, если в дальнейшем я совершу ошибку?» Кун-цзы ответил: «Если правитель так говорит, то это уже счастье для чиновника!»

Глава V

Разъяснения поведения конфуцианца

V, 1. Кун-цзы был в [царстве] Вэй. Жань Цю сказал Цзи-суню¹: «Если в стране есть совершенномудрые, но их не используют и при этом хотят достойно управлять страной – это подобно тому, как идти по дороге и [одновременно] пятиться, чтобы пропустить впереди идущих. Кун-цзы сейчас находится в Вэй, необходимо использовать его [талант]. Когда у нас самих есть талантливые [люди], руководствуясь их дарованиями, помогать сопредельным государствам – это нельзя назвать мудрым ходом. Прошу принять [Кун-цзы], как подобает в данном случае». Цзи-сунь передал эти слова Ай-гуну, тот поступил должным образом. Кун-цзы уже вернулся в [Лу] и поселился во дворце Ай-гуна. Гун поднялся по восточной лестнице², чтобы встретить Кун-цзы, Кун-цзы зашел в зал и занял свое место рядом с Ай-гуном.

V, 2. Гун спросил: «Одежда Учителя – это платье конфуцианца?»³. Кун-цзы ответил: «В молодости я жил в Лу и носил платье с широкими рукавами⁴. В зрелом возрасте я жил в Сун и носил головной убор времен эпохи Инь. Я слышал, что учение благородного мужа обширно, а его одежды просты. Поэтому не знаю, можно ли назвать мои одежды платьем конфуцианца».

¹ Т.е. Цзи Кан-цзы. Цзи Кан-цзы 季康子, или Цзи-сунь Фэй 季孙肥 (491–468 гг. до н.э.) – сын Цзи Хуань-цзы, из клана Цзи-сунь, главный министр царства Лу, служил лускому Ай-гуну.

² Парадная (восточная) лестница (цзоцзе 阼阶) – место встречи почетных гостей.

³ Здесь и далее данная глава почти полностью совпадает с главой «Жу син» («Поведение конфуцианца») «Ли цзи» [Ли цзи]. О.А. Бонч-Осмоловская отмечает: «Комментирующие главы Кун-цзы цзя юй в своем подавляющем большинстве являются комментариями к Ли цзи – иногда к главам из версии Сяо Дай Ли цзи, иногда к главам из версии Да Дай Ли цзи. Поскольку весь корпус Кун-цзы цзя юй обозначен, как „цзя юй“, т.е. „школьные беседы“, то каждая из его глав фиксирует диалоги Конфуция с учениками и консультировавшимися у него политиками» см.: [Бонч-Осмоловская 2020: 30].

⁴ Платье с широкими рукавами (фэнъе чжи и 逢掖之衣) – одежда ученого мужа, парадное одеяние.

V, 3. Гун спросил: «Что называется поведением конфуцианца?» Кун-цзы ответил: «Вкратце не скажешь об этом, а если рассказывать подробно, то можно говорить бесконечно». Гун приказал приготовить место для Кун-цзы.

V, 4. Кун-цзы сел рядом с [Ай-гуном] и сказал: «Конфуцианец обладает драгоценными знаниями и ожидает приглашения на службу, с утра до ночи он постоянно учится и ожидает вопросов со стороны. Лелеет в груди преданность и верность в ожидании назначения на пост, энергично действует в ожидании выдвижения. Таким образом [конфуцианец] самосовершенствуется.

V, 5. Одежда и головной убор конфуцианца соответствуют середине, его действия осмотрительны; уступая в важном, он ведет себя так, словно он недостойн; уступая в малом, он ведет себя так, словно он лживый. Делая важные дела, он ведет себя так, словно он всемогущий, делая мелкие дела, он ведет себя так, словно он ничтожный. С трудом идет вперед, но легко отступает назад; благоговейный, словно беспомощный. Вот каков внешний вид конфуцианца.

V, 6. В жизни конфуцианец благопристоен, он двигается почтительно, его речи непременно искренни и правдивы, его поступки справедливы и соответствуют середине. Тернистый или ровный путь, зимой или летом, в холод или в жару – для него не имеет значения. Пока не наступила смерть, он ценит свою жизнь, пестует тело для того, чтобы исполнить свой долг. Конфуцианец всегда поступает таким образом.

V, 7. Конфуцианец не ценит золото и яшму, он ценит преданность и верность. Не радеет о том, чтобы получить земли, его земли – это человеколюбие и долг. Не стремится к тому, чтобы накопить богатство, его богатство – это культура-*вэнь*. Редко принимает, но часто отдает, с легкостью расстается, но с трудом накапливает [для себя]. Когда господствуют дурные [нравы], он не служит, разве не так? Он не делает того, что не соответствует долгу, разве не так? Сначала трудится, а потом получает жалованье, разве не так? Так он сближается с человеческими чувствами.

V, 8. Конфуцианец отставляет без внимания имущество и богатство и не стремится к ним. Его увлекают удовольствиями, но он не теряет головы. Ему угрожают со всех сторон, но он не испытывает страха. Пусть даже целое войско преграждает ему путь, но он не покоряется. Никакой выгодой не поколебать его чувство долга. Под

страхом смерти не отказывается от своих принципов. Хищные птицы бьют его крыльями, дикие звери вцепляются в него когтями, но он остается храбрым. Держит тяжелый треножник, но силы не покидают его. Не сожалеет о прошлом, не колеблется перед лицом будущего. Ошибившись в словах, [конфуцианец] не повторяет ошибок, слыша сплетни, он не принимает их во внимание. Не теряет достоинства, не строит хитрых планов. [Конфуцианец] поступает таким образом.

V, 9. Конфуцианец может обладать родственной близостью, но не может угрожать, он может сближаться, но не может понуждать, может казнить, но не может опозорить. В жизни он не преступает границ, в пище и питии не превышает меры, если кто-то совершает проступок, он указывает на него намеком, но не высказывает своего порицания напрямую. Его твердость и стойкость проявляются таким образом.

V, 10. Для конфуцианца латы и доспехи – это преданность и верность. Его большие и малые боевые щиты – ритуал и долг. Он действует на основании человеколюбия, ведет дела, полагаясь на долг. Даже если процветает тирания, он не изменяет себе. Он самосовершенствуется таким образом.

V, 11. Жилище конфуцианца скромное, убогая лачуга с голыми стенами, ворота из бамбука, дверь из соломы, вместо окна – битый глиняный кувшин. [Конфуцианец] приводит в порядок одежду и выходит в свет, он растягивает дневную норму пищи на два дня. Когда согласен с правителем, то не сомневается в его словах, когда же не согласен – не льстит ему. [Конфуцианец] служит таким образом.

V, 12. Конфуцианец живет вместе со своими современниками, но склоняется в земном поклоне перед предками, он действует в нынешний век, но является образцом для грядущих поколений. Если не удастся поймать удачу за хвост, то он не стремится выдвинуться на высшие должности и в то же время не жаждет уйти от ответственности. Если существует сообщество, которое угрожает его погубить, то в том опасность только для его тела, волю же его сломить нельзя. Пусть даже опасность угрожает его жизни, он может пустить в ход свою волю, однако не сможет забыть о бедствиях простого люда. Заботы и думы [конфуцианца] только об этом.

V, 13. Конфуцианец обладает обширными познаниями и никогда не перестает [учиться], он решителен в поступках и неумолим, жи-

вет в уединении и не ведает порока, он становится известным [своей службой] государю и не ведает усталости. [Конфуцианец] использует ритуал для того, чтобы гармонизовать [Поднебесную], когда он на отдыхе, то руководствуется правилами. Он стремится быть достойным и великодушно относиться к людям, приуменьшает свои заслуги, чтобы сблизиться с людьми⁵. Его великодушные и щедрость проявляются таким образом.

V, 14. Когда конфуцианец выдвигает тех, кто внутри, он не придает значения родственным узам, когда выдвигает тех, кто снаружи, он не избегает встречи с врагом. Заслуги [конфуцианца] велики, но он не жаждет высокого жалования. Выдвигает достойных, дает дорогу способным и не надеется на воздаяние. Государь использует его волю, народ полагается на его добродетель. [Конфуцианец] желает пользы для страны, но не стремится к [собственному] богатству и могуществу. Так он выдвигает достойных.

V, 15. Конфуцианец содержит в чистоте свое тело и омывается в добродетели. Высказывает свое мнение и повинуется [воле государя]. Говорит и исправляет [ошибки государя], так, что последний не замечает этого. [Конфуцианец исправляет ошибки государя] безмолвно и украдкой, а также без злобы. Занимает высокий [пост], но не возвеличивает себя, у него много [заслуг], но он не кичится ими. Когда в Поднебесной спокойствие – он не становится легкомысленным, когда в Поднебесной смута – он не становится подавленным. Он не противостоит тем, кто с ним согласен, и не обвиняет тех, кто с ним не согласен. Таким образом проявляется его независимость во мнениях и поступках.

V, 16. Иногда конфуцианец не занимает ни высший [пост] подчиненного Сына Неба, ни низший пост служителя у *чжухоу*. Он почтителен и спокоен, осмотрителен и сдержан. Он непреклонен и упорен, чем приносит пользу людям, его познания обширны, чем устремляется к мудрости. Пусть даже в его владении целая страна, он почитает это мелочью и никогда не становится чьим-то слугой. Его намерения таковы.

V, 17. Конфуцианец находится в согласии с устремлениями [других людей], следует правилам [ритуала], стремится к Дао, собирает воедино [принципы] искусства [управления]. Он радуется, когда живет с равными, и не пренебрегает низшими. Расставаясь с друзьями,

⁵ Досл.: «сбить боковые грани, и изразцы сойдутся» (*хуэй фан ва хэ* 毀方瓦合).

он не верит сплетням о них. Действует согласно с долгом и отвергает то, что противоречит долгу. Таков [конфуцианец] в общении с [другими людьми].

V, 18. Поэтому мягкость и доброта – корень человеколюбия, внимательность и уважение – основа человеколюбия, душевная широта и щедрость – ремесло человеколюбия, скромность и радушие – сила человеколюбия, ритуал и мера – облик человеколюбия, [должные] речи и высказывания – знаки человеколюбия, песни и музыка – гармония человеколюбия, разделение и распространение – осуществление человеколюбия. Все конфуцианцы обладают этими качествами, но никто не осмелится сказать, что он обладает человеколюбием. В этом почтительность и уступчивость конфуцианца.

V, 19. Конфуцианец не страшится бедности и не теряет голову от богатства, не позорит государя и не создает трудностей вышестоящим, не тревожит чиновников, поэтому и называется конфуцианцем. Ныне же имя конфуцианца оболгано, в народе часто высмеивают конфуцианцев».

V, 20. Услышав такие речи, Ай-гун стал говорить более доверительно, вести себя более уважительно и сказал: «Пусть даже я погибну, но больше никогда в жизни не буду потешаться над конфуцианцами!»

Глава VI О ритуале

VI, 1. [Луский] Ай-гун спросил Кун-цзы: «Учитель говорит о ритуале, который надо почитать, что же такое Великий ритуал?» Кун-цзы ответил: «Я, Цю – простолюдин, мне не дано знать о Великом ритуале!» Гун сказал: «Мой Учитель, ответьте же!» Кун-цзы ответил: «Среди всех живущих в мире важен ритуал. Без ритуала нельзя служить духам Неба и Земли, без ритуала не разделить правителя и чиновника, высших и низших, старших и младших, без ритуала не установить отношения между мужчинами и женщинами, между отцами и детьми, между старшим и младшим братьями, не установить брачные отношения и отношения родства, не различить близких и дальних родственников. Вот почему благородный муж сначала сам почитает ритуал, а затем с его помощью обучает народ послушанию, непрестанно [обучает] соответствию с границами [ритуала]. [Благородный муж] дожидается, пока [обучение] принесет свои плоды, а потом наказывает вырезать иероглифы на камне и вышивать узоры на одеждах, чтобы разделить высших и низших. Когда народ послушен, с ним можно говорить о порядке жертвоприношения покойным [предкам], о последовательности [расположения табличек] в храме предков. [Обучать тому, как] классифицировать жертвенных животных, как готовить сушеное мясо [для жертвоприношения], совершать [жертвоприношения] согласно временам года. [Ритуал нужен для] того, чтобы благоговейно поклоняться [духам предков], различать близких и дальних родственников, устанавливать последовательность отцовского и сыновнего рядов¹, а после жертвоприношения устраивать пир для членов рода. [Благородный муж] довольствуется своим [небольшим] жилищем, живет в дружбе и любви с родственниками, его дом невысокий, его экипаж и одежды не превосходят дозволенной меры, его повозка не инкрустирована яшмой, а на

¹ *Чжао му* 昭穆 – отцовский (левый) и сыновний (правый) ряды (порядок старшинства в расположении храмов предков, могил, табличек с именами предков и т.д., в правах и обязанностях наследников; к отцовскому ряду относятся 2-е, 4-е и т.д. поколения, считая от основателя рода, к сыновнему 3-е, 5-е и т.д. поколения).

ритуальных сосудах нет гравировки, в еде он скромнен и неприветлив, в сердце не таит распутных желаний, а потому его интересы совпадают с интересами народа. Просвещенные ваны древности осуществляли ритуал таким образом». Гун спросил: «Почему же нынешние правители так не поступают?» Кун-цзы ответил: «Нынешние правители жаждут выгоды [для себя], не довольствуются тем, что имеют, неутомимы в разврате, ленивы и распущенны. Они истощают народ до крайней степени, чтобы удовлетворить свои желания, [не замечая] ненависти народа, несогласия людей, несоответствия с Дао. Они не остановятся ни перед чем для достижения собственных целей; расправы и казни – вот их метод управления [Поднебесной]. Поэтому в древности управляли народом так, как было сказано вначале, ныне же управляют народом так, как сказано в конце [моей речи]. Нынешние правители не могут действовать согласно с ритуалом».

VI, 2. Янь Янь² спросил: «Учитель исчерпывающе передал суть ритуала, но все же осмелюсь спросить еще раз!» Кун-цзы ответил³: «Я желал созерцать Дао [эпохи] Ся, поэтому поехал в [царство] Ци⁴, не нашел там свидетельств [Дао Ся], но овладел „Ся ши“⁵. Я желал созерцать Дао [эпохи] Инь, поэтому поехал в [царство] Сун⁶, не нашел там свидетельств [Дао Инь], но овладел „Цянь куй“⁷. Смысл „Ся ши“ и последовательность „Цянь куй“ – по ним я созерцаю [Дао Ся и Инь]. Поэтому начало ритуала происходит от пищи и питья. Во времена Великой Древности варили просо в котелке и резали свинину, выкапывали ямы в земле и из них пили [воду], били в глиняные барабаны колотушками, сделанными из земли и травы, с тем, чтобы выразить уважение душам умерших. Когда кто-то умирал, то люди поднимались на крышу [дома умершего] и кричали: Эй! Некто вер-

² Янь Янь 言偃 (род. 506 г. до н.э.) – ученик Кун-цзы, по имени – Цзы Ю 子游.

³ Совпадает с отрывком из «Ли цзи», глава «Ли юнь» («Движение ритуала») [Ли цзи]. В «Кун-цзы цзя юй» гл. XXXII также носит название «Ли юнь» («Движение ритуала»).

⁴ Царством Ци управляли потомки династии Ся. Подробнее см.: [Древнекитайская философия, М., 1973: 343].

⁵ По мнению ряда китайских ученых, этот текст в современном виде входит в состав «Да Дай ли цзи». Подробнее см.: [Ван Шэньюань 2014: 58]. Российский синолог И.С. Лисевич переводит данный термин как «сяские календари». Подробнее см.: [Древнекитайская философия 1973: 103].

⁶ В эпоху Чуньцю в царстве Сун правили наследники династии Инь. Подробнее см.: (Там же: 343).

⁷ Цянь 乾 – Небо и Куй 坤 – Земля, название двух первых гексаграмм «И цзина».

нись скорее!⁸. Затем клали в рот [умершему] просо, а после [погребения] поминали вареным [мясом]; тело внизу, душа-хунь и дух-ци наверху, вот почему взирали на Небо, а погребали в Земле. Поэтому отсюда повелось, что голова живого обращена к югу, а голова мертвого к северу. У ванов древности не было дворцов, зимой они жили в рукотворных пещерах, летом строили хворостяные жилища-гнезда, не готовили пищу на огне, ели сырую траву, мясо животных и птиц, пили их кровь, жевали их перья и шерсть, [в те времена] не было шелка и конопли, одеждой служили шкуры и перья. Благодаря деяниям совершенномудрых обрели пользу огня, стали отливать из металла и лепить из глины, чтобы строить террасы, вышки, дворцы, делать двери и окна в них; чтобы тушить и жарить, варить и сушить [мясо], делать молодое вино; стали использовать шелк и коноплю, чтобы изготавливать шелковые и холщовые ткани; стали поддерживать живых родителей и по ритуалу хоронить мертвых, чтобы служить душам предков. Поэтому священное вино⁹ для возлияний ставили в комнате, молодое вино и чарку для него – во дворе, вино из проса – в зале, очищенное вино ставили ниже, располагали жертвенных животных по порядку, расставляли треножки и подносы [для жертвенного мяса], ставили в ряд цитры, гусли, флейты, каменные гонги, колокола и барабаны – все для того, чтобы молить о ниспослании блага, почтить духов Неба и духов предков; чтобы [установить] правильные отношения между государем и чиновником, искренность отца и сына, привязанность между братьями; чтобы приводить в порядок высших и низших, утвердить роли мужчин и женщин. Это называлось принять волю Неба. Во время молитвы использовали священное вино для возлияний, приносили в жертву [животных], использовали их кровь и шерсть, клали сырое мясо на ритуальные подносы, жарили мясо, расстлали циновки, покрывали их холщовой тканью, надевали крашенные ритуальные одежды из шелка, подносили молодое вино в чарках, совершали жертвоприношение жареным мясом. Государь и супруга вместе совершали ритуал, чем и радовали души умерших. Это называлось обрядом общения с духами. Затем в котле целиком варили туши собак и свиней, быков и баранов, наполняли короба для жертвенного зерна, жертвенные

⁸ Тем самым призывали душу вернуться в тело умершего.

⁹ В древности при совершении ритуала использовали воду священного черного цвета, которую называли «священным вином».

сосуды для проса, плетеные бамбуковые сосуды для плодов, деревянные чаши для мяса, треножники для жертвенного супа. В молитве руководствовались сыновней почтительностью, в благопожелании – [отеческой] милостью. Это называлось великим жертвоприношением. В том есть полное совершенство ритуала».

Глава VII

Разъяснения о пяти типах людей

VII, 1. [Луский] Ай-гун спросил Кун-цзы: «Я хотел бы править вместе с [достойными] лускими служилыми-*ши*, скажи, Учитель, как узнать их?» Кун-цзы ответил: «Живут в настоящую эпоху, но следуют древнему Дао, придерживаются современных обычаев, но носят древнюю одежду. Тот, кто поступает таким образом, разве он не служилый-*ши*?»

VII, 2. [Гун] спросил: «Разве каждый, кто надевает головной убор эпохи Инь, обувь с узорчатыми носами, повязывает пояс со свисающими концами¹, является достойным человеком?» Кун-цзы ответил: «Конечно, нет. Я говорил совсем не об этом. Тот, кто надевает праздничные одежды и парадный головной убор, садится в экипаж, его помыслы вовсе не о том, как поесть пряных [овощей]. Тот, кто надевает траурное платье с неподрубленными краями², соломенные сандалии, берет в руки траурный посох и пьет жидкую кашу, его помыслы вовсе не о том, как выпить и закусить. Такого рода люди живут в настоящую эпоху, но следуют древнему Дао, придерживаются современных обычаев, но носят древнюю одежду».

VII, 3. Гун сказал: «Прекрасные слова! Речь только об этом?» Кун-цзы ответил: «Существует пять типов людей: заурядный человек, служилый-*ши*, благородный муж, достойный человек и совершенномудрый. Если познаешь эти пять типов людей, то в совершенстве [познаешь] методы управления страной».

VII, 4. Гун сказал: «Осмелюсь спросить, кого называют заурядным человеком?» Кун-цзы ответил: «Заурядным человеком называ-

¹ Головной убор эпохи Инь, обувь с узорчатыми носами, пояс со свисающими концами – одеяние гражданского чиновника.

² Как отмечает С.М. Георгиевский, это «необрубленное траурное одеяние, чжан-цуй, шьется из самого грубого посконного холста с полами и подолом неподрубленными. При сем одеянии колпак употребляется посконный, башмаки травяные, посох бамбуковый. Сей траур называется трехгодичным. Разумея под годами 27 действительных месяцев, но с исключением високосного (дополнительного. – *Пер.*) месяца...» [Георгиевский 2015: 14].

ют того, кто сердцем не задумывается о правилах [поведения], чьи уста не изрекают истины, кто не берет за образец достойных, не отдает все силы, чтобы усмирять себя. Такой человек сведущ в пустяках, но не в силах понять главного, не знает своих обязанностей; плывет по течению, не ведая, за что ухватиться. Вот кого называют заурядным человеком».

VII, 5. Гун спросил: «Кого называют служилым-*ши*?» Кун-цзы ответил: «Служилым-*ши* называют того, чье сердце непоколебимо, чьи замыслы определены. [Такой человек] хотя и не до конца постигает корень искусства управления государством, но непременно четко придерживается [принципов должного управления]. Хотя не соединяет в себе красоту всех добродетелей, но непременно четко придерживается [принципов добродетели]. Поэтому его знаний не обязательно много, но он непременно проверяет их. Его речи не обязательно многословны, но он непременно проверяет то, что сказано. Его поступков не обязательно много, но он непременно проверяет причину своих поступков. Если знания исконно являются знаниями, если речи исконно истинны, если поступки исконно имеют причину, то, подобно оболочке природы-*син* и судьбы-*мин*, их не изменить. Богатые и знатные не приносят ему пользы, бедные и худородные не приносят ему вреда. Вот кого называют служилым-*ши*».

VII, 6. Гун спросил: «Кого называют благородным мужем?» Кун-цзы ответил: «Благородным мужем называют того, чьи речи обладают преданностью и верностью, чье сердце непоколебимо. Он несет в себе человеколюбие и долг, его внешний вид не вступает в противоречие с внутренним содержанием. Его мысли проникают в просветленное, в его речах нет самоуверенности. Со всей искренностью верит Дао и постоянно самосовершенствуется. Его внешнее спокойствие как будто бы легко преодолеть, однако он никогда не переступает границы [должного]. Вот кого называют благородным мужем».

VII, 7. Гун спросил: «Кого называют достойным человеком?» Кун-цзы ответил: «Достойным человеком называют того, чья добродетель не выходит за рамки, чье поведение берут за правило. Его речам может следовать вся Поднебесная, не навлекая на себя беду. Его Дао достаточно для того, чтобы воспитать народ, не навлекая на себя беду. Если он богат, то в Поднебесной нет нужды накапливать богатства, он жертвует [свои богатства], и в Поднебесной нет сирых и убогих. Вот кого называют достойным человеком».

VII, 8. Гун спросил: «Кого называют совершенномудрым?» Кун-цзы ответил: «Совершенномудрым называют того, чья добродетель едина с Небом и Землей, кто сообразен с переменами. Он познал начало и конец десяти тысяч вещей, он соответствует множественным проявлениям естества. Он распространяет Великое Дао и благополучно завершает сущность [десяти тысяч вещей]. Его просвещенность подобна солнцу и луне, его образованность подобна божеству, простой народ даже не знает о его добродетели, его видят, но не ведают, что он рядом с ними. Вот кого называют совершенномудрым».

VII, 9. Гун сказал: «Прекрасно! Если бы Учитель не был достойным человеком, я не услышал бы таких речей! Но я родился во внутренних покоях дворца, воспитывался женщиной, я не знаю, что такое скорбь, не знаю, что такое печаль; не знаю, что такое трудности, не знаю, что такое страх; не знаю, что такое опасность. Боюсь, я не смогу обучать пять типов людей, как же быть?» Кун-цзы ответил: «Ваши речи говорят о том, что вы уже poznali [пять типов людей], а потому мне нечего добавить». Гун сказал: «Если бы не Учитель, то мое сердце не обрело бы наставлений. Прошу, говорите еще!» Кун-цзы ответил: «Государь входит в храм предков и, поднимаясь по правой лестнице, смотрит вверх и видит перекладины, смотрит вниз и видит циновки, все таблички [с именами предков] находятся на своих местах, но самих родных людей не видно, поэтому государь размышляет о скорби и познаёт скорбь. Еще до восхода солнца он встает, приводит в порядок свое платье и головной убор, ранним утром он дает аудиенцию, обдумывает, какие опасности грозят его [стране], если одна вещь не на своем месте, вся страна может погибнуть в смуте, поэтому государь размышляет о печали и познает печаль. С восхода солнца и до обеда он слушает о принципах должного управления страной, затем принимает *чжухоу*, детей и внуков, которые приходят в качестве гостей, они взаимно приветствуют друг друга, внимательны к правилам этикета, поэтому государь размышляет о трудностях и познает трудности. Предаваясь мечтам о глубокой древности, выходя за ворота стен столицы, объезжая страну, пристально всматриваясь вдаль, он видит руины разрушенных государств и [осознает], что в этом непременно есть закономерность; поэтому государь размышляет о страхе и понимает страх. Вот почему государь – лодка, а простой люд – вода, вода мо-

жет нести лодку, но может и перевернуть ее. Поэтому государь размышляет об опасности и понимает опасность. Если государь понимает эти пять вышперечисленных ситуаций и мало-помалу обращает внимание на пять типов людей, то разве он может допустить промах в управлении страной?»

VII, 10. [Луский] Ай-гун спросил Кун-цзы: «Скажите, по какому принципу выбирать людей?» Кун-цзы ответил: «Выбирая чиновника на каждую должность, не следует выбирать хитрого в речах, не следует выбирать изворотливого, не следует выбирать многословного. Хитрый в речах – жаден, изворотливый – мятежен, многословный – распущен. Поэтому лук сначала осматривают, а потом проверяют его силу; лошадь сначала запрягают, а потом проверяют, хороша ли она; к служилому сначала необходимо приглядеться, а потом использовать его ум. Не присмотревшись использовать [служилого] подобно тому, как приближаться к шакалам и волкам».

VII, 11. [Луский] Ай-гун спросил Кун-цзы: «Я желал бы, чтобы моя страна, будучи маленькой, могла себя защитить, будучи большой, могла бы нападать [на другие страны], но как добиться этого?» Кун-цзы ответил: «Нужно, чтобы при дворе соблюдали ритуал, чтобы низшие и высшие жили в гармонии с родственниками, чтобы народ Поднебесной был государевым народом, тогда никто не посмеет напасть [на вас]! Если отступить от Дао, то народ взбунтуется и вам придется держать ответ, тогда никто не сможет защитить [вас]!» Гун сказал: «Верно [сказано]!» Поэтому Ай-гун отменил запрет [на обработку земли] в горах, лесах и на болотах, снизил таможенные пошлины, чем оказал милость народу.

VII, 12. [Луский] Ай-гун спросил Кун-цзы: «Я слышал, что благородный муж не играет в азартные игры, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Верно». Гун спросил: «Почему же?» Кун-цзы ответил: «Потому что существуют двое». Гун спросил: «Если есть двое, то почему же не сыграть?» Кун-цзы ответил: «Потому что взаимная [борьба] – это Дао зла». Ай-гун был напуган, затем воскликнул: «До чего же глубока ненависть благородного мужа к злу!» Кун-цзы сказал: «Если его ненависть к злу не слишком глубока, то и любовь к благу не слишком глубока. Если любовь к благу не слишком глубока, то и чувство родственной близости народа по отношению к вышестоящим не слишком глубоко. В „Ши цзин“ сказано: Когда не вижу благородного мужа, то на сердце тоска, как только я его увижу, как только

встречусь с ним, то на сердце радость³. „Ши цзин“ – вот где Дао блага [раскрывается] со всей глубиной!» Гун сказал: «Великолепно! Поэтому благородный муж содействует тому, кто творит благо, но отказывается содействовать тому, кто творит зло. Если бы не Учитель, я не узнал бы об этом!»

VII, 13. [Луский] Ай-гун спросил Кун-цзы: «Существование или гибель страны, ее процветание или упадок вверяется Небесной судьбе, а не человеку?» Кун-цзы ответил: «Существование и гибель, процветание и упадок – все [зависит] от человека, и только. Но стихийные бедствия от него не зависят». Гун сказал: «Великолепно! О каких событиях говорит Учитель?» Кун-цзы сказал: «В древности, во времена правления иньского вана Ди Синя, на углу городской стены маленькая пташка родила большую птицу. В гадании сказано: „Всякий раз, когда от малого рождается большое, страна непременно будет [Поднебесной] вана и будет процветать“. В результате чего Ди Синь руководствовался добродетелью маленькой пташки, не совершенствовался в управлении страной, был безгранично надменным, придворные чины не могли усмирить его, внешний враг [вторгся на территорию], и государство Инь перестало существовать. Когда человек идет против Небесного случая, благополучие может обернуться бедой. В прежние времена правления иньского вана Тай У Дао было в недостатке, а правила были нарушены, поэтому на царском дворе вырос вредоносный побег тутовника, через семь дней он стал в две ладони в объёме. В гадании сказано: „Если тутовник или дикие растения вырастают на царском дворе – это может привести к гибели государства!“ Тогда Тай У испугался и начал самосовершенствоваться, размышлял над принципами управления прежних ванов, вникал в Дао возвращения народа. Спустя три года даже в отдаленных землях стремились следовать долгу, гонцы из шестнадцати стран являлись ко двору [Тай У]. Когда человек идет против Небесного случая, беда может обернуться благополучием. Поэтому стихийные бедствия – предостережение для правителя, а увидеть диковинные вещи – предостережение для чиновников. Но даже стихийным бедствиям не разрушить благого правления, диковинным вещам не преодолеть благих деяний. Знающий об этом достигнет вершины порядка. Только просвещенные ваны достигали этого».

³ «Ши цзин» I, II, 1 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 22].

Гун сказал: «Если бы я не был столь невежественным, то не услышал бы наставлений благородного мужа!»

VII, 14. [Луский] Ай-гун спросил Кун-цзы: «Мудрец обладает долголетием? Человеколюбивый обладает долголетием?» Кун-цзы ответил: «Верно! Человек умирает в трех случаях, и они зависят от него самого, а не определяются судьбой. Когда спят и бодрствуют не в свое время, когда вкушают пищу без меры, когда отдых и труд не подчинены правилу, тогда убивают посредством болезней. Когда занимают низшее место, но вторгаются в дела высших, когда ненасытны в плотских страстях и желания не иссякают, тогда убивают посредством наказаний. Когда меньшинство бесцеремонно вмешивается [в дела] большинства, когда слабый оскорбляет сильного, когда гнев и ярость не соответствуют требованиям [блага], когда действия не соразмеряются с силой, тогда убивают посредством военной мощи. В этих трех случаях смерть не исходит от судьбы, она зависит от человека. Поэтому мудрый и человеколюбивый знает меру, в работе и отдыхе руководствуется чувством долга, радость и гнев [проявляет] своевременно, не вредит своей природе, а потому разве не закономерно, что он обретает долголетие?»

Глава VIII

Тщательно обдумывать

VIII, 1. Кун-цзы отправился на север, к горе Нуншань, Цзы Лу, Цзы Гун¹ и Янь Юань² прислуживали ему. Кун-цзы окинул взором местность и со вздохом произнес: «Здесь любой вопрос можно тщательно обдумать! Пусть каждый из вас выскажет свои устремления, а я выберу [лучшее]». Цзы Лу выступил вперед и сказал: «Я хотел бы [держать] стрелы с белыми точно луна и красными точно солнце перьями, [слушать] звук колокола и барабана, [видеть] множество знамен на Небе и на Земле. [Я] поведу за собой войско и отброшу неприятеля на тысячу *ли*. Я вырву знамя из рук врага, ведь только я смогу сделать это, и пускай ученики [Цзы Гун и Янь Юань] последуют за мной!» Учитель сказал: «Храбрец!» Цзы Гун тоже выступил вперед и сказал: «Я желаю, чтобы царства Ци и Чу сошлись в бою на широком поле, два вала устроят друг напротив друга, воздух будет сжатый, и вот воины готовятся обнажить клинки. И тогда я весь в белых одеждах изложу свои доводы, расскажу о пользе и вреде [битвы], поведаю о бедствиях, которые ждут страну впереди. Ведь только я смогу сделать это, и пускай ученики [Цзы Лу и Янь Юань] последуют за мной!» Учитель сказал: «Прекрасно сказано!» Янь Хуэй молча отступил назад. Кун-цзы воскликнул: «Хуэй! Подойди! Разве тебе нечего сказать?» Янь Хуэй ответил: «О военном искусстве и культуре уже сказали Цзы Лу и Цзы Гун, мне нечего добавить к их словам!» Кун-цзы сказал: «Между тем каждый говорил о своих устремлениях, скажи и ты, мой мальчик!» [Янь Хуэй] ответил: «Я слышал, что ароматные и зловонные травы хранят в разных сосудах, тиран Цзе³ и государь Яо не управляли [Поднебесной] вместе,

¹ Цзы Гун 子贡 (520–456 гг. до н.э.) – ученик Кун-цзы, известен также под именем Дуаньму 端木賜.

² Янь Юань 颜渊 (521–481 гг. до н.э.) – ученик Кун-цзы, известен также под именем Янь Хуэй 颜回.

³ Цзе 桀 или Люй Гуй 履癸, или Ся Цзе 夏桀 (1654–1600 гг. до н.э.) – последний государь мифической династии Ся, правил в 1652–1600 гг. до н.э., подобно Чжоу (Ди Синю) был жестоким тираном.

так как были несхожи между собой. Я желал бы помогать просвещенным ванам и совершенномудрым правителям, [я хотел бы] распространять „пять учений“⁴, управлять посредством ритуала и музыки. Я повелю народу не воздвигать городские стены, не переходить защитные рвы, переплавить мечи и трезубцы на сельскохозяйственные орудия, пасти скот на равнинах и лугах, [тогда] жены не будут тосковать по своим покинувшим дом мужьям, тысячи лет не будет бедствий от войны. И потому не будет нужды в храбрости и красноречии». Учитель принял строгий вид и сказал: «[Такая] добродетель прекрасна!» Цзы Лу поднял руки и спросил: «Учитель, кого вы выбираете?» Кун-цзы ответил: «Не расточать богатство, не вредить народу, не разглагольствовать понапрасну – все это есть в [словах] малыша Яня».

VIII, 2. Жил в царстве Лу один скупец, как-то раз он сварил похлебку, попробовал и решил, что похлебка удалась. Налил похлебку в глиняный горшок-треножник и преподнес Кун-цзы. Кун-цзы с такой радостью принял похлебку, будто это было ритуальное кушанье. Цзы Лу спросил: «Сосуд сделан грубо, похлебка тоже самая простая, почему же Учитель так рад?» Учитель ответил: «Потому что хороший советник думает о государе, тот, кто ест вкусную пищу, вспоминает о своих родных. Я ценю не столовую утварь, я ценю то, что, вкушая пищу [этот человек], вспомнил обо мне!»

VIII, 3. Кун-цзы был в царстве Чу, один рыбак преподнес ему рыбу. Но Кун-цзы отказался, тогда рыбак сказал: «День сегодня жаркий, а рынок далеко, где мне продать рыбу? Чем выбросить ее, не лучше ли преподнести благородному мужу? Поэтому я и посмел подойти к вам». Тогда Учитель дважды поклонился и принял [подарок]. Затем он велел ученикам подмести пол и приготовиться к жертвоприношению рыбой. Ученики спросили: «Этот [человек] хотел выбросить [рыбу], а Учитель собирается принести ее в жертву, почему же?» Кун-цзы ответил: «Я слышал, что если человек, приготовив пищу, сожалеет [если она испортится] и отдает ее другому, то такого называют человеколюбивым. Где же это видно, чтобы не принести в жертву то, что отдал тебе человеколюбивый?»

⁴ Пять учений (у цзяо 五教) – обучение нормам человеческих отношений.

VIII, 4. Цзи Гао⁵ был судебным инспектором в царстве Вэй, [он повелел] отрубить ступни⁶ одному человеку. Вскоре в Вэй некто Куай Куй⁷ поднял мятеж⁸, Цзи Гао обратился в бегство, когда он подошел к городским стенам, то [увидел] человека с отрубленными ступнями, тот сказал Цзи Гао: «Здесь [у стены] выщерблен кусок!» Цзи Гао ответил: «Благородный муж не перелезает [таким образом]». [Тот человек] еще раз сказал: «Здесь есть щель!» Цзи Гао ответил: «Благородный муж не лезет [в щели]». [Тот человек] еще раз сказал: «Здесь есть комната!» Цзи Гао зашел [в эту комнату]. Вскоре преследовавшие [Цзи Гао] скрылись, и, когда [Цзи] Гао решил уходить, он спросил человека с отрубленными ступнями: «Я не мог нарушить закон государя, поэтому лично [приказал] отрубить тебе ступни. Ныне я в затруднении, но ты не роптал, а трижды предложил мне спастись, почему же?» Человек с отрубленными ступнями ответил: «Мне отрубили ступни, потому что я совершил преступление, тут уж ничего не поделаешь. Я знаю, что некогда господин усмирлял меня на основе законов и приказов, вначале [карал] других людей, затем меня, надеясь, что я спасусь. Приговор определяет степень виновности, когда же объявляли приговор, вы, мой господин, были печальны, взглянув на выражение вашего лица, я все понял. Неужели благородный муж пойдет на поводу у личных симпатий! Небо породило благородного мужа, его Дао незыблемо, поэтому ваш покорный слуга предложил [три пути спасения]». Кун-цзы, услышав

⁵ Цзи Гао 季羔, или Цзы Гао 子羔, или Гао Чай 高柴 (род. 521 г. до н.э.) – уроженец царства Вэй, ученик Кун-цзы.

⁶ Отрубить ступни (юэ цзу 刖足) – один из пяти видов наказаний (у син 五刑): клеймение, отрезание носа, отрубание пальцев на ногах (ступней), кастрация, смертная казнь.

⁷ Куай Куй 蒯聩, или вэйский Чжуан-гун 卫庄公 (ум. 478 г. до н.э.) – правитель царства Вэй (480–478 гг. до н.э.). Р.В. Вяткин называет его Куй Куй.

⁸ Об этом см.: Ши цзи, гл. «Чжунни ди-цзы ле чжуань» («Жизнеописания учеников Конфуция»): «У вэйского Лин-гуна была в свое время любимая наложница, ее звали Нань-цзы. Наследник Лин-гуна по имени Куй Куй провинился перед Нань-цзы и, боясь казни, бежал. Когда Лин-гун умер, его вдова хотела поставить у власти Чжэ. Он стал Чу-гуном. Он правил 12 лет. Его отец, Куй Куй, прожил в изгнании, не имея возможности вернуться. Цзы Лу служил управляющим поселения вэйского сановника Кун Куя. В это время Куй Куй вместе с Кун Куем подняли мятеж. Они задумали из дома Кун Куя вместе со своими сторонниками неожиданно напасть на Чу-гуна. Чу-гун бежал в княжество Лу, и Куй Куй встал у власти. Он стал Чжуан-гуном» [Истзап 1996].

об этом, воскликнул: «[Цзи Гао] прекрасный чиновник! Он действует на основании закона. Если размышлять о человеколюбии и поступать таким образом, то добродетель будет процветать; если умножать жестокость, то это вызовет ненависть. Цзы Гао – тот, кто осуществляет это!»

VIII, 5. Кун-цзы сказал: «Цзи-сунь жаловал мне тысячу *чжун* проса, но я послал это просо своему богатому другу. Когда Наньгун Цзиншу сел ко мне в повозку⁹, мое усердие в [следовании] Дао возросло. Поэтому хотя Дао ценно, необходимо сначала поймать случай, а потом перевозить [Дао], необходимо дожидаться [соответствующих] обстоятельств, а потом действовать. Если бы не два этих случая, то мое Дао, возможно, пришло бы в упадок».

VIII, 6. Кун-цзы сказал: «[Вэнь]-ван подобен четырем временам года, Ван Цзи был отцом Вэнь-вана, Тай Жэнь была матерью Вэнь-вана, Тай Сы была женою Вэнь-вана, а сыновьями его были У-ван и Чжоу-гун, министрами при Вэнь-ване были Тай Дянь и Хун Яо. И в этом корень блага. У-ван исправлял себя и тем самым исправлял страну, исправлял страну и тем самым исправлял всю Поднебесную. Он карал тех, кто отстывает от Дао, и наказывал преступников, в один миг все в Поднебесной выправлялось, а дела завершались успешно. Если четыре времени года последовательно сменяют друг друга, то все десять тысяч вещей [соответствуют времени]. [Вэнь]-ван следовал Дао и упорядочил весь народ. Чжоу-гун начинал с себя, осуществлял воспитание, и никто в Поднебесной не смел ослушаться его, в этом высшая степень искренности!»

VIII, 7. Цзэн-цзы сказал: «Когда приезжаешь в страну, если словам здешних чиновников можно верить, то можно остаться в такой стране. Если *цины* и *дафу* поступают согласно с преданностью, то в такой стране можно служить. Если по отношению к народу совершаются благодеяния, то в такой стране можно жить в довольстве». Кун-цзы сказал: «Таковы слова Цзэн-цзы, в них есть благо и успокоение».

⁹ Наньгун Цзиншу 南宮敬叔 – аристократ в ранге *дафу* из царства Лу, один из учеников Кун-цзы. Данный эпизод описан в «Ши цзи», гл. «Кун-цзы ши цзя» («Наследственный дом Кун-цзы – Конфуция»): «Луский Нань-гун Цзин-шу как-то сказал правителю Лу: „Прошу вашего разрешения вместе с Кун-цзы отправиться в столицу Чжоу“. Правитель предоставил им повозку, двух лошадей и одного мальчика-служу для сопровождения. Поездка в столицу Чжоу нужна была, чтобы узнать о *ли* (нормах поведения) и, как говорят, для встречи с Лао-цзы» [Истзап 1992].

VIII, 8. Цзы Лу был министром-цзай в Пу¹⁰, чтобы предотвратить наводнение, [он приказал] людям построить глубокую канаву. Народ изнемогал от работы, и тогда [Цзы Лу повелел] выдать каждому плошку риса и чашку вина. Услышав об этом, Кун-цзы отправил Цзы Гуна, чтобы остановить Цзы Лу. Цзы Лу был в гневе, но промолчал. Он направился к Кун-цзы и сказал ему: «Скоро ожидают проливных дождей, я опасаюсь, как бы не случилось наводнение, поэтому приказал построить оросительную канаву. Народ голоден и утомлен, я повелел приготовить корзины с пищей и кувшины с вином. Учитель велел Цы¹¹ остановить меня, тем самым остановил меня в осуществлении человеколюбия, не так ли? Учитель наставляет [нас] согласно с человеколюбием, но [сейчас] запрещает осуществлять человеколюбие, как же я могу принять это?» Кун-цзы ответил: «Ты полагаешь, что народ голоден? Почему же ты не сказал государю устроить житницу и помочь голодающим? Ты самолично накормил голодающих, чем выставил просвещенного государя глупцом и превознес свою добродетель. Быстрее остановись, а иначе не избежать тебе наказания!»

VIII, 9. Цзы Лу спросил у Кун-цзы: «Что за человек Гуань Чжун?»¹² Кун-цзы ответил: «[Он] человеколюбивый». Цзы Лу сказал: «Некогда Гуань Чжун увещевал Сян-гуна¹³, но тот не послушался, [значит, Гуань Чжун] не разделял [хорошего и плохого]. Он желал поставить [у власти] Гун-цзы Цзю¹⁴, но не смог, [значит,] не обладал мудростью. В царстве Ци семья [Гуань Чжуна] была истреблена, а он не горевал, [значит,] не был милостив [к людям]. [Гуань Чжун] носил оковы и наручники, жил в арестантской клетке, но не стыдился этого, [значит,] был бессовестным человеком. Он служил государю, которого [некогда желал] убить, [значит,] не обладал честностью. Шао Ху¹⁵ умер [за Гун-цзы Цзю], но [Гуань Чжун] не поступил так

¹⁰ Пу 蒲 – местность в царстве Вэй, на территории нынешней пров. Хэнань.

¹¹ Цы 賜 – имя Цзы Гуна.

¹² Гуань Чжун 管仲, или Гуань Иу 管夷吾 (720–645 гг. до н.э.) – политический деятель и философ эпохи Чуньцю, основатель легизма.

¹³ Сян-гун 襄公 (ум. 686 г. до н.э.) – порочный и распутный правитель царства Ци (698–686 гг. до н.э.). Сводный старший брат циского Хуань-гуна 齊桓公 по имени Цзян Сяобай 姜小白 (ум. 643 г. до н.э.) – правителя царства Ци (685–643 гг. до н.э.), одним из пяти гегемонов эпохи Чуньцю (чуньцю у ба 春秋五霸).

¹⁴ Гун-цзы Цзю 公子糾 – младший брат циского Сян-гуна.

¹⁵ Шао Ху 召忽 – циский чиновник. В «Лунь юй» сказано: «Когда Хуань-гун убил своего брата – княжича Гун-цзы Цзю, наставник брата Шао Ху покончил

же, [значит,] не был преданным». Кун-цзы ответил: «Гуань Чжун увещевал Сян-гуна, но тот не послушался, поэтому спрашивать надо с *гуна*. Желал поставить [у власти] Гун-цзы Цзю, но не смог, так как не представилось подходящего случая. В царстве Ци семья [Гуань Чжуна] была истреблена, а он не горевал, потому что познал власть судьбы. Носил оковы и наручники, но не стыдился этого, потому что был осмотрительным. Он служил государю, которого [некогда желал] убить, потому что умел сообразовываться с обстоятельствами. Не умер за Цзы Цзю, потому что знал цену [жизни] и смерти. Цзы Цзю не стал правителем, а Гуань Чжун не стал его чиновником. Гуань Чжун придерживался долга, он не умер от пут и оков, прославил себя, так что же в том зазорного! Хотя Шао Ху покончил с собой, не стоит превышать меру даже в стремлении к человеколюбию!»

VIII, 10. Кун-цзы направлялся в [царство] Ци, на середине пути он услышал плач, его звук выражал глубокую скорбь. Кун-цзы сказал своим сопровождающим: «Такой плач выражает скорбь, но это скорбь не по умершему. Проедем вперед». Немного погодя они увидели странного человека, он был подпоясан ремешком, в руках держал серп и не переставая плакал. Кун-цзы сошел с повозки, сделал шаг вперед и спросил: «Кто ты?» [Человек] ответил: «Я – У Цю-цзы»¹⁶. [Кун-цзы] спросил: «Сегодня ты никого не хоронишь, так почему же плачешь так горестно?» У Цю-цзы ответил: «[В жизни] я совершил три промаха и только в старости осознал это, но теперь уж поздно каяться». [Кун-цзы] спросил: «Что за три промаха ты имеешь в виду? Скажи мне не таясь!» У Цю-цзы сказал: «В молодости я любил учиться, странствовал по всей Поднебесной, вернулся [домой] только на похороны родителей – в том мой первый промах. В зрелом возрасте я служил цискому государю, государь был спесив и расточителен, ошибался [в выборе] служилых-*ши*, [мои] твердые устои чиновника не нашли должного применения – в том мой второй промах. Всю жизнь я ценил дружбу, а ныне порвал отношения со всеми – в том мой третий промах. Дерево хочет покоя, да ветер не прекращается, сын желает заботиться о родителях, но уже поздно. Годы жизни идут вперед и не возвращаются, родственную близость

с собой, а другой наставник брата, Гуань Чжун, этого не сделал» [Беседы и суждения 2011: 316].

¹⁶ У Цю-цзы 丘吾子 (591–521 гг. до н.э.) – крупный чиновник в царстве Ци.

невозможно обрести еще раз. На том и прощаюсь с вами!» С этими словами он бросился в реку и утонул. Кун-цзы воскликнул: «Ученики мои! Запомните [слова] У Цю-цзы! Это предостережение [для всех нас]!» Тогда тринадцать учеников вернулись домой, чтобы содержать своих родителей.

VIII, 11. Кун-цзы сказал Бо Юю¹⁷: «Ли! Я слышал, что весь день без устали [заниматься] может только тот, кто учится! Его внешность не такая, на которую хочется смотреть не отрываясь, его смелость и сила недостаточны, чтобы кого-то напугать, его предки ничем не прославлены, о членах его клана нечего и говорить. Но, в конце концов, он обретает известность, которая распространяется по всем сторонам света, а его потомки также прославлены. Разве это не результат учебы? Поэтому благородный муж непременно должен учиться, непременно должен приводить в порядок свой внешний вид, если не приводить в порядок, то нельзя разделить на классы, если нельзя разделить на классы, то теряют родственную близость, если теряют родственную близость, то нет преданности, если нет преданности, то теряют ритуал, если теряют ритуал, то нет твердости. Приводить в порядок – значит делать прекраснее с каждым днем. Учиться – значит приближать и просветлять. Подобно тому как в пруды и озера льется дождевая вода, и там прорастает камыш, хотя все видят это, но кто же знает, где исток?!»

VIII, 12. Увидев Кун-цзы, Цзы Лу сказал: «Когда с тяжелой ношей отправляются в дальний путь, то не выбирают место для отдыха; когда семья бедная, а родители старые, то не выбирают жалования. Давным-давно, когда [я] служил отцу и матери, я ел листья диких трав, нес родителям на плечах [мешки] с рисом за сотни *ли*. Когда родители почили, [я] отправился на юг, в царство Чу, сопровождал сотню боевых колесниц, скопил десять тысяч *чжун*¹⁸ проса, восседая на многослойном тюфяке, вкушал яства с расставленных в ряд треножников, но страстно желал ощутить вкус диких трав, нести на плечах родителям [мешки] с рисом, но [такое] добродетельное [поведение] уже не вернуть. Снулая рыба весит на веревке, уже скоро ее пожрут насекомые-вредители. Долголетие отца и матери – лишь

¹⁷ Бо Юй 伯魚 (532–483 гг. до н.э.) – сын Кун-цзы. Его имя было Ли 鯉, т.е. «каrp», когда родился ребенок, луский правитель Чжао-гун подарил Кун-цзы крупного карпа, что являлось символом пожелания всех благ его семье.

¹⁸ Чжун 鍾 – мера объема, около 660 л.

только краткий миг». Кун-цзы сказал: «Ю¹⁹! Служение родителям – дело всей жизни, а их смерть навеваает скорбные думы».

VIII, 13. Кун-цзы был в Тань²⁰, на дороге он неожиданно повстречался с Чэн-цзы²¹, они остановили повозки и дружески беседовали целый день. Обернувшись к Цзы Лу, Кун-цзы сказал: «Принеси связку шелка в подарок этому господину». Цзы Лу не мешкая ответил: «Я слышал, что служилому-*ши* негоже встречаться тайком, замуж не выходят без предварительного сговора, благородный муж не заводит дружбу таким образом – это и есть ритуал». Спустя некоторое время Кун-цзы вновь обратился к Цзы Лу, тот ответил такими же словами. Кун-цзы сказал: «Ю! Разве в „Ши цзин“ не сказано: „Есть прекрасный человек! О! Как светел его взгляд, как звонок его голос! Счастливая встреча осуществила мои чаяния!“²² Ныне я встретил Чэн-цзы – достойнейшего во всей Поднебесной! Если сейчас не поднести ему подарок, то в дальнейшем не будет возможности повстречаться с ним. Сын мой, сделай, [как я велю]».

VIII, 14. Когда Кун-цзы возвращался из царства Вэй в царство Лу, он велел остановить повозку на мосту и огляделся вокруг. [Увидел] водопад высотой в тридцать *жэней*, длиной в девяносто *ли*, в нем не плавали рыбы и черепахи, не водились крокодилы и аллигаторы. В тот самый момент какой-то человек собрался вброд перейти этот водопад. Кун-цзы принудил этого человека остановиться на берегу и сказал ему: «Этот водопад высотой в тридцать *жэней*, длиной в девяносто *ли*, рыбы и черепахи, крокодилы и аллигаторы не обитают здесь, [в случае чего] вас трудно будет спасти!» Человек не обратил внимания [на слова Кун-цзы] и в целостности и сохранности перебрался на противоположный берег. Кун-цзы спросил его: «Каким искусством ты владеешь, что так ловко [переправился на другой берег]?» Человек ответил: «Я вошел в воду, руководствуясь преданностью и верностью, вышел из воды, также руководствуясь преданностью и верностью. Своим бранным телом я положился на прервратности судьбы и не осмеливался думать о себе, поэтому достиг

¹⁹ Имя Цзы Лу было Чжун Ю 仲由.

²⁰ Тань 鄉 – местность на территории нынешней пров. Шаньдун, в эпоху Чуньцзо входила в состав царства Лу.

²¹ Чэн-цзы 程子 – неустановленная личность.

²² «Ши цзин» I, VII, 20 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 91].

цели». Кун-цзы сказал ученикам: «Запомните: на основании преданности и верности можно расположить к себе даже воду, а уж что говорить о человеке!»

VIII, 15. Кун-цзы собирался в путь, и в этот момент начался дождь, [повозка Кун-цзы] была без полога. Кто-то из учеников воскликнул: «У Шана²³ есть полог». Кун-цзы ответил: «Шан – человек скупой. Я слышал, что в дружбе надо развивать хорошие стороны человека и избегать плохих, тогда [дружба] будет длиться долго».

VIII, 16. Цзы Гун спросил у Кун-цзы: «Покойники обладают сознанием? Неужели нет?» Кун-цзы ответил: «Я хотел бы сказать, что покойники обладают сознанием, но боюсь, что усердные в исполнении воли предков захотят умертвить себя. Я хотел бы сказать, что покойники не обладают сознанием, но боюсь, не уважающие родителей бросят их [тела] и не станут хоронить. Цы! Ты сейчас хочешь узнать, обладают ли покойники сознанием, но это не насущный вопрос, пройдет время, и узнаешь».

VIII, 17. Цзы Гун спросил Кун-цзы об управлении народом. Учитель сказал: «Стоит страшиться так, словно запрягаешь необъезженного коня гнилой веревкой». Цзы Гун спросил: «Чего же страшиться?» Кун-цзы ответил: «Потому что тот, кто управляет [таким конем], если руководствуется Дао, то получит себе домашнее животное, если же не руководствуется Дао, то получит себе врага. Так как же не страшиться?»

VIII, 18. По законам царства Лу, если кто-то выкупал [луского] раба у *чжухоу* [из другого царства], тот получал [меру] золота из [луской] казны. Цзы Гун выкупил раба, но вернул свою награду. Услышав об этом, Кун-цзы воскликнул: «Цы совершил промах! Совершенномудрые служили для того, чтобы изменять нравы и обычаи; наставляли, чтобы облагодетельствовать народ, а вовсе не для того, чтобы успокоить самих себя. Ныне в Лу мало богатых и много бедных, выкупив человека, получаешь награду – хотя это нечестно, но как же быть? А теперь кто же захочет выкупать лусцев у *чжухоу* [других царств]?!».

VIII, 19. Цзы Лу наводил порядок в Пу, увидев Кун-цзы, Цзы Лу сказал: «Я хотел бы получить наставление от Учителя». Учитель спросил: «Как обстоят дела в Пу?» [Цзы Лу] ответил: «Здесь мно-

²³ Бу Шан 卜商, или Бу Цзы Ся 卜子夏, он же Цзы Ся 子夏 (507–400 гг. до н.э.) – уроженец царства Вэй, один из учеников Кун-цзы.

го храбрецов, ими трудно управлять». Учитель сказал: «Бесспорно! Я говорил тебе, что только почтительный и уважительный может покорить храбрецов; только великодушный и прямой может умиротворить сильных; только добрый и снисходительный может прощать загнанных в тупик; только умеренный и решительный может обуздать вероломных. Если поступать таким образом, то выправлять будет легко».

Глава IX

Три снисхождения

IX, 1. Кун-цзы сказал: «Благородный муж сожалеет о трех вещах: если правитель не умеет служить [народу], но заставляет подданных повиноваться – это недостойно снисхождения; если родители не испытывают сыновней почтительности, но требуют от детей должного по отношению к себе – это недостойно снисхождения; если старшие братья не испытывают уважения, но требуют от младших братьев послушания – это недостойно снисхождения».

IX, 2. Кун-цзы сказал: «Благородный муж думает о трех вещах, в которые должно вникать. Если в молодости не учиться, то в зрелом возрасте станешь бездарным [человеком]. Если в старости не просвещать [других], то по смерти никто не вспомнит [о тебе]. Если имея достаток, не жертвовать, то в бедности не будет того, кто протянет тебе руку помощи. Поэтому благородный муж в молодости думает о зрелости и потому непременно учится. В старости думает о смерти и потому непременно просвещает [других]. В достатке думает о бедности и потому непременно жертвует».

IX, 3. Бочан Цзянь¹ спросил у Кун-цзы: «Безусловно, я был лишь мелким чиновником при чжоуском дворе, я недостойный и ничего собой не представляю. [Повернусь] лицом к северу² для того, чтобы служить благородному мужу, и осмелюсь спросить [Учителя]: «Следование истинному Дао в наш век недопустимо, но и его сокрытие также нельзя стерпеть. Ныне я не желаю быть бедняком, но и не желаю уклоняться от Дао, как же быть?» Кун-цзы ответил: «Прекрасный вопрос! Я еще не слышал, чтобы кто-то задавал подобные вопросы! А теперь поговорим... Я, Цю, часто слышал, как благородные мужи говорили о Дао: если слушать не вникая, не постигнешь Дао. Если не проверять чудесное, то [никто] не поверит в Дао. Я также слышал, как благородные мужи говорят о делах: если действовать не сообразуясь с мерой, то в делах не достичь успеха. Если

¹ Бочан Цзянь 伯常蹇 – придворный летописец, уроженец царства Ци.

² [Повернуться] лицом к северу (*бэй мянь* 北面) – оказывать уважение старшему.

управлять на основании жестокости, то народ не будет защищен. Я также слышал, как благородные мужи говорят о стремлениях: твердому во всем тяжело достичь [хорошего] результата; легкомысленный вредит сам себе; к высокомерному не испытывают родственной близости; стремящийся к выгоде всегда терпит поражение. Я также слышал о благородных мужах, искусных в том, как жить на свете: в легких [делах] они не [стремятся] быть впереди; в сложных [делах] они не [стремятся] уйти в тень; познав образец, не своевольничают; поведав о Дао, не идут наперекор [сказанному]. Вот об этих четырех вещах я и слышал».

IX, 4. Кун-цзы прибыл [на церемонию поминовения] к храму луского Хуань-гуна³ и заметил там сосуд-ци⁴. Учитель спросил у смотрителя храма: «Что это за сосуд?» Тот ответил: «Должно быть это сосуд, стоящий справа»⁵. Кун-цзы сказал: «Я слышал, что сосуд, стоящий справа, если пуст, то кренится на бок, если наполнен до половины, то стоит ровно, а если наполнен до краев, то опрокидывается. Просвещенный государь использует такой сосуд в качестве предостережения, поэтому ставит его рядом со своим тронem». Обернувшись к ученикам, [Кун-цзы] сказал: «Налейте в сосуд воды». Тогда в сосуд налили воды, налили до половины, и он стоял ровно, наполнили до краев, и сосуд опрокинулся. Печально вздохнув, Учитель сказал: «Увы! Едва ли существует вещь, которая, наполнившись до краев, не опрокинулась бы!» Шагнув вперед, Цзы Лу спросил: «Осмелюсь спросить, есть ли способ сохранить наполненность?»⁶. Учитель ответил: «Мудрость и дальновидность сохраняют глупостью; заслуги, покрывающие всю Поднебесную, сохраняют уступчивостью; смелость и силу, воодушевляющие потомков, сохраняют робостью; богатство и знатность, [распространяемые] в пределах четырех морей, сохраняют скромностью. Это называется Дао скромности».

IX, 5. Кун-цзы созерцал текущие на восток потоки, Цзы Гун спросил: «Благородный муж, видя большую воду, непременно созерцает ее, почему же?» Кун-цзы ответил: «Потому, что вода бес-

³ Луский Хуань-гун 鲁桓公 (ум. 694 г. до н.э.) – правитель царства Лу (711–694 гг. до н.э.), личное имя – Цзи Юнь 姬允. Был убит цисцами.

⁴ Сосуд-ци 器 – сосуд или чаша для воды.

⁵ Сосуд, стоящий справа (ю цзо чжи ци 宥坐之器) под рукой правителя, предназначен служить напоминанием о необходимости внимания при решении вопроса.

⁶ Сохранить наполненность (чи мань 持滿) – сохранить свое высокое положение, успех, благосостояние.

прерывна, распространяется повсюду и осуществляет недеяние, подобно добродетели; стекает вниз по извилистому [пути], но непременно руководствуется закономерностью, подобно чувству долга; обширна, но неиссякаема, подобно Дао. Если раскопать ручеек глубиной на сто *жэней*, он без страха вырвется наружу, подобно храбрости; при измерении [длины] реки она становится прямой, подобно закону. [Вода] обильна и неумолима, подобно прямоте; она тонка и проникает в самые укромные уголки, подобно отчетливости. Исток [реки] непременно на востоке, подобно воде. Выходит наружу и скрывается внутри, а десять тысяч вещей таким образом упорядочиваются и превращаются, подобно благу и просвещению. Такова добродетель воды, поэтому благородный муж, видя большую воду, непременно сощерает ее».

IX, 6. Цзы Гун посещал северную часть луского храма предков, выйдя, он спросил Кун-цзы: «Некогда я осматривал зал государевой молельни, почти закончив, мой взгляд упал на северную кровлю, она была сделана из треснувших [досок]. Неужели в этом есть смысл? Должно быть, это ошибка плотника». Кун-цзы ответил: «Для [строительства] зала государевой молельни чиновники сыскали искусных плотников, плотники выбрали лучший материал, чтобы показать свое умение, уже долгое время эта кровля высоко ценится. И в том есть смысл!»

IX, 7. Кун-цзы сказал: «Есть вещи, которые я считаю постыдными. Есть вещи, которые я считаю невежественными. Есть вещи, которые я считаю опасными. В детском возрасте учиться спустя рукава, в старости не просвещать [других] – это стыдно. Покинув свою Родину, служить правителю и продвигаться по служебной лестнице, внезапно встретив старого друга, не обмолвиться с ним и словечком – это невежественно. Вести дела с ничтожными людьми и не приближать достойных – это опасно».

IX, 8. Цзы Лу встретил Кун-цзы. Кун-цзы спросил: «Каков мудрый? Каков человеколюбивый?» Цзы Лу ответил: «Мудрый побуждает людей познать его, а человеколюбивый побуждает людей полюбить его». Учитель сказал: «Тебя можно назвать ученым мужем». Цзы Лу ушел, и подошел Цзы Гун. [Учитель] задал ему тот же вопрос. Цзы Гун ответил: «Мудрый познал людей, человеколюбивый полюбил людей». Учитель сказал: «Тебя можно назвать ученым мужем». Цзы Гун ушел, и подошел Янь Хуэй. [Учитель] задал ему тот

же вопрос. Янь Хуэй ответил: «Мудрый познал самого себя, человеколюбивый полюбил самого себя». Учитель сказал: «Тебя можно назвать ученым благородным мужем».

IX, 9. Цзы Гун спросил Кун-цзы: «Если сын следует повелениям отца – это называется сыновней почтительностью, если чиновник следует повелениям государя – это называется стойкостью, не так ли?» Кун-цзы ответил: «О, как ты невежественен, Цы! Ты несведущ в этом! В древности, когда просвещенный ван имел в подчинении десять тысяч боевых колесниц⁷, а чиновников, указывающих вану на его промахи, было семь человек, ван не допускал ошибок. Когда имел в подчинении тысячу боевых колесниц, а чиновников, указывающих вану на его промахи, – пять человек, то божества Шэ⁸ и Цзи⁹ не могли навредить ему. Когда [дафу] имел в подчинении сотню боевых колесниц, а чиновников, указывающих [дафу] на его промахи – три человека, то ему не отменяли жалованье, его не лишали чина. Если у отца есть сын, не страшщийся увещевать его, то он не погрязнет в нарушении ритуала. Если у ученого мужа есть друг, не страшщийся увещевать его, то он не поступит против долга. Поэтому если сын следует повелениям отца – едва ли это можно назвать сыновней почтительностью. Если чиновник следует повелениям государя – едва ли это можно назвать стойкостью. Итак, способность понять, чему должно следовать – это называется сыновней почтительностью и стойкостью».

IX, 10. Цзы Лу в парадной одежде повстречался с Кун-цзы. Учитель сказал: «Ю! Почему ты надел такую нарядную одежду? Река Янцзы берет начало в горах Миньшань¹⁰, но брод у берега реки непригоден для больших лодок, здесь не спрячешься от ветра, в этом месте невозможно переправиться [на берег], если только не спуститься вниз по течению, где воды обширны. Ныне твоя одежда роскошна, а выражение лица высокомерно, найдется ли в Поднебесной тот, кто укажет тебе на твои недостатки?» Цзы Лу поспешно вы-

⁷ Иметь в подчинении десять тысяч боевых колесниц (*вань шэн* 万乘) – управлять большим царством.

⁸ Шэ 社 – божество земли.

⁹ Цзи 稷 – божество злаков.

¹⁰ Миньшань 岷山 – горы, идущие с севера на юг в южной части пров. Ганьсу и северной части пров. Сычуань. В древности люди считали, что р. Янцзы (Чанцзян) берет начало в горах Миньшань. На самом деле горы Миньшань являются водоразделом двух крупных рек пров. Сычуань: Миньцзян и Цзялинцзян.

шел, переменял одежду, от его напыщенности не осталось и следа. Учитель воскликнул: «Ю! Запомни! Говорю тебе: воодушевленный [своими] словами [подобен] пустоцвету, воодушевленный своими действиями [непрерывно] обречен на провал. Тот, кто напускает на себя ученый вид и прикидывается сведущим – низкий человек. Поэтому благородный муж, если знает, то говорит, что знает, – в этом суть его слов; если не может сделать, то говорит, что не может, – в этом высшая степень его действий. Суть слов в мудрости, высшая степень действия – в человеколюбии. А если есть человеколюбие и мудрость, то чего же еще желать?».

IX, 11. Цзы Лу спросил Кун-цзы: «Бывают такие люди, которые, перебиваясь с хлеба на воду, держат за пазухой яшму, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Если в стране утеряно Дао, то можно жить в уединении, если в стране присутствует Дао, то [надевают] парадное одеяние и головной убор, берут в руки яшму».

Глава X

Любить жизнь

X, 1. Луский Ай-гун спросил: «Какую шапку в древности носил Шунь?» Кун-цзы не ответил. Гун спросил: «Я задал вопрос, но Учитель не отвечает, почему же?» Кун-цзы ответил: «Потому, что вы прежде не спросили о важном, и я не знаю, что ответить». Гун спросил: «А что же важное?» Кун-цзы ответил: «Государь Шунь управлял [Поднебесной] на основании того, что любил жизнь и ненавидел смерть, он назначал на должности достойных и заменял недостойных, его добродетель была подобна Небу и Земле, его помыслы были чисты. Он просвещал [людей] подобно четырем временам года, и десять тысяч вещей превращались сами собой. В пределах четырех морей все следовали наставлениям [Шуня], в том числе и инородцы. Фениксы парили в воздухе, *цилини* бегали [по лесам], птицы и звери покорялись добродетели [Шуня]. Причиной этому не что иное, как любовь к жизни. Вы спросили не о Дао [Шуня], а о его шапке, поэтому я медлил с ответом».

X, 2. Кун-цзы читал летопись, дойдя до места, где чуский [Чжуан-ван]¹ возродил царство Чэнь, он воскликнул²: «Чуский ван – достой-

¹ Чжуан-ван 庄王 (ум. 591 г. до н.э.) – правитель царства Чу (613–591 гг. до н.э.), один из пяти гегемонов эпохи Чуньцзо, личное имя – Сюнлюй 熊旅.

² Данный эпизод описан в гл. «Чэнь ци ши цзя» «Ши цзи»: «В начальном году [правления] Чэн-гуна (598 г.), зимой, чуский Чжуан-ван, в связи с тем, что Ся Чжэн-шу убил Лин-гуна, возглавил владетельных князей в карательном походе против княжества Чэнь. Он сказал [жителям] Чэнь: „Не бойтесь, я лишь казню Чжэн-шу, и все“. Но, казнив Чжэн-шу, он вслед за этим разделил земли Чэнь на уезды и стал владеть ими; все его чиновники поздравили его [с успехом]. Только Шэнь-шу, посланный в свое время в княжество Ци и вернувшийся обратно, не поздравлял вана. Чжуан-ван спросил о причинах этого, и тот ответил: „В простонародных высказываниях есть такое выражение: ‘Если, ведя быка, проходишь по чьему-то полю, то хозяин поля забирает твоего быка’. Значит, прохождение [по чужому полю] считается преступлением; но разве захват быка еще не большее [нарушение]? Ныне, на основании того, что Чжэн-шу – злодей, убивший своего правителя, вы, ван, собрали войска *чжухоу* и по долгу справедливости напали на него, но затем вы захватили его земли, чтобы извлечь из них выгоду. Как же впредь вы сможете приказывать Поднебесной? Вот почему я и не поздравлял [вас]“. Чжуан-ван сказал: „Хорошо“; после этого [он]

нейший [правитель]! Он пренебрег царством в тысячу колесниц и посчитал важным веру в одно слово. Если бы не верность Шэньшу³, не достичь бы справедливости. Если бы не мудрость Чжуанвана, [нам] не получить этого наставления».

Х, 3. Кун-цзы гадал на стеблях тысячелистника, выпала гексаграмма *Би*⁴, [Кун-цзы] изменился в лице, был весьма обеспокоен. Цзы Чжан⁵ вышел вперед и сказал: «Я слышал, что, если при гадании выпадает гексаграмма „Би“ – это означает „счастье“, так почему же Вы обеспокоены?» Кун-цзы ответил: «Потому что [эта гексаграмма] мутная. В „Чжоу и“ огонь у подножия горы именуется „Би“, это неясная гексаграмма. Качество [вещей] таково, что черное и белое должны быть четко разделены. Сейчас же выпала гексаграмма „Би“, но это предзнаменование не мне. Я слышал, что если [вещь] покрывают красным лаком, то не добавляют узоров, белую яшму не украшают гравировкой, почему же? По причине того, что качества [вещи] уже достаточно, оно не терпит украшательства».

Х, 4. Кун-цзы сказал: «Через песнь „Груша“⁶ я осознал то благоговение, которое испытывают в храме предков. Размышляя о таком человеке, непременно привыкнешь к [облюбованному] им дереву; испытывая почтение к такому человеку, непременно проникнешься уважением к тому положению, которое он занимал. В этом Дао».

Х, 5. Цзы Лу предстал перед Кун-цзы в боевых доспехах, обнажив меч и исполнив [военный] танец, сказал: «В древности благородные мужи умело владели мечом и могли себя защитить, не так ли?» Кун-цзы ответил: «В древности благородные мужи своим качеством считали преданность, защищались человеколюбием, не выходя из своей убогой лачуги, знали, что происходит вокруг на тысячу *ли*.

отыскал в княжестве Цзинь старшего сына чэньского Лин-гуна, наследника У, и поставил его править, возвратив правителю в Чэнь все, как было прежде; это и был Чэн-гун. Когда Конфуций читал исторические записи и дошел до того, как чу[ский ван] восстановил княжество Чэнь, он сказал: „Сколь мудр чуский Чжуан-ван! Он пренебрег [интересами] государства, обладающего тысячью колесниц, но придал серьезное значение одному слову“» [Истзап 1987].

³ Шэньшу 申叔, т.е. Шэньшу Ши 申叔时 – чуский *дафу*.

⁴ Би 贲 («Убранство») – 22-я гексаграмма «И цзина».

⁵ Чжуаньсунь Ши 顓孫師 (род. 503 г. до н.э.), по прозвищу Цзы Чжан 子張 – один из учеников Кун-цзы, уроженец царства Чэнь.

⁶ «Груша» (*гань тан* 甘棠) – название одной из песен «Ши цзина» (I, II, 5) [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 25].

Тех, кто отступал от блага, исправляли преданностью; тех, кто хотел напасть, усмиряли человеколюбием, так зачем же им был нужен меч?» Цзы Лу сказал: «Я только сейчас услышал об этом, позвольте мне, подобрав полы одежды, [занять свое место] и получить наставление».

Х, 6. Чуский Гун-ван⁷ отправился на охоту и потерял свой превосходный лук, придворные [вана] вызвались отыскать лук. Ван сказал: «Нет! Чуский ван потерял лук, но его непременно найдут чуские люди, так к чему же его искать?» Услышав об этом, Кун-цзы сказал: «Печально, что [сердце Гун-вана] недостаточно обширно, почему было не сказать: „Человек лишился лука, но другой человек найдет его!“ Зачем было добавлять „чуский человек“?».

Х, 7. Кун-цзы исполнял должность советника-сыкоу в царстве Лу, решая судебные тяжбы, он всегда выслушивал разные точки зрения: «Как вы полагаете? А вы как полагаете?» И все высказывались. В конце Учитель говорил: «Должно согласиться с мнением такого-то».

Х, 8. Кун-цзы спросил Цидяо Пина⁸: «Ты служил Цзан Вэньчжуну⁹, [Цзан] Учжуну¹⁰, а также Жу-цзы Жуну¹¹. Кого из этих трех дафу можно назвать достойнейшим?» [Цидяо Пин] ответил: «В роду Цзан есть [гадательный] черепаховый панцирь, который называется Цай. За три года Вэньчжун гадал на нем один раз, Учжун – два раза, а Жу-цзы Жун – три раза. Я сам это видел. Но относительно того, кого из них можно назвать достойнейшим, – этого я не знаю». Кун-цзы сказал: «Ты, Пин, благородный муж! Благородный муж, говоря о достоинствах человека, скрывает их, но они становятся явными; говоря о недостатках, преуменьшает их, но они становятся заметными. Мудрые не могут сравняться с ним, просвещенные не способны его увидеть. Кто же еще может поступать таким образом?»

⁷ Гун-ван 恭王, по имени Шэнь 申 – правитель царства Чу (590–560 гг. до н.э.).

⁸ Цидяо Пин 漆雕凭, или Цидяо Кай 漆雕开 (род. 540 г. до н.э.) – один из учеников Кун-цзы.

⁹ Цзан Вэньчжун 臧文仲, или Цзан-сунь Чэнь 臧孙辰 (ум. 617 г. до н.э.) – луский дафу.

¹⁰ Цзан Учжун 臧武仲, или Цзан-сунь Хэ 臧孙纥 – внук Вэньчжуна, также в ранге дафу, потомок предка Кун-цзы Фуфу Хэ. Цзан Учжун исполнял должность советника-сыкоу. Спасаясь от преследований главного советника Мэн-суня, бежал в царство Ци.

¹¹ Жу-цзы Жун 孺子容 – неустановленная личность, по всей видимости, луский дафу.

Х, 9. Луский гун из рода Со отправился молиться [духам предков] и обнаружил, что жертвенное животное пропало. Услышав об этом, Кун-цзы сказал: «Не пройдет и двух лет, как луский гун из рода Со скончается». По прошествии года так и случилось. Ученики спросили [Кун-цзы]: «Некогда гун утратил жертвенное животное, но как же Учитель предсказал его скорую смерть?» Кун-цзы ответил: «Потому что, принося жертву, преданный сын отдает все силы для выражения родственной близости. Если перед жертвоприношением он утрачивает жертвенное животное, значит, и в остальном он потеряет немало. Не бывало еще такого, чтобы [впоследствии] он не умер».

Х, 10. Во время войны за земли между царствами Юй¹² и Жуй¹³ в течение нескольких лет не был решен исход [войны]. И тогда [главы] обоих [царств] решили: «Глава западных *чжухоу* человеколюбив, почему бы не отправиться к нему?» Вступив в границы его владений, [увидели], что земледельцы уступают друг другу между, путники уступают друг другу дорогу. Войдя в столицу, [увидели], что мужчины и женщины ходят разными тропами, старики не тянут за собой [молодых]. Придя во дворец, [увидели], что служилые-*ши* уступают [место] *дафу*, а *дафу* уступают [место] *цинам*. Правители царств Юй и Жуй воскликнули: «О! Мы – низкие люди, не достойны даже попирать ногами внутренний двор [главы западных *чжухоу*]». Довольные собой, они вернулись в свои царства и вместе засеяли пустующие надель. Кун-цзы сказал: «В этой истории созерцаем Дао Вэнь-вана, и к этому нечего добавить! Не отдает приказы, но все повинуются, не наставляет, но все внимают! Вот совершенство!»

Х, 11. Цзэн-цзы сказал: «Если чрезмерно сближаться с кем-либо, то оба станут относиться друг к другу небрежно. Если быть чрезмерно строгим, то не достигнуть взаимной близости. Поэтому дружественность благородного мужа достаточна для того, чтобы быть в хороших отношениях, его величественность достаточна для того, чтобы соблюдать ритуал». Кун-цзы, услышав эти слова, произнес: «Ученики, запомните это! И кто еще скажет, что [Цзэн] Шэнь не познал ритуал!»

¹² Юй 虞 – царство на территории нынешней пров. Шаньси, владение потомков мифического государя Шуня; пало в эпоху Чуньцю.

¹³ Жуй 芮 – царство на территории нынешней пров. Шаньси.

Х, 12. Ай-гун спросил: «Пояс-шэнь¹⁴, головной убор-вэй¹⁵ и парадный венец полезны в осуществлении человеколюбия?»¹⁶. Кун-цзы изменился в лице и ответил: «Почему же, господин? Когда надевают траурные одежды и берут в руки траурный посох, разве помышляют о музыке? И не потому, что уши не слышат, а потому, что одежда обязывает к этому. Когда повязывают узорный пояс с тесьмой для печати, надевают парадное одеяние и тиару, разве можно быть непочтительным? И не потому, что в природе [человека] содержится достоинство, а потому, что одежда обязывает к этому. Когда надевают латы и шлем, берут в руки клевец, разве можно пятиться назад и испытывать страх? И не потому, что тело человека храбро само по себе, а потому, что одежда обязывает к этому. Более того, ваш покорный слуга слышал, что хороший торговец не терпит убытков, а уважаемый человек не ведет торговлю, разбираясь, что полезно, а что не полезно. Вот о чем знает благородный муж».

Х, 13. Кун-цзы сказал Цзы Лу: «Если встретишь уважаемого человека, не закончив разговор с ним, не следует заходить к нему в дом, пусть даже на улице бушует непогода. Потому что в отличие от низкого человека благородный муж проявляет почтение к людям».

Х, 14. Кун-цзы сказал Цзы Лу: «Благородный муж управляет слухом и зрением посредством сердца, а храбростью считает утверждение долга. Низкий человек управляет сердцем посредством слуха и зрения, а развязность считает храбростью. Поэтому сказано: „Если отступает назад, то не ропщет; если идет впереди, то [народ] повинется ему“».

Х, 15. Кун-цзы сказал: «У благородного мужа есть три заботы¹⁷: он беспокоится о том, что не услышит [необходимое]; он беспокоится, что не усвоит то, что услышал; он беспокоится, что не сможет действовать в соответствии с усвоенным. Благородный муж стыдится, если, обладая добродетелью, не управляет соответственными речами. Благородный муж стыдится, если, управляя соответственными

¹⁴ Шэнь 紳 – широкий пояс-кушак со свисающими концами, предмет парадного или официального платья.

¹⁵ Вэй 委 – официальный головной убор времен династии Чжоу.

¹⁶ Похожий отрывок находим в гл. «Ай-гун» трактата «Сюнь-цзы» [Сюнь-цзы].

¹⁷ Данный эпизод почти полностью совпадает с отрывком из гл. «Цза цзи ся» («Различные записи. Часть II») трактата «Ли цзи» («Записки о ритуале») [Ли цзи].

речами, не совершает соответственных поступков. Благородный муж стыдится, если теряет то, что ранее прочно усвоил. Благородный муж стыдится, если земли в достатке, но не хватает народа. Благородный муж стыдится, если каждый имеет поровну, но заслуги других людей превышают его собственные заслуги».

Х, 16. Человек из царства Лу жил в уединении в своем доме, по соседству с ним жила одинокая вдова. Однажды ночью сильный ураган разрушил жилище вдовы. В спешке она решила найти себе временное пристанище, но человек из Лу, закрыл дверь и не впустил ее. Стоя у его окна, вдова сказала: «Нет в тебе человеколюбия, отчего же ты не позволил мне войти?» Человек из Лу ответил: «Я слышал, что мужчина, не достигнув шестидесяти лет, не может жить на покое. Ты молода, и я тоже молод, поэтому я не осмелился впустить тебя». Вдова сказала: «Почему же ты не поступил как Люся Хуэй?¹⁸ Он воспитывал порочных женщин, а люди в нашей стране не устраивали беспорядков». Человек из Лу ответил: «Хотя Люся Хуэй так поступал, но я – нет. Я не поступил как Люся Хуэй, но тем самым я последовал его [наставлениям]». Услышав об этом, Кун-цзы воскликнул: «Прекрасно! Из тех, кто стремится подражать Люся Хуэю, еще не было никого, кто бы поступил таким образом! Того, кто, стремясь к совершенству, воздерживается от слепого копирования должного поведения, можно назвать мудрым!»

Х, 17. Кун-цзы сказал: «Мелкие пересуды вредят долгу, пустые разговоры разрушают Дао. В песне „Брачная пара“¹⁹ аллегорически воспеваются птицы, и благородный муж одобряет это, так как между самцом и самкой имеется различие. В песне „Крик оленя“²⁰ аллегорически воспевается животное, и благородный муж ценит это, так как, получив пищу, должно [разделить] ее между другими. То, чем брезгают звери и птицы, несомненно, не стоит совершать».

Х, 18. Кун-цзы сказал Цзы Лу: «Если благородный муж держится заносчиво, то непременно умрет не своей смертью. Если низкий человек держится заносчиво, то наказания посыплются на него без

¹⁸ Люся Хуэй 柳下惠 (VII в. до н.э.) – государственный деятель, *дафу* из царства Лу, личное имя – Чжаньхо 展获. В конфуцианстве Люся Хуэй – образец благочестия.

¹⁹ «Брачная пара» (*гуань цзюй* 关雎) – первая песнь «Ши цзина» (I, I, 1) [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 13].

²⁰ «Крик оленя» (*лу мин* 鹿鸣) – песнь «Ши цзина» (II, I, 1) [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 148].

счета. В „Песнях царства Бинь“²¹ сказано: „Когда не шел дождь, я собирала кору шелковицы и корни тутовника, крепко связывала створки окна, соединяла переплет дверей. Ныне же кто из людей посмел бы обидеть меня?“» Кун-цзы сказал: «Если таким образом управлять страной, то пусть даже кто-то захочет обидеть, разве сможет он осуществить это? В эпоху Чжоу, начиная с Хоу Цзи²², умножали [благие] дела, трудились во имя подвигов и согласно с этим получали титулы и земли. Гун Лю²³ ценил человеколюбие. [Так продолжалось] вплоть до великого вана Дань Фу²⁴, который был искренним в добродетели и уступчивости. Он заложил основу и установил корень, подготовил [почву] для потомков. Сначала столица вана находилась в Бинь, но северные варвары вторглись [в столицу]. Им подносили меха и ткани, но они не уходили. Им подносили жемчуга и яшму, но они не уходили. Тогда [ван] призвал старейшин и заявил: „Они желают [захватить] наши земли. Я слышал, что благородный муж из-за еды не позволяет убивать людей. Так к чему же беспокоиться, что лишитесь государя?“ Тогда [ван] с [супругой] Цзян переправились через горы Ляншань и у подножия Цишань основали [новую] столицу. Люди из Бинь сказали: „Не должно лишиться человеколюбивого государя!“ Несметное количество людей последовало [за ваном]. Само Небо помогало Чжоу, народ покинул Инь, и это дела давно минувших дней. Не бывало еще такого, чтобы подобного [не называли] ваном Поднебесной. Как же мог У Гэн²⁵ навредить [Чжоу]? В „Песнях царства Бэй“²⁶ сказано: „Держит удила, точно шелковые шнуры, обе пристяжные точно пляшут“». Кун-цзы сказал: «Тот, кто создал эти стихи, знает толк в управлении. Шелковые шнуры всегда украшают каймой, из которой получаются узоры.

²¹ «Бинь» 邠 – цикл песен «Ши цзина» (I, XV), здесь цитата из песни «Сова» (I, XV, 2) [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 142].

²² Хоу Цзи 后稷 – «государь просо», «государь зерно»; герой китайской мифологии, покровитель земледелия и предок династии Чжоу.

²³ Гун Лю 公刘 – потомок Хоу Цзи, согласно китайской исторической традиции, считается прародителем клана Цзи, основавшего династию Чжоу.

²⁴ Даньфу 亶甫 – чжоуский правитель-первопредок, дед чжоуского Вэнь-вана.

²⁵ У Гэн 武庚 по имени Луфу 禄父 – сын последнего правителя дин. Шан-Инь – тирана Ди Синя.

²⁶ «Бэй» 邶 – цикл песен «Ши цзина» (I, III), однако здесь цитата из цикла «Песни царства Чжэн» «Великий Шу на охоте» (I, VII, 4) [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 80].

Здесь сказано, что хотя движение происходит вблизи, но отклик от него достигает дальних [мест]. Если руководствоваться этим правилом, чтобы управлять народом, разве это не приведет к изменениям? Содрать бунчук с древка – это [словно] дать [государю] добрый совет, и это поразительно!»²⁷.

²⁷ Содрать бунчук с древка – в данном случае символизирует привлечение достойных людей на службу.

Глава XI

Созерцать Чжоу

XI, 1. Кун-цзы сказал Наньгун Цзиншу: «Я внимал [тому, что говорил] Лао Дань¹ о том, как распространять древность и знать современность, как проникать в истоки ритуала и музыки, как просветлять Дао и Дэ. Он – мой учитель, и ныне я направляюсь к нему». [Наньгун Цзиншу] ответил: «С почтением принимаю ваши наставления». Тогда [Наньгун Цзиншу] сказал лускому государю: «Мой покойный отец говорил: „Кун-цзы – потомок совершенномудрых, его [предки] погибли в царстве Сун. Его предок Фу Фухэ управлял царством Сун, но впоследствии передал бразды правления [своему младшему брату] Ли-гуну². [Правнук Фу Фухэ] – Чжэн Каофу служил [сунским государям] Дай-[гуну], У-[гуну], Сюань-[гуну], три раза его назначали на должности, и он пользовался уважением. Поэтому надпись на треножнике гласит: Получив первое назначение – склониться; получив второе назначение – гнуть спину, получив третье назначение – согнуться всем телом. [Такой человек] идет, опираясь о стену, но никто не посмеет оскорблять его. Он ест только крутой отвар или жидкую кашу, чтобы утолить голод. Таковы его почтительность и скромность“. Цзан-сунь Хэ говорил: „Даже если [учение] совершенномудрых не будет воспринято в наши дни, непременно появится тот, кто будет просветлять добродетель и следовать ей“. С молодых ногтей Кун-цзы любил ритуал, он тот, о ком говорил [отец]. Он наказывал: „Ты должен учиться [у Кун-цзы]“. Ныне Кун-цзы направляется [ко двору] Чжоу, чтобы созерцать образцы [правления] прежних ванов, изучать совершенство ритуала и музыки – это великое дело! Почему бы государю не послать за [Кун-цзы] колесницу в качестве поощрения? Я прошу разрешения отправить за ним». Гун выразил согласие. За Кун-цзы отправили колесницу, запряженную парой лошадей, которыми управлял мальчик-возничий. [Наньгун] Цзиншу тоже отправился [ко двору] Чжоу. [Кун-цзы]

¹ Лао Дань 老聃 – т.е. Лао-цзы 老子.

² Ли-гун 厉公 (ум. 859 г. до н.э.) по имени Фусы 鮒祀 – правитель царства Сун, младший брат Фу Фухэ.

учился ритуалу у Лао Даня, спрашивал о музыке у Чан Хуна³, посетил место, где приносятся жертвы Небу и Земле, изучал правила [поведения] в храме предков, наблюдал за нормами [поведения] при дворе. Затем воскликнул: «Теперь я понял, почему Чжоу-гуна называют совершенномудрым и почему Чжоу установило власть [в Поднебесной]». [Кун-цзы] покидал Чжоу, и на прощанье Лао-цзы сказал ему: «Я слышал, что богатые и знатные провожают гостей дарами, а человеколюбивые провожают гостей словами. Хотя я не обладаю богатством и знатностью, но тайком ношу прозвище человеколюбивого, скажу тебе пару слов на прощанье! Всякий служилый-*ши* в наши дни умен и глубоко сведущ, но близок к смерти, [так как] с легкостью высмеивает других людей. Такой человек излишне многословен, чем навлекает на себя опасность, [так как] любит обличать пороки других. Тот, кто пренебрегает собой ради людей – называется сыном; тот, кто порицает себя ради других – называется чиновником». Кун-цзы сказал: «С благоговением принимаю ваши наставления». По дороге из Чжоу в Лу все больше [людей] испытывали уважение к Дао Кун-цзы. Пришли ученики из отдаленных уголков, их число стало превышать три тысячи.

XI, 2. Кун-цзы созерцал храм предков, на четырех стенах он увидел изображения Яо, Шуня, а также [тиранов] Цзэ и Чжоу, изображения эти отражали их добрую или злую сущность, символизируя рассвет и упадок⁴. Были изображены также и Чжоу-ван с Чэн-ваном⁵, они опирались спиной о щит с изображением секиры⁶, на южной стене были нарисованы *чжухоу*. Кун-цзы прогуливался [вдоль изображений], глядя вдаль, и сказал сопровождающему: «Вот почему процветает [эпоха] Чжоу! Посредством просветленного образца постигаем форму, через древность познаем современность. Когда, стараясь умиротворить [Поднебесную], правители не следуют традиции, то это вскоре приведет к гибели. Это подобно тому, как пятиться, пытаясь догнать идущих впереди!»

³ Чан Хун 苾弘, или 苾宏, или Чан Шу 苾叔 (595–492 гг. до н.э.) – чжоуский *дафу*, крупный ученый, политик, педагог и астроном.

⁴ С.М. Георгиевский указывает на то, что это были статуи императоров [Георгиевский 2015: 70].

⁵ Чэн-ван 成王 (ум. 1021 г. до н.э.) – второй правитель династии Чжоу, по имени Цзи Сун 姬诵, сын государя У-вана.

⁶ Опирается спиной о щит с изображением секиры (*фу фу* 负斧) – символ власти государя.

XI, 3. Будучи в Чжоу, Кун-цзы посетил храм великого предка Хоу Цзи⁷. Перед правой лестницей помещалась медная статуя. Рот статуи был запечатан в три слоя, а надпись, выгравированная на спине, гласила: «В древности люди были осторожны в словах. Остерегайтесь! Воздерживайтесь от множества слов, много слов – много неудач; воздерживайтесь от множества дел, много дел – много беспокойств. Воздерживайтесь вести легкую жизнь; не делайте того, о чем придется сожалеть. Если говорить: „Это неважно!“, беды будут множиться день ото дня. Если говорить: „Это не вредно!“, несчастья будут увеличиваться. Не говори, что тебя никто не слышит, ведь духи следят за людьми. [Огонь], горящий слабо, неуничтожим, он превратится в [огонь], пылающий ярким пламенем. [Воду], текущую тонкой струйкой, невозможно засыпать, в конце концов, она станет рекой. [Нити], соединенные вместе, не разрываются, они сплетаются в сети и силки. Если не выкорчевать маленькое [деревце], потом придется рубить его топором. Способность быть искренним и осмотрительным – корень счастья. Какой ущерб от слов? Слова – врата бед. Обладающий большой силой, непременно умрет не своей смертью, тот, кто жаждет превосходства, непременно наживет себе врагов. Когда порочный человек ненавидит своего хозяина, то народ презирает вышестоящих. Благородный муж знает, что в Поднебесной нельзя [стремиться] вверх, поэтому [он остается] внизу. Он знает, что среди людей нельзя [стремиться] быть впереди, поэтому [остается] позади. Благожелательный и почтительный, осмотрительный и добродетельный вызывает у людей стремление подражать ему. Если посредством мягкости управлять нижестоящими, то не будет никого, кто превзошел бы такого человека. Все люди действуют поспешно, лишь я один пребываю здесь. Все люди движутся, лишь я один не меняю местоположения. Внутри меня хранится мудрость, но я не показываю людям свое искусство. Хотя я высокочтимый и уважаемый, но люди не могут нанести мне ущерб. Кто еще сможет поступить таким образом? Хотя реки и моря не занимают главное место, но вмещают в себя все воды, так как находятся внизу. Небесное Дао беспристрастно, но оно способно принизить человека. Остерегайтесь!» Прочитав эту надпись, Кун-цзы повернулся к ученикам и сказал: «Дети мои, запомните! Эти слова истинны и справедли-

⁷ Хоу Цзи 后稷 почитался как предок династии Чжоу.

вы, искренни и верны! В „Ши цзин“ сказано: „Будь осторожным и осмотрительным как будто стоишь на краю глубокой пропасти, как будто ступаешь по тонкому льду!“⁸. Если поступать таким образом, разве слова принесут беспокойство?»

XI, 4. Кун-цзы повстречался с Лао Данем и сказал: «О! Ныне трудно следовать Дао, я всегда упорствовал в [следовании] Дао. Ныне же я склоняюсь в поклоне перед правителями [царств], но они не принимают [Дао]. Ныне трудно следовать Дао!» Лао-цзы сказал: «Тот, кто говорит, желает спорить. Тот, кто слушает – перевирает слова [того, кто говорит]. Если знать это, то Дао невозможно предать забвению».

⁸ «Ши цзин» II, V, 1 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 199].

Глава XII

Строй учеников

ХII, 1. Вэйский полководец Вэнь-цзы спросил у Цзы Гуна¹: «Я слышал, что Кун-цзы наказывает [ученикам] сначала изучить „Ши цзин“ и „Шу цзин“, руководит ими на основании сыновней почтительности и уважения к старшим братьям, говорит о человеколюбии и долге, сближает посредством ритуала и музыки, затем завершает [обучение] на основании культуры и добродетели. [Говорят], что знания его достигают небесного свода, у него больше семидесяти учеников, и все они достойные, не так ли?» Цзы Гун ответил, что не знает. Вэнь-цзы сказал: «Вы тоже учитесь вместе с ними, вы тоже один из достойных, почему же уклоняетесь от ответа?» Цзы Гун сказал: «Достойный человек непорочен, сложно познать достойного. Поэтому благородный муж говорит: „Самое сложное в мудрости – это познать человека“. Вот почему я затрудняюсь ответить [на ваш вопрос]». Вэнь-цзы сказал: «Что касается познания достойного, это сложно. Ныне вы близки [с Учителем], поэтому я и спросил вас». Цзы Гун ответил: «Количество учеников Кун-цзы превышает три тысячи человек. С некоторыми из них я общался, с некоторыми нет, поэтому не могу поведать вам обо всех». Вэнь-цзы сказал: «Расскажите о тех, с кем вы знакомы, я хотел бы узнать об этих людях». Цзы Гун ответил: «Рано встает и поздно ложится, декламирует наизусть, почитает ритуал, не повторяет старых ошибок, со всей серьезностью относится к тому, что говорит, – таков в поступках Янь Хуэй. Кун-цзы говорит о нем словами „Ши цзина“: „Люблю его одного, он следует благу и отдает предпочтение [воспитанию] добродетели, всегда почтителен к родителям и заботлив, даже его мысли о сыновней почтительности можно брать за образец!“². Если только Янь Хуэю повстречается добродетельный правитель, то из поколения в поколения люди будут получать высочайшие указы [такого правителя]. Если [государь] не упустит его из виду, Сын Неба

¹ Ср. с «Да Дай ли цзи», гл. «Вэй цзянцзюнь вэнь-цзы» («Вэйский полководец Вэй-цзы») [Ли цзи].

² «Ши цзин» III, I, 9 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 268].

будет использовать его [на службе], то он станет помощником государя. Среди бедных ведет себя, словно гость, побуждает чиновников вести себя так, будто они берут займы; не винит других в своих ошибках, не таит злобу, не помнит старых обид – таков в поступках Жань Юн³. Говоря о его талантах, Кун-цзы сказал: „Благородный муж, который владеет землями, имеет множество слуг, а кто использует наказания, именуется гневливым человеком. Если простолюдин в гневе, он навредит лишь себе“. Кун-цзы, цитируя „Ши цзин“, сказал [о нем]: „Нет недостатка в тех, кто хорошо начинает дело, но не хватает тех, кто по-хорошему доводит дело до конца“⁴. Не страшится насилия, не обижает сырых и одиноких, в словах следует сути [вещей], он изящен и красив, по талантам его [необходимо] назначить на военную должность – таков в поступках Чжун Ю. Кун-цзы отзывается о нем поэтически, цитируя „Ши цзин“: „Принял малый скипетр и большой скипетр, и был великим и щедрым к подвластным землям, как Сын Неба не лебезил и не страшился, преподнес государеву трону свою доблесть“⁵. Как силен [он] и мужествен! Словами не описать его сущность. Почитает старых и лелеет молодых, печется о странниках, любит учиться и сведущ в искусствах, созерцает [десять тысяч] вещей и прилежен во всем – таков в поступках Жань Цю. И потому Кун-цзы так говорит о нем: „Любящий учиться – мудр, поддерживающий сырых – делает добро, почтительный – близок к ритуалу, прилежный – обретет последователей. Яо и Шунь были благородными и почтительными, и потому управляли Поднебесной“. Одобряя его, [Кун-цзы] сказал: „Тебе надлежит стать уважаемым человеком в стране!“ Учтивый и величавый, в стремлениях достигает [цели] и любит ритуал, ведает церемонией встречи гостей между правителями двух царств, честный, образованный и сдержанный – таков в поступках Гунси Чи⁶. Учитель сказал: „‘Ли цзин’⁷ состоит из трехсот [глав], но если приложить усилия, то мож-

³ Жань Юн 冉雍 (род. 531 г. до н.э.) по имени Чжун Гун 仲弓 – уроженец царства Лу, один из учеников Кун-цзы.

⁴ «Ши цзин» III, III, 1 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 290].

⁵ «Ши цзин» IV, V, 4 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 355].

⁶ Гунси Чи 公西赤 (род. 509 г. до н.э.), по прозвищу Цзы Хуа 子华 – один из учеников Кун-цзы.

⁷ «Ли цзин» 礼经 («Канон ритуала») – другое название канонического текста «И ли».

но [постичь его]. Правил ритуала три тысячи, их [познать] непросто“. Гунси Чи спросил: „Почему же?“ Учитель ответил: „Внешний облик для встречи гостей, учтивость для приветственной речи – все это сложно. Множество людей слышат эту речь и понимают, удачна ли будет церемония“. Кун-цзы сказал всем остальным: „Если исполнять обязанности по встрече гостя, то достигнешь высокого положения“. И еще сказал ученикам: „Вам стоит поучиться у Чи, как должно исполнять обязанности по встрече гостя“. Полный, но не переполняется, подлинный, но словно пустой, имеет во множестве, но словно бы ему не хватает, даже прежние ваны находили это трудным. Сведущий всегда стремится к знаниям, его внешний облик почтителен, его добродетель искренняя, его слова обращены к людям, и нет никого, кто не верил бы им, он держится гордо и величественно, он широкий [душой], а потому он проживет долгую жизнь – таков в поступках Цзэн Шэнь. Кун-цзы сказал [о нем]: „Сыновняя почтительность – начало добродетели, братская любовь – преддверие добродетели, верность – углубление добродетели, преданность – прямота добродетели. Шэнь обладает этими четырьмя качествами“. Так [Кун-цзы] одобрял его. Не хвастается великими заслугами, не превозносит высокое положение, не обижает и не утрачивает, не презирает обездоленных – таков в поступках Чжуаньсунь Ши⁸. Кун-цзы сказал о нем: „Он не хвастлив, и потому [его можно назвать] способным, он не угнетает народ, и потому [его можно назвать] человеколюбивым“. В „Ши цзин“ сказано: „Добрый и почтительный благородный муж – он отец и мать для народа!“⁹ Учитель считает, что человеколюбие [Чжуаньсунь Ши] велико. Силен в учебе, всегда уважителен при встрече и прощании, в общении с высшими и низшими делает четкое различие – таков в поступках Бу Шан. Кун-цзы, цитируя „Ши цзин“, сказал [о нем]: „[Если] твердо придерживаться норм добродетели, давать отставку [недостойным], [то] и низкие люди не принесут вреда“¹⁰. Таков Шан, можно сказать, что с ним мы в безопасности. Не радуется богатству, а в бедности не гневается, если это при-

⁸ В «Ши цзи» же напротив, сказано, что «[Чжуань Сунь] Ши – заносчивый». «Ши цзи», гл. «Чжун-ни ди-цзы ле чжуань» («Жизнеописания учеников Конфуция») [Истап 1996].

⁹ Неточная цитата из «Ши цзин» (II, II, 7) [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 164].

¹⁰ «Ши цзин» II, IV, 7 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 186].

несет пользу народу, то он ограничит себя [даже в необходимом], служит высшим посредством того, что оберегает низших, – таков в поступках Таньтай Мемин¹¹. Кун-цзы сказал: „Иметь достаток и богатство только для себя, благородный муж считает это постыдным, вот – середина“. Вначале обдумывает, затем делает и умело использует [сделанное], поэтому не действует опрометчиво – таков в поступках Янь Янь. Кун-цзы сказал [о нем]: „Кто жаждет быть способным, должен учиться, кто жаждет знать, должен задавать вопросы, кто жаждет быть искусным в чем-либо, должен досконально [изучить], кто жаждет иметь что-либо в достатке, должен заранее приготовить это, – Янь поступает таким образом“. В уединении размышляет о человеколюбии, открыто говорит о долге, беспрестанно вспоминает о сказанном в „Ши цзин“ „изъяне на белом яшмовом скипетре“¹² – таков в поступках Гун Тао¹³. Кун-цзы верит, что [Гун Тао] способен достичь человеколюбия и что он обладает выдающимися способностями. С тех пор как он повстречался с Кун-цзы, выходя из дома, ни разу не нарушил нормы [ритуала], в общении с людьми, он никогда не наступает на тень [другого человека]¹⁴; не убивает насекомых, не срезает живые растения, если ведаёт похоронами родственников, на его лице не увидишь улыбки – таков в поступках Гао Чай. Кун-цзы сказал [о нем]: „[Гао] Чай соблюдает [ритуал] похорон по родителям, и это не простое дело. Он не убивает насекомых – в этом есть человеческое Дао, не срезает живые растения – в этом есть осознание человеколюбия. Сам Чэн Тан был в этом почтительным и снисходительным, и потому [его добродетель] достигала солнца“. Мне посчастливилось видеть всех этих мудрецов своими глазами. Вы оказали мне любезность, задав вопрос, и настаиваете на ответе, но я не знаю, кто [из этих мудрецов] достойный». Вэнь-цзы сказал: «Я слышал, что если в стране есть Дао, то достойные люди возвышаются, срединных людей назначают на долж-

¹¹ Таньтай Мемин 澹台天明 (род. 512 г. до н.э.) по прозвищу Цзы Юй 子羽, один из учеников Кун-цзы.

¹² «Ши цзин» III, III, 2 («白圭之玷, 尚可磨也 изъян на белом скипетре еще можно исправить шлифовкой») [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 294].

¹³ Гун Тао 宫绦, т.е. Наньгун Тао 南宫绦, или Наньгун Ко 南宫括 – один из учеников Кун-цзы.

¹⁴ Не наступать на тень (*цзу бу лой ин* 足不履影) – скрупулезно придерживаться правил, соблюдать общепринятые нормы.

ности, а народ подчиняется. Судя по вашим суждениям, [достойных людей] уже немало, и каждый из них может стать помощником *чжухоу*, но поскольку ныне нет просвещенных ванов, то [достойным людям] не представилось возможности поймать удачу за хвост»¹⁵. Беседа Цзы Гуна и вэйского полководца Вэнь-цзы произошла в царстве Лу. Повстречавшись с Кун-цзы, [Цзы Гун] сказал: «Вэйский Вэнь-цзы несколько раз спрашивал меня про ваших учеников, я уклонился от прямого ответа, [рассказав] только о том, что видел своими глазами. Скажите, прав ли я был?» Кун-цзы сказал: «Говори!» Цзы Гун представил на суд [Кун-цзы] свою беседу с Вэнь-цзы. Учитель выслушал и с улыбкой сказал: «Цы! Ты всех расставил по порядку!» Цзы Гун ответил: «Разве могу я познать людей? Я лишь [рассказал] о том, что видел!» Кун-цзы сказал: «Верно. Я расскажу тебе то, что ты не слышал и не видел, ведь у мысли нет границ, а у познания нет предела!» Цзы Гун ответил: «Я желаю услышать, [что скажет мне Учитель]». Кун-цзы сказал: «Не завидовали, не лелеяли в душе старые обиды – таковы были в поступках Бо И и Шу Ци. Размышлял о Небе и превозносил его, подчинялся долгу и действовал на основании верности, был почтителен к родителям и ценил братьев, следовал благу и различал [справедливое] и несправедливое – таков был в поступках Чжао Вэнь-цзы»¹⁶. Служил государю, не щадил себя, но и не смел пренебрегать своей жизнью, стремился [сохранить] себя и не забывал друзей, когда государь велел, он выходил вперед и применял [свои знания], когда государь не велел, он выражал покорность и отступал назад – таков был в поступках суйский У-цзы»¹⁷. Его размышления глубоки, он обладает многими знаниями, его трудно обвести вокруг пальца, его внутренняя сила останется в веках, когда в стране есть Дао, одних его слов достаточно, чтобы управлять, когда в стране нет Дао, его молчания достаточно, чтобы жить, – таков в поступках Бо Хуа из Тунди»¹⁸. Углубляет внешнее

¹⁵ Ср. с древнегреческим богом Кайросом (Καῖρός). В древнегреческой мифологии Кайрос («благоприятный момент») – бог счастливого момента, изображался с одной прядью волос на голове: только за один этот локон можно поймать неуловимого Кайроса.

¹⁶ Чжао Вэнь-цзы 赵文子 (598 (595)–541 гг. до н.э.) по имени У 武 – сын цзиньского чиновника *дафу* Чжао Шо 赵朔.

¹⁷ Суйский У-цзы 随武子, или Фань У-цзы 范武子 (ок. 660 – 583 г. до н.э.) – чиновник *дафу* в царстве Цзинь, имел владения в местности Суй.

¹⁸ Бо Хуа из Тунди 铜鞮伯华 – прозвище чиновника *дафу* в царстве Цзинь, имел владения в местности Тунди. Его звали Яншэ Чи 羊舌赤.

и выправляет внутреннее, выпрямляет себя согласно с серединой, самосовершенствуется, но не требует этого от других, усерден в человеколюбии, до самого конца привержен благу – таков в поступках Цюй Боюй¹⁹. Обладал сыновней почтительностью, уважением, милостью и человеколюбием, совершенствовал добродетель и стремился к долгу, был умеренным в тратах и уменьшал злобу, пренебрегал материальными вещами, но ни в чем не испытывал недостатка – таков был в поступках Люся Хуэй. Он говорил: „Хотя государь может не оценить тебя [по достоинству], но чиновник должен быть преданным государю. Вот почему государь выбирает чиновника и назначает его на должность, а чиновник выбирает государя и служит ему“. Когда Дао присутствует, то следует приказам, когда Дао отсутствует, то уклоняется от следования приказам – таков в поступках Янь Пинчжун²⁰. Следует преданности и верности, с утра до вечера говорит, но в его речах нет ошибок, когда в стране отсутствует Дао, он занимает низкое положение, но не унывает, он радуется даже в бедности – таков в поступках Лао Лай-цзы²¹. Действует согласно с переменами, тем самым ожидает [проявлений] Небесной судьбы, занимает низкое положение и не ищет протекции у высших, его родственная близость простирается по четырем сторонам света, он никогда не забывает родителей, его радость неистощима, он начал учиться, так как не обладал выдающимися способностями, и ни разу не пожалел об этом – таков в поступках Цзе Шань-цзы²². Цзы Гун спросил: «Осмелюсь спросить, Учитель, это все, что вы знаете [об этих людях]?» Кун-цзы ответил: «Отчего же? Я лишь поведал о том, что слышал и видел, только и всего. Некогда цзиньский Пин-гун²³ спросил у Ци Си²⁴:

¹⁹ Цюй Боюй 蘧伯玉 по имени Юань 瑗 – чиновник *дафу* в царстве Вэй.

²⁰ Янь Пинчжун 晏平仲, или Янь Ин 晏婴 (578–500 г. до н.э.) – политик и мыслитель из царства Ци.

²¹ Лао Лай-цзы 老莱子 (599–479 г. до н.э.) выходец из царства Чу, современник Кун-цзы. Среди синологов нет единого мнения относительно данной личности. По-видимому, Лао Лай-цзы был одним из представителей даосизма.

²² В тексте «Цзя юй» стоит «Цзе-цзы Шань» 介子山, видимо, опечатка. Сравни с «Ши цзи» [Ши цзи]. В русском переводе: «[Конфуций также] неоднократно упоминал о Цзан Вэнь-чжуне, Лю Ся-хуэе, Бо Хуа из Тунти, Цзе Шань-цзы» («Ши цзи», гл. «Чжун-ни ди-цзы ле чжуань» – «Жизнеописания учеников Конфуция») [Истзип 1996].

²³ Пин-гун 平公 (ум. 532 г. до н.э.) по имени Бяо 彪 – правитель царства Цзинь (557–532 г. до н.э.), сын цзиньского правителя Дао-гуна 悼公.

²⁴ Ци Си 祁奚 (620–550 г. до н.э.) – министр царства Цзинь, ведал наставлениями по части сыновней почтительности для правителя и чиновников.

„В нашем царстве *дафу* по фамилии Яншэ – прекрасный чиновник. Каковы же его поступки?“ Ци Си не знал, что ответить. Гун сказал: „Я слышал, что ты вырос в его семье, так почему же хранишь молчание?“ Ци Си ответил: „В детстве он был почтительным и послушным, если в сердце чувствовал стыд, то сразу же стремился [исправить ошибку]. Как *дафу* он искусный [в ведении дел] и скромный от начала до конца. Как уполномоченному первого войска по трудовым повинностям населения ему можно доверять, и он имеет блестящие заслуги. Что же касается его внешнего вида, он мягкий в обращении с людьми, любит ритуал, обладает широкой эрудицией и проявляет волю, когда это необходимо“. Гун сказал: „Почему, когда я [первый раз] спросил тебя о нем, ты ничего не ответил?“ Ци Си ответил: „Место [человека] изменчиво, я не знаю, [какую должность он занимает сейчас], поэтому не осмелился ответить“. Это также свидетельство поступков Яншэ [Чи]». Цзы Гун преклонил колени и сказал: «Позвольте откланяться и записать [ваши слова]».

Глава XIII

Достойные мужи

XIII, 1. [Луский] Ай-гун спросил у Кун-цзы: «Кого из нынешних правителей можно назвать самым достойным?» Кун-цзы ответил: «Я не встречал таких, но, возможно, Лин-гун из царства Вэй»¹. Гун сказал: «Я слышал, что в его дворце нет разделения на женскую [и мужскую] половины, а вы назвали его достойным, почему же?» Кун-цзы ответил: «Я сказал о том, как он поступает, находясь на троне, а не о том, каков его дворец». Гун спросил: «Как же он поступает?» Кун-цзы ответил: «Младшего брата Лин-гуна зовут царевич Цюй Моу, его мудрости хватит, чтобы управлять страной в тысячу боевых колесниц, его верности хватит, чтобы оберегать страну. Лин-гун любит его и использует в управлении. Есть еще один служилый-ши, его зовут Линь Го, если только он повстречает достойного человека, непременно назначит его на должность, а когда тот уйдет в отставку, [Линь Го] обеспечит ему надел и жалованье. Вот почему у Лин-гуна нет чиновников, которые предавались бы разврату. Есть еще один служилый-ши, его зовут Цин Цзу, когда в Вэй решаются важные дела, их непременно поручают [Цин Цзу], и он наводит порядок, когда же все в порядке, он отходит от дел и наслаждается обществом достойных людей. Лин-гун одобряет и уважает его. Еще есть один дафу, его зовут Ши Цю»², так как не мог осуществить Дао,

¹ Лин-гун 灵公 (540–493 гг. до н.э.) по имени Юань 元 – правитель царства Вэй в 534–493 гг. до н.э.

² Ши Цю 史鳅, или Ши Юй 史鱼 по прозвищу Цзы Юй 子鱼 – чиновник дафу из царства Вэй, занимал должность чтеца заклинаний и молитв при государевых жертвоприношениях. Увещевал государя даже после своей смерти. Об этом см.: [Кун-цзы цзя юй 22, 10]. Как пишет Л.С. Переломов: «Ши Юй – аристократ из царства Вэй, известный тем, что сумел усовестить правителя и после своей смерти. Желая сместить с поста лукавого царедворца Мицзы Ся и поставить на его место честного Цюй Боюя, он завещал своему сыну выставить после смерти гроб с его телом, дабы привлечь внимание, у дверей, а не на западной стороне крыльца, как положено было по традиции. Удивленный таким нарушением ритуала, царь обратился к его сыну, и тот объяснил смысл такого необычного поступка. В итоге усвоенный вэйский царь возвысил честного Цюй Боюя» [Переломов 1998: 412].

он покинул Вэй, тогда Лин-гун на три дня переселился в пригород, [чтобы выразить свое уважение Ши Цю], не слушал звуков цитры и гуслей, ожидал возвращения Ши Цю, и в конце концов тот все же вернулся. Я рассказал об этом, и пусть даже [Лин-гун] и уступает в чем-то достойному [человеку], но разве нельзя [его назвать достойным]?»

XIII, 2. Цзы Гун спросил Кун-цзы: «Кого из нынешних чиновников можно назвать достойным?» Учитель ответил: «Я с такими не знаком. Когда-то в царстве Ци был Бао Шу[я]³, а в царстве Чжэн был Цзы Пи⁴ – вот они были достойными». Цзы Гун спросил: «А как же Гуань Чжун из царства Ци и Цзы Чань⁵ из царства Чжэн?» Кун-цзы ответил: «Цы! Ты знаешь только одно, но не ведаешь второго. Кто, [по-твоему], является достойным человеком: тот, кто прилагает усилия, чтобы самому стать таковым, или же тот, кто выдвигает достойных?» Цзы Гун ответил: «Тот, кто выдвигает достойных!» Учитель ответил: «Верно. Я слышал, что Бао Шу[я] выдвинул на пост Гуань Чжуна, а Цзы Пи выдвинул Цзы Чаня, но я не слышал, чтобы [Гуань Чжун и Цзы Чань] выдвинули достойных!»

XIII, 3. Ай-гун спросил Кун-цзы: «Я слышал, что забывчивый человек – тот, кто, переезжая в другое жилище, забывает взять с собой жену, разве бывают такие люди?» Кун-цзы ответил: «Это еще куда ни шло, но бывает, что человек забывает себя». Гун спросил: «Это правда или слухи?» Кун-цзы ответил: «В древности, во времена эпохи Ся, тиран Цзе был Сыном Неба, его богатство было несметным, он позабыл Дао совершенномудрых предков, пограл [древние] установления и законы, перестал приносить жертвы, пристрастился к безнравственной музыке, беспробудно пьянствовал, окружил себя лстивыми чиновниками, которые следили за ним, преданные же чиновники вынуждены были молчать, скрывая преступления [тирана]. Поднебесная покарала Цзе и его страну – вот что называется „в полной мере забывать себя“».

XIII, 4. Янь Юань отправлялся в путешествие на запад, в царство Сун, и спросил у Кун-цзы: «Как [надлежит] самосовершенствоваться»

³ Бао Шу 鲍叔, или Бао Шуя 鲍叔牙 (ум. 644 г. до н.э.) – высокопоставленный чиновник при циском Хуань-гуне 齐桓公.

⁴ Цзы Пи 子皮 – главный министр в царстве Чжэн. После него этот пост занял Цзы Чань.

⁵ Цзы Чань 子产 (ум. 522 г. до н.э.) по имени Гун-сунь Цяо 公孙侨 – государственный деятель и философ, главный министр в царстве Чжэн (544–522 гг. до н.э.).

ся?» Учитель ответил: «Посредством почтительности, уважения, преданности, верности – и только. Будь почтительным и отдалишься от мучений, будь уважителен, и люди станут любить тебя, будь преданным и станешь пребывать в гармонии со всеми, будь верным, и тебя выдвинут на должность. Если упорно трудиться над этими четырьмя вещами, то сможешь управлять не только собой, но и целой страной. Сближаться с чужими вместо того, чтобы сближаться с родными, разве это не [означает] отдаляться? Пренебречь совершенствованием середины, но наводить внешний лоск, разве это не [означает делать] наоборот? Обдумывать, когда все уже решено, строить планы, когда все уже случилось, разве не поздно?»

XIII, 5. Кун-цзы читал «Ши цзин», дойдя до шестого чжана песни «Первая луна»⁶, он в страхе воскликнул: «Не выдвигать благородных мужей, разве не опасно? Если повиноваться высшим, но опираться на современные установления, то Дао придет в упадок; идти наперекор высшим и отдаляться от [древних] обычаев – значит вредить самому себе. Когда благо не в чести и лишь ты один руководишь благом, то [окружающие] назовут это странным и опрометчивым. Поэтому если достойный человек, даже если он и не встретился с Небесным [случаем], все равно страшится не осуществить свою судьбу. Подобно тому как тиран Цзе убил Лун Фэна⁷, а тиран Чжоу убил Би Ганя⁸. В „Ши цзин“ сказано: „Небо высоко, нельзя не склониться [перед ним], Земля широка, надлежит ступать осторожно!“»⁹. Здесь говорится о том, что и высшие, и низшие страшатся последствий своих поступков, невзирая на собственное положение.

XIII, 6. Цзы Лу спросил Кун-цзы: «Когда достойный государь управляет страной, чем он руководствуется в первую очередь?» Кун-

⁶ «Ши цзин» II, IV, 8 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 188–191].

⁷ Гуаньлун Фэн 关龙逢, или Лун Фэн 龙逢 – достойный муж, призывал тирана Цзе, правителя династии Ся к порядку, но был казнен.

⁸ Би Гань 比干 – мудрый и добродетельный дядя тирана Чжоу Синя, последнего правителя династии Шан. Би Гань пытался наставить своего племянника на путь истинный, но тот повелел вырвать ему сердце. Оба вышеуказанных случая являются демонстрацией того, что даже добродетельный муж в силу индивидуального опыта, может не получить признания в обществе.

⁹ «Ши цзин» II, IV, 8 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 189].

цзы ответил: «Уважает достойных и пренебрегает дурными». Цзы Лу спросил: «Я слышал, что цзиньский Чжунхан¹⁰ уважал достойных и пренебрегал дурными, но погиб, почему же?» Кун-цзы ответил: «Он уважал достойных, но не мог использовать их, пренебрегал дурными, но не мог избавиться от них. Если достойные понимают, что их не используют, непременно начнут роптать, если дурные понимают, что ими пренебрегают, непременно начнут мстить. Пусть даже Чжунхан не желал погибать, но разве был у него выбор, когда подстерегали недруги и соперники, да еще и за пределами страны соседи-враги развязали войну?»

XIII, 7. Кун-цзы жил на покое, однажды он со вздохом произнес: «О! Если бы Бо Хуа из Тунди был бы жив, тогда в Поднебесной был бы порядок!» Цзы Лу сказал: «Я желал бы узнать об этом человеке». Кун-цзы ответил: «В юности он был старательным и любил учиться, в зрелости был храбрым и непоколебимым, в старости знал, как должным образом использовать людей. Когда обладаешь этими тремя [умениями], разве сложно навести порядок в Поднебесной?» Цзы Лу спросил: «В юности любить учиться, в зрелости был храбрым – это осуществимо, но что касается умения должным образом использовать людей – кто же сможет осуществить это?» Учитель ответил: «Ю! Ты не знаешь. Но я слышал, что нет таких, кто множеством не мог бы победить одного. Не бывает такого, чтобы благородный не подчинил себе дурных. В древности Чжоу-гун при управлении Поднебесной придерживался принципов уважения по отношению к советнику-чжунцаю¹¹, день ото дня Чжоу-гун принимал у себя по сто семьдесят человек мелких чиновников, так неужели он не умел должным образом использовать служилых-ши? Разве бывает такое, что человек, обладающий Дао, не подчиняется правителю Поднебесной?»

XIII, 8. Циский Цзин-гун¹² прибыл с визитом в Лу, остановившись в гостевом особняке, он повелел Янь Иню позвать Кун-цзы. Когда Кун-цзы явился, Цзин-гун спросил его о принципах управления. Кун-цзы ответил: «Управление заключается в том, чтобы не

¹⁰ Чжунхан 中行, или Чжунхан Вэнь-цзы 中行文子 (ум. 490 г. до н.э.) – высший чиновник царства Цзинь, поднял восстание против дома Цзинь и бежал в царство Ци.

¹¹ Чжунцай 冢宰 – начальник приказа личного состава, начальник чинов.

¹² Цзин-гун 景公 (ум. 490 г. до н.э.) по имени Чуцзю 杵臼 – правитель царства Ци (547–490 гг. до н.э.), сын циского Лин-гуна 灵公.

расточать богатства». Гун был доволен ответом и спросил еще: «Страна циньского Му-гуна¹³ была маленькой, ее земли находились в захолустье, но он сумел стать гегемоном, как же так?» Кун-цзы ответил: «Хотя его страна была маленькой, но его воля была великой, хотя земли находились в захолустье, но он управлял ими, следуя середине. Его действия приносили плоды, а планы находились в гармонии [с действительностью]. В законах он не преследовал личную выгоду, его декреты были тщательно продуманы. Он выдвинул Байли Си¹⁴, даровал ему ранг *дафу* и проговорил с ним три дня о принципах управления страной. Такой [человек] может считаться ваном [всей Поднебесной], а не только гегемоном». Цзин-гун произнес: «Прекрасно!»

XIII, 9. [Лууский] Ай-гун спросил Кун-цзы о принципах управления. Кун-цзы ответил: «В управлении нет ничего большего, чем жаждать богатства и долголетия для народа». Гун спросил: «Как же этого добиться?» Кун-цзы ответил: «Если снижать трудовые повинности и уменьшать налоги, то народ будет богатеть. Если превозносить ритуал и образование, остерегать [народ] от преступлений и напастей, то народ обретет долголетие». Гун сказал: «Я бы желал поступать так, как говорит Учитель, но опасаясь, что моя страна обеднеет». Кун-цзы сказал: «В „Ши цзин“ сказано: „Да радостен пребудет благородный муж! [Он] – отец и мать для народа“¹⁵. Еще не бывало такого, чтобы дети были богатыми, а родители бедными».

XIII, 10. Вэйский Лин-гун спросил у Кун-цзы: «Один человек сказал мне: „Тот, кто обладает [властью] в стране, должен устраивать совещания, не выходя из дворца, и тогда правление будет осуществляться должным образом, не так ли?“» Кун-цзы ответил: «Возможно. Того, кто любит людей – любят; того, кто ненавидит

¹³ Му-гун 穆公 (ум. 621 г. до н.э.) – правитель царства Цинь в (659–621 гг. до н.э.), один из пяти гегемонов эпохи Чуньцзо, личное имя – Ин Жэньхао 嬴任好.

¹⁴ Байли Си 百里奚, или Боли Си. В тексте «Цзя юй» используется прозвище Байли Си «*дафу* за пять овчин». В юности Байли Си был очень беден. Когда владение Юй, где жил Байли Си, было завоевано царством Цинь, его взяли в плен и хотели обратить в рабство. Он бежал в царство Чу, но там был задержан. Тогда циньский Му-гун 秦穆公, узнав о выдающихся способностях Байли Си, выкупил его за пять овчин. Поступив на службу, Байли Си добился звания *дафу*, стал главным министром.

¹⁵ «Ши цзин» II, II, 3 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 164].

людей – ненавидят; тот, кто познал себя – знает и других. Тот, кто, не покидая своей хижины, познал всю Поднебесную – это тот, кто познал себя».

ХIII, 11. Кун-цзы был на приеме у сунского правителя, и тот спросил Кун-цзы: «Я желаю своей стране долголетия и чтобы в каждом селении [осуществлялось должное правление], я желаю, чтобы среди народа не было смуты, я желаю, чтобы служилые-*ши* трудились не покладая рук, чтобы солнце и луна сменяли друг друга в свое время, я желаю, чтобы совершенномудрые сами стекались [ко двору], чтобы чиновники навели порядок. Но как достичь этого?» Кун-цзы ответил: «Многие правители стран в тысячу боевых колесниц задавали мне подобные вопросы, но никто не спрашивал так всеобъемлюще. Все, чего желает государь, достижимо. Я слышал, что если установить близкие отношения с соседними странами, то страна будет существовать долгие годы. Если государь милостив, а чиновники преданные, то в каждом селении будет [осуществляться должное правление]. Если не убивать безвинных, не прощать преступников, то среди народа не будет смуты. Если служилые-*ши* будут получать достойное жалованье, то они будут трудиться не покладая рук. Если почитать Небо и уважать духов, то солнце и луна будут сменять друг друга в свое время. Если превозносить Дао и ценить добродетель, то совершенномудрые будут сами стекаться [ко двору]. Если назначать чиновников согласно их способностям и отдалять низких людей, то [в стране] будет порядок». Сунский правитель воскликнул: «Прекрасно! Разве не так? Только вот моих способностей недостаточно, чтобы добиться этого». Кун-цзы ответил: «Это несложно, нужно действовать!»

Глава XIV

Рассуждения об управлении

XIV, 1. Цзы Гун спросил у Кун-цзы: «Как-то циский правитель спросил Учителя о принципах управления государством. Учитель ответил, что управление должно быть основано на том, чтобы не расточать богатства. Луский правитель спросил Учителя о том же, и он ответил, что должно наставлять чиновников. Е-гун¹ [из царства Чу] задал Учителю тот же вопрос, и Учитель ответил, что в управлении государством необходимо одобрять ближних и покорять дальних. Почему на один и тот же вопрос вы дали разные ответы?» Кун-цзы сказал: «В каждой стране необходимо исходить из собственной ситуации. В царстве Ци роскошные террасы и башни, множество парков для услаждения пяти органов чувств. Однажды правитель награждал трех заместителей, предоставивших по тысяче боевых колесниц, поэтому в Ци необходимо основываться на принципе экономии. В стране у луского правителя три чиновника, которые обманывают государя, за пределами страны есть *чжухоу*, которые утаивают от государя [реальное положение дел], поэтому в Лу необходимо наставлять чиновников. Земли царства Чу обширны, а столица маленькая, народ Чу духовно слаб, и нет умиротворения [в этом царстве], поэтому в Чу необходимо одобрять ближних и покорять дальних. Это три различных принципа управления. В „Ши цзин“ сказано: „Смерть и разруха, нет средств к существованию, и где же сострадание нашего государя?“². Здесь говорится о том, как роскошь и расточительство без меры приводят к смуте. Кроме того, [в „Ши цзин“] сказано: „Подлые [люди] не исполняют своих обязанностей, они лишь головная боль для вана“³. Здесь говорится о том, как изменни-

¹ Е-гун 叶公 (род. ок. 550 до н.э.), или Шэнь Чжулян 沈诸梁 – политический и военный деятель царства Чу, ведал делами местности Шэ (на территории совр. пров. Хэнань).

² «Ши цзин» III, II, 10 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 288].

³ «Ши цзин» II, V, 4 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 205].

ки вводят [государя в заблуждение] и это приводит к смуте. Кроме того, [в „Ши цзин“] сказано: „Смута и разброд, печаль и недуг, за кем же идти мне?“⁴ Здесь говорится о том, как отсутствие единства приводит к смуте. Различая эти три состояния, разве можно руководствоваться одинаковыми [принципами] управления [для их искоренения]?»

XIV, 2. Кун-цзы сказал: «Преданный чиновник, который увещевает государя, обладает пятью способами [исполнения своего] долга. Первый – увещевать окольными путями, второй – увещевать упрямо, третий – увещевать доброжелательно и спокойно, четвертый – увещевать напрямую, пятый – увещевать намеками. Только того, кто действует, соблюдая меру, мне надлежит увещевать намеками.»

XIV, 3. Учитель сказал: «Нельзя не ценить Дао. Не потому ли Чжунхан Вэнь-цзы утратил свою Родину, ведь он нарушал Дао и забывал долг! Но он с почтением относился к достойным и потому остался жив. Совершенномудрый обращает беду себе на пользу – вот о чем я говорю.»

XIV, 4. Чуский ван⁵ решил отправиться с увеселительной прогулкой на Цзинтай⁶, воевода-сыма по имени Цзы Ци начал отговаривать его [от поездки], и ван пришел в ярость. Начальник уезда Цзы Си⁷ высказал вану свое пожелание: «Сейчас лучшее время, чтобы полюбоваться видом с Цзинтай, его нельзя упустить». Довольный ван, похлопав Цзы Си по спине, сказал: «Раздели со мной эту радость». Проскакав десяток *ли*, Цзы Си внезапно остановил лошадь и произнес: «Чиновник хотел бы произнести справедливые слова, желает ли ван услышать их?» Ван ответил: «Говори». Цзы Си сказал: «Я слышал, что подданный предан своему государю, и потому титула и жалованья недостаточно, чтобы наградить чиновника, но если подданный произносит льстивые речи, то даже казнь – слишком мягкое наказание для него. Поэтому Цзы Ци – преданный чиновник, а я – льстивый чиновник. Я желал бы, чтобы государь наградил пре-

⁴ «Ши цзин» II, V, 10 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 214].

⁵ Имеется в виду чуский Чжао-ван 昭王 по имени Жэнь 壬 (523–489 г. до н.э.) – правитель царства Чу в 515–488 г. до н.э.

⁶ Цзинтай 荆臺 – возвышенность в местности на севере уезда Цзяньли, совр. пров. Хубэй.

⁷ Цзы Си 子西, или Гун-цзы Шэнь 公子申 (ум. 479 г. до н.э.) – чуский *дафу*, сын чуского Пин-вана 平王 от наложницы, сводный брат Чжао-вана 昭王.

данного и казнил лъстивого». Ван сказал: «Ныне один Цзы Ци увещевал меня отказаться от поездки, но как же оградить от этого следующие поколения?» Цзы Си ответил: «Очень просто. После того как великий ван скончается, надо похоронить его на вершине Цзинтай, тогда потомки не осмелятся устраивать празднества на месте могилы своего предка». Ван сказал: «Хорошо». И вернулся [во дворец]. Услышав об этом, Кун-цзы воскликнул: «Чудесно! Увещевания Цзы Си распространяются на тысячи *ли*, смиряют многие поколения потомков!»

XIV, 5. Цзы Гун спросил у Кун-цзы: «Учитель, Цзы Чаня и Янь Ина можно назвать превосходными [людьми]. Осмелюсь спросить, почему Учитель так превозносит этих двух *дафу*?» Кун-цзы ответил: «Цзы Чань милостив к народу и обладает обширными знаниями. Янь Ин преданный государю чиновник, он скромный и почтительный в поступках. Поэтому я почитаю их, как старших братьев, а также люблю и уважаю их».

XIV, 6. В царстве Ци одноногая птица залетела на государев двор, опустившись на крышу дворца, она начала хлопать крыльями. Циский владыка очень удивился и отправил гонцов в Лу, узнать у Кун-цзы, что это значит. Кун-цзы сказал: «Эта птица называется *шаньян*, она предвещает ливень. В старину дети подгибали одну ногу, поднимали брови и, прыгая на одной ноге, приговаривали: „Небо посылает сильный дождь, *шаньян* бьет в барабан и пляшет“. Ныне в подтверждение этому в Ци появилась такая птица. Скорее приведите в порядок каналы и рвы, соорудите плотины, будет потоп!» Вскоре [повсюду] пошел сильный дождь, реки вышли из берегов и погубили множество народу, и только в царстве Ци были готовы к этому, и [потоп] не причинил урон. [Циский] Цзин-гун сказал: «Слова совершенномудрого верны и правдивы».

XIV, 7. Кун-цзы спросил у Ми-цзы Цзяня⁸: «Ты управляешь Шаньфу⁹, и народ с радостью подчиняется тебе, как ты добился этого?» Ми-цзы Цзянь ответил: «Я, Буци, управляю так: подобно тому как отец заботится о сыне, я забочусь о сирых и одиноких, а кроме того, должным образом исполняю траурный ритуал». Кун-цзы сказал:

⁸ Ми (Фу)-цзы Цзянь 宓子贱 (522 (502)–445 гг. до н.э.) по имени Минь-цзы 闵子, или Миньсунь 闵损 по прозвищу Цзы Цянь 子骞 – один из учеников Кун-цзы, уроженец царства Лу.

⁹ Шаньфу 單父 – местность на территории совр. пров. Шаньдун.

«Хорошо! Это маленькое благо, [хотя] простолюдины и примыкают [к тебе], но все же этого недостаточно». [Ми-цзы Цзянь] сказал: «Трем людям я служу так, как служат отцу, пятерым я служу так, как служат братьям, одиннадцати я служу так, как служат друзьям». Кун-цзы сказал: «Служить трем подобно тому, как служат отцу, – этим обучаешь сыновней почительности. Служить пятерым подобно тому, как служат братьям, – этим обучаешь братской любви. Служить одиннадцати подобно тому, как служат друзьям, – этим выдвигаешь достойных. Это среднее благо, [хотя] люди средних способностей примыкают [к тебе], но все же этого недостаточно». [Ми-цзы Цзянь] сказал: «В нашей местности есть пять человек, которые достойнее, чем я. Я служу им и принимаю от них наставления, они учат меня [следовать] Дао». Кун-цзы произнес с восхищением: «Твое величие в этом! В древности Яо и Шунь внимали Поднебесной, стремились привлечь к себе на службу достойных людей. Достойный человек – исток большого счастья и владыка духов! Как жаль, что местность, которой ты управляешь, так мала!»

XIV, 8. Цзы Гун был назначен министром-*цзай* в Синьян¹⁰, перед тем как отбыть на службу, он зашел к Кун-цзы получить прощальное напутствие. Кун-цзы сказал: «Прилежный и осмотрительный своевременно помогает Сыну Неба, [такой человек] не отнимает силой, не начинает войну, не проявляет жестокости и не грабит». Цзы Гун ответил: «Я с малых лет служу государю, неужели допущу появление грабителей?» Кун-цзы сказал: «Ты не уяснил этого подробно. Заменять достойных достойными – это называется отнимать силой; заменять достойных дурными – это называется начинать войну; медленно отдавать приказы и спешно проводить казни – это называется жестокостью; использовать добро [лишь] себе во благо – это называется грабежом. Грабежом называется не только кража имущества. Я слышал, что знающий, как служить, строго блюдет закон и тем самым приносит пользу народу. А незнающий, как служить, извращает закон и тем самым притесняет народ – вот в чем причина недовольства. Нет лучшего чиновника, чем справедливый человек; имея дело с богатством, лучше всего быть честным. Честность – страж справедливости, и это не может измениться. Тот, кто утаивает благие качества людей, называется скрывающим достойных. Возве-

¹⁰ Синьян 信阳 – поселение в царстве Чу, на территории совр. пров. Хэнань.

личивающий людские пороки называется низким человеком. Внутри нет никого, кто принимал бы его наставления, вовне он окружен клеветой, и нет никого, кто жил бы с ним в мире и согласии. Говорить о благих качествах других людей подобно тому, как самому обладать ими. Порицать людские пороки подобно тому, как принимать их на себя. Поэтому благородный муж всегда осмотрителен».

XIV, 9. В течение трех лет Цзы Лу управлял местностью Пу. Как-то раз, достигнув границ Пу, Кун-цзы произнес: «[Чжун] Ю¹¹ прекрасно [справляется]! Он [управляет] на основании почтительности и посредством верности». Въехав в Пу, [Кун-цзы] воскликнул: «[Чжун] Ю прекрасно [справляется]! Он преданный и верный, а также проявляет снисходительность». Войдя в резиденцию [Цзы Лу, Кун-цзы] сказал: «[Чжун] Ю прекрасно [справляется]! Он вникает [в суть вещей] посредством разделения». Цзы Гун, который управлял повозкой, спросил: «Учитель не видел, каким образом [Чжун] Ю осуществляет управление, но три раза похвалил его, осмелюсь узнать, почему же?» Кун-цзы ответил: «Я вижу, как он осуществляет управление. На границе его владений пахотные земли обработаны должным образом, сорные травы выполоты, а оросительные каналы глубокие и ровные. Значит, [Цзы Лу управляет] на основании почтительности, посредством верности, поэтому народ трудится не покладая рук. В Пу крепкие стены и пышные деревья, значит, [Цзы Лу] преданный и верный, а также проявляет снисходительность, поэтомународнесовершаетподлостей.Врезиденции[ЦзыЛу]спокойно и безмятежно, а подчиненные повинуются приказам, значит, он вникает [в суть вещей] посредством разделения, а его правление не вносит смуту. Созерцая все это, хотя я три раза похвалил [Цзы Лу], но все же не в полной мере отметил его достижения!»

¹¹ Чжун Ю 仲由 – имя Цзы Лу.

Глава XV

Шесть основ

XV, 1. Кун-цзы сказал: «В поведении благородного мужа есть шесть основ: в утверждении самого себя опираться на долг и брать за основу сыновнюю почтительность; в исполнении траурного обряда опираться на ритуал и брать за основу [чувство] скорби; в расположении войск опираться на распределение по рядам и брать за основу храбрость; в управлении страной опираться на упорядочивание и брать за основу сельское хозяйство; находясь на престоле, опираться на Дао и брать за основу преемственность [власти]; в производстве товаров опираться на своевременность и брать за основу труд. Если установленные основы не тверды, то не стоит заниматься земледелием и шелководством. Если отношения с родственниками далеки от идеала, то не стоит заниматься дипломатией. Если не можешь довести дело до конца, то не стоит заниматься разными делами. Если повторяешь сплетни, то не стоит болтать без умолку. Если близкие не умиротворены, то не стоит стремиться к дальним. Поэтому Дао благородного мужа заключается в том, чтобы возвращаться к основам и совершенствовать изначальное».

XV, 2. Кун-цзы сказал: «Травяная настойка горька на вкус, но полезна для здоровья, правдивые речи резки для уха, но полезны для действий. [Чэн] Тан и У-[ван] говорили правду в глаза и [потому] достигли процветания; тираны Цзе и Чжоу умели лишь поддакивать и [потому] погибли. Еще не бывало такого, чтобы у государя не было чиновника, который не увещевал бы его; у отца не было бы такого сына; у старшего брата не было бы такого младшего брата; у служилого не было бы такого друга. Иначе не избежать ошибки. Поэтому сказано: правитель ошибается – чиновник исправляет; отец ошибается – сын исправляет; старший брат ошибается – младший брат исправляет; сам ошибаешься – друг исправляет. Поэтому в стране удастся избежать гибельного предзнаменования, в семье нет места злым склокам, отец, сыновья и братья не совершают ошибок, а дружба не прекращается».

XV, 3. Кун-цзы прибыл с визитом к цискому Цзин-гуну. Гун был очень рад [его приезду] и пожелал, чтобы Кун-цзы был на содержании в Линьцю¹. Кун-цзы отверг это предложение и откланялся. Вернувшись, он сказал ученикам: «Я слышал, что благородный муж получает награду в соответствии со своими заслугами, ныне я разговаривал с циским правителем, он не видел моих поступков, но уже пожаловал мне город [для кормления], [Цзин-гун] не очень-то знает меня». После этого [Кун-цзы] покинул [царство Ци].

XV, 4. Кун-цзы прибыл в Ци и поселился в загородном доме, Цзин-гун явился с визитом. Хозяин и гость обменялись поклонами, тогда некто из свиты Цзин-гуна сообщил: «Только что прибыли послы из царства Чжоу, говорят, что в храме предков прежних ванов пожар!» Цзин-гун спросил: «В котором храме пожар?» Кун-цзы ответил: «Конечно в храме Ли-вана»². Гун спросил: «Как вы узнали об этом?» Кун-цзы ответил: «В „Ши цзин“ сказано: „Великолепный государь вознесся на Небо, велье Неба безупречно, посредством блага Небо являет свою добродетель!“³. Это верно и в случае с бедствиями. Потому что Ли-ван изменил принципы правления Вэнь-[вана] и У-[вана], [повелел] создавать вычурные украшения, высокие дворцы и роскошные экипажи, но ничто из этого не могло поднять дух. Поэтому небесная кара обрушилась на его храм, и предсказание сбылось». Гун спросил: «Но почему же Небо не покарало его самого, а лишь сожгло его храм?» Кун-цзы ответил: «Должно быть, благодаря Вэнь-[вану] и У-[вану]. Если бы Небо покарало самого [Ли-вана], то каким образом продолжился бы род Вэнь-[вана] и У-[вана]? Поэтому небесная кара обрушилась на его храм, чтобы указать на ошибки [Ли-вана]». Через миг некто из свиты [Цзин-гуна] сообщил: «Пожар произошел в храме Ли-вана». Цзин-гун был поражен, он дважды поклонился Кун-цзы и сказал: «Прекрасно! Прозорливость совершенномудрого намного превосходит [ум] обычных людей!»

XV, 5. После окончания трехлетнего траура Цзы Ся прибыл с визитом к Кун-цзы. Учитель сказал: «Дайте ему поиграть на цитре». [Цзы Ся] уверенно взял [цитру] и с радостью заиграл, закончив играть, произнес: «Нельзя не следовать ритуалу прежних ванов!»

¹ Линьцю 廩丘 – местность в царстве Ци, на территории совр. пров. Шаньдун.

² Ли-ван 釐王 (ум. 677 г. до н.э.), или Ци Хуци 姬胡齐 – правитель (681–677 гг. до н.э.) династии Восточная Чжоу, старший сын чжоуского Чжуан-вана 周庄王.

³ В совр. редакции «Ши цина» данный стих отсутствует.

Учитель сказал: «Вот благородный муж!» После окончания трехлетнего траура Минь-цзы⁴ прибыл с визитом к Кун-цзы. Учитель сказал: «Дайте ему поиграть на цитре». Скорбя, [Минь-цзы] взял [цитру] и с грустью заиграл, закончив играть, произнес: «Нельзя терять меру в следовании ритуалу прежних ванов!» Учитель сказал: «Вот благородный муж!» Цзы Гун спросил: «Скорбь Минь-цзы еще не иссякла, и Учитель назвал его благородным мужем. А скорбь Цзы Ся уже иссякла, и Учитель также назвал его благородным мужем. Чувства этих двух различны, но обоих вы назвали благородными мужами, осмелюсь спросить, почему?» Кун-цзы ответил: «Скорбь Минь-цзы не иссякла, ее можно завершить с помощью ритуала. Скорбь Цзы Ся уже иссякла, ее можно возбудить с помощью ритуала. Разве нельзя их обоих назвать благородными мужьями?»

XV, 6. Кун-цзы сказал: «Уважение – ритуал без внешнего проявления; скорбь – отсутствие траурных одежд; радость – беззвучное веселье. Не говорит, но ему верят; не действует, но имеет авторитет; не благодетельствует, но человеколюбив – тот, кто обладает волей. Поэтому если в ярости бить в колокол, то его звук становится воинственным. Если же бить в колокол, будучи печальным, то его звук становится скорбным. По мере того как меняется воля человека, меняется и звук колокола. Поэтому искренние чувства проходят сквозь камни и металлы, а уж чего говорить о людях!»

XV, 7. Кун-цзы встретил ловца птиц. Весь его улов состоял из маленьких птенцов. Кун-цзы спросил: «Почему же не попались большие птицы?» Ловец птиц ответил: «Большие птицы пугливы, и их сложно поймать, птенцы же постоянно хотят есть, и их легко поймать. Если птенцы следуют за большими птицами, их невозможно поймать. Если большие птицы следуют за птенцами, то их тоже невозможно поймать». Обернувшись к ученикам, Кун-цзы произнес: «Осмотрительность помогает избежать страданий, ненасытность пренебрегает самим существованием беды. Все это исходит из сердца. И каждый выбирает, следовать ли ему за счастьем или бедой. Поэтому благородный муж осмотрителен в следовании. Если [поступает так], как завещали старшие, тем самым сохраняет себя в целостности. Если же проявляет упрямство молодых, то навлечет на себя смертельную опасность».

⁴ Минь-цзы 闵子, или Миньсунь 闵损 по прозвищу Цзы Цянь 子騫 (536–487 гг. до н.э.) – один из учеников Кун-цзы, уроженец царства Лу.

XV, 8. Кун-цзы читал «И цзин», дойдя до гексаграмм «Сунь»⁵ и «И»⁶, он тяжело вздохнул. Цзы Ся поднялся со своего места и спросил: «Учитель, почему вы вздыхаете?» Кун-цзы ответил: «Потому что теряя – обретаешь, а обретая – теряешь, поэтому я и вздыхаю». Цзы Ся спросил: «В таком случае тот, кто учится, не может обрести пользу?» Кун-цзы ответил: «Я не об этом говорю. Дао умножает пользу, а тело умножает вред. Если тот, кто учится, переоценивает себя, то тем самым вредит себе; но если привлекает к себе людей своею скромностью, то с успехом обретает обширные [знания]. Небесное Дао совершенно, но постоянно изменяется; не бывает такого, чтобы нечто было всегда наполнено и вечно. Поэтому сказано: кто почитает себя достойным, тот не услышит благие речи Поднебесной. В древности, когда правил Яо, он был учтивым и держал в руках [всю Поднебесную], в общении с людьми был уступчив, тем самым принес пользу на тысячу лет, и до сего дня это очевидно. Сяский тиран Цзе, а также Кунью⁷ были довольны собой и не [ведали] предела [дозволенного], вели себя распутно и не знали меры, уничтожали простой народ, словно сорную траву. Люди в Поднебесной ненавидели их, словно глупых мужланов, тем самым они вызвали к себе отвращение, и до сего дня это так. Вот что такое полнота. Как если едешь в колеснице и встречаешь трех людей, то необходимо выйти, если же встречаешь двух людей, то необходимо опереться в поклоне о переднюю стенку колесницы. Тем самым уравнивают избыток и недостаток, поскольку нет самодовольства, то можешь осуществлять [такой подход] в течение долгого времени». Цзы Ся сказал: «Я, Шан, запомню [слова Учителя] и до конца моих дней буду поступать таким образом!»

XV, 9. Цзы Лу спросил у Кун-цзы: «Скажите, можно ли отбросить Дао древних и поступать по своему усмотрению?» Учитель ответил: «Нельзя. В древности восточные варвары восхищались нашими ритуалами. [У варваров] если женщина становилась вдовой, то ей находили тайного любовника, но до конца своих дней она не выходила замуж. Выйти замуж, но не выходить замуж [вторично], разве в этом суть целомудрия? В Цанью⁸ один человек взял в жены

⁵ Сунь 損 – 41-я гексаграмма «И цзина», «Убыль».

⁶ И 益 – 42-я гексаграмма «И цзина», «Приумножение».

⁷ Кунью 昆吾 по фамилии Ци 己, один из сыновей вождя У Хуэя, был покорен государем Чэн Таном.

⁸ Цанью 蒼梧 – местность на территории совр. провинции Хунань.

очень красивую девушку, но уступил ее своему старшему брату. Хотя уступил, но это не есть ритуальная уступчивость. Если вначале не быть осмотрительным, то впоследствии пожалеешь [о содеянном], увы! Ныне ты желаешь отбросить Дао древних и действовать по своему усмотрению. Но как узнать, верны ли твои собственные усмотрения или же это лишь [замыслы] низких поступков? И пусть даже потом ты раскаешься в своих поступках, но [изменить их последствия] будет сложно».

XV, 10. Цзэн-цзы пропалывал тыквы и по ошибке вырвал тыкву с корнем. [Его отец] Цзэн Си разгневался и побил Цзэн-цзы палкой по спине. Цзэн-цзы упал на землю и потерял сознание. По прошествии долгого времени Цзэн-цзы очнулся и, подойдя к Цзэн Си, радостно воскликнул: «Я, Шэнь, провинился перед старшим, и старший применил силу для того, чтобы научить меня, но в этом нет порока, не так ли?» Отступив назад, он вернулся в дом, взял в руки цитру и начал петь, показывая тем самым Цзэн Си, что он не держит зла. Услышав об этом, Кун-цзы разгневался и сказал своим ученикам: «Когда Шэнь пришел, не стоило его впускать!» Цзэн-цзы счел себя ни в чем не виноватым и попросил [других учеников] узнать, в чем причина таких слов [Учителя]. Учитель ответил: «Что непонятного? В древности Шунь был сыном [слепца] Гу Соу, Шунь прислуживал своему отцу, как только Шунь был необходим, он всегда оказывался рядом, но когда отец решил убить Шуня, то не смог его найти. Побой прутом можно выдержать, но если бьют большой палкой, то следует бежать. Поэтому Гу Соу не совершил позорного преступления, а Шунь не утратил великолепия сыновней почтительности. Ныне Шэнь прислуживал отцу, но не сберег себе перед лицом [отцовского] гнева, его смерть навлекла бы позор на отца, уж кто бы смог быть настолько непочтительным по отношению к родителям? Ты, [Цзэн-цзы], разве не человек государя? Какова же вина того, кто убивает человека?» Цзэн Шэнь, услышав это, сказал: «Моя вина велика!» И тотчас же попросил у Кун-цзы прощения за ошибку.

XV, 11. Чуский княжич в пятнадцать лет уже исполнял обязанности первого министра. Услышав об этом, Кун-цзы направил посланника в царство Чу, чтобы узнать, как [княжич] осуществляет управление. Вернувшись, посланник сказал: «В его дворце нет суеты, только чистота и покой, в главном зале заседают пять старейшин, а в галерее стоят двадцать мужчин в расцвете сил». Кун-цзы

сказал: «Мудрости этих двадцати пяти человек достаточно, чтобы управлять всей Поднебесной, их упорства хватит, чтобы избежать напастей [во всей Поднебесной], так что уж говорить об одном царстве Чу?»

XV, 12. Цзы Ся спросил Кун-цзы: «Каков человек Янь Хуэй?» Учитель ответил: «Верностью Хуэй превосходит меня». [Цзы Ся] спросил: «Каков человек Цзы Гун?» Учитель ответил: «Умом Цы превосходит меня». [Цзы Ся] спросил: «Каков человек Цзы Лу?» Учитель ответил: «Храбростью Ю превосходит меня». [Цзы Ся] спросил: «Каков человек Цзы Чжан?» Учитель ответил: «Серьезностью Ши превосходит меня». Цзы Ся встал со своего места и спросил: «В таком случае зачем эти четверо служат Учителю?» Учитель ответил: «Сядь! Я расскажу тебе. Потому что Хуэй может быть верным, но может быть и непокорным; Цы умен, но не умеет быть требовательным к себе; Ю – храбрец, но он неуступчив; Ши серьезный, но не умеет [действовать сообща]. Я не согласился бы поменяться местами с кем-либо из этих четверых, [потому что я не обладаю такими недостатками]. Вот почему они прислуживают мне, и нет никакой другой причины».

XV, 13. Кун-цзы прогуливался у горы Тайшань и увидел Жуншэн Ци⁹. Он бродил в окрестностях поселения Чэн¹⁰, был в одежде из оленьих шкур, подпоясанный веревкой, играл на цитре и пел. Кун-цзы спросил у него: «Почему господин радуется?» Ци ответил: «Я радуюсь очень многому, но более всего трем вещам. Небо породило десять тысяч вещей, из них человек – самое ценное, а я – человек, в том моя первая радость. Между мужчинами и женщинами существует различие, мужчины уважаемы, а женщины презренны, значит, среди людей мужчины – самое ценное, а я – мужчина, в том моя вторая радость. Бывает, что человек умирает [в утробе], не увидев солнца и луны, бывает, что человек умирает еще в младенчестве, а мне уже девяносто пять лет, в том моя третья радость. В бедности постоянство отшельника, в смерти – финал жизни. И даже прозябанию в бедности настанет конец, так отчего же мне горевать?» Кун-цзы сказал: «Прекрасно! Вот [человек], который может жить в гармонии с самим собой!»

⁹ Жуншэн Ци 荣声期, или Жунци Ци 荣启期 (595–500 гг. до н.э.) по прозвищу Чан Бо 昌伯 – известный отшельник эпохи Чуньцю.

¹⁰ Чэн 郢 – городское поселение на территории совр. пров. Шаньдун.

XV, 14. Кун-цзы сказал: «[Янь] Хуэй обладает четырьмя Дао благородного мужа. Он стойкий в осуществлении долга; уступчивый в принятии увещаний [со стороны других людей]; робкий, когда получает жалованье; осмотрительный в самосовершенствовании. Ши Цю обладает тремя Дао благородного мужа. Не будучи служилым-*ши*, уважает вышестоящих; не совершая жертвоприношений, уважает духов; выправляет себя и благоволит людям». [В то время] Цзэн-цзы прислуживал [Кун-цзы] и сказал: «Раньше я часто слышал от Учителя три фразы, но я не могу осуществить сказанное. Учителю легко служить, потому что он видит в человеке одни достоинства и забывает о многих недостатках. Учитель не стремится показать свое превосходство, поэтому видит в человеке одни достоинства, а это подобно тому, как будто ты сам обладаешь им. Учитель умеет трудиться, поэтому, когда слышит о достоинствах [других], то непременно сам старается поступать таким же образом, а затем настаивает [нас]. Я [знаю] о трех фразах Учителя, но не могу осуществить сказанное, и в этом я уступаю Янь Хуэю и Ши Цю».

XV, 15. Кун-цзы сказал: «Когда я умру, то день ото дня это будет приносить пользу Цзы Ся и вред Цзы Гуну». Цзэн-цзы спросил: «Почему же?» Учитель ответил: «Шан любит общаться с теми, кто превосходит его, а Цы любит общаться с теми, кто недотягивает до него. Чтобы узнать сына, посмотрите на отца; чтобы узнать человека, посмотрите на его друзей; чтобы узнать правителя, посмотрите на его чиновников; чтобы узнать землю, посмотрите, какие травы и деревья [на ней растут]. Поэтому сказано: „Жить с добродетельным человеком подобно тому, как входить в комнату полную орхидей! По прошествии долгого времени уже не ощущаешь аромат, так как он уже растворился [в воздухе]. Жить с дурным человеком подобно тому, как зайти в лавку, где торгуют соленой рыбой. По прошествии долгого времени перестаешь ощущать вонь, так как она уже растворилась [в воздухе]. То, что хранится вместе с киноварью, становится красным; то, что хранится вместе с иссиня-черным, становится черным“. Поэтому благородный муж непременно осмотрителен в выборе тех, с кем делит кров».

XV, 16. Цзэн-цзы сопровождал Кун-цзы в поездке по царству Ци. Циский Цзин-гун предложил Цзэн-цзы пост *сяцина*¹¹, но тот наотрез

¹¹ Сяцин 下卿 – 3-й по рангу из *цинов*, младший канцлер.

отказался. Когда пришло время отправляться в обратный путь, Янь Ин, прощаясь, сказал Цзэн-цзы: «Я слышал, лучше, когда благородный муж награждает добрым словом, чем когда он подносит богатства. Если корень орхидеи растет три года, то его лучше замочить в воде, чтобы приготовить с ним подливку из оленины. В готовом виде такое блюдо обладает прекрасным вкусом, и его с легкостью можно обменять даже на лошадь. Но корень орхидеи сам по себе не таков, отличный [вкус блюда достигается тем], что корень заранее замочили в воде. Я надеюсь, что ты тщательно [выбираешь] себе окружение. Благородный муж непременно выбирает хорошее место для жилища, хорошее направление для путешествий и хорошего государя для службы. Государя выбирают для того, чтобы исполнять свои обязанности, а направление выбирают для того, чтобы самосовершенствоваться. Если хочешь изменить нравы и привычки [людей], плотские страсти и природу [людей], разве можно быть неосмотрительным?» Услышав это, Кун-цзы сказал: «Вот слова благородного мужа! Если опираться на достойных людей, то не окажешься в затруднительном положении. Если опираться на щедрых людей, то не познаешь нужды. Если многоножке отрубить одну ногу, она все равно сможет передвигаться, почему же? Потому, что она [передвигается] при помощи множества [ног]».

XV, 17. Кун-цзы сказал: «Если обходиться с людьми, руководствуясь щедростью и благородством, разве найдется тот, кто не будет тебя уважать? Если любить людей, руководствуясь щедростью и благородством, разве найдется тот, кто не сроднится с тобой? Высказывая свое мнение, не перечить [другим] – это называется мудрыми речами. Когда, произнося речь, слышишь отклик среди других людей, это значит, что ты говоришь к месту. Поэтому тот, кто щедр, может обогатить других, пусть даже кто-либо пожелает остаться нищим. Тот, кто благороден, может сделать благородным других, пусть даже кто-либо пожелает остаться ничтожным. Поэтому тот, кто значим, может сделать значимым других, пусть даже кто-либо пожелает остаться жалким».

XV, 18. Кун-цзы сказал: «Чувства обычных людей таковы, что если имеют что-либо в избытке, то они становятся невоздержанны, если же испытывают нехватку чего-либо, то становятся бережливыми. Если для людей отсутствуют запреты, то они предаются разврату. Те, кто не знают меры, живут в праздности, а те, кто всегда сле-

дуют своим желанием, терпят поражение. Поэтому тех сыновей, кто не слушает наставлений отца, необходимо наказывать плетью. А тех людей, кто нарушает указы правителя, должно наказывать и даже казнить. Эти слова трудно сейчас же выполнить и трудно молниеносно им следовать. Поэтому благородный муж не торопится разрушать и не торопится создавать. Он не изливается в еде и питье, в одежде скромно, придерживается чувства меры при [устройстве] жилища, ведет подсчет своим накоплениям, ставит предел количеству колесниц и утвари. И тем самым он избегает беспорядка. Мэру и количеству необходимо прояснять, иначе обычные люди перестанут повиноваться приказам [государя]».

XV, 19. Кун-цзы сказал: «Умелый и любящий меру непременно крепок [духом], храбрый и любознательный непременно одержит победу, мудрый и искусный в составлении планов непременно добьется успеха. С глупцом же все наоборот. Неподходящему человеку скажешь правду, он все равно не услышит. На неподходящей почве не растут деревья. Найти подходящего человека подобно тому, как поливать песок [и делать изделие более прочным], а [говорить с] неподходящим человеком подобно тому, как бить в барабан перед глухим. Поэтому ценить свое место, жаждать быть единоличным фаворитом [государя] и завидовать достойным – вот чувства глупца. Тот, кто занимает высокое положение, – рискует [его потерять], тот, кто взваливает на себя тяжелую ношу, – [рискует] потерпеть поражение».

XV, 20. Кун-цзы сказал: «Лодка не может плыть без воды, но если вода попадает внутрь лодки, то она потонет. Если нет народа, то государь не может править, но если народ выступает против вышестоящих, то [государство] рухнет. Поэтому благородному мужу надлежит быть строгим, а низкому человеку надлежит подчиняться».

XV, 21. Человек из царства Ци по имени Гао Тин спросил Кун-цзы: «Я не зря [вскарабкался] на высокие горы, пришел из далеких земель, надев холщовую одежду, склоняюсь перед вами в знак уважения. Со всей искренностью прошу Учителя рассказать о Дао служения государю!» Кун-цзы ответил: «Служить посредством стойкости, помогать посредством уважения, неустанно осуществлять человеколюбие. Выдвигать благородных мужей и отстранять низких людей, укрощать свои пороки и быть преданным благу. Стремиться поступать должным образом, совершенствоваться в ритуале, отно-

ситься ко всем людям на тысячи *ли* как к своим братьям. Если не стремиться поступать должным образом и не совершенствоваться в ритуале, то и живущие по соседству не пожелают связываться с тобой. Целый день произносить речи, но не печалиться; целый день работать, но не страдать, – только мудрый способен на такое. Поэтому тот, кто самосовершенствуется, должен быть осторожным в устранении страданий, посредством почтительности и скромности избегать бедствий. Даже если всю жизнь творишь добро, одно случайное слово может все разрушить, поэтому должно быть осмотрительным!»

Глава XVI

Приводить в порядок сущее

XVI, 1. При Цзи Хуань-цзы рыли колодец и обнаружили яшмовый сосуд, в котором была овца, [Цзи Хуань-цзы] послал слугу к Кун-цзы. Слуга спросил: «Я рыл колодец в Би и нашел в сосуде собаку, что это значит?» Кун-цзы ответил: «Я, Цю, слышал, что ты нашел овцу, также я слышал, что духи леса и гор – это Куй¹ и Ван Лян², дух воды – Лун Вансян³, а дух почвы – Фэнь Ян!»⁴.

XVI, 2. Царство У напало на царство Юэ, разрушило Гуйцзи⁵, и тогда усцы обнаружили огромную кость, одно ее сочленение занимало собой целую повозку. Гонец от У-цзы⁶ прибыл с визитом в Лу, с тем чтобы спросить у Кун-цзы [о произошедшем]. [У-цзы] приказал гонцу не говорить о том, кто его послал. Гонец повиновался и приступил к своим обязанностям, поднес подарки *дафу*, а также Кун-цзы, [в благодарность] тот осушил свой кубок. После того как расставили ритуальную утварь для жертвоприношений, начался пир. Гость взял кость и спросил: «Осмелюсь спросить, эта кость может считаться большой?» Кун-цзы ответил: «Я, Цю, слышал, что в древности Юй собрал своих подданных у подножия горы Гуйцзи, Фан Фэн⁷ прибыл позже всех, Юй казнил его и выставил труп на всеобщее обозрение, его кость занимала целую повозку. Вот она была большой». Гость спросил: «Осмелюсь спросить, охранителей чего называют духами-*шэнь*?» Кун-цзы ответил: «Божества гор и рек могли ведать делами в Поднебесной, их охранители и есть духи-

¹ Куй 夔 – одноногое зооморфное существо в китайской мифологии.

² Ван Лян 螭 蝮 – эхо, мифический дух гор, рек, деревьев и скал, изображается в виде ребенка, подражает людскому голосу.

³ Лун Вансян 龙罔象 – в китайской мифологии водяной дракон.

⁴ Фэнь Ян 贛羊 – в китайской мифологии существо, похожее на овцу, появившееся из почвы.

⁵ Гуйцзи 會稽 – город на территории совр. пров. Чжэцзян.

⁶ У-цзы 吴子, или уский ван Фучай 吴王夫差 – последний правитель царства У (495–473 гг. до н.э.).

⁷ Фан Фэн 防风 – небесное божество и великан. Подробнее об истории казни Фан Фэна см.: [Юань Кэ 1965: 241–261].

шэнь. Охранители духов Шэ⁸ и Цзи⁹ это – *гуны* и *хоу*; те, кто приносили жертвы духам гор и рек это – *чжухоу*, и все они подчиняются вану». Гость спросил: «Охранителем чего был Фан Фэн?» Кун-цзы ответил: «Он – правитель племени Ванман¹⁰, охранитель горы Фэнь-юй¹¹, по фамилии Ци. Во времена трех эпох это племя называли Ванман, в Чжоу его называли *чанди*¹², теперь представителей этого племени называют великанами». Другой гость спросил: «Каков предел роста человека?» Кун-цзы ответил: «Самый низкий человек по имени Цзяояо был ростом в три *чи*, а самый высокий ростом не превосходил десяти *чи*».

XVI, 3. Когда Кун-цзы был в царстве Чэнь, чэньский Хуэй-гун¹³ пригласил его погостить. В это время во двор [правителя] Чэнь залетел сокол, лишь на миг присев на дерево, он упал замертво. Его туловище было пронзено деревянной стрелой, наконечник стрелы был из камня, а сама стрела была длиною в один *чи* и восемь *цуней*. Тогда слуги чэньского правителя взяли сокола и отправились к Кун-цзы, чтобы спросить [о произошедшем]. Кун-цзы сказал: «Этот сокол прилетел издалека, в его туловище стрела *сушэней*¹⁴. В древности чжоуский У-ван после победы над Шан проходил через земли восточных племен *и* и южных племен *мань*, он повелел им поднести в дар местные богатства и наказал не забывать своих ремесел. Поэтому стрелы *сушэней* с каменными наконечниками длиною в один *чи* и восемь *цуней*. Прежние ваны желали распространить свою добродетель и в дальние уголки земли, чтобы служить на пользу грядущим поколениям. Поэтому на наконечнике стрелы была выгравирована надпись, которая гласила: „Это – стрела *сушэней*“. Чжоуский

⁸ Шэ 社 – божество земли.

⁹ Цзи 稷 – божество злаков. Подробнее см. Хоу Цзи.

¹⁰ Ванман 汪芒 – в китайской мифологии название клана и государства на территории совр. пров. Чжэцзян.

¹¹ Гора Фэньюй 封嵎, или горы Фэн 封 и Юй 嵎 в китайской мифологии – общее название двух гор либо название одной горы на территории совр. уезда Дэцин в пров. Цжэцзян.

¹² Чанди 长翟 – племя высокорослых людей, жившее на севере древнего Китая в эпоху Чуньцю.

¹³ Хуэй-гун 惠公 – правитель (533–506 гг. до н.э.) царства Чэнь по имени У 吴, внук чэньского Ай-гуна 哀公.

¹⁴ Сушэни 肃慎 – древняя народность, проживавшая у северо-восточных границ древнего Китая.

У-ван подарил ее своей старшей дочери Цзи, когда та сочеталась браком с [потомком] Юя, Ху-гуном, и пожаловал ему земли в Чэнь. В древности ван богато одаривал своих сородичей для того, чтобы укрепить дружбу с царствами, управляемыми родней своего царствующего дома. А семьям из других родов ван посылал подарки из дальних мест для того, чтобы они не забывали о служении ему. Так в Чэнь попали богатства *сушэней*. Если [правитель] Чэнь прикажет своим подданным отыскать старый двор [Ху-гуна], то там можно будет обнаружить много ценных вещей». Слуги Хуэй-гуна отправились на поиски и нашли деревянный ящичек, обитый золотом, а в нем стрелы *сушэней*.

XVI, 4. Тань-цзы¹⁵ прибыл с визитом в Лу, человек из Лу¹⁶ спросил его: «Шяо Хао¹⁷ именовал своих чиновников по названиям птиц, почему же?» Тань-цзы ответил: «[Шяо Хао] – мой предок, поэтому я знаю об этом. В древности Хуан-ди¹⁸ управлял чиновниками с помощью облаков, поэтому дал высшим чиновникам имена облаков. Янь-ди¹⁹ [управлял чиновниками] с помощью огня, Гун Гун²⁰ – с помощью воды, Да Хао²¹ – с помощью драконов, и все это истинно. Моего предка Шяо Хао подстерегали опасности, когда он учреждал свое правление, но, на счастье, появился феникс, [Шяо Хао] управлял с помощью птиц, поэтому именовал своих чиновников по назва-

¹⁵ Тань-цзы 鄭子 – правитель царства Тань в эпоху Чуньцю на территории совр. пров. Шаньдун, округ Линьни. По преданию, был потомком мифического государя Шяо Хао.

¹⁶ Возможно, сам Кун-цзы. Ван Шэньюань указывает на то, что это – луский *дафу* Шу-сунь Чжао-цзы 叔孙昭子 [Ван Шэньюань 2014: 196].

¹⁷ Шяо Хао 少皓 или 少昊 – мифический государь, в некоторых мифах осмыслялся как птица, внук или правнук Хуан-ди 黃帝. Согласно преданиям, мать Шяо Хао зачала его после того, как увидела во сне огромную звезду, опустившуюся на землю.

¹⁸ Хуан-ди по имени Сюаньюань 軒轅 – мифический государь и первопредок, один из пяти великих государей древности (*y di* 五帝), считается родоначальником китайской нации.

¹⁹ Янь-ди 炎帝, или Шэнь Нун 神農 – мифический земледelec, покровитель земледелия и медицины. Согласно «Го юй», был единокровным братом Хуан-ди.

²⁰ В китайской мифологии Гун Гун 共工 предстает в качестве божества ветров и волн, духа потопа.

²¹ Да Хао 大皞, или Фу Си 伏羲, или Тай Хао 太皞 – один из трех великих владык (*сань хуан* 三皇), мифический первопредок и культурный герой, согласно историзированной традиции, один из первых государей Китая. Старший брат и муж Нюй Ва 女媧, подобно Нюй Ва изображался с телом змеи и головой человека.

ниям птиц. Со времен Чжуань Сюя²² перестали управлять с помощью дальних, а управляли только с помощью близких, поэтому стали именовать чиновников человеческими именами». Кун-цзы, услышав речь Тань-цзы, решил учиться у него. После чего сказал: «Я слышал, что, когда Сын Неба утрачивает древний порядок чиновничества, чиновники отправляются учиться в далекие земли, и это верно!»

XVI, 5. Чжуский Инь-гун²³ прибыл с визитом в Лу, Цзы Гун участвовал в церемонии [приветствия]. Инь-гун держал в руках изделия из яшмы, его взор был обращен вверх, [луский] Дин-гун принял яшмовые реликвии и обратил взор вниз. Цзы Гун сказал: «Глядя на этот ритуал, становится ясно, что оба правителя или погибнут, или будут преданы забвению. Ритуал – суть жизни и смерти. Обращение направо и налево, продвижение вперед и отступление назад – все исходит из ритуала. Церемония аудиенции у государя, жертвоприношение, похороны и военный парад проводятся по ритуалу. Ныне первый месяц года, но ритуал не соответствует мере, значит, [ритуал] в сердцах [двух правителей] уже умер. А если церемония приветствия совершается недолжным образом, разве может это длиться долго? Обращать взор вверх означает проявлять гордыню, обращать взор вниз означает проявлять слабость. Гордыня близка к смуте, слабость близка к упадку. Наш государь – хозяин, поэтому он погибнет первым». В пятый месяц по лунному календарю [Дин]-гун скончался. А чжуский [Инь-гун] бежал [в царство Юэ]. Кун-цзы сказал: «Предсказание Цы сбывается, Цы сказал лишнее».

XVI, 6. Кун-цзы был в царстве Чэнь, чэньский правитель сопровождал его [в путешествии]. Случайный прохожий сказал: «В Лу сгорел храм предков». Об этом тотчас же сообщили Кун-цзы. Кун-цзы сказал: «Должно быть, сгорели храмы Хуань-гуна²⁴ и Си-гуна²⁵». Чэньский правитель спросил: «Почему же?» Кун-цзы ответил: «Таков ритуал, если родоначальник обладает доблестью, а предки обладают добродетелью, то такие храмы не горят. Ныне же у потомков

²² Чжуань Сюй 顓頊, или Гао Ян 高阳 (2514–2437 гг. до н.э.) – мифический правитель, внук Хуан-ди, один из пяти великих государей древности (*у ди* 五帝).

²³ Инь-гун 隱公 (ум. 471 г. до н.э.) – правитель царства Чжу, по фамилии Цао 曹, его имя И 益, погиб в царстве Юэ.

²⁴ Хуань-гун 桓公 по имени Юнь 允 – правитель (711–694 гг. до н.э.) царства Лу.

²⁵ Си-гун 僖 по имени Шэнь 申 – правитель (659–627 гг. до н.э.) царства Лу.

Хуань-гуна и Си-гуна недостает доблести и добродетели, поэтому такие храмы не могут существовать долгое время. То, что не разрушили сами [правители] Лу, сотворила небесная кара». Через три дня прибыл гонец из Лу, предположение Кун-цзы оказалось верным. Правитель Чэнь сказал Цзы Гуноу: «Ныне я познал ценность совершенного мудрого человека». Цзы Гун ответил: «Вы узнали ценность [Учителя], но это не сравнится со следованием его Дао, которое обращает к благу».

XVI, 7. Ян Ху²⁶ бежал в царство Ци, а оттуда в царство Цзинь, которое фактически управлялось царством Чжао. Услышав об этом, Кун-цзы сказал Цзы Лу: «Теперь в Чжао не будет покоя!» Цзы Лу спросил: «Если не обладать властью, как же избежать смуты?» Кун-цзы ответил: «Все не так просто. Ян Ху испытывает родственную близость к богатству, а не к человеколюбию. Цзи-сунь²⁷ испытывал расположение к Ян Ху, но тот задумал убить его, и потому Ян Ху бежал в Ци. Цисцы взяли его в плен, но он бежал в Цзинь. Теперь он уже не причинит вреда царствам Ци и Лу. Но Чжао Цзянь-цзы²⁸ алчный и доверчивый, непременно увлечется речами [Ян Ху] и будет следовать его указаниям. Очевидно, что все закончится несчастьем».

XVI, 8. Цзи Кан-цзы спросил у Кун-цзы: «Ныне двенадцатый месяц, что соответствует десятому месяцу по сяскому календарю, но произошло нашествие саранчи, как же такое возможно?» Кун-цзы ответил: «Я, Цю, слышал, что, когда созвездие Дахо²⁹ сходит на нет, насекомые впадают в зимнюю спячку, сейчас созвездие Дахо на западе, поэтому произошло нашествие саранчи, в этом ошибка того, кто ведает календарем». Цзи Кан-цзи спросил: «Должно быть, пропущено несколько месяцев?» Кун-цзы ответил: «В десятом месяце по сяскому календарю созвездие Дахо не видно, ныне же оно видно, должно быть, пропущен добавочный месяц»³⁰.

²⁶ Ян Ху 阳虎 – личный слуга клана Цзи 季 в царстве Лу в 504–502 гг. до н.э. являлся регентом царства Лу.

²⁷ Т.е. Цзи Хуань-цзы.

²⁸ Чжао Цзянь-цзы 简子, или Чжао Ян 赵鞅 (ум. 476 г. до н.э.) – дафу из царства Цзинь.

²⁹ Дахо 大火 – зодиакальное созвездие Дахо соответствует созвездию Скорпиона и циклическому знаку мао 卯.

³⁰ Вставной или добавочный месяц (жунь 闰) високосного года по лунному (сяскому, т.е. по календарю эпохи Ся) календарю.

XVI, 9. Уский ван Фу Чай намеревался вместе с луским Ай-гуном устроить встречу с цзиньским хоу³¹. Цзыфу Цзин-бо³² сказал гонцу [из царства У]: «Ван встречается с *чжухоу*, а *бо* (глава *чжухоу*) собирает их, чтобы нанести визит вану. *Бо* встречается с *чжухоу*, а *чжухоу* возглавляют *цзы* и *нань*, чтобы нанести визит *бо*. Ныне встреча *чжухоу*, но правитель царства У хочет вести нашего государя к правителю царства Цзинь. Тогда правитель царства Цзинь станет главой *чжухоу*. Так [правитель У] сам станет просто одним из местных *чжухоу*, так какая в том польза?» Гонец из У оставил свои намерения. Но вскоре пожалел об этом и решил пленить Цзин-бо. [Цзин]-бо сказал главному министру-*тайцзаю* [царства У]: «В первый день *синь*³³ десятого месяца в Лу приносят жертвы Шан-ди³⁴ и прежним ванам, а заканчиваются жертвоприношения в последний день *синь*. Этот порядок остается неизменным начиная с [луского] Сян-гуна³⁵, если я не смогу участвовать в церемонии жертвоприношения, то скажут, что это из-за [правителя] царства У». Первый министр-*тайцзай* доложил об этом ускому вану Фу Чаю, тот отпустил [Цзин-бо]. Услышав об этом, Цзы Гун сказал Кун-цзы: «Цзыфу Цзин-бо не искусен в речах, сказав правду – попал в плен, солгав – освободился». Кун-цзы ответил: «Уский ван пренебрегает добродетелью, [слышит] только ложь, но не [слышит], когда говорят правду. В том ошибка того, кто слушает, а не глупость того, кто говорит».

XVI, 10. Возницу клана Шу-сунь звали Цзы Чушан. Однажды, собирая хворост, он поймал *цилиня*³⁶. Сломал ему левую переднюю ногу и, привязав к повозке, отправился в обратный путь. Шу-сунь³⁷, предвидя беду, велел оставить *цилиня* за городской стеной. Затем послал гонца к Кун-цзы со словами: «Что за животное олень с одним

³¹ Цзиньский хоу 晋侯, т.е. цзиньский Дин-гун 晋定公 по имени У 午, – правитель (511–475 гг. до н.э.) царства Цзинь.

³² Цзыфу Цзин-бо 子服景伯 – луский чиновник *дафу*.

³³ *Синь* 辛 – 8-й циклический знак десятиричного цикла *тянь гань* 天干.

³⁴ Шан-ди 上帝 – верховный владыка Неба.

³⁵ Луский Сян-гун 魯襄公 по имени Цзиу 姬午 (575–542 гг. до н.э.) – правитель (572–542 гг. до н.э.) царства Лу, отец Дин-гуна и Чжао-гуна.

³⁶ *Цилинь* 麒麟 – мифическое животное, единорог.

³⁷ Шу-сунь Ушу 叔孙武叔 по фамилии Цзи 姬, по имени Чжоу Чоу 州仇 – луский аристократ из клана Шу 叔. Три самых влиятельных клана луских *дафу* – Мэн-сунь 孟孙, Цзи-сунь 季孙 и Шу-сунь 叔孙, восходившие к лускому правителю Хуань-гуну 桓公, по сути дела управляли царством Лу начиная с VII в. до н.э.

рогом?» Кун-цзы сам явился посмотреть и воскликнул: «Это – *цилин*! Но откуда?!» Слезы ручьем хлынули из глаз Кун-цзы. Услышав об этом, Шу-сунь повелел вернуть *цилиндя*. Тогда Цзы Гун спросил Кун-цзы: «Учитель! Почему вы плачете?» Кун-цзы ответил: «Появление *цилиндя* знаменует собой появление просвещенного вана, но меня ранит то, что *цилин* появился не вовремя, да еще и получил увечье».

Ай-гун спросил об управлении¹

XVII, 1. [Луский] Ай-гун спросил Кун-цзы об управлении страной. Кун-цзы ответил: «[Принципы] управления Вэнь-вана и У-вана записаны на бамбуковых планках, если существуют люди, [которые смогут] управлять так же, то [эти принципы] будут претворяться в жизнь, если не будет таких людей, то принципы управления прекратятся. Небесное Дао искусно в рождении [сущего], человеческое Дао искусно в управлении, Дао Земли искусно в выращивании [растений], правитель подобен тыкве-горлянке, только если он следует за переменами, то достигнет успеха. Поэтому правитель подбирает людей согласно их личным качествам, самосовершенствуется посредством человеколюбия. Человеколюбие и родственная близость – это и есть человек. Чувство долга – это поступать так, как следует поступать, а также уважение достойных. Учение о родственной близости, категория уважения достойных – в этом рождается ритуал. Ритуал – корень управления. Поэтому благородный муж непременно самосовершенствуется. Осмысляя самосовершенствование, должно непременно служить родителям. Осмысляя служение родителям, должно непременно познавать человека. Осмысляя познание человека, должно непременно познавать [принципы] Неба. В Поднебесной существует пять видов Великого Дао, которые осуществляются посредством трех [добродетелей]. Эти пять видов Дао: Дао правителя и чиновника, Дао отца и сына, Дао мужа и жены, Дао старшего и младшего братьев, Дао друзей. Эти пять видов – пять видов Дао Поднебесной. Мудрость, человеколюбие и храбрость – три Великие добродетели Поднебесной. Их осуществление сходится в Едином. Врожденное знание; знание, полученное через обучение; знание, полученное через страдания, – все это знания. Действия со спокойным [сердцем]; действия посредством сноровки; действия через пре-

¹ Первая часть данной главы практически полностью дублирует 20-й чжан трактата «Чжун юн» [Чжун юн]. Русский перевод «Чжун юн» этого отрывка см.: [Чжун юн 2003: 57].

одоление себя – все это приводит к успеху». Гун сказал: «Слова Учителя прекрасны и совершенны! Но я такой твердолобый, мне недостаточно [сказанного], чтобы обрести успех». Кун-цзы сказал: «Любовь к учебе близка к мудрости, твердость в действиях близка к человеколюбию, совестливость близка к храбрости. Кто знает об этом, тот знает принципы самосовершенствования. Кто знает принципы самосовершенствования, тот знает, как управлять людьми. Кто знает, как управлять людьми, тот с успехом станет правителем Поднебесной». Гун спросил: «Неужели для управления достаточно только этого?» Кун-цзы ответил: «Есть девять основ управления Поднебесной: самосовершенствование, уважение достойных, следование родственной близости, почтение к высокопоставленным чиновникам, внимание по отношению к мелким чиновникам, отношение к простому люду, как к своим детям, привлечение искусных мастеров, мягкость в отношениях с дальними, забота о *чжухоу*. Когда самосовершенствуешься, то устанавливается Дао; когда уважаешь достойных, то не возникает сомнений; когда любишь родных, то отец и братья не высказывают неудовольствия; когда почитаешь высокопоставленных чиновников, они не сеют смуту; когда внимателен по отношению к мелким чиновникам, служилые-*ши* соблюдают ритуал; когда относишься к простому народу, как к своим детям, народ [работает] с воодушевлением; когда привлекаешь искусных мастеров, материальные блага всегда в достатке; когда проявляешь мягкость в отношении с чужестранцами, четыре стороны света находятся в единстве; когда заботишься о *чжухоу*, то вся Поднебесная подчиняется». Гун спросил: «Как же этого достичь?» Кун-цзы ответил: «Сдержанность и упорядоченность, парадная одежда и следование ритуалу в каждом движении – посредством этого осуществляется самосовершенствование. Отдалять клевветников и воздерживаться от соблазнов женской красоты, пренебрегать выгодой и ценить добродетель – посредством этого осуществляется уважение достойных. Повышать их в ранге, увеличивать их жалованье, совпадать с ними в их любви и ненависти – посредством этого осуществляется глубокая привязанность к родственникам. Процветание чиновников и их назначение на должности – посредством этого осуществляется почтение высокопоставленных чиновников. Преданность и верность, увеличение жалованья – посредством этого осуществляется поощрение служилых-*ши*. Своевременно использовать на работах, снижать

подати – посредством этого осуществляется пестование народа. Каждый день и каждый месяц проверять, предоставлять питание, согласно выполненной работе – посредством этого осуществляется привлечение искусных мастеров. Проявлять гостеприимство, радоваться умениям и благосклонно относиться к неумениям – посредством этого осуществляется умиротворение чужестранцев. Продлевать угасающий род, возрождать покинутые уделы, упорядочивать смуты, предупреждать опасности, своевременно принимать местных князей, направлять щедрые [дары] и принимать скромные – посредством этого осуществляется забота о *чжухоу*. Есть девять основ управления Поднебесной, то, каким образом они осуществляются – это Единое. Во всяком деле [необходимо] заранее подготовиться, тогда утвердишься. Если же не подготовишься, то потерпишь крах. Если речи заранее продуманы, то не совершишь ошибку. Если дела заранее подготовлены, то не окажешься в затруднении. Если поступки заранее определены, то не познаешь боли. Если Дао заранее выверено, то не истощишься. Если низшие не пользуются [доверием] высших, то народом нельзя управлять. Если получить [доверие] высших, но не пользоваться доверием друзей, [все равно] не получишь [доверие] высших. Если получить доверие друзей, но не слушаться родителей, [все равно] не получишь доверие друзей. Если слушаться родителей, но обращаться к себе без искренности, [все равно] не сможешь слушаться родителей. Если с искренностью обращаться к себе, но не прояслять благо, [все равно] не сможешь с искренностью обращаться к себе. Искренность – это Дао Неба, стремление к искренности – Дао человека. Искренний не прилагает усилий, но достигает середины, не осмысляет, но получает, естественно следует Дао середины – в этом подлинное качество, по которому определяется совершенномудрый. Тот, кто стремится к искренности, предпочитает благо и неукоснительно следует ему». Гун спросил: «Учитель наставляет меня очень тщательно, осмелюсь спросить, с чего же начать осуществление [вашего наставления]?» Кун-цзы ответил: «Утверждение любви начинается с родственной близости, тем самым народ научается согласию. Утверждение уважения начинается с [почтения] к старшим, тем самым народ научается послушанию. Научаясь милости и согласию, народ начинает ценить своих родителей. Научаясь уважению, народ с радостью повинуется указам. Если народ испытывает сыновнюю почтительность по отношению к родителям, то он послушен

в следовании указам. Если таким образом управлять Поднебесной, то не будет ничего невозможного». Гун сказал: «Я ранее уже слышал эти ваши слова, боюсь, что не смогу полностью осуществить сказанное, и это приведет к множеству проступков».

XVII, 2. Цзай Во² спросил Кун-цзы: «Я слышал названия [злых] духов-*гуй* и [добрых] духов-*шэнь*³, но не знаю, кто из них, кто, осмелюсь спросить Учителя об этом». Кун-цзы ответил: «В жизни человека есть дух-*ци* и душа-*по*. Дух-*ци* содержит в себе [проявление] духа-*шэнь*. Все живые существа непременно умирают, умирая, они непременно возвращаются в почву, это и называется духом-*гуй*. Душа-*хунь* и дух-*ци* возвращаются на Небо, это и называется духом-*шэнь*. Приносить совместную жертву духам-*гуй* и духам-*шэнь* – это и есть высшее проявление обучения. Мясо и кости гниют в земле, превращаясь в почву, а дух-*ци* поднимается на Небо, в этом проявление духа-*шэнь*. Совершенномудрые следуют сути вещей, устанавливают порядок, ясно именуют духов-*гуй* и духов-*шэнь* и посредством этого именованья устанавливают правила для народа, но и этого недостаточно. Поэтому еще сооружают дворцовые здания, устанавливают порядок жертвоприношений близким и дальним предкам, а также весенних и осенних жертвоприношений, посредством этого устанавливается различие между близкими и дальними родственниками, а народ научается возвращаться к древности и обращаться к истокам, не забывая о том, откуда произошел каждый человек. Отсюда происходит человеческая способность служить, поэтому народ слушается и соблюдает [приказы]. [Совершенномудрые] обучают народ знаниям о двух полюсах (*ци* и *по*), когда два полюса выявлены, устанавливают ритуал-*ци* и ритуал-*по*. После чего сооружают алтарь для жертвоприношений, жгут на костре говяжье и баранье нутряное сало, тем самым благодарят духа-*ци*. Совершают жертвоприношение хлебами и злаками, легкими и печенью животных, добавляя жертвенное вино, тем самым благодарят душу-*по*. Так народ научается совершенствовать основу, обращаться к истокам, почитать и любить родственников, быть искренним с высшими и низшими, следовать сути ритуала. Благородный муж возвращается к древности и обращается к истокам, не забывает, откуда он произошел. Поэтому без

² Цзай Во 宰我, или Цзай Юй 宰予 (522–458 гг. до н.э.) – один из учеников Кун-цзы.

³ *Гуй* 鬼 и *шэнь* 神 – злые и добрые духи.

остатка выражает уважение, раскрывает свои чувства, служит не покладая рук, отдавая всего себя, – вот что называется Великим обучением. В древности Вэнь-ван, совершая жертвоприношение, поклонялся мертвым так, словно это живые; поминал мертвых так, словно сам не желал жить; в годовщину смерти [предков] непременно проявлял скорбь; произносил имена умерших так, словно видел перед собой [живых] родителей; принося жертву, выражал преданность; поминая [мертвых], выражал всю глубину [чувств], словно видел перед собой все то, что любили родители. Так совершать жертвоприношение мог один лишь Вэнь-ван. В „Ши цзин“ сказано: „Брезжит утро, и мне не уснуть, я вспоминаю об отце и матери“⁴. Здесь говорится о Вэнь-ване. На следующий день после принесения жертвы [духам родителей], несмотря на раннее утро, он за ночь так и не сомкнул глаз, вспоминая отца с матерью. В этом есть и безграничное уважение, и следование [воле предков], и воспоминание о них. В день совершения жертвоприношения поровну радости и скорби. Когда совершаешь подношение, необходимо радоваться, а после необходимо скорбеть – таковы чувства почтительного сына. Так поступал Вэнь-ван».

⁴ «Ши цзин» II, V, 2 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 200].

Глава XVIII

Янь Хуэй

XVIII, 1. Луский Дин-гун спросил у Янь Хуэя: «Ты слышал о том, что Дунье Би искусен в управлении лошадьми?» Янь Хуэй ответил: «Что искусен, то верно, но его лошади непременно потеряются». Дин-гун нахмурился и сказал окружающим его: «Благородный муж клеветает». Янь Хуэй удалился. По прошествии трех дней пастух пришел с жалобой: «Лошадь Дунье Би потерялась. Две пристяжные лошади затащили двух коренных лошадей в конюшню». Услышав это, [Дин]-гун встал, расстелил циновку и велел немедля послать за Янь Хуэем. Когда Янь Хуэй вернулся, [Дин]-гун сказал: «Третьего дня я спросил тебя о том, искусен ли Дунье Би в управлении лошадьми, и ты ответил, что несмотря на то, что Дунье Би искусен, но непременно потеряет лошадей, откуда ты узнал об этом?» Янь Хуэй ответил: «Узнал благодаря основам управления страной. В древности государь Шунь ладно управлял народом, а Цзаофу¹ ладно управлял лошадьми, Шунь не истощал до конца силы народа, а Цзаофу не истощал до конца силы своих лошадей, поэтому Шунь не лишился своего народа, а Цзаофу не потерял своих лошадей. Ныне же Дунье Би управляет лошадьми натянув удила до предела, то скачет во весь опор, то переходит на медленный шаг, поэтому в долгих поездках лошади выбиваются из сил, но [Дунье Би] полагает, что силы [лошадей] бесконечны. Вот как я узнал об этом». Гун сказал: «Прекрасно! Все именно так, как ты говоришь. Твои слова действительно справедливы. Я желал бы услышать еще». Янь Хуэй сказал: «Я слышал, что, когда птица попадет в силки, она начинает клевать, когда зверь загнан в тупик, он начинает пускать в ход когти, когда человек оказывается в крайней нужде, ему приходится обманывать, а когда

¹ Цзаофу 造父 по фамилии Ин 嬴 – прославленный возница. Жил во время правления чжоуского Му-вана 周穆王 (976–923 гг. до н.э.). Цзаофу был искусен в управлении колесницами и поэтому пользовался одобрением Му-вана. Есть история, которая рассказывает о том, что Цзаофу помог Му-вану предотвратить мятеж, стремительно домчав его из отдаленных владений обратно в царство Чжоу, проезжая в день тысячу *ли*. Му-ван в благодарность пожаловал Цзаофу во владение город Чжаочэн.

лошадь выбилась из сил, ей остается только сбежать. С древних времен и поныне не бывало еще такого, чтобы низшие были в затруднении, но высшие оставались в безопасности». Гун остался доволен. И тотчас же рассказал об этом Кун-цзы. Кун-цзы сказал: «В этом весь Янь Хуэй, он часто делает такого рода [заявления]. Разве этого достаточно для похвалы?»

XVIII, 2. Кун-цзы был в [царстве] Вэй, Янь Хуэй прислуживал ему. Проснувшись однажды рано утром, они услышали плач, полный скорби. Учитель спросил: «Хуэй! Ты знаешь, что это за плач?» [Янь Хуэй] ответил: «Это плач не только по покойнику, но и по оставанию живых». Учитель спросил: «Откуда ты знаешь?» [Янь Хуэй] ответил: «Я, Хуэй, слышал, что однажды у птицы с горы Хуань появились четверо птенцов. Птенцы окрепли и разлетелись по миру, а мать печальным криком провожала их. Этот полный скорби крик был сродни тому, что мы сейчас услышали. Я немного изучил такого рода звуки». Кун-цзы послал узнать, что это за плач. Оказалось, что в одной бедной семье умер отец, чтобы устроить похороны, пришлось продать [в рабство] одного из сыновей. Этот плач – прощанье с сыном. Учитель сказал: «Хуэй! Ты искусен в знании звуков!»

XVIII, 3. Янь Хуэй спросил у Кун-цзы: «Каково поведение совершенного человека?» Учитель ответил: «Тот, кто приводит в порядок [свои] чувства и природу, кто овладел принципом превращения сущего, кто познал причину сокрытого и ясного, кто созерцает основу движения пневмы-ци, того называют совершенным человеком. Совершенный человек в поведении непременно руководствуется человеколюбием и долгом, ритуалом и музыкой. Поведение совершенного человека – постижение сокровенного и познание ритуала. В этом есть процветание добродетели».

XVIII, 4. Янь Хуэй спросил Кун-цзы: «Цзан Вэньчжун и Цзан Учжун, кого из них можно назвать достойным?» Кун-цзы ответил: «Цзан Учжуна!» Янь Хуэй спросил: «Хотя в веках Учжуна называют совершенномудрым, но он не избежал злодеяний, так как не был достаточно мудрым. Он любил решать вопросы посредством военной силы, но не смог победить царство Чжу, так как не был достаточно мудрым. А Вэньчжун хотя давно уже почил, но память о нем осталась в веках, так почему же его нельзя назвать достойным?» Кун-цзы ответил: «Его тело исчезло, но слова остались, поэтому его

и называют „Вэньчжун“². Но он трижды не проявлял человеколюбия, трижды не проявлял мудрости. Поэтому ему далеко до Учжуна». [Янь] Хуэй спросил: «Осмелюсь узнать, как это произошло?» Кун-цзы ответил: «[Вэньчжун] понизил [в должности] Чжань Циня³, установил шесть видов податей, позволил наложницам плести циновки на продажу – в этом трижды не проявлял человеколюбия. [Поместил черепаху породы *цай* в комнату и приносил ей жертвы]⁴, это уж поистине ни на что не годно, он попустительствовал церемониям жертвоприношения без соблюдения старшинства и совершению молений морским птицам – в этом трижды не проявлял мудрости. Когда Учжун прибыл в царство Ци, он сумел предотвратить бедствия, и земли Ци не пострадали. В предотвращении трудностей и есть сложность [использования] мудрости! [Жаль, что] мудрость Цзан Учжуна не коснулась царства Лу. Пожалуй, тому есть причина, [он] совершал деяния, но не был последователен, даровал, но не был милостивым. В „Ся шу“ („Сяские книги“) сказано: „Твердо помни об этом! Действуй последовательно, даруй милостиво“⁵».

XVIII, 5. Янь Хуэй спросил о благородном муже. Кун-цзы ответил: «В любви близок к человеколюбию, в чувстве меры близок к мудрости, не превозносит себя, не пренебрегает другими – таков благородный муж». Хуэй сказал: «Осмелюсь спросить, а кто следует за [благородным мужем]?» Учитель ответил: «Тот, кто действует, не научившись, кто получает, не раздумывая. Мальчик мой! Будь усердным!»

XVIII, 6. Чжун-сунь Хэцзи⁶ спросил у Янь Хуэя: «Каждое слово человеколюбивого мужа непременно полезно для человеколюбия и мудрости, осмелюсь узнать, почему?» Хуэй ответил: «Каждое слово тогда полезно для мудрости, когда оно заранее [обдуманно], каждое слово тогда полезно для человеколюбия, когда оно великодушно. Поймите, чего не стоит делать, а что стоит делать».

² Вэньчжун 文仲, т.е. «культурный (вэнь 文) Чжун».

³ Чжань Цинь 展禽, или Люся Хуэй 柳下惠 (720–621 гг. до н.э.) – государственный деятель, луский *дафу*, личное имя – Чжань Хо 展获.

⁴ Ср. с аналогичным эпизодом из «Лунь юя» V, 18 [Лунь юй]. Русский перевод см.: [Беседы и суждения 2011: 116].

⁵ Неточная цитата из гл. «Даюй мо» «Шан шу» (перевод В.М. Майорова), см.: [Шан шу 2014: 67].

⁶ Чжун-сунь Хэцзи 仲孙何忌, или Мэн И-цзы 孟懿子 (ум. 481 г. до н.э.) – луский *дафу* из клана Мэн-сунь.

XVIII, 7. Янь Хуэй спросил [Кун-цзы] о низком человеке. Кун-цзы ответил: «Умение порочить людей такой человек почитает за красноречие, клевету и обман почитает за мудрость, он радуется чужим промахам, стыдится учиться, но [в то же время] срамит неспособных – вот каков низкий человек!»

XVIII, 8. Янь Хуэй спросил о Цзы Лу: «Его сила превосходит добродетель, но редко бывает, чтобы сильный умирал своей смертью. Почему же такой человек не обладает осмотрительностью?» Кун-цзы ответил Янь Хуэю: «Все без исключения люди знают превосходство Дао силы, но не могут управлять им. В чем же причина? Почему бы тебе не поразмыслить над этим?»

XVIII, 9. Янь Хуэй спросил Кун-цзы: «Речи низкого человека схожи с речами благородного мужа, в них невозможно не вникнуть, [не так ли]?» Кун-цзы ответил: «У благородного мужа слова не расходятся с делами, а низкий человек только невнятно бормочет. Поэтому благородный муж ставит во главу угла чувство долга, [сначала указывает] на недостатки, а затем проявляет любовь. Низкий человек ставит во главу угла смуту, [сначала] проявляет любовь, а затем начинает ненавидеть».

XVIII, 10. Янь Хуэй спросил об отношениях между друзьями. Кун-цзы ответил: «Сердцем благородный муж непременно чувствует, когда его друзья поступают неверно, но он никогда не скажет, что его друзья не обладают человеколюбием. Он не забывает прежней добродетели, не помнит прежних обид – в этом и заключается человеколюбие».

XVIII, 11. Шу-сунь Ушу встретил Янь Хуэя, который был не на службе. Хуэй сказал: «Будьте [моим] гостем». Ушу часто указывал на промахи других людей и высказывал свое мнение. Янь Хуэй сказал: «Безусловно, ваш визит – большая честь для меня. Я слышал, что Кун-цзы говорил: „Указывать на пороки других не значит вышатай себя. Подмечать кривизну у других не значит исправлять себя. Поэтому благородный муж борется со своими пороками, а не с пороками других людей“».

XVIII, 12. Янь Хуэй сказал Цзы Гуну: «Я слышал, как Учитель говорил, что если сам не применяешь ритуал, но ожидаешь, что другие будут относиться к тебе исходя из ритуала; если сам не имеешь добродетели, но ожидаешь, что другие будут относиться к тебе, исходя из добродетели – в этом [начало] смуты. Над словами Учителя следует задуматься!»

Глава XIX

Первая встреча с Цзы Лу

XIX, 1. Цзы Лу повстречался с Кун-цзы, Кун-цзы спросил его: «Что тебе по нраву?» – «Мне по нраву длинный меч!» Кун-цзы сказал: «Я спросил не об этом. Если к тому, что ты уже умеешь, прибавить то, чему ты научишься, то никто не сравнится с тобой!» Цзы Лу сказал: «Неужели от учебы может быть польза?» Кун-цзы ответил: «Так и государь, если рядом с ним нет наставляющего его чиновника, теряет истинный путь, а если служилый-*ши* не имеет наставляющего его друга, то перестает слышать [добрые советы]. [Это подобно тому, как] управлять дикой лошадью, не имея заранее подготовленного плана, или натянуть лук, не воспользовавшись рамой-футляром¹. Дерево выпрямляют веревкой, а человек становится совершенномудрым, принимая увещания. Если прилежно учиться, задавать важные вопросы, то неужели не добьешься успеха? Кто наговаривает на человеколюбивых, ненавидит служилых-*ши*, тому, без сомнений, не избежать наказания! Благородный муж непременно учится!» Цзы Лу спросил: «На южной горе растет бамбук, он не гнется [на ветру] и всегда остается прямым, если его срубить и сделать [древко стрелы], можно рассечь даже кожу носорога. И чему же здесь должно учиться?» Кун-цзы ответил: «Чтобы сделать конец древка стрелы, необходимо закрепить перья, чтобы сделать наконечник стрелы, острие необходимо заточить. И тогда [стрела] полетит далеко, не так ли?» Цзы Лу еще раз поклонился и сказал: «С почтением принимаю ваше наставление».

XIX, 2. Цзы Лу собирался отправиться в путь и пришел попрощаться с Кун-цзы. Учитель спросил: «Подарить тебе повозку или подарить тебе напутствие?» Цзы Лу ответил: «Прошу, подарите мне напутствие!» Кун-цзы сказал: «Без упорства нет достижений, без труда нет успеха, без преданности нет родственной близости, без верности нет покровительства, без благоговения нет ритуала. Будь

¹ Рама-футляр для лука (*цин 檠*), предохраняющая лук со снятой тетивой от деформации.

осмотрительным в этих пяти вещах, только и всего!» Цзы Лу сказал: «Я запомню это на всю жизнь! Осмелюсь спросить, как завоевать дружеское расположение и найти себе [хорошую] жену? Быть осмотрительным в словах и осуществлять [долг], не так ли? Быть хорошим служилым-*ши* и не нарушать [установлений государя], не так ли?» Кун-цзы ответил: «Все, о чем ты спрашиваешь, происходит из пяти [вещей, о которых я сказал ранее]. Дружба и узы брака – это преданность. Осмотрительность в словах и осуществление [долга] – это верность. Быть хорошим служилым-*ши* и не нарушать [установлений государя] – значит [следовать] ритуалу».

XIX, 3. Кун-цзы исполнял должность советника-*сыкоу* в царстве Лу. Однажды он явился с визитом к Цзи Кан-цзы, но тот не принял его, тогда Кун-цзы пришел в другой раз. Цзай Юй вышел вперед и сказал: «Я слышал, как Учитель говорил: „Если ван и *гуны* не приглашают меня, то я не двинусь с места“. Ныне же, хотя Учитель не так давно вступил в должность, но уже поступаете своими убеждениями, как же так?» Кун-цзы ответил: «Верно. Но в Лу люди уже давно притесняют друг друга, посредством военной силы борются друг с другом. Власти предрержащие не могут установить порядок и тем самым умножают смуту. Меня уже призвали на службу, так что же может быть важнее этого?» Услышав это, лусцы сказали: «Если совершенномудрый приводит в порядок [Поднебесную], почему бы нам не соблюсти закон и порядок?» После этого в стране прекратились распри. Кун-цзы сказал Цзай Юю: «Даже если отойти от горы на десять *ли*, но стрекот цикад все равно стоит в ушах. Так и в делах управления страной необходимо [немедленно] реагировать».

XIX, 4. Племянник Кун-цзы Кун Ми² служил вместе с Ми-цзы Цзянем. Проходя мимо [дома] Кун Ми, Кун-цзы спросил его: «С тех пор как ты поступил на службу, что ты приобрел и что потерял?» [Кун Ми] ответил: «Я ничего не приобрел, но потерял три [вещи]. Дела управления подобны дракону, если учишься [принципам управления], то необходимо применять их на практике, но в учебе я не достиг ясности. Жалованье маленькое, питание скудное, его не хватает для того, чтобы поделиться с родней, [и потому] родня отдалается от [меня]. Служебных дел много, и все они срочные, [нет времени, чтобы] помянуть умерших и справиться о здоровье живых,

² Кун Ми 孔蔑, или Кун Чжун 孔忠 по прозвищу Цзы Ми 子蔑 – племянник и ученик Кун-цзы, сын его старшего брата Кун Мэньпи 孟皮, уроженец царства Лу.

поэтому [служебные дела] отдаляют меня от друзей. Вот какие три вещи я потерял». Кун-цзы не выказал радости, отправился к Ми-цзы Цзяню и задал ему тот же вопрос. [Ми-цзы Цзянь] ответил: «Я ничего не потерял, а приобрел три вещи. Ранее я читал вслух [древние тексты], теперь я приобрел возможность применить [изученное] на практике, так я достиг ясности в учебе. Жалованье стабильное, его хватает, чтобы помочь родственникам, и потому я еще больше сближаюсь с ними. Хотя у меня есть служебные дела, но в то же время я поминаю умерших и справляюсь о здоровье живых, так отношения с друзьями становятся еще более искренними». Вздохнув с облегчением, Кун-цзы сказал Цзы Цзяню: «Ты – благородный муж! [Если кто скажет], что в Лу не осталось благородных мужей, я укажу на тебя!»

XIX, 5. Кун-цзы прислуживал [лускому] Ай-гуну. [Ай-гун] предложил Кун-цзы персик и просо, сказав: «Угощайтесь!» Кун-цзы сначала съел просо, а затем съел персик. Слуги гуна засмеялись, прикрывая руками рты. Гун сказал: «Просо не едят, им очищают персик». Кун-цзы сказал: «Я знаю. Однако просо – основа пяти злаков, во время Великого государева жертвоприношения [Небу] и во время церемоний в храме предков подносят просо. Из шести видов фруктов персик занимает самое низшее место, его не используют ни во время государева жертвоприношения, ни во время церемоний в храме предков. Я слышал, что благородный муж очищает ценное ничтожным, а не наоборот. Ныне очищать низший из фруктов самым главным знаком означает высшим очищать низшее. Я полагаю, что это наносит вред обучению, губит долг и потому не стоит поступать таким образом». Гун ответил: «Прекрасно!»

XIX, 6. Цзы Гун спросил: «Чэньский Лин-гун³ открыто вел почрочную жизнь, Се Е⁴ прямо увещевал его и был убит, точно так, как и погиб Би Гань, можно ли их обоих считать человеколюбивыми?» Учитель ответил: «Что касается Би Ганя, то он был дядей [тирана] Чжоу и занимал должность младшего наставника [наследника престола], беззаветно и преданно служил стране. Упорно боролся [с пороками] и чаял смертью [доказать свою правоту], надеялся, что Чжоу образумится. Истинная сущность Би Ганя – человеколюбие.

³ Чэньский Лин-гун 陈灵公 по имени Пин Го 平国 правил в 613–597 гг. до н.э. в царстве Чэнь.

⁴ Се Е 泄治 – чиновник *дафу* из царства Чэнь.

Се Е был *дафу* при Лин-гуне, он не имел с ним кровнородственной связи. Хотя [Се Е] пользовался благосклонностью государя и не желал покидать свой пост, служил во время смуты при дворе, в то же время он отдавал всего себя, надеясь искоренить пороки в целой стране. Его смерть была напрасной, и потому его можно называть неосмотрительным. В „Ши цзин“ сказано: „У народа множество пороков, так не стоит показывать свои [пороки]“⁵. Здесь говорится и о Се Е, не так ли?»

XIX, 7. Кун-цзы был министром в царстве Лу. Цисцы опасались, что правитель Лу может стать гегемоном, и решили погубить Лу. [Цисцы] отобрали восемьдесят лучших девушек, нарядили их в дорогие одежды, посадили в сорок колесниц, запряженных четверкой пегих лошадей, и отправили государю царства Лу⁶. Посланный из Ци достиг Южных ворот царства Лу, расставил колесницы с наряженными певичками и остановил лошадей. [Луский *дафу*] Цзи Хуань-цзы тайно переоделся и решил осмотреть дары, после трех раз, он хотел принять [цисские подношения]. [Цзи Хуань-цзы] посоветовал правителю Лу поехать туда окольной дорогой. Он ездил туда целыми днями, пренебрегая делами управления страной. Цзы Лу сказал Кун-цзы: «Учитель, вы можете уезжать». Кун-цзы ответил: «Ныне в Лу будет совершаться жертвоприношение Небу и Земле, если жареное жертвенное мясо будет роздано *дафу*, то не будет нарушено постоянство, и я все еще смогу остаться [в Лу]». Хуань-цзы принял в дар певичек, правитель и министры предавались разврату и безделью, три дня не занимались государственными делами. А жареное жертвенное мясо не было роздано [*дафу*]. Кун-цзы отправился в путь, остановившись на ночлег за городскими воротами. Многие люди провожали его, некто спросил: «Учитель, не совершаете ли вы

⁵ «Ши цзин» III, II, 10 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 289].

⁶ Данный эпизод описан в гл. «Кун-цзы ши цзя» («Наследственный дом Кун-цзы – Конфуция») «Ши цзи»: «Тогда отобрали в княжестве Ци восемьдесят красивых девушек, одели их в разукрашенные одежды, научили их танцам и музыке и отправили лускому правителю на тридцати повозках, запрягая в каждую по четыре лошади под вышитыми попонами. Повозки с музыкантшами остановились за высокими воротами к югу от столицы Лу. Цзи Хуань-цзы, узнав о подарке, переоделся и скрытно отправился посмотреть дар. Сделав это два или три раза, он решил принять посланное и предложил правителю Лу приехать [туда] окольной дорогой. Они ездили туда целыми днями, забросив государственные дела» [Истзап 1992].

ошибку?» Кун-цзы ответил: «Могу я спеть?» В той песне было сказано: «Голоса этих женщин заставили меня покинуть Родину, появление этих женщин может привести [страну] к гибели. Ведя беззаботную жизнь, едва ли дотянешь до следующего года!»

XIX, 8. Таньтай [по прозвищу] Цзы Юй имел манеры благородного мужа, а его поступки превосходили его наружность⁷. Цзай Во умел произносить изысканные речи, но даже они не могли целиком отразить его мудрость. Кун-цзы сказал: «Поговорка гласит: „Коня оценивают по тому, как он везет колесницу, чиновника по тому, как он ведет себя в обычной жизни, – это бесспорно“. Если бы [я] судил о человеке по внешности, то упустил бы Цзы Юя, если бы судил о человеке по его речам, то упустил бы Цзай Во».

XIX, 9. Кун-цзы сказал: «Благородный муж трепещет перед [достойными] людьми, так как не может [сравниться с ними], а низкий человек не доверяет [достойным] людям, так как не может [сравниться с ними]. Поэтому благородный муж возвращает таланты человека, а низкий человек, лишь загубив талант другого, может сам возвыситься».

XIX, 10. Кун Ми спросил о Дао самосовершенствования. Учитель ответил: «Знать, но не действовать – еще хуже, чем не знать. Испытывать родственную близость, но не верить – еще хуже, чем не испытывать родственной близости. Если случается радость, то [следует] радоваться, но не зазнаваться. Если надвигается беда, то [следует] размышлять, но не печалиться». Кун Ми спросил: «А как же мне вести себя?» Учитель ответил: «Работать над тем, в чем не достиг [совершенства], дополнять то, чего не хватает. Не обвинять других в том, чего не умеешь сам; не кичиться перед другими своими достижениями. Целый день говорить, но не печалиться. Целый день действовать, но не навлекать беду. Только мудрый поступает так».

⁷ Видимо, он был некрасив собой.

Глава XX

В опасности

XX, 1. Чуский Чжао-ван пригласил Кун-цзы на службу. Кун-цзы отправился совершить обряд приветствия, и путь его лежал через царства Чэнь и Цай. Аристократы *дафу* из Чэнь и Цай решили так: «Кун-цзы – совершенномудрый, он высмеивает пороки *чжухоу*, и если царству Чу от этого будет польза, то нашим царствам грозит опасность!» Они послали солдат задержать Кун-цзы. Он не мог продолжать путь, на седьмой день закончился провиант, извне его не пропускали [солдаты], похлебка из лебеды не могла насытить [его людей], и вся свита заболела. Кун-цзы же был воодушевлен, пел под аккомпанемент струнных инструментов, и [воля его] была непоколебима, он позвал Цзы Лу и сказал: «В „Ши цзин“ сказано: „Ни однорогий буйвол, ни тигр не остаются на пустынной равнине“¹. Что же не так в моем учении, почему я оказался здесь?» Цзы Лу изменился в лице и ответил: «Нет места, где бы благородный муж оказался в затруднительном положении; возможно, Учитель был недостаточно человеколюбив, и народ не верит ему, возможно, Учитель недостаточно мудр, и народ не подчиняется ему». Кун-цзы ответил: «[Ты] не понял, я скажу тебе: ты полагаешь, что человеколюбивому обязательно верят, так почему же Бо И и Шу Ци умерли от голода на горе Шоуян? Ты полагаешь, что мудрого обязательно используют [на службе], так почему же у Би Ганя вырвали сердце из груди? Ты полагаешь, что преданному непременно должны воздать должное, так почему же Гуаньлун Фэн не избежал казни? Ты полагаешь, что советника должны непременно слушаться, так почему же У Цзысюй умер не своей смертью? Поэтому произойдет или нет встреча – [решает] случай. Достойный или дурной – [определяет] талант. [Хотя] благородный муж обладает широтой познаний и видит далеко вперед, но и тех, кому не [посчастливилось] повстречаться со случаем, много. А не только один лишь я! Орхидея произрастает в лесной

¹ «Ши цзин» II, VIII, 10 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 251].

чаще, из-за того, что некому [вдыхать ее аромат], она не становится менее благоухающей. Благородный муж совершенствуется в Дао и утверждается в добродетели, его целомудрие не сломить ни бедностью, ни нуждой. Делать или [не делать] – зависит от человека, жизнь или смерть [определяются] судьбой. Поэтому цзиньский Чуньэр² обладал сердцем государя, которое зародилось в нем во время [бегства] в царства Цао и Вэй; ван царства Юэ – Гоу Цзянь³ обладал сердцем государя, которое зародилось в нем во время [мучений около] Гуйцзи⁴. Поэтому кто, занимая низшее [положение], не трево-

² Цзиньский Вэнь-гун 晋文公 (ум. 628 г. до н.э.) – правитель царства Цзинь в 636–628 гг. до н.э., один из пяти гегемонов эпохи Чуньцю, личное имя – Ци Чуньэр 姬重耳.

³ Гоу Цзянь 句踐 (496–465 гг. до н.э.) – правитель царства Юэ, один из пяти гегемонов эпохи Чуньцю. Согласно «Ши цзи», предок Гоу Цзяня был потомком Великого Юя. См. гл. «Юэ-ван Гоу Цзянь ши цзя» («Наследственный дом вана Гоу Цзяня») «Ши цзи» [Истзап 1992].

⁴ См. там же: «На третьем году [своего правления] (494 г.) Гоу Цзянь прослышал про то, что уский ван Фу Ча денно и ночью тренирует солдат с целью отплатить Юэ [за поражение]. Тогда юэский правитель решил опередить У, пока оно не послало войска и не напало на Юэ... И тут же поднял свои войска. Когда уский ван узнал о выступлении, он собрал все свои отборные войска, ударил по Юэ и нанес поражение армии Юэ у Фуцзяо. Юэский ван с оставшимися пятью тысячами воинов укрылся на высоте у Гуйцзи. Уский ван, преследуя его, окружил юэцев там... Гоу Цзянь тогда решил убить жену и детей, съечь свои сокровища и в бою найти свою смерть. Но Чжун остановил Гоу Цзяня, сказав ему: „Главный управитель делами в царстве У тай-цзай Пи известен своей алчностью, его можно завлечь выгодой. Давайте действовать скрытно, я поговорю с ним“. Тогда Гоу Цзянь приказал Чжуну подарить ускому тайцзаю Пи красавиц и драгоценности. Пи принял подарки, после чего представил сановника Чжуна ускому вану. Чжун, отбивая поклоны, сказал вану: „Я прошу Вас, Великий ван, простить вину Гоу Цзяня и целиком принять его сокровища. Если, к несчастью, Вы его не помилите, Гоу Цзянь убьет своих жен и детей, спалит свои драгоценности и бросит в последний бой оставшиеся пять тысяч воинов. И он непременно сделает так“. Пи, убеждая уского вана, добавил: „Коль скоро [правитель Юэ] согласился стать нашим подданным, то помиловать его будет выгодно нашему царству“. Уский ван уже намеревался простить юэского вана, но У Цзысюй выступил вперед с увещеванием, сказав: „Если сейчас мы не уничтожим царство Юэ, мы в будущем непременно раскаемся в этом. Гоу Цзянь — мудрый правитель, Чжун и Ли – прекрасные слуги. Если вернем им царство, в будущем это приведет к смуте“. Однако уский ван не прислушался к этим словам и в конце концов помиловал [правителя] Юэ, прекратил военные действия и вернул войска домой. Когда Гоу Цзянь испытывал мучения около Гуйцзи, он, вздыхая, вопрошал: „Что же, мне до конца своих дней оставаться здесь?“ ...Как только уский правитель помиловал юэского вана, Гоу Цзянь вернулся в свое царство».

жится, тот не размышляет о далеком. Кто, живя среди людей, часто предается праздности, тот не стремится к обширному. Откуда же [такому человеку] знать о начале и конце [вещей]?» Цзы Лу удалился. Позвали Цзы Гуна, [Учитель] задал ему тот же вопрос. Цзы Гун сказал: «Дао Учителя велико, если Поднебесная не может вместить его, так почему же Учителю не уменьшить [свое Дао]?» Кун-цзы ответил: «Цы! Хороший крестьянин умеет сеять хлеба, но необязательно умеет собирать урожай. Искусный мастер обладает умением, но необязательно получает одобрение [других людей]. Благородный муж умеет совершенствовать свое Дао, [умеет] устанавливать правила и законы, но [люди] не всегда могут их вместить. Ныне, ты, Цы, [предлагаешь мне], не совершенствуя свое Дао, сделать так, чтобы [Поднебесная] могла его вместить, значит, ты не стремишься к обширному и не размышляешь о далеком». Цзы Гун удалился. Вошел Янь Хуэй, [Учитель] задал ему тот же вопрос. Янь Хуэй сказал: «Дао Учителя велико, Поднебесная не может его вместить. Хотя это так, но Вы прилагаете все силы для осуществления своего Дао. Пускай современники не принимают его, но в том позор для власть имущих, и только! Учителю же не о чем беспокоиться! [Сначала его Дао] не следуют, но затем узрят благородного мужа!» Услышав эти слова, Кун-цзы радостно воскликнул: «Так и есть, Янь, мальчик мой! Когда ты достигнешь высот, я буду твоим сановником!»

XX, 2. Цзы Лу спросил у Кун-цзы: «Есть ли о чем печалиться благородному мужу?» Учитель ответил: «Не о чем. Благородный муж изучает и применяет изученное, даже не сделав, он радуется самой мысли о сделанном. Сделав, он снова радуется, что все в порядке. Поэтому вся жизнь благородного мужа – радость, в ней нет и единого дня для печали. Низкий человек не таков. Еще не сделав, он горюет, что не сделал. Сделав, он боится, что допустил оплошность. Поэтому вся жизнь [низкого человека] – печаль, в ней нет и единого дня для радости».

XX, 3. Цзэн-цзы в рваной одежде пахал землю в Лу. Луский правитель, услышав об этом, повелел выделить [Цзэн-цзы] надел земли. Цзэн-цзы наотрез отказался. Некто спросил: «Сам государь пожелал [выделить тебе надел земли], так к чему же отказываться?» Цзэн-цзы ответил: «Я слышал, что тот, кто принимает подаяние, часто страшится других людей; а тот, кто подает, часто презирует других людей. Пусть даже государь не хотел проявить неуважение ко мне, но как

мне не остережся?» Услышав об этом, Кун-цзы сказал: «Слова Шэня всецело объясняют его поступок».

XX, 4. Кун-цзы оказался в затруднительном положении на территории между царствами Чэнь и Цай. Он и его спутники голодали уже седьмой день. Взяв имевшиеся при себе вещи, Цзы Гун украдкой [выбрался из окружения] и обменял их у крестьян на один *дань*⁵ риса. Янь Хуэй и Чжун Ю готовили пищу под прохудившейся крышей, в котел упал кусок сажи. Тогда Янь Хуэй [зачерпнул] грязный рис и съел его. Стоявший вдалеке Цзы Гун увидел это и тотчас нахмурился, посчитав, что [Янь Хуэй] ест втайне от остальных. Войдя в дом, он спросил у Кун-цзы: «Разве в бедности человеколюбивый и честный человек изменяет своим принципам?» Кун-цзы ответил: «Разве изменяющего своим принципам можно называть человеколюбивым и честным?» Цзы Гун просил: «Разве такой человек, как Янь Хуэй, не изменяет своим принципам?» Кун-цзы ответил: «Нет». Тогда Цзы Гун рассказал о случившемся. Учитель сказал: «Я верю, что Янь Хуэй действительно человеколюбив. Хотя я не сомневаюсь в твоих словах, но, бесспорно, была причина, побудившая Янь Хуэя поступить таким образом. Пока оставим это, я пошлю узнать, в чем дело». Позвав Янь Хуэя, [Кун-цзы] сказал: «Недавно я видел во сне древних мудрецов, видимо, они решили вразумить меня. Ты приготовил пищу, так неси же ее скорее сюда, я желаю поднести ее мудрецам древности!». [Янь Хуэй] ответил: «В пищу упал кусок сажи, если бы я ее оставил, то все кушанье было бы испорчено. Но было бы жалко выбросить целый котелок. Я съел [грязный рис], но такую пищу не должно приносить в жертву». Кун-цзы: «Коль так, тогда я тоже не откажусь поесть». Янь Хуэй удалился. Окинув взором учеников, Кун-цзы сказал: «Я [всегда] верю Хуэю, и сегодняшний день не исключение». Ученики были восхищены Янь Хуэем.

⁵ *Дань* или *ши* 石 – мера веса ок. 71,6 кг.

Глава XXI

БЫТЬ ЧИНОВНИКОМ

XXI, 1. Цзы Чжан спросил Кун-цзы о том, как быть чиновником. Кун-цзы ответил: «Трудно умиротворить себя и [в то же время] снизить добрую славу». Цзы Чжан сказал: «Но как же быть?» Кун-цзы ответил: «Не пользоваться благами в одиночку; обучать других без усталы; не повторять прошлых [ошибок]; не позволять неудачно сказанному слову увести тебя с правильного пути; не распространять дурное; доводить начатое до конца. Будучи чиновником, благородный муж осуществляет шесть [положений]: когда умиротворяет себя и добивается доброй славы, а в делах управления все идет своим чередом. Кроме того, если часто гневаться, т.е. опасность угодить в темницу; если не внимать увещеваниям, то надо быть готовым к тому, что встретишь на пути преграду; если относишься к другим свысока, то тем самым забываешь ритуал; если быть ленивым и распушенным, то упустишь [счастливый] случай; если быть расточительным и несдержанным [в тратах], то благ будет всегда не хватать; если решать [все вопросы] самолично, то в делах не достигнешь успеха. Будучи чиновником, благородный муж избегает этих шести положений, он умиротворяет себя и добивается доброй славы, а в делах управления все идет своим чередом. Поэтому благородный муж [обращается] лицом к югу¹; заботится о том, чтобы управлять большими территориями, и по справедливости наводит там порядок; тщательно обдумывает и конкретно действует; следует преданности и верности; изучает принципы нравственности; заботится о том, что хорошо и что плохо; придерживается того, что приносит пользу, и избегает того, что приносит вред; не требует вознаграждения и получает любовь народа. Итак, тот, кто ведает [делами управления], не совершает злодеяний против народа; тот, кто успешно справляется [со своими обязанностями], не оскорбляет народ словом; тот, кто умело оценивает обстановку, не старается обхитрить народ [льстивыми] речами; тот, кто возвращает [народ], не нарушает сроков [сельскохозяйственных] работ; тот, кто любит [народ], не распро-

¹ [Обращаться] лицом к югу (*нань мянь* 南面), т.е. быть правителем.

страняет казни и пытки. Когда благородный муж умиротворил себя и снискал добрую славу, тогда и народ получает [необходимое]. Благородный муж, будучи чиновником, ясно видит то, что рядом, и нет ничего, что было бы сокрыто от него; приближает все, что необходимо, поэтому обретает без усилий. Таким образом, без привлечения многих решаются дела управления, а добрая слава [благородного мужа] крепнет. Все правила и образы [благородный муж] содержит внутри [себя], поэтому правила не отдаляются, а их источник не иссякает. Поэтому все в Поднебесной собирается воедино, корень [сущего] не ослабевает, короткое и длинное получают соответственную меру. Воля умиротворена, и нет тех, кто сеял бы смуту, добродетель пронизывает сердце, [она] таится в воле, выражается во внешнем виде, проявляется в звуке. Так [благородный муж] умиротворяет себя и обретает добрую славу, а народ естественно приходит в порядок. Если, будучи чиновником, не упорядочивать, то наступит смута; смута рождает борьбу; борьба, дошедшая до предела, только усиливает смуту. Просвещенный государь непременно проявляет снисхождение, тем самым великодушно относится к своему народу. Если [государь] проявляет милость и любовь, если он добрый и уступчивый, то народ реализовывает свои чаяния. Действие – вот начало управления, радость – руководитель чувств. Если [осуществлять] благое правление, действовать должным образом, то народ не будет роптать; если слова подходящие, а речи гармоничные, то [настрой] народа неизменный. Если закон в сердце, то народ подражает [действиям благородного мужа]. Если просветлять самого себя, то и народу все становится ясно. Если же исполнять только свои желания, не ведая умеренности, то те, кто производят материальные блага, не будут трудиться. Если страстно желать того, что не имеешь, то благое правление непременно станет небрежным. Если сеять смуту, то и добрые речи не будут услышаны. Если подробно разбирать [мнения окружающих], то число поучений будет [множиться] день ото дня. Кто день изо дня слушает [других], тот произносит добрые речи; кто может действовать [сам], тот совершает благие поступки. Поэтому государь – образец для народа, чиновник – пример для народа. Если ближайшие чиновники льстивы, то подданные берут с них пример. Поэтому если этикет не выправлен, то народ становится распущенным; если пример дурной, то среди народа возникает смута; если ближайшие чиновники льстивы, то свита порочна. Вот почему правителю надлежит уважать три основы [морали]. Если благород-

ный муж самосовершенствуется и оборачивается к Дао, вникает в слова, идущие от сердца, и служит [должным образом], то он умиротворяет себя и обретает добрую славу. Поэтому, когда женщина прядет, она непременно сама выбирает шелк и лен, искусный ремесленник непременно сам выбирает лучший материал [для изделия], а достойный правитель сам выбирает себе окружение. Если быть упорным в выборе [подходящих] людей, то дела по управлению [страной] будут в удовольствие; если благородный муж стремится к доброй славе, то ему непременно надлежит быть тщательным [в выборе] окружения. Быть на вершине [власти] подобно тому, как взбираться на дерево, чем выше взбираешься, тем сильнее страх сорваться вниз. На перекрестке дорог шестерка лошадей непременно скачет не слаженно, народ отстывает [от Дао] именно тогда, когда государь выпускает из рук бразды правления. Хотя быть высшим престижно, но в то же время и опасно, хотя простой человек и незнатного происхождения, но тоже обладает духовным началом. [Если народ] любит тебя – ты живешь, если ненавидит тебя – ты погиб. Кто главенствует над народом, непременно должен понимать суть народа. Вот почему, будучи правителем и чиновником, хотя обретаешь почет, не стоит зазнаваться; хотя обретаешь богатство, но необходимо им жертвовать; хотя обретаешь основу, но надлежит обдумывать и мелочи; хотя и завершил дело, но должен еще упрочить результат; хотя и добился [стабильности], но не стоит останавливаться на достигнутом; хотя и получил расположение близких, но необходимо завоевать признание дальних; хотя исследовал одну вещь, но предстоит досконально изучить многие; хотя привел в порядок одну вещь, но нельзя допустить, чтобы все сущее поглотил хаос, а все потому, что сам подаешь пример. Благородный муж, управляя народом, должен знать сущность народа, а также и чувства народа. Если знаешь сущность народа и изучишь чувства народа, тогда народ будет следовать за тобой. Если страна процветает, то народ испытывает родственную близость [по отношению к правителю], если принципы правления едины для всех, то народ не ропщет. Благородный муж, управляя народом, не опирается на высокое [положение], не руководствуется далеким, не возлагает на народ ответственность за то, что он не совершал, не ставит в вину народу то, что превосходит силы народа. Если [следовать] за заслугами просвещенных ванов, но не учитывать чувства [народа], то народ [останется] непреклонным и не сделает шаг навстречу [правителю]. Если год за годом быть великодушным,

но не учитывать силы [народа], то в народе возникнут споры и он не будет повиноваться. Если возлагать ответственность на народ за то, чего он не совершал, если ставить в вину народу то, что превосходит его силы, то народ возненавидит [такого правителя], а ненависть – это порок. В древности мудрый государь надевал парадный головной убор со свисающими нефритовыми подвесками, чтобы избежать [яркого] света, шнуры головного убора и боковые подвески закрывали уши, чтобы избежать [громкого] звука. В чистой воде не водится рыба, у человека, который полностью уяснил [смысл сущего], нет последователей. Выправляя кривое, приведешь [народ] к утверждению норм морали. Добротой и мягкостью побудишь [народ] стремиться [к благу]. Нормой и мерой позволишь [народу] доискиваться [истины]. Если кто-то из народа совершил незначительную ошибку, непременно надлежит быть добрым и пощадить провинившегося. Если кто-то из народа совершил серьезное преступление, непременно надлежит обнаружить причину и посредством человеколюбия содействовать исправлению [провинившегося]. В случае преступления, караемого смертной казнью, преступника лучше всего [не наказывать], но побудить к [новой] жизни. Вот почему родственная близость верхов и низов неразъединима, добродетельное воспитание [должно] распространять, а не утаивать. Добродетель – начало правления. Если правление негармонично, то народ не поддается обучению. Если народ не поддается обучению, то он не привыкнет [следовать указам]. Если не привыкнет [следовать указам], то [таким народом] невозможно управлять. Благородный муж стремится к тому, чтобы его словам верили, и здесь нет ничего лучше, чем открыть свое сердце к восприятию истины. [Благородный муж] стремится к тому, чтобы управлять посредством решительных действий, и здесь нет ничего лучше, чем самому подавать пример. [Благородный муж] стремится к тому, чтобы народ быстро подчинялся, и здесь нет ничего лучше, чем управлять посредством Дао. [В противном случае] народ хотя и подчиняется, но по принуждению. Если не опираться на преданность и верность, то невозможно сродниться с народом. Если внешнее и внутреннее не находятся в соответствии, то невозможно завоевать доверие народа. В этом заключается Дао управления народом и великая традиция того, как быть чиновником». Услышав слова Кун-цзы, Цзы Чжан остался доволен, вернувшись, он записал их.

Клятва в трудном положении

XXII, 1. Цзы Гун спросил Кун-цзы: «Я устал от учебы, утомился в [познании] Дао, в служении правителю я жажду передышки, возможно ли это?» Кун-цзы ответил: «В „Ши цзин“ сказано: „Постоянно выражать почтение и вести дела скрупулезно“¹. Служение государю – сложная задача, как же думать об отдыхе?» [Цзы Гун] сказал: «В таком случае я, Цы, желал бы отдохнуть и служить родителям». Кун-цзы ответил: «В „Ши цзин“ сказано: „Сыновняя почтительность сына неистощима, ее надлежит вечно даровать [родителям]“². Служение родителям – сложная задача, как же думать об отдыхе?» [Цзы Гун] сказал: «В таком случае я, Цы, желал бы отдохнуть и [заботиться] о жене и детях». Кун-цзы ответил: «В „Ши цзин“ сказано: „Быть образцом для собственной жены, что же касается братьев, то [быть образцом в том, как] управлять государством“³. [Заботиться] о жене и детях – сложная задача, как же думать об отдыхе?» Цзы Гун сказал: «В таком случае я, Цы, желал бы отдохнуть, [общаясь] с друзьями». Кун-цзы ответил: «В „Ши цзин“ сказано: „Среди друзей царит взаимовыручка, что побуждает держаться с достоинством“⁴. [Общаться] с друзьями – сложная задача, как же думать об отдыхе?» Цзы Гун сказал: «В таком случае я, Цы, желал бы отдохнуть, возделывая землю». Кун-цзы ответил: «В „Ши цзин“ сказано: „Днем собирать тростник, ночью вить веревки, настала пора чинить крышу и начинать сеять злаки“⁵. Возделывать землю – сложная задача, как же думать об отдыхе?» [Цзы Гун] сказал: «В таком случае мне, Цы, негде отдохнуть, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Такое место

¹ «Ши цзин» IV, V, 1 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 351].

² «Ши цзин» III, II, 3 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 276].

³ «Ши цзин» III, I, 6 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 262].

⁴ «Ши цзин» III, II, 3 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 276].

⁵ «Ши цзин» I, XV, 1 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 141–142].

существует. Окинь взором местность, видишь высокий [холм], он высокий и без щелей, но если присмотреться внимательно, то заметишь изгородь. Вот и место для отдыха». Цзы Гун сказал: «Это в высшей степени прекрасно! Благородный муж отдохнет [там]. Низкий человек отдохнет [там]. Это в высшей степени прекрасно!»

XXII, 2. Покинув царство Вэй, Кун-цзы направился в царство Цзинь, достигнув реки Хуанхэ, ему сообщили, что цзиньский Чжао Цзянь-цзы убил Доучоу Миндо⁶ и Шунь Хуа⁷. Прибыв к реке, Кун-цзы со вздохом произнес: «Прекрасны и бескрайни воды реки. Я, Цю, потерпел неудачу – это судьба!» Цзы Гун, поспешно выйдя вперед, сказал: «Осмелюсь спросить, почему же?» Кун-цзы ответил: «Доучоу Миндо и Шунь Хуа – достойнейшие *дафу* из царства Цзинь. Пока Чжао Цзянь-цзы еще не удовлетворил свои стремления, ему нужны были эти двое для того, чтобы заниматься делами управления. Удовлетворив свои стремления, он убил [Доучоу Миндо и Шунь Хуа]. Я, Цю, слышал, что если умерщвляют плод во чреве и убивают новорожденных, то *цилин* не появляется в этих землях, если осушают водоемы, чтобы выудить рыбу, то водяной дракон не живет в этих водах, если разоряют птичьи гнезда, то фениксы не парят в воздухе. Почему же? Благородный муж преступил [закон] и причинил вред себе подобным. Птицы и звери [чуют] несправедливость, с незапамятных времен знают, как ее избежать, так что же говорить о человеке?» Вернувшись на отдых в местность Цзоу, Кун-цзы в знак скорби сочинил [мелодию] «Могильный холм».

XXII, 3. Цзы Лу спросил Кун-цзы: «Есть один человек, который трудится не покладая рук, сеет и пашет, руки и ноги его покрыты мозолями, и все это для того, чтобы возвращать родителей. Однако его не называют обладающим сыновней почтительностью, почему же?» Кун-цзы ответил: «Может быть, он ведет себя непочтительно? Может быть, его речи непокорны? Может быть, выражение его лица не радостно? Древние говорили: „Люди схожи меж собой, [поэтому] сердце не обманешь“. Ныне, если этот человек отдает все силы для того, чтобы возвращать родителей, и если в нем нет трех вышеперечисленных недостатков, то почему же не считать его обладающим сыновней почтительностью?» Кун-цзы [еще] сказал: «Ю! Запомни, что я тебе скажу: даже если имеешь силу всех служилых-*ши* в своем

⁶ Доучоу 窦犇 (ум. 494 г. до н.э.) – *дафу* из царства Цзинь, по имени Миндо 鸣犇.

⁷ Шунь Хуа 舜华 – *дафу* из царства Цзинь.

государстве, но сам не можешь твердо стоять на ногах, то сил будет недостаточно, а проблемы не разрешатся. Ведь тот, кто не совершенствует внутреннюю добродетель, совершает проступок по отношению к самому себе; если кто совершенствует [внутреннюю] добродетель, но не становится известным – это промах его друзей. Надлежит совершенствоваться в поведении, и тогда обретешь известность. Поэтому благородный муж искренен в поступках и водит дружбу с достойными людьми, разве такой человек не обладает сыновней почтительностью?»

XXII, 4. Достигнув границы царств Чэнь и Цай, Кун-цзы попал в окружение, на седьмой день, израсходовав все запасы пищи, ученики начали заболеть от голода, а Кун-цзы пел под аккомпанемент струнных инструментов. Увидев это, Цзы Лу спросил: «Учитель, вы поете, разве это соответствует ритуалу?» Кун-цзы не откликнулся, закончив петь, он сказал: «Ю, подойди! Вот что я тебе скажу: благородный муж любит музыку для того, чтобы не стать заносчивым, низкий человек любит музыку для того, чтобы не падать духом. Разве ты меня не знаешь? Почему бы тебе не последовать моему примеру?» Цзы Лу обрадовался и, взяв секиру, начал танцевать, протанцевав три такта, он удалился. На следующий день опасность миновала, Цзы Гун, взяв под уздцы лошадь, сказал: «Мы с Учителем попали в трудное положение, думаю, мы не забудем этого». Кун-цзы сказал: «Здесь есть и добро, и зло, не так ли? На границе царств Чэнь и Цай я, Цю, обрел удачу. Вы, мои ученики, следовали за мной и тоже обрели удачу. Я слышал, что если правитель не встречает на своем пути трудностей, ему не стать ваном, если герой не оказывается в затруднительном положении, то его подвиг останется незамеченным. Откуда знать, не сейчас ли рождается воодушевление, которое воспитает в нас стойкость характера?»

XXII, 5. Когда Кун-цзы направлялся в царство Сун, правитель местности Куан⁸ велел отряду латников окружить Кун-цзы. Цзы Лу пришел в ярость и, вооружившись алебардой, ринулся в бой. Кун-цзы остановил его, сказав: «Где это видано, чтобы тот, кто совершенствуется в человеколюбии и чувстве долга, не мог изменить житейские нравы? Не разьясняю „Ши цзин“ и „Шу цзин“, не практикуюсь в ритуале и музыке – в этом моя ошибка. Но нет моей вины в том, что я излагаю принципы любви к древности прежних ванов.

⁸ Куан 匡 – город в нынешней пров. Хэнань.

Это – судьба! Так споем же вместе!» Цзы Лу достал *цин* и начал петь, Кун-цзы вторил ему. Когда они спели три песни, жители Куан сняли доспехи и отступили.

XXII, 6. Кун-цзы сказал: «Если не смотреть на высокий берег, то невозможно познать горечь падения с вершины. Если не приближаться к пучине, то невозможно познать грустную участь стать ут пленником. Если не видеть моря, то невозможно познать губительную силу ветра и волн. Так не в этом ли кроется причина наших промахов? Если служилый-*ши* осмотрителен в этих трех вещах, то не навлечет на себя [опасность]».

XXII, 7. Цзы Гун спросил Кун-цзы: «Раз уж я, Цы, ставлю себя ниже других, осмелюсь спросить, в чем заключается Дао скромности?» Учитель ответил: «Скромный человек подобен почве. Если [рыть] глубоко, то обнаружишь родник. Если посеять урожай, то злаки прорастут, деревья и травы пустят корни, а зверям и птицам будет чем питаться. Появившись на свет – выходит наружу, погибнув – скрывается внутри. Его заслуг не счесть, но он не придает им значения, его воля велика и всеобъемлюща. Таков скромный человек».

XXII, 8. Прибыв в царство Чжэн, Кун-цзы отбил от своих учеников. В одиночестве он стоял перед восточными воротами города. Некто сказал Цзы Гу: «У восточных ворот стоил человек ростом в девять *чи* и шесть *цуней*, его глаза как реки, у него высокий лоб точно у государя Яо, шея точно у Гао Яо, плечи точно у Цзы Чаня, но ниже пояса он на три *цуня* меньше Юя, вид у него неприкаянный, точно у бездомного пса». Цзы Гун передал эти слова [Кун-цзы]. Кун-цзы радостно воскликнул: «Описание не соответствует действительности, но сравнение с бездомным псом абсолютно верно! Абсолютно верно!»

XXII, 9. Направляясь в царство Вэй, проезжая через местность Пу, Кун-цзы повстречался с главой клана Гуншу, который поднял мятеж в Пу. Жители Пу задержали Кун-цзы. Среди учеников Кун-цзы был Гунлян Жу⁹, он был достойным, опытным и отважным человеком. Гунлян Жу сопровождал Кун-цзы в его странствиях и предоставил Кун-цзы пять экипажей. С тяжелым вздохом [Гунлян Жу] сказал: «Некогда я вместе с Учителем терпел бедствия в Куане, в царстве

⁹ Гунлян Жу 公良孺 по прозвищу Цзы Чжэн 子正 – один из учеников Кун-цзы, уроженец царства Чэнь.

Сун [Хуань Туй] хотел срубить наше дерево¹⁰. Ныне мы снова оказались в трудном положении – это судьба! Если Учитель столкнулся с неприятностями, то уж лучше мне сражаться до самой смерти!» Он обнажил меч, собрал людей и бросился в атаку. Испугавшись, пусцы сказали: «Если вы не держите путь в Вэй, то мыпустим вас». Когда Кун-цзы произнес клятву, его выпустили через восточные ворота. Кун-цзы поспешно направился в Вэй. Цзы Гун спросил: «Разве можно нарушать клятву?» Кун-цзы ответил: «То, как я дал клятву, не соответствует справедливости». Вэйский Лин-гун, услышав о том, что прибыл Кун-цзы, обрадовался и отправился встречать его за пределы столицы. [Лин-гун] спросил: «Можно ли напасть на Пу?» [Кун-цзы] ответил: «Можно». Гун сказал: «Мои *дафу* считают, что в Пу наше Вэй противостоит [армиям] царств Цзинь и Чу, разве можно нападать [на Пу]?» Кун-цзы ответил: «Мужчины [из Пу] обладают волей умереть [за свои земли], но, чтобы напасть на них, будет достаточно четырех-пяти человек». Гун ответил: «Хорошо». Но, в конце концов, так и не пошел войной на Пу. В другой день Лин-гун вновь заговорил с Кун-цзы, [во время разговора] по небу пролетал дикий гусь, глядя вверх, [Кун-цзы] изменился в лице. Вскоре Кун-цзы покинул [Вэй].

XXII, 10. Вэйский Цюй Боюй был достойным человеком, но Лин-гун не использовал его на службе. Ми-цзы Ся¹¹ был дурным человеком, но его, напротив, назначали на должности. Ши Юй не раз увещевал [Лин-гуна], но тот не слушал советов. Ши Юй заболел и был при смерти, он сказал своему сыну следующее: «При дворе Вэй я не смог выдвинуть Цюй Боюя и сместить Ми-цзы Ся, я – чиновник и не смог исправить своего государя. Если при жизни я не смог исправить своего государя, то умерев, некому будет завершить ритуал. Когда я умру, поставь гроб с моим телом под окнами дома, и этого будет достаточно для меня». Сын сделал, как велел отец. Когда Лин-гун явился, чтобы выразить соболезнования, он был крайне удивлен и спросил, [в чем дело]. Сын [Ши Юя] поведал гуну слова отца. Гун

¹⁰ Сыма Цянь сообщает: «Затем, уехав из Цао, Конфуций прибыл в княжество Сун. Он вместе с учениками упражнялся в исполнении обрядов, сидя с ними под большим деревом. Хуань Туй, сунский сыма (руководитель военных дел), задумал убить Конфуция и заодно срубить облюбванное им дерево. Конфуцию пришлось уехать» («Ши цзи», гл. «Кун-цзы ши цзя» – «Наследственный дом Кун-цзы – Конфуция») [Истзп 1992].

¹¹ Ми-цзы Ся 弥子瑕 – *дафу* из царства Вэй.

был поражен и, изменившись в лице, произнес: «Это моя вина». После этого [гун] велел поместить гроб с телом Ши Юя в надлежащее место, призвал Цюй Боюя и начал использовать его на службе, а Мицзы Ся, напротив, отдалил от себя. Услышав об этом, Кун-цзы сказал: «С древних времен были те, кто изо всех сил увещевал [правителя], но после смерти их наставления теряли силу, но не было еще таких, как Ши Юй, который своей смертью увещевал государя, своей преданностью растрогал государя. Вот кого я назову прямым человеком!»

Глава XXIII

Добродетель пяти государей

XXIII, 1. Цзай Во спросил Кун-цзы: «Я слышал, как Жун И¹ говорил, что Хуан-ди [правил] триста лет. Скажите, Учитель, Хуан-ди – человек или все же не человек, как он мог [править] триста лет?» Кун-цзы ответил: «Юй, Тан, Вэнь-ван, У-ван, Чжоу-гун – даже их мы не видели, так что же говорить о древних временах Хуан-ди!» Цзай Во сказал: «Слова преданий глубокой древности таинственные, они содержат сказания о минувших событиях, их смысл туманный, благородный муж не понимает их, вот почему я спрашиваю об этом». Кун-цзы ответил: «Хорошо. Кратко изложу то, что слышал: Хуан-ди – сын Шао Дяня², [Хуан-ди] звали Сюань Юань. Его рождение было таинственным, с младенчества он умел говорить, с детства был скромным, пронизательным и величественным, обладал преданностью и острым умом, а также искренностью и верностью. Когда вырос, стал [еще] умнее, упорядочил пять видов *ци*³, утвердил пять мер весов, утешил все народы, установил меру четырех сторон света, запряг быка и оседлал коня, приручил хищных зверей и сразился с Янь-ди на поле у Баньцюань, после трех сражений [Хуан-ди] одержал победу. С тех пор [правители Поднебесной] начали носить вышитые одежды, упорядочивать народ, чтобы следовать установлениям Неба и Земли, узнали причину света и тьмы, проникли в суть жизни и смерти. [Хуан-ди] своевременно сеял злаки, пробовал на вкус [плоды] деревьев и травы, был добр по отношению к птицам, зверям и насекомым. Делал наблюдения за солнцем, луной, звездами и созвездиями, трудился изо всех сил, [полагаясь на способности] слуха и зрения, использовал огонь и воду, а также богатства для того, чтобы возвращать народ. Народ пользовался благами [Хуан-ди] сто лет, и после того, как [Хуан-ди] почил, народ еще сто лет

¹ Жун И 榮伊 – неустановленная личность.

² Подробнее об этом см. в гл. «У-ди бэнь цзи» («Основные записи о деяниях пяти императоров») «Ши цзи» [Истзап 1972].

³ Пять видов *ци* (у *ци* 五气) – пять состояний атмосферы (жара, холод, сырость, сухость, ветер).

благоговейно трепетал перед духом Хуан-ди, после чего еще сто лет народ руководствовался его наставлениями, и они распространились [повсеместно]. Вот почему говорят, что Хуан-ди правил триста лет».

XXIII, 2. Цзай Во сказал: «Позвольте спросить о государе Чжуань Сюе». Кун-цзы ответил: «Пять государей использовали суть [вещей], а три вана обладали мерой. Ты желаешь за один день услышать предания глубокой древности? До чего же ты нетерпеливый!» Цзай Во сказал: «Некогда я слышал, как Учитель сказал: „Дети мои, нечего ждать!“ Поэтому я и осмелился спросить». Кун-цзы ответил: «Чжуань Сюй – внук Хуан-ди, сын Чан И, по имени Гао Ян. Он был невозмутимым и [тщательно] строил планы, последовательно излагал и проникал [в суть вещей], чтобы познать далекое. Он копил богатства, чтобы использовать землю в зависимости от ее качества; следовал за временем, чтобы брать за образец Небо; уподоблялся духами *зуй* и *шэнь* и поступал по справедливости; упорядочил пневму-*ци* и природу-*син*, чтобы обучать людей; был искренним и целомудренным, когда приносил жертвы духам; объезжал [свои владения] по четырем сторонам света для того, чтобы успокоить народ. На севере вплоть до Юдина, на юге до Цзяочжи, на западе до Люша, на востоке до Паньму, все двигалось или пребывало в покое, все существа, как большие, так и малые, все, что освещали солнце и луна, смирились и повиновались [Чжуань Сюю]».

XXIII, 3. Цзай Во сказал: «Позвольте спросить о государе Ку?»⁴. Кун-цзы ответил: «Внук Сюань Сяо⁵, сын Цяо Цзи, [Ку] звали Гао Синь. Его рождение было чудесным, родившись, он сам произнес свое имя. Он широко благодетельствовал и увеличивал пользу, не думая о себе. Был умным в познании далекого, со всей ясностью исследовал мельчайшее. Был человеколюбивым и благородным, милостивым и верным и тем самым следовал справедливости Неба и Земли. Он знал нужды народа, самосовершенствовался, и вся Поднебесная подчинялась ему. Он брал богатства Земли и экономно использовал их; утешал и наставлял народ и учил его получать выгоду; вычислял движение солнца и луны, встречал и провожал их; различал духов *зуй* и *шэнь* и почтительно служил им. Его внешний вид был

⁴ Ку 嚳 (2275–2176 гг. до н.э.) – мифический правитель древности, владыка стихии дерева. Имел прозвище Гао Синь 高辛, был правнуком Хуан-ди 黃帝.

⁵ Сюань Сяо 玄杓, или 玄器 – сын Хуан-ди 黃帝.

гармоничным, его добродетель была превосходной, его действия были своевременны, его одежды соответствовали [положению]. Круглый год он вскармливал и оберегал Поднебесную, все, что освещали солнце и луна, все, что обдувал ветер и омывал дождь, изменялось [к лучшему]».

XXIII, 4. Цзай Во сказал: «Позвольте спросить о государе Яо?» Кун-цзы ответил: «Сын Гао Синя, его звали Тао Тан. Его человеколюбие было подобно Небу, его мудрость была подобна мудрости божества, к нему приближались точно к солнцу, на него уповали точно на облако. Он был богатым, но не горделивым. Был уважаемым, но не заносчивым. [При нем] Бо И ведал ритуалом, Лун и Куй⁶ ведали музыкой, ему служил Шунь, [Яо] прилежно наблюдал за сменой четырех времен года, ставил во главу угла заботы народа, сослал [и казнил] четырех злодеев⁷, и вся Поднебесная покорила ему. Его речи были безупречны, его добродетель была неуклонна, в пределах четырех морей, всюду, куда доплывала лодка и доезжала колесница, все радовалось [Яо]».

XXIII, 5. Цзай Во сказал: «Позвольте спросить о государе Шуне?» Кун-цзы ответил: «Внук Цяо Нью, сын Гу Соу, его звали Юй. В четырех сторонах света Шунь был известен сыновней почтительностью и братской любовью, занимался гончарным делом и ловлей рыбы, чтобы служить родителям. Он проявлял снисходительность и был мягким в обращении с людьми, был преданным и обладал острым умом, а также познал время, страшился Неба и любил народ, заботился о далеких и испытывал родственные чувства к близким. Получил мандат Неба, полагаясь на [помощь] Э Хуан и Нью Ин⁸. Совершенномудрый и прозорливый – он стал государем Поднебесной. Еще во времена правления государя Яо [Шунь] назначил двадцать два чиновника на соответствующие должности и показывал личный пример [в деле управления Поднебесной]. Небо было спокойно, а Земля совершенна, раз в пять лет он объезжал с инспекцией все земли в пределах четырех морей. В тридцать лет взошел на трон

⁶ Лун 龙 и Куй 夔 – два легендарных сановника.

⁷ К ним относятся: Гун Гун 共工 – мифическое божество ветров и волн; Хуань Доу 驩兜 – мятежный предводитель, был сослан Шунем на гору Чуншань; саньмяо 三苗 – племя инородцев, которое изгнал Яо; Гунь 鯀 – отец Великого Юя, не смог обуздать потоп и был казнен по повелению Яо на горе Юйшань.

⁸ Э Хуан 娥皇 и Нью Ин 女英 – дочери государя Яо и жены Шуня.

и царствовал пятьдесят лет. Совершая объезд четырех священных пиков⁹, он скончался на поле Цангю и был похоронен на горе Цзюи».

XXIII, 6. Цзай Во сказал: «Позвольте спросить о государе Юе?» Кун-цзы ответил: «Внук Гао Яна, сын Гуня, его звали Ся Хоу. Он проворно исполнял порученное, его добродетель не ведала изъяна, его человеколюбие сближало [людей], его речам верили. Его голос звучал словно музыка, а внешний вид соответствовал мере. Он был старательным и почтительным, являя собой образец и пример. Благодаря своим заслугам он сделался повелителем божеств и духов, благодаря своей милости он стал отцом и матерью для народа. Слева [у Юя] были уровень и отвес, справа – циркуль и угольник. [Юй] не нарушал течение четырех времен года, удерживал в своих руках земли в пределах четырех морей, назначил на должность Гао Яо и Бо И¹⁰, для того, чтобы с их помощью упорядочить [Поднебесную], учредил шесть армий, чтобы покарать непокорных. В четырех пределах все люди подчинялись [Юю]». Кун-цзы [еще] сказал: «[Цзай] Юй¹¹! [Добродетель пяти государей] был велика словно Небо, вкратце ее [можно описать] одной фразой, люди радуются, [слушая о пяти государях]. Я не смог [рассказать тебе обо всем]». Цзай Во ответил: «Я тоже был недостаточно внимателен, чтобы усвоить данное наставление».

XXIII, 7. На следующий день Цзай Во рассказал [услышанное] Цзы Гуну, а тот вновь передал эти слова Кун-цзы. Кун-цзы сказал: «Я судил о человеке по его внешности, но, узнав Мемина, перестал поступать таким образом. Я судил о человеке по его словам, но, узнав Цзай Во, перестал поступать таким образом. Я судил о человеке по его облику, но, узнав Цзы Чжана, перестал поступать таким образом». Услышав об этом, Цзай Во испугался, и не посмел появиться перед Кун-цзы.

⁹ Четыре пика (*фан юэ* 方岳) – символ четырех сторон света, священные горы.

¹⁰ Бо И 伯益 – сподвижник Великого Юя, которого тот планировал назначить своим преемником, до того, как передал престол своему сыну.

¹¹ Цзай Юй 宰予 – другое имя Цзай Во.

Глава XXIV

Пять государей

XXIV, 1. Цзи Кан-цзы спросил Кун-цзы: «Раньше я слышал о пяти государях, но так и не знаю, кто это. Скажите, Учитель, кого называют пятью государями?» Кун-цзы ответил: «Когда-то я тоже спрашивал об этом Лао Даня, и он ответил так: „На Небе есть пять первоэлементов: огонь, вода, металл, дерево и почва. Эти первоэлементы поочередно превращаются, рождаются, и появляются десять тысяч вещей. Духи этих пяти первоэлементов называются пятью государями“. По причине смены эпох и девизов [правления] древние ваны приняли учение о пяти первоэлементах. Пять первоэлементов [знаменуют] смену правителей, конец и начало, взаимопорождение – вот что символизирует сущность пяти первоэлементов. Просвещенные ваны после смерти стали соотноситься с пятью первоэлементами. Поэтому Тай Хао соотносится с деревом, Янь-ди соотносится с огнем, Хуан-ди соотносится с почвой, Шао Хао соотносится с металлом, Чжуань Сюй соотносится с водой». Кан-цзы спросил: «Почему Тай Хао соотносится с деревом?» Кун-цзы ответил: «Движение пяти первоэлементов начинается с дерева. Дерево – это восток. Все десять тысяч вещей появляются отсюда. Этого вана берут за образец, он управлял Поднебесной [, опираясь] на добродетель [первоэлемента] дерева. Далее по ходу порождения первоэлементов они последовательно сменяются». Кан-цзы спросил: «Я слышал, что Гоу Ман¹ является духом [первоэлемента] дерева, Чжу Жун² – духом огня, Жу Шоу³ – духом металла, Сюань Мин⁴ – духом воды, а Хоу Ту⁵ – духом почвы. Поэтому божества пяти первоэлементов находятся в порядке. Так откуда взялись пять государей?» Учитель ответил: «Пять духов представляют собой пять чиновников. Пять первоэлементов помогали утвердить совершенных правителей древности, которых

¹ Гоу Ман 勾芒 – дух дерева.

² Чжу Жун 祝融 – дух огня.

³ Жу Шоу 蓐收 – дух металла.

⁴ Сюань Мин 玄冥 – дух воды.

⁵ Хоу Ту 后土 – дух почвы.

назвали пятью государями. Тай Хао [и остальные государи] соотносятся [с пятью первоэлементами]. Каждому из государей соответствует свой девиз [правления]. В древности у сына Шао Хао было четверо дядьев, которых звали Чун, Гай, Сю и Си. Они управляли [первоэлементами] металла, дерева и воды. Так Чун стал Гоу Маном, Гай – это Жу Шоу, а Сю и Си – это Сюань Мин. Сын Чжуань Сюя по имени Ли – это [дух огня] Чжу Жун. Сына Гун Гуна звали Гоу Лун – это [дух почвы] Хоу Ту. У каждого из этих пяти чиновников были свои обязанности. При жизни они были верховными гунами, по смерти стали духами. Отдельно совершают жертвоприношения духам пяти первоэлементов, отдельно – [пяти] государям». Кан-цзы спросил: «Если все обстоит так, то смена девизов правления ванов соответствует смене добродетелей пяти первоэлементов, и каждая смена обладает преемственностью. Каковы главные события для каждого взаимного изменения?» Кун-цзы ответил: «Эти события превозносят добродетели того или иного вана. Эпоха Ся утверждалась под знаком добродетели первоэлемента металла, ее цвет – черный, главные события совершались вечером, в военных действиях использовали черных коней, поклонения духам совершали, принося в жертву черно-бурых животных. Эпоха Инь утверждалась под знаком добродетели первоэлемента воды, ее цвет – белый, главные события совершались в полдень, в военных действиях использовали белых коней, поклонения духам совершали, принося в жертву белых животных. Эпоха Чжоу утверждалась под знаком добродетели первоэлемента дерева, ее цвет – красный, главные события совершались на восходе солнца, в военных действиях использовали рыжих коней с белым брюхом, поклонения духам совершали, принося в жертву животных рыжей масти. Эти три эпохи были разными». Кан-цзы спросил: «Какие цвета соответствовали государям Яо и Шуню?» Кун-цзы ответил: «Государю Яо соответствовала добродетель первоэлемента огня, его цвет – желтый. Государю Шуню соответствовала добродетель первоэлемента почвы, его цвет – сине-зеленый». Кан-цзы спросил: «Тао Тан⁶, Юй Шунь, Ся Хоу⁷, Инь⁸, Чжоу⁹ – они не являются пятью государями древности? Неужели им не доставало

⁶ Т.е. государь Яо.

⁷ Он же Великий Юй – основатель династии Ся (2070–1600 гг. до н.э.).

⁸ Он же первый правитель эпохи Шан-Инь (1600–1046 гг. до н.э.) – Чэн Тан 成湯.

⁹ Он же Основатель династии Чжоу (1045–221 гг. до н.э.) – У-ван 武王.

добродетели?» Кун-цзы ответил: «В древности тех, кто упорядочивал воду и почву, сеял злаки, было немало, но только Гоу Лун стал божеством почвы; а Ци божеством злаков, им поклонялись во все предшествующие эпохи. Значит, не было никого, кто сравнился бы с этими двумя. От Тай Хао и до Чжуань Сюя не только эти пятеро соотносились с пятью первоэлементами и были ванами, но только этих пятерых именуют пятью государями, так как только их добродетель достигла предела».

Глава XXV

Держать поводья

XXV, 1. Мин-цзы Цянь стал распорядителем по расходам, он спросил Кун-цзы об основах управления. Кун-цзы ответил: «[Управлять] на основании добродетели и закона. Добродетель и закон – инструменты управления народом точно так же, как удила и узда – инструменты управления лошадью. Государь – управляющий, чиновники – удила, ведающий наказаниями – кнут, поэтому государь управляет, держа в руках удила и кнут». Цзы Цянь сказал: «Осмелюсь спросить о принципах управления древних». Кун-цзы ответил: «В древности ближайшим помощником Сына Неба был первый министр, Сын Неба использовал добродетель и закон как удила и узду, использовал чиновников в качестве поводеьев, использовал наказания и штрафы в качестве кнута, а народ использовал в качестве лошади, вот почему на протяжении сотен лет управления Поднебесной не случалось промахов. [В древности Сын Неба] искусно управлял лошадью, натягивал удила и узду, крепко держал поводья и кнут, надлежащим образом [использовал] силу лошади и умиротворял сердце лошади. Поэтому лошадь повиновалась без звука, поводья и кнут не применялись, но [лошадь] проезжала расстояние в тысячу *ли*. [В древности Сын Неба] искусно управлял народом, объединял его посредством добродетели и закона, посредством чиновников управлял народ, надлежащим образом использовал силу народа, умиротворял сердце народа. Поэтому хотя указы не повторялись [много раз], но народ повиновался, наказания не применялись, но Поднебесная была упорядочена. Вот почему Небо и Земля [наделяли Сына Неба] добродетелью, а народ следовал за ним. Небо и Земля [наделяют] его добродетелью, народ следует за ним, так как его управление совершенно, а народ восхищается им. Ныне люди говорят, что пять государей и три вана [древности] были прекрасны и не имели себе равных, были величественны и прозорливы до такой степени, словно они живут в наши дни, почему же? Их законы были прекрасны, их добродетель была всеобъемлюща, вот почему, размышляя об их добродетели, [народ] непременно выражал восхищение, изо дня

в день превозносил их. Об этом узнали на Небе, верховный владыка пришел в восторг и по этой причине [даровал им] долгую жизнь и годы процветания. Тот, кто не умеет управлять народом, отвергает добродетель и закон, самовластно использует наказания. Возьмем для примера управление лошадью: если отбросить удила и узду, самовластно использовать кнут и плеть, то невозможно править. Если не использовать удила и узду, а только кнут и плеть, то лошадь непременно получит увечье, а повозка придет в негодность. Отбросив добродетель и закон, применяя только наказания, народ непременно будет переселяться в другие места, а страна непременно придет в упадок. Если, управляя государством, отбрасывать добродетель и закон, то народ не будет самосовершенствоваться, если народ не самосовершенствуется, то его легко ввести в заблуждение, и Дао будет сокрыто. Верховный владыка полагает, что тем самым идут наперекор Дао Неба. Когда идут наперекор Дао Неба, когда [беспорядочно] применяются наказания и штрафы, когда верхи и низы льстят друг другу и нет никого, кто бы думал о [предстоящей] беде, то в этом причина забвения Дао. Ныне люди, говоря о злодеях, непременно вспоминают тиранов Цзе и Чжоу, почему же? Их законы были неверны, их добродетель не была всеобъемлюща, поэтому в народе ненавидели их жестокость, не было тех, кто не грустил бы, изо дня в день проклиная [тиранов]. Об этом узнали на Небе, верховный владыка не простил такого, ниспослал кару, и бедствия посыпались одно за другим, жизнь [тиранов] истощилась. Поэтому сказано: „Добродетель и закон – корень управления народом“. В древности те, кто управлял Поднебесной, упорядочивали страну при помощи шести советников. Советник-*чжунцзай* совершенствуется в Дао, советник-*сыту*¹ совершенствуется в добродетели, советник-*цзунбо*² совершенствуется в человеколюбии, советник-*сыма*³ совершенствуется в совершенной мудрости, советник-*сыкоу*⁴ совершенствуется в долге, советник-*сыкун*⁵ совершенствуется в ритуале. Шесть советников находятся у власти, словно держат в руках по-

¹ *Сыту* 司徒 – главный блюститель нравов, распорядитель по делам культа и просвещения.

² *Цзунбо* 宗伯 – главный блюститель обрядов, советник по вопросам ритуала, культа.

³ *Сыма* 司马 – начальник войскового приказа.

⁴ *Сыкоу* 司寇 – советник по судебным делам; начальник уголовного приказа.

⁵ *Сыкун* 司空 – управитель общественных работ.

водья, советник-сыкуай⁶ уравнивает всех посредством человеколюбия, словно [держит в руках] поводья пристяжной [лошади]⁷. Поэтому сказано: „Управляющий четверкой лошадей держит в руках шесть поводьев, управляющий Поднебесной выправляет шесть советников“. Вот почему искусный в управлении лошадью самосовершенствуется, собирая воедино поводья, надлежащим образом [использует] силу лошади и умиротворяет сердце лошади, [даже если] идет по извилистой тропе, то все равно попадет туда, куда нужно. Можно выбрать долгий путь, можно мчаться стремглав – так совершенномудрые управляли Небом, Землей и людьми. [В древности] ближайшим помощником Сына Неба был первый министр, шесть советников служили [Сыну Неба] в качестве поводьев, вместе с тремя гунами управлял шестью советниками, надлежащим образом [использовал] „пять учений“, собирал воедино „пять законов“⁸, именно поэтому [люди стремились к нему], и не было таких, кто не желал бы [следовать за ним]. Если руководствоваться Дао, то в стране будет порядок; если руководствоваться добродетелью, то в стране будет мир; если руководствоваться человеколюбием, то в стране будет гармония; если руководствоваться совершенной мудростью, то в стране будет спокойствие; если руководствоваться ритуалом, то в стране будет стабильность; если руководствоваться чувством долга, то в стране будет справедливость. Это – искусство управления. Нет никого, кто не совершал бы ошибок. Тот, кто, совершив ошибку, исправляет ее, тот не совершает ошибок. Если подчиненные не упорядочены, обязанности не ясны, законы и управление не едины, сотни дел теряют опору, то это называется смутой. *Чжунцзай* искореняет смуту. Если поля не засеяны, богатства скудны, народ терпит лишения и нужду, учениям и наставлениям не следуют, нравы и обычаи порочны, народ покидает [эти земли], то это называется опасностью. *Сыту* искореняет опасность. Если между отцом и сыном нет родственной близости, между старшими и младшими нет порядка, между правителем и чиновниками, высшими и низшими существуют разногласия и враждебные намерения, то это называется дисгармонией. *Цзунбо* искореняет дисгармонию. Если достойные и

⁶ *Сыкуай* 司会 – главный казначей.

⁷ Т.е. осуществлял дополнительную помощь.

⁸ «Пять законов» (*у фа* 五法) – пять норм морали: человеколюбие, долг, ритуал, мудрость, верность.

талантливые теряют должности и титулы, те, кто имеют заслуги и достижения, лишаются наград и жалований, конные и пешие воины таят злобу друг на друга, а войско слабое и не пригодное для использования, то это называется беспокойством. *Сыма* искореняет беспокойство. Если наказания и штрафы применяются беспорядочно, пороки и злоба неискоренимы, то это называется несправедливостью. *Сыкоу* искореняет несправедливость. Если не установлено соответствие меры весов, а в процессе исполнения обязанностей утрачен порядок, если центр и окраина не разделены, а богатства и ценности не учтены, то это называется бедностью. *Сыкун* искореняет бедность. Поэтому есть тот, кто, правя лошадей и колесницей, преодолет путь в тысячу *ли*, а есть тот, кто на той же лошади и той же колеснице не преодолеет и сотню *ли*. Вот в чем заключается разница между продвижением вперед и отступлением назад, между быстрым и медленным. Поэтому, руководствуясь одними и теми же законами, есть чиновники, которые достигают умиротворения [Поднебесной], а есть те, кто сеет смуту. В этом также заключается разница между продвижением вперед и отступлением назад, между быстрым и медленным. В древности в двенадцатый месяц года Сын Неба обычно изучал добродетель и выправлял закон для того, чтобы созерцать порядок и смуту. Когда добродетель процветает – [в Поднебесной] порядок. Когда пренебрегают добродетелью – [в Поднебесной] смута. Когда Сын Неба изучает добродетель, то [он понимает], порядок или смута [царит] в Поднебесной, он узнает об этом, находясь на вершине власти. Когда процветает добродетель – законы совершенствуются, когда пренебрегают добродетелью – необходимо приводить в порядок законы и управление, когда они объединяются [с добродетелью] – она становится непоколебима. Поэтому сказано: „В первый месяц весны ван оценивает добродетель и умения своих чиновников“. Кто следует [правлению] на основании добродетели и закона, тот обладает добродетелью. Кто может осуществлять [правление] на основании добродетели и закона, тот обладает [добродетельным] поведением. Кто может с успехом завершать [правление] на основании добродетели и закона, тот обладает заслугами. Кто может упорядочивать [правление] на основании добродетели и закона, тот обладает мудростью. Поэтому Сын Неба оценивал, как его чиновники осуществляют [правление] на основании добродетели и закона, как они приводят в порядок дела и с успехом завершают их. Поэтому

в двенадцатый месяц года выправляют закон, а в первый месяц весны оценивают добродетель чиновников – вот в чем суть управления страной».

XXV, 2. Цзы Ся спросил Кун-цзы: «Я, Шан, слышал, что в „И цзин“ сказано о том, как рождаются человек, десять тысяч вещей, животных, птиц и насекомых. Каждый имеет четное и нечетное число, у каждого своя натура. Обычный человек не ведает своих чувств, только тот, кто постиг Дао и добродетель, тот может познать свою сущность. Небо – единица, Земля – двойка, Человек – тройка, три на три – девять, девять на девять – восемьдесят один. Единица символизирует солнце, число солнца – десять, поэтому человек появляется на свет через десять месяцев. Восемь на девять – семьдесят два, четное число следует за нечетным. Четное число символизирует звезды, звезды – это луна, луна символ лошади, поэтому лошадь появляется на свет через двенадцать месяцев. Семь на девять – шестьдесят три, тройка символизирует созвездие Большой Медведицы, созвездие Большой Медведицы – символ собаки, поэтому собака появляется на свет спустя три месяца. Шесть на девять – пятьдесят четыре, четверка – символ времен года, времена года – символ свиньи, поэтому свинья появляется на свет спустя четыре месяца. Пять на девять – сорок пять, пятерка – символ [пяти] звуков, звуки – символ обезьяны, поэтому обезьяна появляется на свет спустя пять месяцев. Четыре на девять – тридцать шесть, шестерка – символ [шести] ступеней звукоряда, [шесть] ступеней звукоряда – символ оленя, поэтому олень появляется на свет спустя шесть месяцев. Три на девять – двадцать семь, семерка – символ созвездия Син, созвездие Син – символ тигра, поэтому тигр появляется на свет через семь месяцев. Два на девять – восемнадцать, восьмерка – символ ветра, ветер – символ червяка, поэтому червяк появляется на свет спустя восемь месяцев. Остальные животные появляются в соответствии со своим родом. Птицы и рыбы рождаются из темноты, так как принадлежат иньскому началу, птицы и рыбы рождаются из яйца. Рыбы плавают в воде, птицы парят в облаках, поэтому в начале зимы мелкие пташки падают в море и превращаются в мактр⁹. Гусеницы питаются, но не пьют, а цикады – наоборот, жуки-однодневки и не питаются, и не пьют, все десять тысяч вещей различны. Жуки и чешуйчатые питаются

⁹ Мактры (蛎蛤) – семейство морских двустворчатых моллюсков.

летом, а зимой прячутся в землю; животные, которые глотают пищу, не жуя, имеют восемь отверстий¹⁰, они – яйцеродные. Животные, которые пережевывают пищу, имеют девять отверстий¹¹, они – живородящие. У четвероногих нет крыльев и перьев, у длинноногих нет верхних зубов. Безрогие, с неразвитыми передними зубами обладают мощным мясистым телом. Рогатые, с неразвитыми задними зубами имеют [подкожный] жир. Днем рождаются животные, похожие на самцов, ночью – похожие на самок. Вот почему инь – символ самки, а ян – символ самца. Осмелюсь спросить, так ли это?» Кун-цзы ответил: «Так. Некогда я слышал, как об этом говорил Лао Дань». Цзы Ся сказал: «Я, Шан, слышал, что в „Шань шу“¹² сказано: „На земле с востока на запад тянутся линии широты, а с юга на север – линии долготы. Горы накапливают добродетель, а воды накапливают беды. Высокое символизирует жизнь, низкое символизирует смерть. Холм символизирует самца, ущелье символизирует самку. Жемчужные устрицы и жемчужные черепахи с течением времени наполняются и пустеют“. Вот почему люди, выросшие на твердой почве, – стойкие; люди, выросшие на мягкой почве, – податливые; люди, выросшие на высокогорье, – высокие [ростом]; выросшие на песчаной почве – маленькие; выросшие на плодородной почве – красивые; выросшие на истощенной земле – уродливы. Животные, которые питаются водой, хорошо плавают и морозоустойчивы. Животные, которые питаются глиной, не имеют сердца и дыхательной системы. Животные, которые питаются древесиной, сильные, но их нельзя приручить. Животные, которые питаются травой, хорошо бегают, но глупы. Животные, которые питаются тузовыми листьями, могут выделять нить и превращаться в мотыльков. Животные, которые питаются мясом, смелые и решительные, а также норовистые. Животные, которые питаются пневмой-ци, обладают просветленным духом и долголетием. Животные, которые питаются злаками, умные и ловкие. Те, кто не вкушают пищу, – бессмертные духи. Поэтому сказано: „Существует триста шестьдесят видов птиц, самый главный из них – феникс. Существует триста шестьдесят видов зверей, покрытых шерстью, самый главный из них – [ци]линь. Существует

¹⁰ Восемь отверстий (ба цяо 八竅) – глаза, уши, ноздри, рот, половое отверстие.

¹¹ Девять отверстий (цзю цяо 九竅) – глаза, уши, ноздри, рот, половое отверстие и анус.

¹² «Шань шу» 山书 – видимо, утерянный трактат по географии.

триста шестьдесят видов панцирных, самая главная из них – черепаха-гуй. Существует триста шестьдесят видов чешуйчатых, самый главный из них – дракон. Существует триста шестьдесят видов животных, тело которых не покрыто ни шерстью, ни чешуей, самый главный из них – человек“. В этом красота гексаграмм Цянь и Кунь¹³, порядок разных форм и видов. Действия вана непременно должны согласовываться с Дао, в состоянии покоя ван непременно должен следовать порядку, в жизни ван должен почитать Небо и Землю, не вредить своим подопечным, тогда его назовут человеколюбивым и совершенномудрым». Окончив речь, Цзы Ся удалился. Цзы Гун вышел вперед и спросил: «Хорошо ли говорил Шан?» Кун-цзы ответил: «А ты сам как полагаешь?» [Цзы Гун] сказал: «Хотя он и говорил о незначительных вещах, но разве по ним нельзя упорядочивать этот мир?» Кун-цзы ответил: «Верно. Каждый судит об этом по мере своих способностей».

¹³ Цянь и Кунь (乾坤) – две противоположные гексаграммы «И цзин», Небо и Земля, *инь* и *ян*, мужское и женское начало, источник всех перемен.

Глава XXVI

Разъяснения корня судьбы

XXVI, 1. Луский Ай-гун спросил Кун-цзы: «Что такое человеческая судьба и природа?» Кун-цзы ответил: «Обретение [своего] Дао называется судьбой, формирование изначально-единого называется природой, превращения *инь* и *ян*, [их] формирование и проявление называется рождением, [их] истощение и окончание называется смертью. Поэтому судьба – начало природы; смерть – конец жизни. Если есть начало, то непременно есть и конец. Только родившись, человек обладает пятью изъянами: он не может видеть, не может вкушать пищу, не может ходить, не может разговаривать, не может размножаться. Спустя три месяца после рождения, [ребенок] начинает следить глазами [за предметом] и он может видеть; спустя восемь месяцев у него появляются зубы и он может вкушать пищу; спустя три года его челюсти формируются должным образом и он может говорить; спустя шестнадцать лет его семя созревает и он может размножаться. *Инь*, истощаясь, переходит в *ян*, в этом [суть] превращения *инь* и *ян*. *Ян*, истощаясь, переходит в *инь*, в этом [суть] превращения *ян* и *инь*. Так у мальчиков в восемь месяцев начинают резаться зубы, а в восемь лет молочные зубы сменяются на коренные. У девочек в семь месяцев начинают резаться зубы, а в семь лет молочные зубы сменяются на коренные, в четырнадцать лет они готовы рожать детей. То *ян*, то *инь* – в этом соответствие нечетных и четных [чисел], после чего Дао [Неба и Земли] соединяются и завершается [рождение десяти тысяч вещей]. Здесь формируется исток природы и судьбы». Гун спросил: «В шестнадцать лет становятся мужчинами, в четырнадцать лет становятся женщинами, и у них могут рождаться дети. Однако в соответствии с ритуалом мужчина женится в тридцать лет, а женщина выходит замуж в двадцать лет, не слишком ли поздно?» Кун-цзы ответил: «Ритуал говорит о самом позднем возрасте [вступления в брак], который не следует нарушать¹.

¹ С.М. Георгиевский переводит данное словосочетание как «крайний предел для вступления в брак». И объясняет этот отрывок следующим образом: «Принимая во

Мужчина становится совершеннолетним в двадцать лет, с этого времени он может стать отцом. Девушке с пятнадцати лет разрешается выходить замуж, в этом заключается Дао жены. С этого времени можно вступать в брак. Все живое таится в *инь*, и так начинается развитие и рождение. Поэтому совершенномудрые, сообразуясь со временем, устанавливали период вступления в брак. Мужчины исчерпывают небесные (нечетные) числа. К периоду выпадения инея² женщинам надлежит завершить все работы по хозяйству и начинается время приготовления к свадьбе. Когда тает лед и начинается сезон полевых работ, свадебный обряд завершается. Согласно Дао Неба, мужчина является главой десяти тысяч вещей. Он знает, что делать и чего не делать, что говорить и чего не говорить, знает, когда действовать и когда воздерживаться от действий. Знанием называется выправление основ морали и постижение различий [между вещами], в этом заключается способность обычного человека. Женщина следует наставлениям мужчины и укрепляет принципы его наставлений. Поэтому долг [женщины] не действовать самочинно, а осуществлять Дао трех покорностей. В юности подчиняться отцу и старшим братьям, в замужестве – мужу, после смерти мужа – сыну. [Женщине] не разрешается повторно выходить замуж и покидать женскую половину дома. Ее дело – готовить пищу, и только. Находиться за порогом дома, за исключением посещения похорон родственников, – не соответствует долгу. Женщина не действует самочинно, не отправляется по делам в одиночку, сначала тщательно обдумывает, а затем делает, сначала проверяет, а потом говорит, не предается праздности днем, а если передвигается ночью, то всегда освещает себе путь – в этом добродетель обычной женщины». После чего Кун-цзы добавил: «Существует пять препятствий, по которым девушку не берут замуж: несогласие семьи, девушка из развратной семьи, наличие преступников в роду, наличие тяжелобольных в роду, [если девушка] – осиротевшая старшая дочь. Существуют семь причин [для развода с женой] и три случая, [когда нельзя отсылать от себя жену].

внимание сущность примитивных воззрений на загробное бытие души, мы думаем, что в древние времена понятие о „крайнем пределе“ было равносильно понятию о крайней мере терпения предков, готовых излить свой справедливый гнев на неблагодарного и легкомысленного потомка» [Георгиевский 2015: 124–125].

² Выпадение инея или один из 24 сезонов года, с 23 или 24 октября, соотнесен со второй половиной 9-го лунного месяца.

Семь причин – это непослушание родителям [мужа], бездетность, прелюбодеяние, ревность, неизлечимая болезнь, болтливость, воровство. Три случая – это если [жене] некуда возвращаться, если пережил с ней трехлетний траур, если женился бедным, а с женой разбогател. Таким образом, совершенномудрые упорядочили отношения между мужчиной и женщиной, в этом начало почитания супружества».

XXVI, 2. Кун-цзы сказал: «Ритуал подражает пяти первоэлементам, его суть подражает четырем временам года, поэтому похоронный ритуал имеет определенный порядок. Он несет в себе милость и долг, обладает церемониалом и соразмерностью. Если чувство признательности [к умершему] велико, то траурные одежды строго выверены. Поэтому, проявляя чувство признательности по отношению к родителям, носят глубокий траур, он длится три года. Внутри семьи чувство признательности превосходит чувство долга, вне семьи чувство долга превосходит чувство признательности. Отцу служат посредством того, что служат государю, обоих уважают в равной мере. Ценить и уважать [отца], ценить и уважать [государя] – в этом величие долга. Поэтому по государю также носят траур три года – в этом установление долга. [После смерти родителей] спустя три дня можно вкушать пищу, спустя три месяца можно мыться, на тринадцатом месяце совершают жертвоприношение. Горевать во время траура, но не уничтожать тем самым свою природу, ибо нельзя, чтобы мертвые причиняли страдания живым. Траур не может длиться более трех лет, на траурном одеянии из конопли уже некуда ставить заплат, а на могильный холм уже не досыпают земли. В день, когда снимают траурные одежды, играют на цитре без струн, объявляя всем, что [траур] завершен. В этом заключается церемониал. Отцу служат посредством того, что служат матери, обоих любят в равной мере. На небе не бывает двух солнц, в стране не бывает двух государей, в семье не бывает двух хозяев – так [достигают] порядка. Поэтому если отец в добром здравии, а мать почил, то носят траур второй степени, его срок составляет один год – это означает, что [в семье] нет двух хозяев. На похоронах, где нельзя произносить ни слова, сотни людей в сборе, сотни вещей приготовлены, главный распорядитель [скорбит так], что не может встать без помощи других. На похоронах, где можно говорить, главный распорядитель [скорбит так], что встает, опершись на посох. Если лично исполняешь

обязанности распорядителя, то [слезы] и скорбное лицо – это соответствует [ритуалу]. В этом заключается соразмерность. После смерти родителей в течение трех дней не может быть и тени веселья, в течение трех месяцев нельзя предаваться праздности, в течение года [надлежит] горестно стенать, три года печалиться – в этом [постепенное] уменьшение скорби. Совершенномудрые в соответствии с [таким] уменьшением устанавливали церемониал».

Глава XXVII

Суждения о ритуале

XXVII, 1. Кун-цзы жил на покое. Цзы Чжан, Цзы Гун, Янь Ю прислуживали ему и коснулись вопроса о ритуале. Кун-цзы сказал: «Сядьте, я расскажу вам троим о ритуале. Он распространен везде, и нет такого места, где бы его не использовали!» Цзы Гун расстелил бамбуковую циновку и сказал: «Осмелюсь спросить, что же такое ритуал?» Учитель ответил: «Кто [выражает] почтение, но не придерживается ритуала, называется диким; кто [выражает] уважение, но не придерживается ритуала, называется подхалимом; кто поступает храбро, но не придерживается ритуала, называется строптивым». Учитель [еще] сказал: «Лесть сводит на нет милость и человеколюбие». Цзы Гун сказал: «Осмелюсь спросить, как же придерживаться ритуала?» Учитель ответил: «О, ритуал! [Придерживаться] ритуала значит следовать середине». Цзы Гун отступил назад, вперед вышел Янь Ю, он сказал: «Осмелюсь спросить, [посредством] ритуала исправляют дурное и совершенствуют благое, не так ли?» Учитель ответил: «Верно». Цзы Гун спросил: «Каким образом?» Учитель ответил: «Ритуал жертвоприношения Небу и Земле выражает гуманное отношение к духам. Ритуал жертвоприношения в храме предков выражает гуманное отношение к предкам. Ритуал жертвенного подношения пищи выражает гуманное отношение к мертвым. Ритуал стрельбы из лука и пир [для представления государю достойнейших учеников] выражают гуманное отношение к землякам. Ритуал пиршества выражает гуманное отношение к гостям. Если понимать суть жертвоприношения Небу и Земле и жертвоприношения в храме предков, то управлять Поднебесной так же просто, как и управлять пальцами руки. На основании этих ритуалов [устанавливается] ритуал в семье – деление на старших и младших; ритуал в доме – гармония между тремя поколениями; ритуал при государевом дворе – последовательность титулов и рангов; ритуал на охоте – военные навыки [охотников] должны быть безукоризненны; ритуал в армии – совершать боевые подвиги. Устройство дворца государя должно быть систематизировано, треножки и доски для

жертвенного мяса должны быть определенной формы, [ритуальная] утварь должна соответствовать определенному времени года, музыка должна соответствовать определенному ритму, колесница должна иметь переднюю стенку-барьер [для совершения поклона], духам-*гуй* и духам-*шэнь* должно подносить дары, траурный обряд должен выражать скорбь, при обсуждении [вопроса] должно прислушиваться к [мнению] надежных людей, чиновники должны быть выстроены в иерархию, принципы управления должны претворяться в жизнь. Если каждый соединится с [ритуалом], то люди будут вести себя надлежащим образом». Янь Ю отступил назад, вперед вышел Цзы Чжан, он сказал: «Осмелюсь спросить, что называется ритуалом?» Учитель ответил: «Ритуал – то, что приводит в порядок дела. Если у благородного мужа есть какое-то дело, его надлежит упорядочивать. Если управлять страной, не опираясь на ритуал, это подобно тому, как слепому [ходить] без поводыря, разве сможет он достигнуть цели? Или подобно тому, как искать что-либо в темной комнате, если не взять в руки свечу, разве сможешь найти необходимое? Без ритуала руки и ноги не действуют, глаза и уши не видят и не слышат, продвижение вперед и отступление назад, взаимное приветствие [хозяина и гостя] невозможно осуществить. И тогда в семье отсутствует деление на старших и младших; в роду отсутствует гармония между тремя поколениями; при государевом дворе отсутствует последовательность титулов и рангов; на охоте отсутствует тактика; в армии отсутствует военная мощь. [Когда ритуал забыт], устройство дворца государя теряет стройность, треножки и доски для жертвенного мяса теряют нужную форму, [ритуальная] утварь не соответствует определенному времени года, музыка не соответствует определенному ритму, колесница не имеет переднюю стенку-барьер [для совершения поклона], духам-*гуй* и духам-*шэнь* не подносят дары, траурный обряд не выражает скорбь, при обсуждении [вопроса государь] не прислушивается к [мнению] надежных людей, чиновники лишаются своей иерархии, принципы управления не претворяются в жизнь. Если каждый отступает от [ритуала], то люди теряют способность вести себя надлежащим образом. Тогда невозможно устраивать жертвоприношения предкам в пределах четырех морей». Учитель [еще] сказал: «Вы трое, слушайте внимательно! Я поговорю с вами. Существует девять видов ритуала, из них четыре касаются большого жертвоприношения, [совершаемого государем

в честь предков]. Если знать их и действовать, то даже тот, кто пребывает среди арыков и полей, станет совершенномудрым. Когда встречаются два правителя, они обмениваются взаимными приветствиями, при их входе в ворота начинает звучать музыка, взаимно поприветствовав друг друга, они поднимаются в зал, тогда музыка смолкает. [В это время] в нижнем [зале] звучит музыка и исполняется танец „Сян“¹, а после – танец „[Да] Ся“², расставляют ритуальные сосуды *бянь* и *доу*, чашу для жертвоприношения, при помощи распорядителей выстраивают последовательность ритуала и музыки. Так благородный муж узнает о человеколюбии. Когда идут вперед, то придерживаются правила, когда движутся по кругу, то придерживаются стандарта. Колокольчики на упряжи и экипаже вторят звукам марша, гости выходят [из зала] под мелодию „Юн“³, когда [слуги] уносят [посуду], звучит мелодия „Чжэнь юй“⁴. Поэтому для благородного мужа нет ничего, чего бы не было в ритуале. Когда [гость] входит в дом, слышатся удары гонга – этим выражается симпатия, когда [государь] поднимается в зал после совершения жертвоприношения, звучит песнь [„Ши цзина“] „Цин мяо“ („Храм предков“) – этим выражается добродетель, [когда] в нижнем зале звучит музыка и исполняется танец „Сян“ – этим выражается суть жертвоприношения. Благородные мужи древности при встрече не обязательно разговаривали друг с другом, но выражали [почтение] посредством ритуала и музыки. Ритуал – это порядок, музыка – это мера. Без порядка не действуй, без меры не делай. Если не понимаешь „Ши цзин“, то искажаешь ритуал; если не понимаешь музыку, то ритуал становится бессмысленным; если не обладаешь добродетелью, то ритуал пуст». Цзы Гун встал и спросил: «В таком случае Куй глубоко понимал [ритуал]?» Учитель ответил: «А разве он не был человеком древности? [Куй] был человеком глубокой древности. Кто постиг ритуал, но не постиг музыку – простак. Кто постиг музыку, но не постиг ритуал – однок. Куй постиг музыку, но не постиг ритуал, поэтому традиция повествует только об этом. [Куй] был человеком древности. Всякий порядок таится в ритуале, культура таится в ритуале, но их осуществление зависит от челове-

¹ Сян 象 – триумфальная музыка и военная пляска, созданная У-ваном 武王.

² Да Ся 大夏 – танец, созданный сяским Юем 夏禹.

³ Юн 雍 – музыка, звучащая в конце трапезы.

⁴ Чжэнь юй 振羽 – название древней мелодии, досл. «Взмах крыльев».

ка». Услышав эти речи Учителя, все трое учеников просияли от восторга.

XXVII, 2. Цзы Ся прислуживал Кун-цзы и спросил: «Осмелюсь спросить, в „Ши цзин“ сказано: „Да радостен пребудет благородный муж! [Он] – отец и мать для народа“⁵. Кого можно назвать отцом и матерью народа?» Кун-цзы ответил: «Такой человек должен непременно постичь исток ритуала и музыки, достигнуть пяти совершенств и осуществлять три небывалые вещи. [Не важно], откуда придет беда, он непременно заранее знает об этом – вот кого называют отцом и матерью народа». Цзы Ся спросил: «Что называется пятью совершенствами?» Кун-цзы ответил: «Достигнув совершенства воли – достигаешь совершенства в стихах, достигая совершенства в стихах – достигаешь совершенства в ритуале, достигая совершенства в ритуале – достигаешь совершенства в музыке, достигая совершенства в музыке – достигаешь совершенства в скорби. Стихи и ритуал взаимно дополняют друг друга, скорбь и музыка взаимно порождают друг друга, но, даже обладая острым зрением, не увидеть этого; даже наострив уши, не услышать этого. Воля и дух охраняют Небо и Землю, их движение наполняет всю Поднебесную. Вот что называется пятью совершенствами». Цзы Ся спросил: «Что называется тремя небывалыми вещами?» Кун-цзы ответил: «Музыка без звуков, ритуал без формы, траур без траурного платья – вот что называется тремя небывалыми вещами». Цзы Ся спросил: «Какие стихи близки трем небывалым вещам?» Кун-цзы ответил: «„День и ночь он укреплял свой мандат, великодушный и спокойный“⁶ – вот музыка без звуков. „Манеры величавы, изысканны и безупречны“⁷ – вот ритуал без формы. „Когда у людей траур, им помогают⁸ из всех сил“⁹ – вот траур без траурного платья». Цзы Ся воскликнул: «Эти слова прекрасны и значительны! К ним больше нечего добавить!» Кун-цзы сказал: «Как же нечего добавить? Я поведаю тебе, что эти слова несут в себе пять дел». Цзы Ся спросил: «Каких же?» Кун-цзы ответил: «Музыка без звуков – это следствие совершенства воли.

⁵ «Ши цзин» II, II, 3 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 164].

⁶ «Ши цзин» IV, I, 6 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 324].

⁷ «Ши цзин» I, III, 1 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 32].

⁸ В тексте «Ши цзин» стоят иероглифы 匍匐 *пуфу* (ползать, падать ниц), в «Кун-цзы цзя юй» они заменены на схожие по звучанию 匍匐 *фуфу* (ползать на четвереньках, помогать).

⁹ «Ши цзин» I, III, 10 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 42].

Ритуал без формы – это величавость и неторопливость в поведении. Траур без траурного платья – это сочувствие и великая скорбь. Музыка без звуков – это то, к чему все стремятся, и то, чему непременно подчиняются. Ритуал без формы – это гармония высших и низших. Траур без траурного платья – благодеяние для всей Поднебесной. А уж если, почитая трех бескорыстных, трудишься на благо Поднебесной, то это и называется пятью делами». Цзы Ся спросил: «Что называется тремя бескорыстными?» Кун-цзы ответил: «Небо бескорыстно покрывает всех, Земля порождает всех, Солнце и Луна бескорыстно освещают всех. В „Ши цзин“ сказано: „Судьбы [дарованной] Первопредком, не избежать, это касается и [Чэн] Тана. Тан появился на свет в нужное время, день изо дня совершенствовал мудрость и почтительность. Он неторопливо выражал свое почтение духам, и Первопредком назначил его образцом девяти областей»¹⁰. В этом добродетель Тана». Цзы Ся стремительно поднялся, прислонился к стене, [как полагалось после речи старшего], и, выпрямившись, произнес: «Разве я могу пренебречь [вашим наставлением]?»

¹⁰ «Ши цзин» IV, V, 4 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 354].

Созерцать пиршество и стрельбу из лука

XXVIII, 1. Созерцая соревнования по стрельбе из лука, Кун-цзы со вздохом произнес: «Согласно ритуалу, во время стрельбы из лука звучит музыка. Как же может стрелок одновременно и выпускать стрелу, и слушать музыку? Самосовершенствоваться и выпускать [стрелу], попадая в цель, – на это способен только достойный человек. Что же касается дурного человека, разве может он [попасть в цель] и тем самым отказаться от вина? В „Ши цзин“ сказано: „Я пускаю стрелу [в цель], и молитесь, чтобы вы [осушили штрафной] кубок вина!“¹. Молить – значит стремиться. То есть стремиться попасть в цель и тем самым вежливо отказаться от вина. Вином чествуют старейшины и лечат больных. Стремиться попасть в цель и отказываться от штрафного кубка вина означает отказ от иждивения. Поэтому, если служилому-*ши* велят стрелять из лука, а он отказывается, то это бывает по причине болезни или же в знак рождения сына»². После чего [Кун-цзы] отошел назад и вместе с учениками начал практиковаться в стрельбе из лука в саду местности Цзюэсян³, зрители окружили их плотной стеной. Когда очередь дошла до Цзы Лу, [Кун-цзы] велел ему взять в руки лук и стрелы и выйти вперед. Он предложил [зрителям] вступить в состязание с [Цзы Лу], сказав: «Полководец разбитого войска, *дафу*, потерявший свои земли, сын младшей жены, который стал главой клана, – таким здесь не место! Остальных – милости просим!» Половина [учеников] удалилась. [Кун-цзы] велел Гунван Чжицю и Сюй Дяню⁴ поднять винный кубок-*чжи* и произнести: «Есть ли среди вас молодые люди, обладаю-

¹ Проигравший в стрельбе из лука, согласно «Ши цзин» II, VII, 6, выпивал штрафную чарку вина [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 235].

² В древности был обычай вешать лук с тетивой у ворот дома в знак рождения сына.

³ Цзюэсян 夔相 – название местности на территории нынешней пров. Шаньдун.

⁴ Гунван Чжицю 公岡之裘 и Сюй Дянь 序点 – видимо, имена людей из царства Лу.

щие сыновней почтительностью и любовью к старшим братьям, или же старцы, любящие ритуал? Есть ли те, кто не следует вульгарным нравам, но без устали занимается самосовершенствованием?» Половина [учеников] удалилась. Сюй Дянь вновь поднял кубок и воскликнул: «Пусть здесь останутся те, которые непрестанно любят учиться, неизменно любят ритуал, которые в старости будут следовать Дао и не вносить смуту». Осталось несколько человек. Отправив стрелу [в цель], Цзы Лу вышел вперед и спросил: «Мне, Ю, и оставшимся ученикам надлежит быть воеводами-*сыма*, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Так тому и быть».

XXVIII, 2. Кун-цзы сказал: «Созерцая ритуал пиршества, я познал, что добродетельное правление легко [осуществить]. Хозяин сам приглашает [важных] гостей [войти] и помогает им, а рядовые гости следуют за ними. Дойдя до главного входа, хозяин кланяется [важным] гостям и помогает им, а обычные гости заходят сами. В этом смысл различия между благородным и худородным. Перед лестницей в главный зал [хозяин и гости] трижды кланяются со сложенными руками. Три раза они уступают друг другу место, прежде чем подняться по лестнице. [Войдя в зал] хозяин еще раз благодарит [важных] гостей, когда каждый занял свое место, [хозяин] подносит [важным] гостям вино и угощает их, сначала пьет сам, затем гости выпивают ответный кубок. Ритуал вежливого отказа [от вина] чрезвычайно сложен. Церемоний представления гостей гораздо меньше. Что же касается рядовых гостей, они заходят [в зал], принимают кубки с вином, благодарят [хозяина] сидя, а пьют стоя, не провозглашают ответный тост [за хозяина]. В этом заключается разница между процветанием и оскудением. Певчие и музыканты заходят в зал, сначала они исполняют три песни, [после чего] хозяин преподносит музыкантам вино. Затем входят музыканты, играющие на губных органчиках-*шэн*, они исполняют три мелодии, и хозяин преподносит им вино. После чего все музыканты вместе исполняют еще три песни, они играют и поют, и музыка замолкает. Солист объявляет: „Выступление окончено!“ После чего музыканты удаляются. Когда хозяин поднимает кубок, встает блюститель ритуала. Так все узнают, что [можно] вторить музыке, но нельзя быть разнузданными. Гости сначала выпивают сами, затем наполняют кубок хозяина. Хозяин выпивает и наливает кубок в ответ, пьют в соответствии с возрастом и рангом, и так вплоть до того, кто ополаскивает чаши после

пира. Так узнают, что всем без исключения [надлежит] всегда уважать старших. Спустившись вниз, [гости] снимают обувь, затем вновь поднимаются в [зал] и осушают [винные] кубки без счету. В [длительности] питья вина есть ограничения, утром нельзя пить позднее, чем [начинается] утренняя аудиенция у правителя, вечером нельзя пить позднее, чем [начинается] вечерняя аудиенция у правителя. Когда гости начинают расходиться, хозяин отправляется провожать их. Ритуал продуман от начала до конца, в нем нет ошибки. Так все узнают: [должно] быть спокойным и ласковым, [должно] не сеять смуту, [должно] различать благородных и худородных, разницу между процветанием и оскудением, [должно] вторить музыке, но не быть разнузданным, [должно] всегда уважать старших, быть спокойным и ласковым, [должно] не сеять смуту. По этим пяти [принципам] совершенствуют себя и умиротворяют страну. Если страна умиротворена, то и вся Поднебесная умиротворена. Поэтому сказано: „Созерцая ритуал пиршества, я познал, что добродетельное правление легко [осуществить]“».

XXVIII, 3. Цзы Гун созерцал ритуал благодарственного жертвоприношения, совершаемый в конце года. Кун-цзы спросил: «Цы, ты радостен?» [Цзы Гун] ответил: «Все люди словно сошли с ума, откуда же мне знать, что такое радость?» Кун-цзы ответил: «Сто дней для работы, один день для радости, один день для благодеяния, разве ты не знаешь этого? Натягивать [тетиву] и не ослаблять – это было не под силу даже Вэнь-вану и У-вану; ослаблять, но не натягивать – этого Вэнь-ван и У-ван не могли сделать; сначала натянуть, а потом ослабить – вот Дао Вэнь-вана и У-вана».

Глава XXIX

Спрашивать о загородном жертвоприношении Небу

XXIX, 1. [Луский] Дин-гун спросил Кун-цзы: «В древности ваны непременно поминали своих предков наравне с Небом, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Корень десяти тысяч вещей – Небо, корни человека – его предки. Совершать жертвоприношение Небу – это [значит] вернуться к истокам, быть в согласии с самим Первопредком-ди. Небо ниспосылает образы, совершенномудрый следует им, а потому жертвоприношение Небу и Земле просветляет Небесное Дао!» Гун спросил: «Я слышал, что загородное жертвоприношение совершается по-разному, почему же?» Кун-цзы ответил: «Жертвоприношение [Небу] совершается в период зимнего солнцестояния. Воздают должное главному духу Неба – солнцу, солнце сочетается с луной. Поэтому с начала эпохи Чжоу совершали такие жертвоприношения в период зимнего солнцестояния, в первый день под знаком *синь*¹. До времени „пробуждения от спячки“ [люди] молят Первопредка об [обильном] урожае. В этих двух видах поклонения Небу заключается ритуал Сына Неба. В нашем царстве Лу не принято торжественно праздновать период зимнего солнцестояния, [луские ритуалы] уступают [в величии ритуалам царства Чжоу, которые совершает] Сын Неба, поэтому между ними и существует различие». Гун спросил: «Почему этот ритуал называется загородным жертвоприношением?» Кун-цзы ответил: «Он совершается в южном предместье, так как это янская сторона. Предмесье находится не в столице, поэтому [жертвоприношение] называется загородным». [Гун] спросил: «Какую ритуальную утварь и жертвенных животных [используют]?» Кун-цзы ответил: «Жертвенных животных для поднесения Шан-ди следует держать в стойле для откорма три месяца. Для поднесения Хоу Цзи жертвенные животные должны иметь превосходный окрас и быть физически развитыми. В этом разница между жертвоприношением небесным духам-*шэнь* и человеческим духам-*гуй*. Жертвенное

¹ *Синь* 辛 – 8-й циклический знак десятиричного цикла.

животное должно быть огненно-рыжей масти, а ритуальная утварь алого цвета; приносят в жертву теленка, так как он [символизирует] благородство и искренность. Подметают землю и совершают жертвоприношение, так как ценят природные свойства [Земли]. Используют утварь из глины и тыквы, подражая природе Неба и Земли. Среди десяти тысяч вещей нет ничего, что соответствовало бы [Небу и Земле], поэтому следуют их естественной сути». Гун сказал: «Осмелюсь узнать о ритуале загородного жертвоприношения, совершаемого Сыном Неба». Кун-цзы ответил: «Я слышал, что Сын Неба гадает для того, чтобы выбрать день для совершения загородного жертвоприношения. В храме предков он обжигает панцирь черепахи [и созерцает трещины на нем, чтобы получить согласие или несогласие на жертвоприношение]. Так выражают почтение к предкам и уважение к покойному отцу. В день гадания ван лично устанавливает *цзэгун*², чтобы услышать повеление [Неба], вот в чем смысл получения наставлений и увещаний. Закончив гадание, оглашают полученное [от Неба] повеление [во дворе] третьих ворот государевого дворца для того, чтобы предостеречь чиновников [от необдуманных поступков]. В день перед жертвоприношением Сын Неба надевает шлем из белой оленьей кожи и слушает доклад [чиновников о подготовке к ритуалу], тем самым выражается благоговение народа перед высшими. В день жертвоприношения хоронящие умершего не должны рыдать, носящие траур не должны появляться в столице. Когда подметают территорию и расчищают дороги, по ним запрещено ходить. Хотя нет такого указа, но народ все равно повинуется – вот высшая степень уважения. Сын Неба надевает царскую парадную шубу, расшитую черно-белыми узорами, тем самым подражает Небу; садится в простую [деревянную] колесницу, он ценит природные качества [дерева]. [Слуги] несут двенадцать знамен, украшенных бахромой и узорами в виде драконов, солнца и луны, тем самым [государь] берет пример с Неба. Дойдя до жертвенника Небу, ван снимает шубу, снимает парадное облачение с драконами и совершает жертвоприношение на костре, на голове вана – тиара с двенадцатью нитями жемчуга. Число двенадцать – подражание Небу. Я слышал, что пусть даже декламируешь [наизусть] триста песен „Ши [цзина]“ – этого недостаточно для совершения одного подно-

² *Цзэгун* 泽宫 – место для предварительной стрельбы из лука и отбора государем служилых для вторых стрельб.

шения; [если знаешь, как] совершать одно подношение – этого недостаточно для совершения большого жертвоприношения; [если знаешь, как] совершать большое жертвоприношение – этого недостаточно для совершения жертвоприношения Шан-ди. Вот почему благородный муж не смеет пренебрегать установленными [правилами] ритуала».

Разъяснения пяти видов наказаний

XXX, 1. Жань Ю спросил Кун-цзы: «В древности три владыки и пять государей не использовали пять видов наказаний, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Совершенномудрые охраняли [добродетель], ценили отсутствие преступлений. Не придерживались правления на основании пяти видов наказаний, так как осуществляли идеальное правление. Блуд, воровство, беззаконие и противоправные действия обычного человека происходят из-за недостаточности. Недостаточность происходит из-за отсутствия меры, нет меры – тогда низший ворует, а высший расточает, и тот, и другой не знают правил. Поэтому, когда высшие придерживаются меры, народ знает запреты. Если народ знает запреты, то не совершает преступлений. Хотя выносили приговоры по блуду, воровству, беззаконию и противоправным действиям, но народ не подвергали наказанию. Отсутствие сыновней почтительности происходит из-за отсутствия человеколюбия. Отсутствие человеколюбия происходит из-за [недолжного соблюдения] ритуала жертвоприношения покойному. Разъяснение [сути] ритуала жертвоприношения покойному есть обучение человеколюбию и милосердию. Кто осуществляет человеколюбие и милосердие, тот, нося траур, вспоминает [об умерших] с уважением и любовью. Ритуал жертвоприношения покойному – это Дао того, как человеколюбивый сын неустанно поддерживает родителей. Когда ритуал жертвоприношения покойному разъяснен, то народ следует сыновней почтительности. Хотя выносили приговоры по действиям, которые не соответствовали сыновней почтительности, но народ не подвергали наказанию. Убийство высших происходит из-за отсутствия чувства долга. Долг разделяет благородных и худородных, выявляет уважаемых и презренных. Когда разделяют благородных и худородных, а между уважаемыми и презренными существует иерархия, то народ почитает высших и уважает старших. Ритуал аудиенции [для *чжухоу*] разъясняет сущность долга. Когда долг разъяснен, то народ не со-

вершает преступлений. Вот почему, хотя выносили приговоры по убийству высших, народ не подвергали наказанию. Драки и бунты происходят из-за взаимных нападков. Взаимные нападки происходят из-за того, что нет иерархии между старшими и младшими, утеряна ритуальная уступчивость. Ритуал пиршества выявляет иерархию между старшими и младшими, возрождает ритуальную уступчивость. Среди старших и младших непременно должна быть иерархия, тогда народ делает ритуальную уступчивость. Вот почему хотя выносили приговоры по дракам и бунтам, но народ не подвергали наказанию. Разврат и смута происходят из-за отсутствия различия между мужчинами и женщинами. Отсутствие различия между мужчинами и женщинами происходит из-за того, что супруги не следуют долгу. Свадебный ритуал и ритуал поднесения стоворных даров [родителям невесты устанавливают] различие между мужчинами и женщинами, выявляют чувство долга между супругами. Когда между мужчинами и женщинами существует различие, когда между супругами существует чувство долга, то хотя выносили приговоры по разврату и смуте, но народ не подвергали наказанию. Эти пять ситуаций несут в себе причины для наказаний и штрафов, каждая имеет свой исток. Если заранее не уничтожить этот исток, если при любом удобном случае применять наказания, то народ попадет в ловушку и погрязнет [во зле]. Исток наказаний и штрафов происходит из неумеренности плотских страстей. Ритуал и мера управляют плотскими страстями народа, выявляют благо и зло, следуют Небесному Дао. Если ритуал и мера утверждены, пять видов морали совершенны, но народ не меняется [к лучшему], то следует разъяснить народу свод законов, чтобы улучшить положение. Когда выносили приговоры по блуду, воровству, беззаконию и противоправным действиям, то предписывали ограничивать и придерживаться меры. Когда выносили приговоры по действиям, которые не соответствовали сыновней почтительности, то предписывали совершенствовать ритуал жертвоприношения покойному. Когда выносили приговоры по убийству высших, то предписывали совершенствовать ритуал аудиенции у государя. Когда выносили приговоры по дракам и бунтам, то предписывали совершенствовать ритуал пиршества. Когда выносили приговоры по разврату и смуте, то предписывали совершенствовать свадебный ритуал и ритуал поднесения стоворных даров. Таким образом три владыки и пять государей преобразовывали народ.

Хотя применяли пять наказаний, но разве это было нужно?» Кун-цзы [еще] сказал: «Существует пять видов тяжких преступлений, наименее тяжкое из них – убийство. Кто идет против Неба и Земли, понесет наказание в пяти поколениях. Кто клеветает на Вэнь-вана и У-вана, понесет наказание в четырех поколениях. Кто идет против человеческих законов морали, понесет наказание в трех поколениях. Кто не почитает духов-*гуй* и духов-*шэнь*, понесет наказание в двух поколениях. Кто убил человека, понесет наказание сам. Поэтому сказано: „Существует пять видов тяжких преступлений, наименее тяжкое из них – убийство“».

XXX, 2. Жань Ю спросил Кун-цзы: «Ваны прежних эпох устанавливали законы и повелевали, чтобы наказания не применялись к лицам рангом *дафу* и выше, ритуал же не распространялся на простолюдинов и ниже. В таком случае если *дафу* совершал преступление, то его не наказывали. Жизнь простолюдина не регулировалась нормами ритуала. Не так ли?» Кун-цзы ответил: «Нет. Всякий, кто упорядочивает благородных мужей, управляет их сердцами посредством ритуала, наставляет посредством норм бескорыстия и стыдливости. В древности если *дафу* обвиняли в продажности, то его выгоняли со службы и отправляли в ссылку. Но не говорили, что выгоняют со службы и отправляют в ссылку из-за продажности, а говорили: „Короб для жертвенного зерна не в порядке“. Если обвиняли в блуде, то, значит, отсутствовало различие между мужчинами и женщинами. Но не говорили, что блуд – [последствие] отсутствия различия между мужчинами и женщинами, а говорили: „Разорвались занавес и полог“. Если обвиняли в обмане высшего и в отсутствии преданности, то не говорили об обмане высшего и отсутствии преданности, а говорили: „Моральные устои чиновника неочевидны“. Если обвиняли в слабости и неспособности вести дела, то не говорили о слабости и неспособности вести дела, а говорили: „Подчиненные не [знают своих] обязанностей“. Если обвиняли в нарушении устоев страны, то не говорили о нарушении устоев страны, а говорили: „Ведет дела, не спросив совета“. В этих пяти ситуациях, если вина *дафу* доказана, но он не в состоянии прямо признать ее, стоит воздерживаться от упоминания [о проступках], потому как это стыд [для *дафу*]. Преступления *дафу* также караются пятью наказаниями, узнав о таких преступлениях, их стоит порицать и разоблачать. Чтобы признать свою вину [*дафу*] надевал белую шапку с завязками из

хвостов животных, наполнял плоску водой и клал поверх нее меч, и тогда государь велел своим слугам не связывать *дафу* [веревками] и не заковывать его [в кандалы]. В случае тяжкого преступления [*дафу*], слушая приговор государя, должен стоять лицом к северу, [затем] дважды поклониться, встать на колени и покончить с собой. Государь же не велит своим слугам хватать силой и казнить [*дафу*]. [Государь] произносит: „*Дафу*, вы сами навлекли на себя это! Я жду, что вы поступите согласно ритуалу!“ Хотя и сказано, что наказания не применялись к лицам рангом *дафу* и выше, но *дафу* не миновать их, в этом заключалось обучение. Когда говорят, что ритуал не распространялся на простолюдинов и ниже, [это означает, что] простой люд загружен работой и не в состоянии в полной мере руководствоваться ритуалом, поэтому простолюдинов не укоряют в несовершенном исполнении ритуала». Жань Ю встал с места и воскликнул: «Ваши слова прекрасны! Я, Цю, еще не слышал такого!» Удалившись, [Жань Ю] записал [речь Учителя].

Наказания и принципы управления

XXXI, 1. Чжун Гун спросил Кун-цзы: «Я, Юн, слышал, что если наказания доведены до крайности, то нет места принципам управления, а если принципы управления доведены до совершенства, то нет места наказаниям. Наказания доведены до крайности, и нет места принципам управления – так было во времена [тиранов] Цзе и Чжоу. Принципы управления доведены до совершенства, и нет места наказаниям – так было во времена Чэн-вана и Кан-вана, верно?» Кун-цзы ответил: «Когда управляет и преобразовывает совершенномудрый, он непременно совмещает принципы управления и наказания. Во времена Великой древности обучали народ с помощью добродетели, уравнивали с помощью ритуала, ныне же руководят народом с помощью указов, пресекают [преступления] с помощью наказаний, карают тех, кто не соблюдает закон. Если за преобразованиями не следуют изменения, если за руководством не следует послушание, если нарушают долг и тем самым развращают нравы, то тогда применяют наказания. Используя пять наказаний необходимо следовать законам Неба, применяя наказания и штрафы, даже за мелкое преступление нельзя давать амнистию. Наказывать – значит принимать форму; принимать форму – значит успешно завершаться. Единожды успешно завершить и больше не изменять, поэтому благородный муж отдает все силы [для вынесения верного решения]». Чжун Гун спросил: «В древности, когда решали судебные дела, вынося решение, не опирались только лишь на собственное мнение. Осмелюсь спросить об этом». Кун-цзы ответил: «Всякий, слушающий тяжбу о пяти наказаниях, непременно должен вникнуть в суть отношений отца и сына, выносить решение на основании долга между правителем и чиновником; обдумывать и изучать последовательность от мелкого до тяжкого [преступления], осмотрительно измерять глубину [вины подозреваемого], чтобы отличить [правду от лжи], в полной мере [использовать] свой ум, выправлять свою преданность и любовь для того, чтобы отдать все без остатка. Советник-сыкоу

выправляет систему наказаний, выявляет установления, с тем чтобы рассматривать судебные дела. Судебное дело надлежит тщательно обдумывать. Зная мотивы [преступления], не проверить их, все равно что не определить вину. Наказывать с наименьшей строгостью, амнистировать с наибольшей строгостью. В сомнительных случаях решать дело сообща, если колеблешься, то [подсудимого] стоит помиловать, всякое [судебное дело] успешно завершается, если сообразуешься с тяжестью [преступления]. Вот почему, когда при дворе кому-либо жалуют титул, то совершают это в присутствии всех чиновников; когда казнят кого-либо на рыночной площади, то [тело преступника] выставляют на всеобщее [обозрение]. В древности в семьях *гун*ов [и *цин*ов] не содержали преступников, в семьях *дафу* не возвращали преступников. Служилые-*ши*, повстречавшись на дороге с преступником, не заговаривали с ним. От преступника отгораживались со всех сторон, и где бы он ни был, не [допускали] его до управления, [выражая тем самым] нежелание, чтобы он жил [в обществе]». Чжун Гун спросил: «Рассматривая судебное дело, кто из чиновников выносит приговор?» Кун-цзы ответил: «Дело решает чиновник, ведающий судебными тяжбами, он излагает суть вопроса вышестоящему. Вышестоящий выслушивает и излагает суть дела советнику-*сыкоу*. Советник-*сыкоу* выслушивает и отправляется с докладом к вану. Ван велит трем *гун*ам, [деяти] *цин*ам и служилым-*ши* содействовать в решении [дела], заседа в палате уголовных дел. После чего конечный результат и сомнительные места [в деле] докладывают вану. Ван [решает, можно ли применить] три прощения¹, затем, согласно приговору, наказание приводят в исполнение. Вот в чем важность». Чжун Гун спросил: «Какие есть запреты в уголовном уложении?» Кун-цзы ответил: «Лживое красноречие нарушает [уголовное] уложение, фальшивые имя и фамилия незаконно изменяют дело. Следовать неправедному Дао и нарушать принципы управления – это карается смертной казнью. Создавать безнравственную музыку и шить одежды, не соответствующие [ритуалу], делать развратные вещицы, чтобы смущать человеческое сердце, – это карается смертной казнью. Быть неискренним в своих действиях и упорствовать; обманывать и прикрывать неправоту; учиться ложному и распространять; следовать ложному и приукрашивать, чтобы

¹ Три [случая] прощения [преступлений] (*сань ю* 三宥): совершенных по незнанию, по ошибке, по забывчивости.

сбивать народ с толку, – это карается смертной казнью. Использовать духов, благоприятные и [неблагоприятные] дни, гадания, чтобы зарожда́ть сомнение, – это карается смертной казнью. Совершивший какое-либо из этих четырех злодеяний не подвергается судебному разбирательству». Чжун Гун спросил: «Это все запреты, и только?» Кун-цзы ответил: «Это самые безотлагательные. Прочих запретов – четырнадцать. На торговой площади запрещено продавать: жалованную одежду и жалованные колесницы; сделанные из яшмы скипетр и малый скипетр, регалии *би*² и *цун*³, ритуальную утварь из храма предков; боевые знамена и военные стяги; жертвенных животных и жертвенное вино из черного проса; оружие и доспехи, которые использовались в военных действиях; предметы обихода, которые не соответствуют мере; шелковые и льняные ткани, которые по качеству и длине не соответствуют норме; а также ткани непристойных цветов; узорную парчу и изделия, украшенные драгоценными камнями, или изделия с излишне вычурной резьбой; одежду, еду и питье; незрелые фрукты; пять видов топлива⁴; птиц и зверей, рыб и черепах, которых запрещено убивать [на охоте]. Эти запреты необходимы для того, чтобы уравнивать людей. Нарушение установленных запретов не прощается».

² *Би 璧* – кольцеобразная яшмовая регалия, клейнод; плоское кольцо из яшмы.

³ *Цун 琮* – восьмигранная яшмовая регалия с круглым канальцем в середине.

⁴ Пять видов топлива (*у му 五木*) – уголь, дрова, бамбук, солома, волокно.

Движение ритуала¹

XXXII, 1. Когда Кун-цзы исполнял должность советника-сыкоу, он принимал участие в благодарственном жертвоприношении в конце года. Вот собрались все гости, [Кун-цзы] взошел на помост и тяжело вздохнул. Янь Янь², который прислуживал ему, спросил: «Учитель! Почему вы вздыхаете?» Кун-цзы ответил: «В древности действовало Великое Дао, благоденствовали герои трех эпох³, я не застал это время, но о нем существуют записи. Когда действовало Великое Дао, Поднебесная была общей, выбирали достойных и талантливых, заботились о верных и делали добро ближним. Вот почему родными человеку были не только его родственники, а детьми не только его дети. Старцы [спокойно] доживали свой век, людей в расцвете сил использовали [согласно способностям], вдовцы и вдовы, сирые и убогие имели пропитание. Не разрешалось бросать материальные блага на землю, но и не разрешалось копить их [без меры]. Порицалось не давать реализации своим силам, но и не разрешалось стремиться только к личной [выгоде]. Вот почему были сокрыты и не возникали коварные замыслы, не совершались грабежи и кражи, смуты и беспорядки, не запирались наружные двери дома. Это называлось Великим единением. Ныне Великое Дао сокрыто, Поднебесная [принадлежит] отдельным семьям, у каждого [человека] свои родственники и свои дети. Материальные блага и силы [копят] только для себя. У высокопоставленных лиц передача по наследству [материальных благ] стала нормой, начали укреплять городские стены и валы, каналы и рвы. Юй, Тан, Вэнь-ван, У-ван, Чэн-ван и Чжоу-гун были избраны таким образом, каждый из них строго придерживался ритуала. Ритуал был учрежден, он сопоставлялся с Небом и Землей. Царствовать, не опираясь на ритуал, – это бедствие [для

¹ Глава «Ли юнь» в переводе И.С. Лисевича («Действенность ритуала») из трактата «Ли цзи». Данная глава «Кун-цзы цзя юй» частично совпадает с указанной главой из «Ли цзи» [Древнекитайская философия 1973: 100–110].

² Т.е. Цзы Ю.

³ Три эпохи (династии) (*сань дай* 三代) – Ся, Шан, Чжоу.

Поднебесной]». Янь Янь еще спросил: «Ритуал чрезвычайно важен, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Ритуал – это Дао принятия мандата Неба для прежних ванов. Посредством ритуала управляли человеческими чувствами, классифицировали духов-*зуй* и духов-*шэнь*, устанавливали траур, жертвоприношение, стрельбу из лука, инициацию, бракосочетание, аудиенцию, приглашение на службу. Поэтому, когда совершенномудрые поучали, руководствуясь ритуалом, то Поднебесная могла выправиться». Янь Янь спросил: «Ныне царствующие не знают ритуала, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Увы! Ах! Я созерцаю Дао эпохи Чжоу, его нарушили Ю-[ван]⁴ и Ли-[ван]. Если я покину царство Лу, то куда мне идти? Но луские загородные жертвоприношения и большие жертвоприношения [предкам государя] не соответствуют ритуалу. [Ритуал] Чжоу-гуна уже пришел в упадок. Циские загородные жертвоприношения восходят к Юю, а сунские загородные жертвоприношения восходят к Се⁵. В этом заключается служебный долг Сынов Неба. Сыны Неба царств Ци и Сун – потомки двух ванов [эпох Ся и Инь]. Когда Чжоу-гун держал бразды правления, [в Поднебесной] царило Великое спокойствие, [поэтому ныне по отношению к нему] используют ритуал как для Сына Неба. *Чжухоу* приносили жертвы божеству Земли Шэ и божеству полей [Хоу] Ци, высшие и низшие с почтением принимали установления, а распорядители *чжу* и *зу*⁶ не смели изменять неизблемые законы – это называлось Великой похвалой. Ныне оказывается, что слова [молитв] для жертвоприношения в храме предков хранятся у глав родов, распорядителей, жрецов и писцов – это не соответствует ритуалу, такое государство называется невежественным. Ставить перед телом правителя кубки для вина [времен Инь и Ся]⁷ – это не соответствует ритуалу, такой правитель называется узурпатором. Когда парадные и церемониальные головные уборы, оружие и латы хранят в частных домах – это не соответствует ри-

⁴ Ю-ван 幽王, или Ци Гуншэн 姬宫涅 (795–771 гг. до н.э.) – последний государь династии Западная Чжоу, прав. 782–771 гг. до н.э.

⁵ Се 桀 – мифический предок династии Инь, по преданию, чиновник государя Шуня.

⁶ *Чжу* 祝 и *зу* 餼 – распорядители жертвенной церемонии в храме предков.

⁷ И.С. Лисевич объясняет данный момент следующим образом: «Ставили сосуды династий Инь и Ся — тем самым правитель показывал, что ведет свой род от этих древних династий, и претендовал на почести, оказываемые лишь Сыну Неба» [Древнекитайская философия 1973: 102].

туалу, такой правитель называется принужденным. Когда *дафу* имеет целый штат сопровождающих чиновников⁸, когда он имеет [все виды] жертвенной утвари и [все виды] ритуальной музыки – это не соответствует ритуалу, такое государство называется мятежным. Вот почему служащие гуну называются чиновниками, служащие в доме называются слугами. Тех, кто носит трехлетний траур, или новобрачных до срока не используют [на службе]. Когда являются ко двору в траурной одежде, когда [хозяева] и слуги живут под одной крышей и вместе вкушают пищу – это не соответствует ритуалу, в такой стране государь и чиновники правят наравне. Чтобы расселить своих потомков, Сын Неба обладает землями, *чжухоу* обладают уделами, *дафу* обладают казенными территориями – это называется устанавливать [на основании] меры. Если Сын Неба отправится к *чжухоу*, он непременно покинет свой храм предков – такой визит не соответствует ритуалу, такой Сын Неба нарушает законы и потрясает устои. Если *чжухоу* нанесет визит своему чиновнику не с тем, чтобы проявить беспокойство о состоянии больного или почтить память усопшего, – это называется шуточными [отношениями] между правителем и чиновниками. Поэтому ритуал – кормило [власти] государя, на основании [ритуала] разбираются в сложных вещах, проясняют мельчайшие [подробности], почитают духов-*гуй* и духов-*шэнь*, изучают [установленный] порядок, различают человеколюбие и долг, устанавливают нормы правления и образования, умиротворяют правителя и чиновников, высших и низших. Если управление не выправлено, то государев трон в опасности, если государев трон в опасности, то крупные чиновники отворачиваются [от государя], а мелкие чиновники воруют. Если наказания строги, а нравы [народа] порочны, то закон не постоянен. Если закон не постоянен, то ритуал не упорядочен. Если ритуал не упорядочен, то служилые-*ши* не исполняют своих обязанностей, а народ не подчиняется. Такое государство называется большим. Вот почему [должное] правление помогает защитить государя. Следует основываться на [принципах] Неба, совершать жертвоприношения Небу, чтобы получить мандат [на правление]. Мандат, получаемый от божества Земли, – подражание Земле; ниспосылаемый храмом предков – человеколюбие и долг; ниспосылаемый [божеством] гор и вод – процветание и деятель-

⁸ Как *чжухоу* при выезде за пределы своих земель, т.е. в данном случае *дафу* превышает свои полномочия.

ность; ниспосылаемый [божествами] пяти стихий – порядок и мера. Вот оплот, благодаря которому совершенномудрые защищали самих себя. Совершенномудрые постигали Небо и Землю, сопоставляли себя с духами-*гуй* и духами-*шэнь*, тем самым приводили в порядок нормы правления. Упорядочивание их бытия – последовательность ритуала. Наслаждение их радостями – управление народом. Небо рождает случай, Земля рождает материальные блага, человек же рожден от отца и обучается наставником. Когда государь применяет эти четыре [начала] надлежащим образом, то он утверждается на почве и не совершает ошибок. Государь – это тот, кого другие берут за образец, а не тот, кто берет других за образец; государя вскармливают, а не он вскармливает других; государю служат, а не он служит другим. Когда государь почитает других – он совершает ошибку, когда государь вскармливает других – этого недостаточно, когда государь служит другим – он теряет престол. Поэтому народ берет государя за образец, чтобы упорядочить себя; вскармливает государя, чтобы умиротворить себя; служит государю, чтобы проявить себя. Вот почему ритуал достигает [цели] и разделяет установленное; [тогда] все люди заботятся о своей смерти и сожалеют, если при жизни их [не сопровождает ритуал]. Поэтому [государь] использует ум людей, но искореняет их коварство; использует храбрость людей, но искореняет их ярость; использует человеколюбие людей, но искореняет их алчность. Если в стране бедствие, то государь умирает за божество земли Шэ и божество полей [Хоу] Цзи – это долг. Когда *дафу* умирает за свой храм предков, [а не за храм предков государя] – это измена [долгу]. Совершенномудрые могли сделать Поднебесную одной семьей, а Срединные царства – одним человеком, но не на основании [личных] помыслов, а непременно основываясь на знании [человеческих] чувств, принимая их долг, выявляя их пользу, понимая их страдания, после чего [совершенномудрые] смогли осуществить это. Что же называется человеческими чувствами? Радость, гнев, скорбь, страх, любовь, ненависть, желание – вот семь [начал], которым не надо учиться, но [каждый] может их [испытывать]. Что называется долгом человека? Отец должен проявлять милость, сын – сыновнюю почитательность, старший брат – доброту, младший брат – братскую любовь, муж – справедливость, жена – покорность, старшие – благодеяние, младшие – послушание, государь – человеколюбие, чиновник – преданность. Эти десять [обязательств]

называются долгом человека. Доверять и поддерживать дружеские отношения между людьми называется человеческой пользой. Борьба и взаимные убийства называются человеческими бедствиями. Совершенноумдые упорядочивали семь человеческих чувств, совершенствовали десять видов долга, доверяли и поддерживали дружеские отношения между людьми, превозносили скромность и уступчивость, искореняли борьбу и делали это посредством ритуала. Питание и любовная страсть – самые великие желания в жизни человека; смерть и нужда – самые главные отвращения в жизни человека. Желание и отвращение – главные пределы человека. Человек таит [чувства] в своем сердце, его нельзя ни понять [до конца], ни измерить. Прекрасное и безобразное таятся в сердце, их облик нельзя увидеть. Чем же как не ритуалом можно стремиться исчерпать их? Человек – добродетель Неба и Земли, взаимопроникновение *инь* и *ян*, средоточие духа-*гуй* и духа-*шэнь*, смешение пяти первоэлементов. Небо держит в руках *ян*, вешает [на небосвод] солнце и звезды, Земля держит в руках *инь*, дает жизнь горам и рекам. Пять первоэлементов распределяются по четырем временам года, образуют гармонию с четырьмя видами *ци*⁹, а затем рождается луна. Вот почему пятнадцать дней луна прибывает, пятнадцать дней луна убывает. Пять первоэлементов, находясь в круговороте, поочередно истощаются. Пять первоэлементов, четыре вида *ци*, двенадцать месяцев поочередно сменяют друг друга и являют собой основу. Пять нот, шесть *люй*¹⁰, двенадцать аккордов¹¹ поочередно сменяют друг друга и являют собой ноту *гун*¹². Пять вкусов¹³, шесть [вкусовых] удовольствий, двенадцать видов пищи¹⁴ поочередно сменяют

⁹ Четыре вида *ци* (*сы ци* 四气) – *ци* четырех времен года.

¹⁰ Шесть *люй* (*лю люй* 六律), т.е. «мужских» (нечетных) ступеней китайского хроматического звукоряда (黄钟, 大簇, 姑洗, 蕤宾, 夷则, 无射); примерно соответствуют ре, ми, фа-диез, соль-диез, ля-диез, до (Dis, E, Gis, Ais(B), C в европейской номенклатуре).

¹¹ Двенадцать аккордов (*шиэр гуань* 十二管) – шесть мужских и шесть женских ступеней звукоряда.

¹² *Гун* 宫 – первая ступень китайского пятиступенного лада, соответствует «хуанчжун» (黄钟) в китайском 12-ступенном звукоряде или ре (D) в европейской терминологии.

¹³ Пять вкусов (*у вэй* 五味) – сладкое, кислое, горькое, острое, соленое.

¹⁴ И.С. Лисевич комментирует это так: «Пять вкусовых ощущений (*у вэй*) – горькое, острое, кислое, сладкое и соленое. Они же составляли и шесть вкусовых удовольствий (*лю хэ*) с добавлением ощущения *хуа* — „вязкое, скользкое,

друг друга и являют собой главное [блюдо]. Пять цветов¹⁵, шесть узоров¹⁶, двенадцать видов платья¹⁷ поочередно сменяют друг друга и являют собой главный [вид одеяния]. Человек – сердцевина Неба и Земли, предел пяти первоэлементов. [Человек] ощущает вкус еды, различает звуки, носит цветные [платья] и живет [в мире]. Совершенномудрые устанавливают образцы, непременно берут за основу Небо и Землю, [полагают] *инь* и *ян* пределом, четыре времени года – кормилом, солнце и звезды – устоем, луну – мерилом, духов-*гуй* и духов-*шэнь* – [своими] сторонниками, пять первоэлементов – главенствующими, ритуал и долг – орудиями, человеческие чувства – пахотной землей, а четырех божественных животных¹⁸ – [своими] домашними животными. Если Небо и Земля являются основой, то вещи могут развиваться; если *инь* и *ян* являются пределом, то можно узреть человеческие чувства; если четыре времени года являются кормилом, то в делах можно добиться успеха; если солнце и звезды являются устоем, то [виды] работ можно классифицировать; если луна является мерилом, то умения достигают искусности; если духи-*гуй* и духи-*шэнь* являются сторонниками, то в занятиях есть блюститель; если пять первоэлементов являются главенствующими, то события могут возобновляться; если ритуал и долг являются орудиями, то дела и действия завершаются [с успехом]; если человеческие чувства являются пахотной землей, то человек становится важным; если четыре божественных животных являются домашними животными, то имеется источник питья и пищи. Кого называют четырьмя божественными животными? Это – единорог, феникс, черепаха и дракон. Когда дракон становится ручным, то рыбы не уплывают прочь. Когда феникс становится ручным, то птицы не улетают прочь. Когда единорог становится ручным, то дикие звери не убегают прочь. Когда черепаха становится ручной, то человеческие чувства

мягкое, само идущее в горло“. Каждому месяцу был свойствен свой вид пищи, поэтому видов пищи насчитывалось двенадцать» [Древнекитайская философия 1973: 345].

¹⁵ Пять цветов (*у сэ* 五色) – желтый, красный, сине-зеленый, белый, черный.

¹⁶ Шесть узоров (*люй чжан* 六章) – пять цветов + черно-бурый (*сюань* 玄) (или черный с багровыми проблесками).

¹⁷ Двенадцать видов платья (*шиэр* и 十二衣) соответствуют каждому месяцу года.

¹⁸ Четыре божественных животных (*сы лин* 四灵) – единорог, феникс, черепаха, дракон.

не иссякают. Прежние ваны держали в руках стебли тысячелистника и панцирь черепахи, установили порядок жертвоприношений, обряд захоронения и подношения шелка, провозгласили слова молитвы о ниспослании блага, учредили порядок и меру. Поэтому когда в государстве есть ритуал, то у чиновников есть правитель, дела распределяются [согласно] обязанностям, а ритуал обладает последовательностью. Прежние ваны беспокоились, что ритуал не достигает Поднебесной, поэтому стали совершать загородные жертвоприношения божеству [Неба Тянь]-ди, тем самым утвердили небесный престол. На территории страны стали совершать жертвоприношения божеству Земли, тем самым выявляли пользу Земли; стали совершать большое жертвоприношение-ди в храме предков, тем самым укореняли человеколюбие; стали совершать жертвоприношения божествам гор и рек, тем самым отдавали дань уважения духам-гуй и духам-шэнь; стали совершать жертвоприношения духам пяти стихий, тем самым укореняли [свои] дела. Главный блюститель обрядов находился в храме предков, три гуна находились при дворе, три старейшины¹⁹ находились в [Великой] школе²⁰, жрецы находились перед ваном, писцы за ним, гадатели, барабанщики и прислужники находились слева и справа от вана. Ван стоял в центре, сердцем был непоколебим и охранял высшую правоту. Когда совершали загородное жертвоприношение, то все духи исполняли своих обязанности; когда ритуал совершали в храме Земли, то все материальные блага сполна приносили [пользу]; когда ритуал совершали в храме предков, то устремлялись к милости и сыновней почтительности; когда совершали жертвоприношения духам пяти стихий, то выправляли закон и образец. За городом, в храме Земли, в храме предков, в горах и у рек, у алтарей духов пяти стихий – долг совершенствовался, а ритуал сохранялся. Ритуал непременно исходит из Великого единого, оно разделяется и образует Небо и Землю, обращается и образует *инь* и *ян*, изменяется и образует четыре времени года, распространяется и образует духов-гуй и духов-шэнь. То, что ниспосылается [Ве-

¹⁹ Три старейшины (*саньлао* 三老) – три почтенных старца или трижды почтенный старец (почтенный летами, саном и мудростью).

²⁰ Как пишет Р.В. Вяткин: «Тайсюэ — Великая школа, которая была создана значительно позже и ко времени У-вана относиться не может. Вероятно, прав Чжэн Сюань, который в комментариях к Ли цзи считает это заведение ранее существовавшей богадельней для престарелых Дунцзяо, что больше соответствует ситуации» [Истзап 1986].

ликим единым], называется судьбой. [Ритуал] управляется Небом, соединяет в себе различные дарования, когда люди придерживаются ритуала, это называется возвращением. Вот почему [ритуал призван] доверять и поддерживать дружеские отношения между людьми, поддерживает соединение плоти и кожи, связь мышц и костей. Поэтому [ритуал] есть главный предел, который возвращает живых и провожает мертвых, а также служит духам-*гуй* и духам-*шэнь*. [Ритуал] – великое отверстие, через которое достигают Дао Неба, через которое следуют человеческим чувствам. Только совершенномудрые познали, что ритуал неиссякаем. Для того чтобы подчинить страну, уничтожить семью, погубить человека, необходимо сначала искоренить ритуал. Ритуал для человека словно закваска для вина. В благородном муже он крепок, в низком человеке он слаб. Совершенномудрые ваны упорядочивали человеческие чувства, используя в качестве кормила [власти] совершенствование долга и последовательность ритуала. Человеческие чувства были для совершенномудрых пахотным полем, совершенствование ритуала – земледелием, применение долга – семенем, обращение к учебе – мотыгой для прополки, укоренение в человеколюбии – сбором [урожая], распространение музыки – отдыхом [от сельскохозяйственных работ]. Поэтому ритуал – результат долга. Когда [ритуал] соединяется с долгом и [действует] сообща, то пусть даже у прежних ванов не было бы ритуала, но он может исполняться посредством долга. Долг – часть дарования, сочленение человеколюбия. [Ритуал] соединяется с дарованием, придает значение человеколюбию, тверд тот, кто обрел его, и горе тому, кто его потерял. Человеколюбие – корень долга, следование благовоспитанности, обретшего [человеколюбие] уважают. Поэтому управлять государством, не основываясь на ритуале, подобно тому, как пахать землю без сохи. Если ритуал не укоренен в долге – это подобно тому, как пахать, но не сеять. Если в долге не придавать значения учебе – это подобно тому, как сеять, но не полоть. Если придавать значение учебе, но не согласовываться с человеколюбием – это подобно тому, как полоть, но не жать. Если согласовываться с человеколюбием, но не умиротворять музыкой – это подобно тому, как жать, но не употреблять урожай в пищу. Если умиротворять музыкой, но не достигать послушания – это подобно тому, как употреблять урожай в пищу, но не насыщаться. Если конечности в порядке, кожа здоровая, то человек полнеет. Если между

отцом и сыном есть искренность, между братьями – дружественное расположение, между мужем и женой – гармония, то семья процветает. Если крупные чиновники придерживаются закона, а мелкие чиновники честны, если служебные обязанности выстроены в последовательность, а правитель и чиновники взаимно выправляют друг друга, то государство благоденствует. Когда Сын Неба использует добродетель точно колесницу, а музыку – точно удила, когда *чжухоу* взаимодействуют друг с другом на основании ритуала, когда *дафу* соблюдают последовательность на основании закона, когда служилые-*ши* проверяют друг друга на основании верности, когда народ оберегает друг друга на основании дружественного расположения, то в Поднебесной царит изобилие, это называется Великим благоденствием. Великое благоденствие – постоянство, которое возвращает живых и провожает мертвых, служит духам-*зуй* и духам-*шэнь*. И тогда, хотя дел было бы великое множество, но они не скапливались, [дела] шли своим чередом, но [люди] не совершали ошибок; не упускали из виду мелкие дела, [с легкостью] разбирались в трудных [делах]; и в запутанных [непреренно] находился зазор; хотя [дела] были тесно связаны, но не соединены неразрывно; действовали, но не вредили друг другу – в этом предел благоденствия. Познав благоденствие, можешь защитить себя от опасности. Ритуал неодинаков, не роскошный и не скудный, а потому сдерживает [чрезмерные] чувства и умиряет опасности. Живущих в горах не понуждали жить на берегах рек; живущих на отмели не понуждали жить на равнинах; воду, огонь, металл, дерево, пищу и воду непременно использовали своевременно; зимой соединяли мужчин и женщин, весной наделяли титулами и званиями, [это делали] непременно согласно с возрастом и добродетелью – вот что называется благоденствием. Всегда использовали народ в благоприятное [время], потому не было стихийных бедствий: засухи, наводнений, засилья саранчи; среди народа не было страданий от неурожая, голода, злодеяний. Тогда Небо не скрывало своего Дао, Земля не скрывала своих богатств, люди не скрывали своих чувств. Вот почему Небо ниспосылало благодать, Земля прорывалась сладким источником, из гор извергалась драгоценная колесница, река Хуанхэ даровала свой узор²¹, фениксы и единороги жили в пригородах,

²¹ Имеется в виду рисунок (узор) (*ма ту* 马图), вынесенный из вод р. Хуанхэ драконом-лошадью и послуживший якобы основанием для составления восьми триграмм.

черепahi и драконы плавали в дворцовых прудах. Детенышей других животных и птиц можно было без труда заметить, склонив голову. Все это потому, что прежние ваны следовали ритуалу и проникли в суть долга, воплощали собой верность и достигли благоденствия. В этом результат благоденствия».

Гимн ритуалу совершеннолетия¹

XXXIII, 1. Чжуский Инь-гун вступил на престол, [после чего] был исполнен ритуал совершеннолетия. Он послал *дафу* Мэн И-цзы спросить Кун-цзы о [сути] данного ритуала. Кун-цзы сказал: «Этот ритуал схож с ритуалом совершеннолетия наследника [престола]. В ознаменование передачи [правления] наследник стоит на восточной [парадной] лестнице. Совершается жертвоприношение с возлиянием вина на месте для гостей [на западной стороне]. По завершении производят троекратное возложение [головного убора]². Это наполняет [наследника] почтением и направляет его волю. Головной убор-*гуань*³ и второе имя-*цзы*⁴ – это [проявление] уважения к самому [наследнику]. Пусть даже [речь идет] о наследнике Сына Неба, [в ритуале] он подобен служилому-*ши*. Этот ритуал неизменен, во всей Поднебесной нет более значимого ритуала. Ритуал совершеннолетия непременно проводится в храме предков, жертву приносят, совершая возлияние вина на землю; в качестве музыкального ритма используют ритуальные сосуды и каменные стелы, принижение себя и возвеличивание предков выражает невозможность узурпации [власти]». И-цзы спросил: «Если несовершеннолетний Сын Неба на престоле, то ритуал совершается, когда [Сын Неба] достигнет совершеннолетия, [не так ли]?» Кун-цзы ответил: «В древности наследник вана вступал на престол, хотя и был юным, но его почитали как государя. Если он правил как совершеннолетний государь, то к чему же еще ритуал совершеннолетия?» И-цзы спросил: «В таком случае

¹ Надеть головной убор (*гуань сун* 冠頌) – т.е. совершить обряд признания совершеннолетним. Подробнее о ритуале совершеннолетия см.: [Рысаков 2014: 297–312].

² Т.е. возлагают три разных головных убора. Подробнее об этом см.: [Рысаков 2014: 298].

³ *Гуань* 冠 – церемониальный головной убор государя и высшего чиновничества.

⁴ *Цзы* 字 – второе имя, в отличие от *мин* 名 – первого имени присваивается по достижении совершеннолетия.

ритуал совершеннолетия *чжухоу* отличен от ритуала Сына Неба?» Кун-цзы ответил: «Когда правитель почил, его наследник руководит похоронами – это равнозначно ритуалу совершеннолетия. Здесь нет различия». И-цзы спросил: «Ныне правителя царства Чжу признали совершеннолетним, это не соответствует ритуалу?» Кун-цзы ответил: «Ритуал совершеннолетия *чжухоу* появился в конце эпохи Ся. Ныне он не исследован. Ритуал совершеннолетия Сына Неба [возник таким образом]: когда почил [чжоуский] У-ван, Чэн-вану было тринадцать лет, и он наследовал трон. Советник-*чжунцзай* Чжоу-гун был регентом [Чэн-вана], он управлял Поднебесной. В шестом месяце следующего года, когда [У-ван] уже был похоронен, в храме предков был совершен ритуал совершеннолетия Чэн-вана. Он совершил обряд поклонения главе рода, предстал перед *чжухоу*, показывая, что он – правитель. Чжоу-гун, пожелав процветания, сочинил гимн [ритуалу совершеннолетия], он произнес: „Желаю вану достичь [процветания] и возмужать!“ В пожелании сказано: „Ван должен быть близок к народу, далек от льстецов, должен беречь время, одаривать богатствами, приближать достойных и назначать [на должности] способных“. В гимне сказано: „В счастливый месяц, благоприятствующий день ван впервые появляется в головном уборе совершеннолетнего. Искореняет незрелые устремления, сердцем он высший сановник, благоговейно подчиняется воле Неба, берет за образец шесть соответствий⁵, следует [заветам] покойных предков, длит беспредельное“. Это установил Чжоу-гун». И-цзы спросил: «Каков порядок для хозяина и гостей при совершении ритуала совершеннолетия *чжухоу*?» Кун-цзы ответил: «Если гун совершает ритуал совершеннолетия, то *цины* присутствуют в качестве гостей, их не представляют. Когда гун является хозяином⁶, он приветствует гостей сложением рук, поднимается по парадной восточной лестнице и занимает место, обращенное на север. Подносят молодое вино, подобно ритуалу совершеннолетия служилого, совершается ритуал трех подношений, затем [хозяин] спускается по восточной лестнице. Если хозяин не в ранге гуна, то все происходит иначе: хозяин, в черном парадном одеянии и в шапке-*бянь* из белой оленьей кожи, спускается по западной лестнице. Такой наряд отличен от повседневного. Гун четыре раза возлагает головной убор и ритуальное облачение

⁵ Шесть соответствий (*лю хэ* 六合) – зенит, надир и четыре стороны света.

⁶ Имеется в виду не хозяин дома, а исполнитель ритуала совершеннолетия.

[на иницируемого]⁷, затем дарит гостям в подарок отрезки ткани, связки шелка и четверки лошадей. Ритуал совершеннолетия наследника вана или сына младшей жены сродни [ритуалу совершеннолетия *чжухоу*], тогда хозяином является Сын Неба. Ритуал совершеннолетия [наследника Сына Неба] и церемония приема гостей схожи с [ритуалом совершеннолетия] служилого». И-цзы спросил: «В начале совершения ритуала непременно надевают черную шапку, не так ли?» Кун-цзы ответил: «[Верно], это выражает неизбежность древности. Во времена Великой древности возлагали холщовую шапку, в дни воздержания [перед жертвоприношением] ее красили в черный цвет. Была ли на такой шапке бахрама – об этом я не слышал. Ныне возлагают [черную] холщовую шапку, а затем ее допускается подарить [гостям]». И-цзы спросил: «Во времена трех ванов древности⁸ ритуал совершеннолетия был другим, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Во времена эпохи Чжоу [возлагали] шапку-*бянь* из белой оленьей кожи, во времена эпохи Инь [возлагали] шапку-*сюй*, во времена эпохи Ся [возлагали] шапку-*шоу*. Во времена трех ванов древности использовали шапку-*бянь* из белой оленьей кожи и белое платье со складками на поясе, такая шапка была официальным головным убором во времена эпохи Чжоу – в этом Дао Чжоу. Парадный венец-*чжанфу* был официальным головным убором во времена эпохи Инь – в этом Дао Инь. Древняя шапка-*мудуй*[*шоу*] была официальным головным убором во времена эпохи Ся – в этом Дао Ся и последующих эпох».

⁷ Для Сына Неба и *чжухоу* полагалось (допускалось) более чем трехкратное возложение головного убора.

⁸ Основатели трех первых династий: Юй 禹, Тан 汤 и У-ван 武王.

Порядок в храме предков

XXXIV, 1. Вэйский полководец Вэнь-цзы решил устроить храм предков недалеко от своего дома и послал Цзы Гао с визитом к Кун-цзы. Кун-цзы сказал: «Устраивать храм предков на личной территории – такого нет в древнем ритуале, я даже и не знаю, [что сказать]». Цзы Гао спросил: «Каков порядок устройства храма предков для почтенных и простолюдинов, для высших и низших?» Кун-цзы ответил: «В Поднебесной есть ван, земли разделены, государство основано, устроены [места поминовения] предков. Они различны для близких и далеких, богатых и бедных и для тех, кого много, и для тех, кого мало. Поэтому Сын Неба устанавливает храм поминовения своих предков таким образом: три отцовских святилища справа, три младших святилища слева, вместе со святилищем Первопредка-ди всего семь святилищ. Святилище Первопредка-ди и является храмом близких предков, каждый месяц здесь совершаются жертвоприношения. Святилище далеким предкам называется *тяо*, [у Сына Неба] два *тяо*, один раз в сезон здесь совершаются жертвоприношения. У *чжухоу* пять святилищ храма предков: два отцовских святилища справа, два младших святилища слева, вместе с залом Первопредка-ди всего пять святилищ. Святилище Первопредка-ди является храмом основателя рода, один раз в сезон здесь совершаются жертвоприношения. У *дафу* три святилища храма предков: одно отцовское святилище справа, одно младшее святилище слева, вместе с залом Первопредка-ди всего три святилища, один раз в сезон здесь совершаются жертвоприношения. У служилых-*ши* храм предков состоит из одного святилища, он называется отцовским храмом; кто не имеет храма предков, тот один раз в сезон совершает совместное жертвоприношение. У простолюдинов нет храма предков, они совершают сезонные жертвоприношения по временам года у себя дома. Такой порядок не изменялся начиная с [Великого] Юя и вплоть до эпохи Чжоу. Во времена государей четырех эпох¹ при

¹ Четыре эпохи (*сы дай* 四代) – эпоха мифического государя Шуня и три первые династии: Ся, Шан, Чжоу.

загородных жертвоприношениях [предков] поминали наравне с Небом. Большое жертвоприношение-ди [в честь предков правящего дома] совершалось раз в пять лет. Если на этом же месте было святилище Первопредка, то его не разрушали. Если же было святилище менее важного предка, несмотря на то что совершалось большое жертвоприношение-ди или загородное жертвоприношение, именно это святилище разрешалось разрушить. В древности предки (*цзу*) обладали заслугами, а основатели родов (*цзун*) обладали добродетелью, их называли прародителями (*цзучзун*), их святилища было запрещено разрушать.

XXXIV, 2. Цзы Гао спросил: «В „Цзи дьянь“² сказано: „Во времена Юйского [Шуня] предком был Чжуань Сюй, а основателем клана – Яо. Во времена эпохи Ся предком был Чжуань Сюй, а основателем клана – Юй. Предком иньцев был Се, а основателем клана – [Чэн] Тан. Предком чжоусцев был Вэнь-ван, а основателем клана – У-ван“. Эти четыре предка и четыре основателя кланов жили в разные эпохи, но каждый из них обладал заслугами и добродетелями, поэтому в честь них строили храмы. Так, Яо был основателем клана Юйского [Шуня], Чжуань Сюй был предком Ся, все они в разные эпохи обладали заслугами и добродетелью. Можно ли сохранять их храмы и по сей день?» Кун-цзы ответил: «Верно! Как ты и сказал, храмы предков Инь и Чжоу нельзя разрушать. Хотя заслуги и добродетели предков других эпох разнятся по времени [с эпохами Инь и Чжоу], но храмы предков других эпох также нельзя разрушать. В „Ши цзин“ сказано: „Не руби и не срезай пышное дерево груши!“³. Люди Чжоу высоко чтили Шао-гуна⁴, поэтому даже сохранили дерево, под которым он когда-то отдыхал. А уж что говорить о заслугах и добродетелях предков и основателей кланов! Разве можно не почитать их храмы?»

² «Цзи дьянь» 祭典 – существовавший в древности раздел специальной литературы, посвященный порядку жертвоприношений.

³ «Ши цзин» I, II, 5 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 25].

⁴ Шао-гун 邵 (召)公, или Шао Бо 邵伯 – личное имя Ши 奭, владел землями Шао, на территории совр. пров. Шаньси.

Глава XXXV

Разъяснения деления музыки

XXXV, 1. Кун-цзы учился у Ши Сян-цзы¹ играть на *цине*². [Ши] Сян-цзы сказал: «Хотя я специализируюсь по части игры на каменном гонге-*цин*, но я также искусен и в игре на *цине*. Ныне Учитель уже освоил *цин*, ему можно учиться новому!» Кун-цзы ответил: «Я, Цю, еще недостаточно хорошо освоил ритм». Через некоторое время [Ши Сян-цзы] сказал: «Вы уже освоили ритм, можно [учиться] новому». Кун-цзы ответил: «Я, Цю, еще недостаточно хорошо освоил устремление [пьесы]». Через некоторое время [Ши Сян-цзы] сказал: «Вы уже освоили устремление [пьесы], можно [учиться] новому». Кун-цзы ответил: «Я, Цю, еще не знаю, каков был человек, [сочинивший эту пьесу]». Через некоторое время [Ши Сян-цзы] сказал: «Мысли Кун-цзы глубоки, он смотрит далеко вперед». Кун-цзы ответил: «Теперь я, Цю, знаю, каков был этот человек. У него была смуглая [кожа], он был высокого роста, обладал широкой душой, этот прозорливый человек держал в руках четыре стороны света. Кто бы это мог быть, как не Вэнь-ван?» Ши Сян-цзы встал со своего места, поклонившись, он воскликнул: «Вы – совершенномудрый! Эта пьеса называется „Вэнь-ван цао“ („Мелодия Вэнь-вана“»).

XXXV, 2. Цзы Лу играл на *цине*, Кун-цзы слушал его. [Кун-цзы] сказал, обращаясь к Жань Ю: «У Чжун Ю совсем нет таланта! Ваны прежних эпох создавали музыкальные произведения, они играли на музыкальных инструментах, чтобы с помощью [следования] середине и гармонии выверять ритм. [Такая музыка] распространялась на юг, а не на север. Юг – место, где рождается [все живое], север – место, где [все живое] умирает. Вот почему звуки, которые исполняет благородный муж, ласковые и нежные, они коренятся в середине, посредством этих звуков возвращают, рожают и воспитывают. Чувство тоски и печали не гнездится в сердце; жестокие и свирепые

¹ Ши Сян-цзы 师襄子 – придворный музыкант в царстве Лу.

² *Цинь* 琴 – цитра, семиструнный щипковый музыкальный инструмент типа настольных гуслей.

побуждения не таятся в теле. Таким образом проявляется дух порядка и умиротворения. Звуки, исполняемые низким человеком, не такие: они яростные и ничтожные, олицетворяют убийство и жестокость. Тогда чувства беспристрастности и спокойствия не коренятся в сердце, ласковые и нежные побуждения не гнездятся в теле. Таким образом проявляется дух смуты. В древности Шунь играл на пятиструнном *цине*, и создал песню „Нань фэн“ („Южный ветер“), там поется: „Ах, аромат южного ветра! Он может рассеять гнев моего народа! Ах, счастливый миг, когда [дует] южный ветер! Он может приумножить богатство моего народа!“ Поскольку [Шунь] совершенствовал нравы [народа], то процветание [народа] возрастало. Добродетель [Шуня] была подобна течению родника, и поныне ваны, гуны и великие люди повествуют об этом и не предают забвению. Иньский тиран Чжоу любил напевы северных окраин³, его гибель была внезапной, и поныне ваны, гуны и великие люди [рассказывают о Чжоу] в качестве предостережения. Шунь был простолудином, он множил добродетель и таил в себе гармонию и в конце концов стал государем. Тиран Чжоу был Сыном Неба, но пьянство и распутство, жестокость и бесчинства, в конце концов, привели его к гибели. Все потому, что эти двое совершенствовались по-разному. Ныне [Чжун] Ю – всего лишь ученик обычного человека, а ведь если он не желает [изучать] произведения ванов прежних эпох, а лишь упражняется в исполнении упадочнической музыки, то как же сохранит себе жизнь?» Жань Ю передал эти слова Цзы Лу. Цзы Лу устранился и раскаялся в содеянном, стал предаваться размышлениям, отказался от пищи и похудел до неузнаваемости. Учитель сказал: «Совершить ошибку и суметь исправить ее – значит продвинуться вперед!»

XXXV, 3. Как-то раз в царстве Чжоу Биньмоу Цзя⁴ прислуживал Кун-цзы⁵. Кун-цзы завел с ним разговор о музыке и спросил: «Почему му перед танцем „У“ („Военный“)⁶ долго звучат удары [барабана]?»

³ То была музыка погибшей страны периода полного упадка, упадочническая музыка – предвестник гибели страны, ведь Чжоу был последним правителем династии Инь.

⁴ Биньмоу Цзя 賓牟賈 – ученик Кун-цзы, который, видимо, был сведущ в музыке.

⁵ Данный эпизод описан в гл. 24 «Ши цзи» [Истзап 1986].

⁶ Танец «У» 武 – авторство данного музыкального произведения приписывалось У-вану.

[Биньмоу Цзя] ответил: «[У-ван] опасался, что еще не овладел мас-сами». [Кун-цзы] спросил: «Почему мелодия, [предваряющая танец], протяжна и длинна?» [Биньмоу Цзя] ответил: «[У-ван] опасался, что войска могут прийти с опозданием». [Кун-цзы спросил]: «Почему в начале [танца] все яростно машут руками и топают ногами?» [Биньмоу Цзя] ответил: «Время битвы настало». [Кун-цзы спросил]: «Почему во время исполнения танца „У“ правое колено касается земли, а левую ногу поднимают?» [Биньмоу Цзя] ответил: «Это приседания не из танца „У“». [Кун-цзы спросил]: «Почему звуки, когда сближаются с шанскими [мелодиями], становятся распутными?» [Биньмоу Цзя] ответил: «Это звуки не танца „У“». Кун-цзы спросил: «Если это не звуки танца „У“, то что же это за звуки?» [Биньмоу Цзя] ответил: «Те, кто ведали [музыкой], лишились соответствующей традиции». Кун-цзы сказал: «То, что я, Цю, слышал от Чан Хуна⁷, совпадает с вышесказанным. Если бы соответствующая традиция была утрачена не теми, кто ведал [музыкой], то устремления У-вана были бы вздорными». Биньмоу Цзя встал, сошел с циновки и с почтением спросил: «Относительно длительности предварительных [ударов в барабаны] перед танцем „У“ все ясно. Осмелюсь спросить, почему исполняющие танец „У“ по завершении каждого акта на некоторое время застывают без движения?» Учитель ответил: «Присаживайся, я расскажу тебе об этом. Музыка символизирует успешное завершение. Собираться вместе и стоять непоколебимо – [символ] действий У-вана. Яростно махать руками и топать ногами – [символ] устремлений Тай-гуна. Когда танец „У“ завершается и все [танцующие] приседают – это [символ] управления Чжоу-[гуна] и Шао-[гуна]⁸. Кроме того, первый акт танца „У“ [символизирует] поход [У-вана] на север; второй акт – это победа [У-вана] над Шан; третий акт – это поход на юг; четвертый – это присоединение южных царств; в пятом акте [танцующие] делятся на два ряда – это [символизирует], как Чжоу-гун стал левым советником, а Шао-гун – правым советником; шестой акт, когда [танцующие] снова собираются вместе, [символизирует] почтение [чжухоу] по отношению к Сыну Неба. Во время танца с двух сторон есть те, кто звонят в колокольчики, затем танцующие делают четыре выпада вперед, тем самым превозносят авто-

⁷ Чан Хун 苒弘, по прозвищу Чан Шу 苒叔 – ученик Кун-цзы, чиновник в царстве Чжоу.

⁸ Чжоу-гун 周公 и Шао-гун 召公 – продолжатели дела У-вана.

ритет Срединного царства. [Танцующие снова] разделяются, [с обеих сторон] звонят в колокольчики, затем [танцующие] продвигаются вперед, тем самым [символизируя], что дело заранее завершится успехом. Если [танцующие] застывают без движения по завершении акта, это [символизирует] ожидание [У-ваном] прибытия *чжухоу* [к месту битвы]. Разве ты еще не слышал про [битву] при Муе⁹? У-ван покорил царство Инь и вернул бразды правления [потомкам дома] Шан. Не успел он сойти с колесницы, как пожаловал потокам Хуан-ди земли Цзи; пожаловал потомкам государя Яо земли Чжу; пожаловал потомкам государя Шунь земли Чэнь. Сойдя с колесницы, [У-ван] пожаловал потомкам эпохи Ся земли Ци, а потомкам Инь – земли Сун, [велел] насыпать землю на могильном холме князя Би Ганя, освободить из тюрьмы [мудреца] Цзи-цзы, побудил людей найти Шан Жуна¹⁰, для того чтобы вернуть его на прежнее место. Простой народ сбросил путы жестокого правления [тирана Чжоу], служилым-ши повысили жалованье. Затем, переправившись через Хуанхэ, [У-ван] двинулся на запад, [велел] выпустить лошадей пастись на солнечной стороне у горы Хуашань, чтобы их больше не впрягать [в боевые колесницы]; [велел] выпустить коров пастись на полях Таолия, чтобы их больше не впрягать [в повозки]; [велел] обмазать боевые колесницы и доспехи жертвенной кровью и отправить на хранение в кладовые, чтобы их больше не использовать; [велел] собрать щиты и копья и завернуть их в тигровые шкуры; командующих войсками [велел] сделать *чжухоу*; [велел] называть их „колчаны для луков и стрел“¹¹. После чего вся Поднебесная знала, что У-ван не собирается возобновлять войну. Расформировав армию, [У-ван велел] устраивать в окрестностях [столицы] стрельбы из лука, упражнявшиеся в стрельбе в восточном павильоне, пели песню „Ли шоу“ („Лисья голова“); упражнявшиеся в стрельбе в западном павильоне пели песню „Цзоу юй“ („Коноводы и ловчие“). Когда стрелы пробивали доспехи, стрельба из лука прекращалась. Надевали

⁹ Муе 牧野 – древний город на территории совр. пров. Хэнань, вероятная столица династии Шан. В ходе битвы при Муе (1027 г. до н.э.) правитель Чжоу У-ван разгромил царство Шан (Инь) и иньского Чжоу-вана 殷纣王, чем обеспечил господство царства Чжоу.

¹⁰ Шан Жун 商容 – чиновник, ведавший ритуалом и музыкой в эпоху Шан.

¹¹ Цзяньгао (то) 韃囊 – колчан для стрел и лука. Так как У-ван завершил военные действия и не намеревался возобновлять их, то военачальники сравнивались с убранными в колчан луками и стрелами.

парадные платья и парадные головные уборы, за пояс затыкали таблички для записей, а воины не носили меч на поясе. Совершали жертвоприношения Хоу Цзи, и народ знал, что такое уважение к старшим. Совершали жертвоприношения в храме предков, и народ знал, что такое сыновняя почтительность. [Государь] устраивал аудиенцию, и *чжухоу* знали, что такое быть чиновником. [Государь] вспахивал первые борозды, и народ знал, что такое почтение к родственникам. Эти шесть [событий] – Великое учение для Поднебесной. [У-ван] потчевал трех старейшин и пять старцев¹² в Великой школе¹³, Сын Неба, сняв верхнее платье, разделявал тушу жертвенного животного; обеими руками брал блюдо с мясным соусом и подносил [старцам]; затем брал кубок с вином и также подносил [старцам], чтобы те полоскали рот вином; надевал парадный головной убор и брал в руки щит, присоединялся к [танцующим], тем самым [У-ван] учил *чжухоу* уважению к старшим. Так Дао [эпохи] Чжоу распространялось повсеместно, ритуал и музыка проникали [повсюду]. Вот почему исполняющие танец „У“ по завершении каждого акта на некоторое время застывают без движения».

¹² Три старейшины (*саньлао* 三老) – три почтенных старца или трижды почтенный старец (почтенный летами, саном и мудростью). Пять старцев (*угэн* 五更). В древности Сын Неба содержал *саньлао* и *угэн*, тем самым осуществляя добродетель уважения к старшим.

¹³ Как пишет Р.В. Вяткин, «Тайсюэ — Великая школа, которая была создана значительно позже и ко времени У-вана относиться не может. Вероятно, прав Чжэн Сюань, который в комментариях к Ли цзи считает это заведение ранее существовавшей богадельней для престарелых Дунцзяо, что больше соответствует ситуации» [Истзап 1986].

XXXVI, 1. Цзы Гун спросил Кун-цзы: «Осмелюсь спросить, благородный муж ценит яшму, но презирает похожие на нее камни, потому что яшма – редкий камень, а похожих на нее камней много, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Он ценит яшму не потому, что яшма – редкий камень, презирает похожие камни не потому, что их много. А потому, что в древности добродетель благородного мужа сравнивали с яшмой. Ее пластичность и мягкость – это человеколюбие. Ее утонченная и филигранная структура – это мудрость. Ее острота, которая не ранит, – это долг. Ее передают из поколения в поколение, и она не разрушается – это ритуал. При ударе ее звук чистый и долгий, а [затем] затихает – это музыка. Даже изьяны [яшмы] не могут затмить ее блеска, но блеск не может скрыть изьяны – это преданность. Блеск самоцвета проникает повсюду – это верность. Сияние яшмы подобно белой радуге – это Небо. Ее дух и душа витают в горах и реках – это Земля. Нефритовый скипетр превосходит всех – это добродетель. То, что в Поднебесной всего дороже, – это Дао. В „Ши цзин“ сказано: „Скучаю лишь о благородном муже, что милостив точно яшма“¹. Вот почему благородный муж ценит [яшму]».

XXXVI, 2. Кун-цзы сказал: «Приехав в страну, можно узнать об ее установлениях. Если люди, населяющие эту страну, умеренные и снисходительные, то их наставляют при помощи „Ши цзин“; если же они сведущие и прозорливые, то их наставляют при помощи „Шу цзин“; если же они эрудированные и добросердечные, то их наставляют при помощи „Юэ цзин“; если же они невозмутимые и утонченные, то их наставляют при помощи „И цзин“; если же они почтительные и благопристойные, то их наставляют при помощи „Ли цзи“; если же они подбирают слова в соответствии с фактами, то их наставляют при помощи „Чунь цю“. Поэтому „Ши цзин“ искореняет глупость, „Шу цзин“ искореняет клевету, „Юэ цзин“ искореняет расточительство, „И цзин“ искореняет предательство, „Ли цзи“ ис-

¹ «Ши цзин» I, XI, 3 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 119].

кореняет беспорядок, „Чунь цю“ искореняет смуту. Так, если человек умеренный и снисходительный, а также не глупый, то он глубоко познал „Ши цзин“; если человек сведущий и прозорливый, а также не клеветает, то он глубоко познал „Шу цзин“; если человек эрудированный и добросердечный, а также бережливый, то он глубоко познал „Юэ цзин“; если человек невозмутимый и утонченный, а также не способен на предательство, то он глубоко познал „И цзин“; если человек почтительный и благопристойный, а также не создает беспорядок, то он глубоко познал „Ли цзи“; если человек подбирает слова в соответствии с фактами, а также не сеет смуту, то он глубоко познал „Чунь цю“. В мире существует четыре времени года: весна, осень, лето, зима, [еще] существуют ветер и дождь, иней и роса – это не что иное, как наставления [Неба]. На Земле пребывает душа и пневма-ци, Земля источает и производит гром и грохот, на Земле живет великое множество живых существ – это не что иное, как наставления [Земли]. Если быть прямодушным и безмятежным, духом и волей подобным божеству, то перед важными событиями непременно будут предзнаменования. Вот почему наставления Неба и Земли согласуются с совершенномудрыми. В „Ши цзин“ сказано: „Высочайшие и величественные горы высотой своей достигают небес. Эти горы ниспосылают духов, они породили Шэнь-[бо]² и Фу-[хоу]³. Только Фу-хоу и Шэнь-бо – опора для Чжоу. Когда четыре царства процветают, их [влияние] распространяется по четырем сторонам света“⁴. В этом добродетель Вэнь-вана и У-вана. Присягать культуре и добродетели, усмирять все царства – в этом добродетель Вэнь-вана. О ванах трех эпох исстари непременно шла добрая слава. В „Ши цзин“ сказано: „Просвещенный Сын Неба, слава его неистожима“⁵. В этом добродетель [ванов] трех эпох».

XXXVI, 3. Цзы Чжан спросил о том, каким образом наставляет совершенномудрый. Кун-цзы ответил: «Ши! Я расскажу тебе об этом. Совершенномудрый просвещает посредством ритуала и музыки, превозносит и распространяет их, и только!» Цзы Чжан спросил

² Шэнь-бо 申伯, или Цзян Фан-бо 姜方伯 – политик, военный и чиновник, дядя чжоуского правителя Сюань-вана 宣王 (828–782 гг. до н.э.).

³ Фу-хоу 甫侯 – чиновник при чжоуском правителе Сюань-ване.

⁴ «Ши цзин» III, III, 5 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 305].

⁵ «Ши цзин» III, III, 8 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 315].

еще. Кун-цзы ответил: «Ши! Ты думаешь, что надо непременно поставить низкий столик, расстелить бамбуковую циновку для сидения, вставать и садиться для взаимного приветствия, наливать, подносить и потчевать [вином], произнести ответный тост – и только это и называется ритуалом? Ты думаешь, что надо непременно занять позицию в танце, брать в руки перья фазана и флейту, бить в колокол и барабан – и только это и называется музыкой? Сказать и осуществить [сказанное] – это ритуал, действовать и радоваться этому – музыка. Совершенномудрый направляет силы на осуществление ритуала и музыки, с благоговением обращается лицом к югу. Тогда в Поднебесной царит Великое спокойствие, народ послушный и покорный, все чины служат усердно, высших и низших связывает ритуал. Поэтому когда ритуал переживает подъем, то народ упорядочен, когда ритуал переживает упадок, то среди народа смута. Даже в построенном на глаз доме есть юго-западный угол [для почетных гостей], есть парадная [восточная] лестница, есть места для высших и низших; даже в телеге есть правая и левая стороны; на дороге есть те, кто идут впереди, и те, кто идут позади; когда стоят [на ногах], также [соблюдают] последовательность – в этом долг древности. Когда в доме отсутствует юго-западный угол [для почетных гостей], когда отсутствует парадная [восточная] лестница, то это нарушает порядок в доме; когда отсутствуют места для высших и низших, то это нарушает порядок сидения; когда в телеге отсутствуют правая и левая стороны, то это нарушает порядок поездки; когда на дороге нет деления на тех, кто идет впереди, и тех, кто идет позади, то это нарушает порядок передвижения; когда, выстраивая по очереди, не [соблюдают] последовательность, то это нарушает местоположение [человека]. В древности просвещенные ваны и совершенномудрые четко разграничивали благородных и худородных, стариков и детей, выправляли мужчин и женщин, внутреннее и внешнее, выстраивали в последовательность своих и чужих, далеких и близких, не смели превышать пределы – вот откуда проистекает эта истина».

Глава XXXVII

Разъяснения об обидах

XXXVII, 1. Цзы Лу спросил у Кун-цзы: «Я слышал, что, когда муж доблести живет среди людей, если знатный и богатый, то не извлекает пользу из вещей, если бедный и худородный, то не терпит обиду, чтобы возвыситься [в дальнейшем], но и этого недостаточно для того, чтобы судить о сфере человеческого». Кун-цзы ответил: «Благородный муж ведет себя таким образом: если может достичь цели, то непременно достигает. Если может терпеть, то терпит, если может возвыситься, то возвышается. Поэтому тот, кто терпит обиды, обладает терпением, тот, кто стремится к возвышению, полагается на случай. Поэтому хоть и терпит незаслуженную обиду, но не нарушает собственных принципов, хоть и достигает [желаемых] устремлений, но не вредит долгу».

XXXVII, 2. Когда Кун-цзы был в царстве Вэй, он услышал, что циский Тянь Чан¹ поднял мятеж. Он боялся Бао [Му] и Янь [Юя], поэтому переместил свое войско и решил напасть на царство Лу. Обращаясь к ученикам, Кун-цзы произнес: «Царство Лу – Родина отца и матери, Лу необходимо спасти, нельзя равнодушно взирать на вторжение в Лу. Ныне я стерплю обиду от Тянь Чана, чтобы спасти Лу, кто из вас отправится к нему?» Вызвался Цзы Лу, но Кун-цзы не разрешил. Вызвался Цзы Чжан, но Кун-цзы также отказал ему. Вызвался Цзы Ши, но Кун-цзы также отказал ему. Тогда эти трое сказали, обращаясь к Цзы Гуну: «Ныне Учитель готов стерпеть обиду для того, чтобы защитить Родину наших предков, мы трое вызвались прийти на помощь, но не получили одобрения [Учителя], так почему

¹ Тянь Чан 田常, или Тянь Чэн-цзы 田成子 по имени Хэн 恒 – вельможа из царства Ци. В примечаниях к «Ши цзи» читаем: «Как сообщалось в гл. 39 Ши цзи, в 481 г. циский Тянь Чан (или Чэн-цзы) убил своего правителя Цзянь-гуна... В Люй-ши чунь-цю упоминается другое имя чиновника – Чэнь Чан, который в борьбе за власть столкнулся с Цзай Юем... Таким образом, правомерность упоминания Тянь Чана в этом контексте ставится под сомнение... В Цзо чжуань фигурирует союзник Цзай Юя – Кань Чжи по прозвищу Цзы Во. Явно имела место путаница с именами участников этих сложных перипетий политической борьбы» [Истзап 1996].

бы тебе не отправиться в путь и не использовать свое красноречие в деле?» Цзы Гун вызвался [осуществить задуманное] и получил одобрение от Кун-цзы. Достигнув царства Ци, [Цзы Гун] сказал Тянь Чану: «Ныне вы желаете добиться успеха в Лу, но это чрезвычайно трудно. Не лучше ли повести войско на царство У? Там проще добиться успеха». [Услышав это], Тянь Чан нахмурился. Цзы Гун сказал: «Когда заботы внутри страны, то нападают на сильных, когда заботы вовне, то нападают на слабых. Я слышал, что вам трижды присваивали титул и трижды вы не получали его, а все потому, что высшие чиновники не исполняют приказы. Одержав победу [над Лу], ваш государь возгордится, разбив царство [Лу], вы возвеличите чиновников, но ваших заслуг никто не оценит, тогда Вы с каждым днем будете отдаляться от государя, а борьба с высшими чиновниками [будет нарастать]. Так вы окажетесь в опасности». Тянь Чан спросил: «Хорошо. Но мое войско уже направлено в Лу, и это нельзя изменить. Как же быть?» Цзы Гун ответил: «Остановите войско. Я попрошу у царства У прийти на помощь Лу и выступить против Ци. А ваше войско пусть встретит [уского вана]». Тянь Чан выразил согласие. Цзы Гун поспешил на юг и сказал ускому вану: «Ван не уничтожает [другие] царства, гегемон не имеет сильных врагов. Если к весу в тысячу *цзюней*² добавить даже малую толику, то [вес] все равно изменится. Ныне Ци пытается захватить Лу, имеющее тысячу боевых колесниц, и решило помериться силами с У, это навлечет на вас беду, ван. К тому же спасение Лу прославит [вас] и успокоит находящихся на реке Сышуй *чжухоу*, наказав вероломное Ци, [вы] подчините себе царство Цзинь, это принесет огромную выгоду. [Вы] прославитесь, решив судьбу Лу, на самом же деле воспрепятствовав возвышению Ци, тогда даже мудрецы не подвергнут сомнению [ваши действия]». Уский ван сказал: «Хорошо. Но У постоянно воюет с царством Юэ, юэский ван³ собирает все силы, чтобы свести со мной счеты. Вы подождите, пока я одержу победу над Юэ, и тогда [сделаю, как вы говорите]». Цзы Гун ответил: «Силы Юэ не превосходят Лу, а силы У не превосходят Ци. Если ван отменит [войну] с Ци, а пойдет войной на Юэ, то Ци захватит Лу. Ван обретет славу, если спасет гибнущее государство и осуществит преемственность.

² Цзюнь 鈞 – мера веса, равная 30 цзиням, т.е. примерно 15 кг.

³ Юэский ван (юэ ван 吳王) – Гоу Цзянь 勾踐 (ум. 464 г. до н.э.) – ван царства Юэ, правил в 496–464 гг. до н.э., последний из пяти гегемонов эпохи Чуньцю.

В том, чтобы избежать войны с мощным Ци и покорить слабое Юэ, не много храбрости. Храбрый не бежит от трудностей, человеколюбивый не оставляет в беде, мудрый не упускает случай, обладающий долгом не нарушает преемственности. Ныне [если] сохраните царство Юэ и продемонстрируете Поднебесной человеколюбие, если спасете Лу и покараете Ци, а вдобавок покажете свою мощь Цзинь, то *чжухоу* один за другим непременно явятся ко двору, а вы станете гегемоном. Однако вы, ван, непременно [желаете] наказать Юэ, ваш покорный слуга отправится на аудиенцию к правителю Юэ, чтобы он послал войско, которое последует [за вашим войском]. Это фактически погубит Юэ, но номинально [Юэ] последует за другими *чжухоу*, чтобы напасть на Ци». Уский ван обрадовался и [велел] Цзы Гуна отправляться в Юэ. Юэский ван встретил Цзы Гуна с особым почетом и, лично управляя колесницей, спросил: «Что заставило вас, *дафу*, терпеть лишения и привело в наше захоlustь?» Цзы Гун ответил: «Ныне я убеждал уского вана спасти Лу и покарать Ци, он стремится к этому, но сердцем боится [столкновения] с Юэ». [Уский ван] сказал: «Подождите, пока я одержу победу над Юэ, и тогда [сделаю, как вы говорите]». Таким образом, разгрома Юэ не избежать. Не имея намерения свести счеты, но заставлять человека сомневаться – глупо; имея намерение свести счеты, рассказать человеку об этом – губительно; когда событие еще не произошло, заранее рассказывать о нем – опасно. Эти три действия – бедствия для важного дела». Почтительно поклонившись, Гоу Цзянь сказал: «Некогда я, не рассчитав силы, пошел [войной] против У и был окружен на [горе] Гуйцзи. Я испытываю невыносимую боль, день и ночь у меня сохнут губы и язык, я жажду лишь наступить на пятки ускому вану и желаю лишь его смерти. К счастью, ныне, вы, *дафу*, поведали мне о пользе и вреде [моего плана]». Цзы Гун сказал: «Уский ван свирепый и жестокий, его чиновники ни на что не годные, страна находится в упадке, народ ненавидит его, крупные чиновники [замышляют] бунт внутри [страны], Шэнь Сюй увещевал [вана] и был убит, [угодливый] первый министр-*тайцзай* Пи⁴ ведет дела. Самое время свести счеты с царством У. Если вы, ван, действительно отправите войско на помощь ускому вану, чтобы осуществить его устремления, направите богатые дары, чтобы порадовать его сердце, почтитель-

⁴ Бо Пи 伯嚭 (ум. 484 г. до н.э.) – главный министр царства У.

ными речами выразите свое уважение к [ускому] ритуалу, тогда [уский ван] непременно расправится с Ци. Это то, что совершенно-мудрые называли „терпеть обиду и тем самым добиться цели“. Если [уский ван] не одержит победы – это счастье для вас, если он одержит победу, то [уское] войско непременно приблизится к границам царства Цзинь. Ваш покорный слуга просит разрешения отправиться на север, встретиться с правителем царства Цзинь, уговорить его сообща напасть на У, тогда У ослабнет. Все отборные войска [царства У] будут находиться в Ци, тяжеловооруженные [войны] и латники окажутся в затруднительном положении в Цзинь, а вы, ван, поставите в тяжелое положение царство У». Юэский ван почтительно поклонился и обещал [поступить таким образом]. Цзы Гун отправился в обратный путь; на пятый день [после возвращения Цзы Гуна в царство Юэ] юэский *дафу* по имени Вэнь Чжун отправился в качестве посла в царство У. Почтительно поклонившись, он сказал ускому вану: «Три тысячи юэских воинов прибыли для того, чтобы послужить ускому [вану]». Уский ван спросил Цзы Гуна: «Юэский ван желает присоединиться к моему войску, как быть?» Цзы Гун ответил: «Брать всех его людей, да еще и самого правителя – это не соответствует долгу». Уский ван принял воинов, посланных Гоу Цзянем, и с благодарностью отказался [от его услуг]. Получив воинов почти со всех царств, [уский ван] нанес поражение царству Ци. Тогда Цзы Гун отправился на север, чтобы встретиться с правителем царства Цзинь и поставить в тяжелое положение [У]. Царства У и Цзинь сошлись [в бою] у Хуанчи. Юэский ван внезапно напал на царство У, уский ван [в спешке] повернул войско и столкнулся с войском Юэ. Царство Юэ разбило царство У. Кун-цзы сказал: «Так в Ци возникла смута, а Лу сохранило свое существование, в этом заключались мои давнишние чаяния. Стало возможным укрепить Цзинь и тем самым погубить У. С гибелью У – Юэ стало гегемоном. Это – результат речей [Дуаньму] Цы⁵. Красивые речи вредят верности, будем осторожны в речах!»

XXXVII, 3. Ученик Кун-цзы – Ми-цзы Цзянь служил в царстве Лу, был министром-*цзай* в местности Шаньфу. Опасаясь, что луский правитель поверит услышанной клевете и отстранит его от дел управления, Ми-цзы Цзянь перед прощальным визитом попросил двух государевых чиновников вместе с ним отправиться на службу.

⁵ Цзы Гуна.

Ми-цзы, делая внушение местным чиновникам, велел одному из них вести записи исторических событий, а другому вести записи официальных документов местности. Оба чиновника начали писать, но [Ми-цзы] тут же схватил их за локти, записи получились скверными, и тот разгневался. Чиновники испугались и попросили разрешения вернуться в [столицу] Лу. Ми-цзы сказал: «Ваши записи скверны, но хотя бы приложите усилия, чтобы вернуться [в столицу]». Вернувшись, чиновники сказали правителю: «Ми-цзы велел нам делать записи, а сам хватал нас за локти, записи получились скверные, и он разгневался, а все местные чиновники смеялись над нами. Вот почему мы вернулись». Луский правитель спросил об этом Кун-цзы, Учитель ответил: «Ми Буци – благородный муж. Его таланта достаточно для того, чтобы быть помощником гегемона. Терпя обиду, он управляет [крохотной] Шаньфу, но тем самым он испытал себя. Ведь своим поведением он увещевает вас, не так ли?» Гун уразумел [сказанное], тяжело вздохнул и произнес: «Я дурной человек, я внес смуту в управление Ми-цзы, порицал его добродетели, позор [мне]! Если бы не эти двое чиновников, я бы не узнал о своем промахе. Если бы не Учитель, я бы не разумел этого». Тотчас же доверенный [луского правителя] был отправлен к Ми-цзы, гонец сказал: «Отныне местность Шаньфу не управляется нашим [ваном], вы [всецело] управляете ей. Как лучше использовать народ – решайте сами, каждые пять лет являйтесь [к вану] с докладом». Получив приказ [правителя], Ми-цзы почтительно поклонился и тотчас же приступил к делам управления. Так он привел в порядок Шаньфу. Сеял доброту и великодушие, выявлял родственную близость, перевозносил благородство и уважение, осуществлял предел человеколюбия, приумножал чистосердечность и искренность, претворял в жизнь преданность и верность, а народ просвещался. Когда цисцы напали на Лу, их путь лежал через Шаньфу. Старейшины Шаньфу заявили: «Злаки уже созрели. Ныне вторглись цисские захватчики, и народ не успеет собрать урожай, просим позволить всем людям из города и пригородов начать собирать урожай, чтобы он не достался захватчикам». [Старейшины] трижды озвучили свою просьбу, но Ми-цзы не согласился. Вскоре цисцы разграбили весь урожай злаков. Услыхав об этом, [луский] Цзи-сунь⁶ пришел в ярость, отправив гонца сказать

⁶ Цзи Кан-цзы.

Ми-цзы: «Народ в холод пахал землю, в зной полол ее, но не съел своего урожая, разве это не ужасно? Еще полбеды, если вы не знали об этом, но вам сообщали, а вы не слушали. Разве так заботятся о народе?» С грустью в голосе Ми-цзы ответил: «Если в этом году нет злаков, их можно посадить в следующем году. Если позволить тем, кто не сеял, собрать урожай, то народ обрадуется приходу захватчиков. К тому же урожай злаков в Шаньфу за один год не возвысит Лу, а его отсутствие не ослабило Лу. Но если позволить народу присваивать себе то, [что не заработали трудом], бедствиям, без сомнения, не будет счета». Услышав эти слова, Ци-сунь устыдился и сказал: «Провалиться мне сквозь землю, если я еще хоть раз встречусь с Ми-цзы!» Через три года Кун-цзы послал Ума Ци⁷ узнать о делах управления [в Шаньфу]. Ума Ци сменил привычную одежду, надел потрепанную шубу и вступил в границы Шаньфу. Он увидел рыбака, который ночью удил рыбу и, поймав рыбу, отпускал ее в реку. Ума Ци спросил: «Рыбу удят для того, чтобы ее поймать, так почему же ты, поймав, отпускаешь рыбу обратно в воду?» Рыбак ответил: «Рыба большого размера называется крупной рыбой, такую рыбу любит наш *дафу*. Маленькая рыба называется мальком, такую рыбу наш *дафу* призывает выращивать [до больших размеров]. Я поймал оба вида рыб, поэтому и отпустил их обратно в реку». Вернувшись обратно, Ума Ци сказал Кун-цзы: «Ми-цзы достиг предела добродетели, он побудил народ даже под покровом ночи поступать так, будто [за проступок] его тотчас же ждет суровое наказание. Осмелюсь спросить, как же Ми-цзы добился этого?» Кун-цзы ответил: «Некогда я сказал ему: „Искренность внутри проявляется вовне“. Ми-цзы применяет этот принцип для [управления] Шаньфу».

XXXVII, 4. У Кун-цзы был старый друг, которого звали Юань Жан⁸; когда его мать умерла, Учитель вызвался помочь ему вырезать гроб. Цзы Лу спросил: «Некогда я слышал от Учителя такие слова: „Не заводи недостойных друзей, если совершил ошибку, не бойся ее исправить“. Учитель обеспокоен, как же так?» Кун-цзы ответил: «[В „Ши цзин“ сказано:] „Если у любого из людей траур, с величайшим старанием приди на помощь⁹“, так что же говорить о старой

⁷ Ума Ци 巫马期 – ученик Кун-цзы, уроженец царства Чэнь.

⁸ Юань Жан 原壤 – друг Кун-цзы. Упоминание о Юань Жане, который «сидел как варвар», встречаем в «Лунь юе» XIV, 43 [Лунь юй].

⁹ «Ши цзин» I, III, 10 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 42].

дружбе? Даже не будь я другом, то все равно пришел бы [на помощь]». Когда гроб был готов, Юань Жан уселся на него и произнес: «Давненько я не пел!» И тотчас же пропел: «У лисицы пестрая голова, я держу в своих руках хрупкую женскую руку». Сделав вид, что ничего не услышал, Учитель удалился. Цзы Лу спросил: «Учитель стерпел обиду, но достиг предела [человеколюбия], хотя и лишился своего друга. Уж не лучше ли было вовсе не делать этого?» Кун-цзы ответил: «Я слышал, что обладающий родственной близостью не теряет родных, а [настоящий] друг не отрекается от старого друга».

Разъяснения о семидесяти двух учениках

XXXVIII, 1. Янь Хуэй, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Юань, в двадцать девять лет был совершенно седым, в тридцать один год скоропостижно скончался. Кун-цзы сказал: «С тех пор, как появился Янь Хуэй, отношения среди учеников изо дня в день становились лучше». Янь Хуэй известен своим добродетельным поведением, Кун-цзы называл его человеколюбивым.

XXXVIII, 2. Минь Сунь, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Цянь, был младше Кун-цзы на пятьдесят лет¹, известен своим добродетельным поведением, Кун-цзы называл его обладающим сыновней почтительностью.

XXXVIII, 3. Жань Ю, уроженец царства Лу, по прозвищу Бо Ню, был известен своим добродетельным поведением. Когда он тяжело заболел, Кун-цзы сказал: «Это – судьба! Такой [добродетельный] человек и заболел такой болезнью! Это – судьба!»

XXXVIII, 4. Жань Юн по прозвищу Чжун Гун, был родственником Жань Ю. Хотя его отец был человеком недостойным, Жань Юн был известен своим добродетельным поведением.

XXXVIII, 5. Цзай Юй по прозвищу Цзы Во, уроженец царства Лу. Обладал красноречием, был известен своими высказываниями и беседами. Служил в царстве Ци, был *дафу* в Линь[цзы]², вместе с Тянь Чаном он поднял мятеж, и его род в трех коленах был уничтожен. Кун-цзы, испытывая чувство стыда, сказал: «Дело не в пользе или вреде, дело в самом Цзай Юе».

XXXVIII, 6. Дуаньму Цы по прозвищу Цзы Гун, уроженец царства Вэй. Был моложе Кун-цзы на тридцать один год, известен своим красноречием, Кун-цзы часто бранил его [за любовь] к спорам. Его

¹ В «Ши цзи» сказано, что он был младше на пятнадцать лет. Это не единственное разночтение в возрасте учеников Кун-цзы с «Ши цзи». Подробнее об этом см.: [Ян Чаоин. Цзы Юань].

² Линьцзы 临淄 – столица царства Ци.

семья была очень богатой, нередко [Цзы Гун] ехал в карете, запряженной четверкой лошадей, для того чтобы навестить Юань Сянь³. Сянь жил в тростниковой хижине с соломенной дверью, с Цзы Гуном они говорили о принципах [правления] прежних ванов. Одежда и головной убор Юань Сяня были ветхими и потрепанными, он питался только растительной пищей, но был уверенным и целеустремленным. Цзы Гун спросил: «Уж не болен ли ты?» Юань Сянь ответил: «Я слышал, что того, кто не обладает богатством, называют бедным. Кто познал Дао, но не в состоянии осуществлять его, того называют больным. Я беден, но не болен». Цзы Гун был пристыжен. Всю жизнь он сожалел о сказанном. Цзы Гун был сведущ в торговле, он покупал товары, а затем перепродавал их по более высокой цене. Он служил в Лу, был министром в Вэй, скончался в Ци.

XXXVIII, 7. Жань Цю по прозвищу Цзы Ю, был родственником Чжун Гуна. Был младше Кун-цзы на двадцать девять лет, был талантливым и одаренным, известен благодаря [успехам] в делах управления. Был министром при [луском] роде Цзи-сунь, на службе обращал внимание на свои обязанности, уйдя в отставку, обучался у Кун-цзы, по природе своей был очень скромным и уступчивым. Поэтому Кун-цзы сказал: «Цю отступает назад, вот почему [надо] воодушевлять его».

XXXVIII, 8. Чжун Ю из местности Бянь⁴, по прозвищу Цзы Лу, его имя было Цзи Лу. Был младше Кун-цзы на девять лет, обладал смелостью и силой, способностями и умениями, известен благодаря [успехам] в делах управления. [Чжун Ю] был человеком волевым и прямолинейным, по природе своей был грубым и не стремился сообразовываться с обстоятельствами. Служил в царстве Вэй, был в ранге *дафу*, когда Куай [Куй] и его сын [Куай] Чжэ боролись за власть в царстве [Вэй], Цзы Лу был убит, защищая [Куай] Чжэ⁵. Кун-

³ Юань Сянь 原宪, или Юань Сы 原思 (род. 515 г. до н.э.) – один из учеников Кун-цзы.

⁴ Бянь 弁 – селение на территории совр. пров. Шаньдун.

⁵ Подробнее об этом см. в гл. 67 «Ши цзи»: «У вэйского Лин-гуна была в свое время любимая наложница, ее звали Нань-цзы. Наследник Лин-гуна по имени Куй Куй провинился перед Нань-цзы и, боясь казни, бежал. Когда Лин-гун умер, его вдова хотела поставить у власти Чжэ. Он стал Чу-гуном. Он правил 12 лет. Его отец Куй Куй проживал в изгнании, не имея возможности вернуться. Цзы Лу служил управляющим поселения вэйского сановника Кун Куя. В это время Куй Куй вместе с Кун Куем подняли мятеж. Они задумали из дома Кун Куя вместе со своими сто-

цзы с грустью произнес: «Когда Ю был со мной, злословие не достигало моих ушей».

XXXVIII, 9. Янь Янь, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Ю. Был младше Кун-цзы на тридцать пять лет, постоянно практиковался в изучении «Ли цзи», известен своей культурой и знаниями. Был министром-цзай в Учэне⁶, однажды сопровождал Кун-цзы в царство Вэй, дружил с полководцем Цзы Ланем, которого он также побудил учиться у Кун-цзы.

XXXVIII, 10. Бу Шан, уроженец царства Вэй, по прозвищу Цзы Ся. Был младше Кун-цзы на сорок четыре года, был сведущ в «Ши цзин» и глубоко проник в его смысл, был известен своей культурой и знаниями. По своей природе не был выдающимся, но тонко подмечал детали, и никто из современников не превосходил его в этом. Однажды, возвращаясь в Вэй, он увидел человека, который декламировал исторические записи: «Войско Цзинь напало на Цинь, три свиньи переправились через реку»⁷. Цзы Ся сказал: «Не верно, [надо произносить] в тридцать шестой год шестидесятилетнего цикла». Тот человек сказал: «Надо спросить у цзиньского летописца, действительно ли это было в тридцать шестой год». С этого момента в царстве Вэй Цзы Ся считали совершенномудрым. Когда скончался Кун-цзы, Цзы Ся начал преподавать в районе Сихэ. Вэйский Вэнь-

ронниками неожиданно напасть на Чу-гуна. Чу-гун бежал в княжество Лу, и Куй Куй встал у власти. Он стал Чжуан-гуном. Когда Кун Куй восстал, Цзы Лу находился вне княжества; узнав о том, что произошло, он поспешил обратно. Тут ему встретился Цзы Гао (Гао Чай), выходящий из городских ворот столицы Вэй. Он сказал Цзы Лу: «Чу-гун бежал, и городские ворота уже закрыты, тебе лучше повернуть назад, чтобы напрасно не навлечь на себя беду». Цзы Лу ответил: «Своих кормильцев не бросают в беду». Цзы Гао в конце концов ушел. Появились гонцы, следовавшие в город, городские ворота открыли, и Цзы Лу вошел вслед за ними. Он нашел Куй Куя, который вместе с Кун Куем восседал на террасе дворца. Цзы Лу сказал ему: «Вы, правитель, зачем используете Кун Куя? Прошу схватить и казнить его». Куй Куй не желал его слушать. Тогда Цзы Лу решил поджечь террасу. Куй Куй испугался и велел Ши Ци и Ху (Юй) Яню напасть на Цзы Лу. [Они] рассекли завязки на его шапке. Цзы Лу воскликнул: «Благородный муж и умирая не снимает головного убора». Он стянул завязки на шапке и умер» [Истзап 1996].

⁶ Учэн 武城 – город на юге царства Лу.

⁷ Три свиньи переправились через реку «三豕渡河(三豕涉河) 三豕 (вместо 己亥) 涉河» или три свиньи переправились через Хуанхэ – образное выражение, говорящее о небрежном или ошибочном написании или чтении иероглифов; по притче об искажении текста: 晋师伐秦, 己亥涉河 войско царства Цзинь пошло войной на царство Цинь и в 36-й день цикла переправилось через Хуанхэ.

хоу⁸ учился у него и спрашивал совета в делах управления государством.

XXXVIII, 11. Чжуаньсунь Ши, уроженец царства Чэнь, по прозвищу Цзы Чан. Был младше Кун-цзы на сорок восемь лет, по природе своей и внешне он был великодушным и скромным, а также общительным. Он спокойно выполнял свои обязанности, но не утверждался в осуществлении человеколюбия и долга. Ученики Кун-цзы дружили с ним, но не уважали его.

XXXVIII, 12. Цзэн Шэнь, уроженец южного Учэна⁹, по прозвищу Цзы Юй. Был младше Кун-цзы на сорок шесть лет, стремился осуществить Дао сыновней почтительности, поэтому Кун-цзы ради него создал «Сяо цзин». [Правитель] царства Ци пригласил его на службу и намеревался возвести его в ранг *цина*, но [Цзы Юй] не согласился, сказав: «Мои родители уже старые, чем кормить [родителей] за счет жалованья, уж лучше заботиться о них. Вот почему я не желаю жить вдаль от родителей и быть чужим слугой». Мачеха Шэня дурно относилась к нему, но он также был непоколебим в заботе о ней. Жена [Цзы Юя] не доварила похлебку из лебеды, и он велел ей уйти. Некто сказал: «Это же не семь законных поводов для развода с женой!» [Цзы Юй] ответил: «Похлебка из лебеды – мелочь, я велел жене доварить похлебку, но она не послушала меня. Так что же будет с важными делами?» Разойдясь с женой, он больше никогда не женился. Его сын [Цзэн] Юань советовал отцу снова жениться, но [Цзы Юй] сказал ему: «[Иньский] Гао Цзун¹⁰ из-за [клеветы] своей второй жены погубил своего сына Сяо Ци. Мне не только не сравниться с Гао Цзуном, но даже не сравниться с Цзифу¹¹, так как же иначе мне избежать ошибки?»

XXXVIII, 13. Таньтай Мемин, уроженец Учэна, по прозвищу Цзы Юй. Был младше Кун-цзы на сорок девять лет, по природе своей был благородным мужем. Некогда Кун-цзы судил о его способностях по его внешности, но его способности не оправдали надежд

⁸ Вэнь-хоу 文侯 (472–396 гг. до н.э.) – в период Чжаньго правитель царства [Малое] Вэй 魏.

⁹ Один из двух Учэнов в царстве Лу, город находился на р. Цинхэ.

¹⁰ Т.е. У Дин 武丁 – легендарный основатель и мудрый правитель династии Шан, позже известный как Гао Цзун 高宗.

¹¹ Цзифу 吉甫, или Инь Цзифу 尹吉甫 (852–775 гг. до н.э.) – мудрый чиновник при чжоуском Сюань-ване (828–782 гг. до н.э.).

Кун-цзы. Однако [Таньтай Мемин] был человеком бескорыстным и справедливым, брал и давал, отказывался и соглашался, прославился тем, что был [верным] своему слову. Служил чиновником *дафу* в царстве Лу.

XXXVIII, 14. Гао Чай, уроженец царства Ци, принадлежал к одной из ветвей клана Гао, имел прозвище Цзы Гао. Был младше Кун-цзы на сорок лет, ростом был около шести *чи*, был некрасив собой. Человек он был почтительный и послушный, соблюдал законы и нормы. В детстве жил в царстве Лу, был известен среди учеников Кун-цзы, был министром-*цзай* в Учэне.

XXXVIII, 15. Ми Буци, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Цзянь. Был младше Кун-цзы на сорок лет, был министром-*цзай* в Шаньфу, обладал талантом и умом, человеколюбием и великодушием, народ не осмеливался обманывать его. Кун-цзы восхищался Цзы Цзянем.

XXXVIII, 16. Фань Сюй, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Чи. Был младше Кун-цзы на сорок шесть лет, в молодости служил представителям клана Ци-[сунь].

XXXVIII, 17. Ю Жо, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Ю. Был младше Кун-цзы на тридцать шесть лет, был тверд в знаниях, любил Дао древности.

XXXVIII, 18. Гунси Чи, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Хуа. Был младше Кун-цзы на сорок два года, надев парадную одежду, являлся ко двору, в свободное время [посвящал себя изучению] церемонии приема гостей.

XXXVIII, 19. Юань Сянь, уроженец царства Сун, по прозвищу Цзы Сы. Был младше Кун-цзы на тридцать шесть лет, был чист помыслами и хранил верность долгу, даже в бедности находил радость в [следовании] Дао. Когда Кун-цзы исполнял должность советника-*сыкоу* в царстве Лу, Юань Сянь нередко был его помощником. После смерти Кун-цзы Юань Сянь ушел в отставку и поселился в царстве Вэй.

XXXVIII, 20. Гунье Чан, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Чан. Был человеком, который [стойко] терпел позор, дочь Кун-цзы была женой Гунье Чана.

XXXVIII, 21. Наньгун Тао, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Жун. Он спасал себя своим умом, когда в обществе царя [нравственная] чистота, он не отступал от [своих принципов], когда

в обществе царил разврат, он не поддавался ему. Дочь старшего брата Кун-цзы была женой [Наньгун Тао].

XXXVIII, 22. Гунси Ай, уроженец царства Ци, по прозвищу Ци Чэнь. Пренебрегая Поднебесной, многие служили в семьях *дафу*, но [Гунси Ай] был чиновником, который никогда не поступался своими убеждениями. Кун-цзы особенно восхищался и дорожил им.

XXXVIII, 23. Цзэн Дянь, отец Цзэн Шэня, по прозвищу Цзы Си. Во времена упадка, когда ритуал и воспитание не осуществлялись, он желал изменить [ситуацию]. Кун-цзы восхищался им, о чем сказано в «Лунь юе»: «искупаться в реке И[хэ], овеятья прохладой, совершить жертвоприношение о ниспослании дождя»¹².

XXXVIII, 24. Янь Ю, отец Янь Хуэя, по прозвищу Ци Лу. Когда Кун-цзы начал наставлять в его родном краю, Янь Ю стал его учеником, был младше Кун-цзы на шесть лет.

XXXVIII, 25. Шан Цюй, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Му. Был младше Кун-цзы на двадцать девять лет, был особенно сведущ в «И цзине», Кун-цзы передавал ему [свои знания], [Шан Цюй] стремился [усвоить их].

XXXVIII, 26. Цидяо Кай, уроженец царства Цай, по прозвищу Цзы Жо. Был младше Кун-цзы на одиннадцать лет, практиковался в изучении «Шан шу», не желал служить. Кун-цзы сказал: «Судя по возрасту, ты уже можешь стать чиновником». Цзы Жо, держа в руках «Шан шу», сказал: «Я еще не до конца изучил эту книгу». Кун-цзы был рад.

XXXVIII, 27. Гунлян Жу, уроженец царства Чэнь, по прозвищу Цзы Чжэн. Был достойным и храбрым человеком. Когда Кун-цзы отправлялся в путь, [Гунлян Жу] часто давал ему пять своих колесниц для сопровождения.

XXXVIII, 28. Цинь Шан, уроженец царства Лу, по прозвищу Бу Цы. Был младше Кун-цзы на четыре года, его отец Цинь Фу, как и отец Кун-цзы – Шу Лянхэ, был известен своим упорством.

XXXVIII, 29. Янь Кэ, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Цзяо. Был младше Кун-цзы на пятьдесят лет, прислуживал Кун-цзы, когда тот находился в царстве Вэй. Вэйский Лин-гун и его супруга Нань-цзы ехали в одной колеснице, [гун] велел одному из чиновников по имени Юн Цюй сопровождать их, Кун-цзы же был в следую-

¹² «Лунь юй» XI, 26 [Лунь юй].

шем экипаже. Проехав рынок, Кун-цзы смутился. Янь Кэ спросил: «Учитель, что случилось?» Кун-цзы ответил: «В „Ши цзин“ сказано: „Вид новобрачных утешает мое сердце“»¹³. И со вздохом добавил: «Но я еще не встречал одновременно и добродетельных, и красивых внешне [новобрачных]».

XXXVIII, 30. Сыма Гэн, уроженец царства Сун, по прозвищу Цзы Нью. По природе своей был человеком вспыльчивым, любил поговорить, увидев, как его старший брат Хуань Туй творит зло, [Цзы] Нью опечалился.

XXXVIII, 31. Ума Ши, уроженец царства Чэнь, по прозвищу Цзы Ци. Был младше Кун-цзы на тридцать лет, собравшись в путь, Кун-цзы приказал всем сопровождающим иметь при себе зонты. Когда начался дождь, Ума Ци спросил: «Утром на небе не было и облачка, светило солнце, но Учитель велел нам взять зонты, как вы узнали, что будет дождь?» Кун-цзы ответил: «Вчера луна была в созвездии Би. Разве в „Ши цзин“ не сказано: „Когда луна в созвездии Би, быть проливному дождю“»¹⁴. Так я и узнал об этом».

XXXVIII, 32. Лян Чжань, уроженец царства Ци, по прозвищу Шу Юй. Был младше Кун-цзы на тридцать девять лет, к тридцати годам у него не было детей, и он решил разойтись с женой. Шан Цюй сказал: «Не делай этого. Когда мне было тридцать восемь лет, у меня тоже не было детей, мать нашла мне новую жену. Учитель велел мне отправиться в Ци, а мать настаивала, чтобы я остался [в Лу]. Учитель сказал мне: „Не тревожься, когда тебе минует сорок лет, у тебя будет пятеро детей“. Так и случилось. Пожалуй, ты не рано станешь отцом, но в том не вина твоей жены». Через два года у [Лян Чжания] родился сын.

XXXVIII, 33. Цинь Лао, уроженец царства Вэй, по прозвищу Цзы Кай, его имя было Чжан. Был другом Цзун Лу, узнав о смерти Цзун Лу, [Цинь Лао] пожелал лично выразить соболезнования [его семье]. Кун-цзы не позволил ему сделать этого, сказав: «Это не соответствует долгу».

XXXVIII, 34. Жань Жу, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Юй. Был младше Кун-цзы на пятьдесят лет.

¹³ «Ши цзин» II, VII, 4 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 234].

¹⁴ «Ши цзин» II, VIII, 8 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 250].

XXXVIII, 35. Янь Син, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Лю. Был младше Кун-цзы на сорок шесть лет.

XXXVIII, 36. Бо Цянь, по прозвищу Цзя, был младше Кун-цзы на пятьдесят лет.

XXXVIII, 37. Гунсунь Лун, уроженец царства Вэй, по прозвищу Цзы Ши. Был младше Кун-цзы на пятьдесят три года.

XXXVIII, 38. Цао Сюй был младше Кун-цзы на пятьдесят лет.

XXXVIII, 39. Чэнь Кан, уроженец царства Чэнь, по прозвищу Цзы Юань, его имя было Цзы Цинь. Был младше Кун-цзы на сорок лет.

XXXVIII, 40. Шучжун Хуэй, уроженец царства Лу, по прозвищу Цзы Ци. Был младше Кун-цзы на пятьдесят лет, был примерно одного возраста с Кун Сюанем, каждый из [этих] учеников записывал события, связанные с Учителем. Шучжун Хуэй и Кун Сюань поочередно прислуживали [Учителю]. Мэн Убо¹⁵ встретил Кун-цзы и спросил: «Эти двое учеников еще так молоды, но их знания превосходны, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Верно. Привычка, приобретенная с детства, подобна [врожденной] природе, привычка, закрепленная на практике, становится естеством».

XXXVIII, 41. Цинь Цзу, по прозвищу Цзы Нань.

XXXVIII, 42. Си Чжэнь, по прозвищу Цзы Кай.

XXXVIII, 43. Гунцзу Цзы, по прозвищу Цзы Чжи.

XXXVIII, 44. Лян Цзе, по прозвищу Цзы Цао.

XXXVIII, 45. Гунси Юй, по прозвищу Цзы Шан.

XXXVIII, 46. Цзайфу Хэй, по прозвищу Цзы Со.

XXXVIII, 47. Гунси Сянь, по прозвищу Цзы Шан.

XXXVIII, 48. Жан Сычи, по прозвищу Цзы Цун.

XXXVIII, 49. Жань Цзи, по прозвищу Цзы Чань.

XXXVIII, 50. Сюэ Бан, по прозвищу Цзы Цун.

XXXVIII, 51. Ши Чу, по прозвищу Цзы Ли.

XXXVIII, 52. Сюань Дань, по прозвищу Цзы Сян.

XXXVIII, 53. Цзо Ин, по прозвищу Цзы Син.

XXXVIII, 54. Ди Хэй, по прозвищу Цзы Чжэ.

XXXVIII, 55. Шан Цзэ, по прозвищу Цзы Сю.

XXXVIII, 56. Жэнь Буци, по прозвищу Цзы Сюань.

XXXVIII, 57. Жун Ци, по прозвищу Цзы Ци.

¹⁵ Мэн Убо 孟武伯 – один из учеников Кун-цзы.

- XXXVIII, 58.** Янь Куай, по прозвищу Цзы Шэн.
XXXVIII, 59. Юань Кан, по прозвищу Цзы Цзи.
XXXVIII, 60. Гун Бинь, по прозвищу Цзы Чжун.
XXXVIII, 61. Цинь Фэй, по прозвищу Цзы Чжи.
XXXVIII, 62. Цидяо Цун, по прозвищу Цзы Вэнь.
XXXVIII, 63. Янь Цзи, по прозвищу Цзы Сы.
XXXVIII, 64. Гунся Шоу, по прозвищу Цзы Чэн.
XXXVIII, 65. Гоу Цзинцзян.
XXXVIII, 66. Бушу Чэн, по прозвищу Цзыцзюй. Ю Цзошу, по прозвищу Цзы Мин.
XXXVIII, 67. Гуй Сюнь, по прозвищу Цзы Лянь.
XXXVIII, 68. Ши Чжичан, по прозвищу Цзы Хэн.
XXXVIII, 69. Шэнь Хуэй, по прозвищу Цзы Чжоу.
XXXVIII, 70. Юэ Хай, по прозвищу Цзы Шэн.
XXXVIII, 71. Янь Чжипу, по прозвищу Цзы Шу.
XXXVIII, 72. Кун Чжун, по прозвищу Цзы Ми.
XXXVIII, 73. Цидяо Чи, по прозвищу Цзы Лянь.
XXXVIII, 74. Сюань Чэн, по прозвищу Цзы Хан.
XXXVIII, 75. Янь Сян, по прозвищу Цзы Сян.

Разъяснения о фамилии

XXXIX, 1. Предки Кун-цзы были потомками сунского [дома]¹, Вэй-цзы Ци² – старший сына [вана] Ди И³ был сводным братом [тирана] Чжоу. Этот *чжухоу* жил в царском уделе⁴ и входил в состав сановников вана. Вэй – название царства, *цзы* – титул⁵. В прошлом [чжоуский] У-ван покорил царство Инь, пожаловал сыну [тирана] Чжоу – У Гэну земли Чжаогэ и велел ему приносить жертвы [Чэн] Тану. У-ван скончался, [У Гэн] и братья [У-вана]: Гуан [Шу], Цай [Шу] и Хо [Шу] подняли мятеж. Тогда Чжоу-гун, сподвижник Чэн-вана, предпринял карательный поход на восток. На второй год мятежники были схвачены, и Вэй-цзы Ци сменил У Гэна, став потомком [дома] Инь. Об это написана [глава] «Вэй-цзы мин» («Веление к Вэй-цзы») ⁶, так земли царства Сун перешли к потомкам [дома] Инь. Только Вэй-цзы служил при чжоуском дворе, поэтому ему пожаловали [земли] как достойному. Его младшего брата звали Чжун Сы, его имя было Янь или Се. Он наследовал Вэй-цзы, поэтому его еще называли Вэй Чжун. [Чжун Сы] родил сунского Гун Ци. Хотя потомки [Вэй]-цзы и изменили титул, они по рангу были ниже своих предшественников, но, несмотря на это, [потомков] именовали прежним титулом. Поэтому Вэй-цзы и Вэй Чжун хотя и были сун-

¹ Р.В. Вяткин в комментариях к «Ши цзи» пишет: «В древности историю дома Конфуция описала другая известная книга – Кун-цзы цзя юй („Домашние беседы Конфуция“), созданная, вероятно, в период Троецарствия. В ней родословная Конфуция начинается с основателя сунского дома Вэй-цзы Кая... который, в свою очередь, назван сводным братом иньского императора. Сыма Цянь, составляя гл. 47, книгой Кун-цзы цзя юй, по всей вероятности, не располагал, но имел в качестве источников какие-то иные, более древние материалы, откуда и идет известное сходство исторических данных» [Истзп 1992].

² Вэй-цзы Ци 微子启 (XI в. до н.э.) – старший сводный брат последнего правителя династии Шан-Инь, Чжоу-вана 纣王, основатель царства Сун 宋.

³ Ди И 帝乙 (ум. 1076 г. до н.э.) по имени Сянь 羨 – правитель династии Шан-Инь.

⁴ Царская земля (цзи 圻) – царский удел в радиусе 1000 ли от столицы.

⁵ Титул *цзы* 子 – четвертый из пяти высших титулов знати.

⁶ «Вэй-цзы мин» («Веление к Вэй-цзы») – одна из глав «Шан шу».

скими гунами, но до конца своих дней носили титул Вэй-цзы. Начиная с [Гун] Цзи всех [правителей] уже именовали гунами. У сунского Гун Цзи родился Гун Шэнь. У Гун Шэня родились Минь-гун Гун и Сян-гун Си. У [Сян-гун] Си родились Фуфу Хэ и Ли-гун Фансы. Начиная с Фансы [все его потомки] были сунскими *цинами*. У Фуфу Хэ родился сунский Фу Чжоу. У [Фу] Чжоу родился Ши-цзы Шэн. У [Ши-цзы] Шэна родился Као Фу. У Као Фу родился Кунфу Цзя. Пять поколений были связаны кровным родством. Одна из ветвей клана дала начало клану Кун-цзы. Говорят, что «Кунфу» – это прозвище, жалованное [правителем], его использовали потомки клана [Кун]. У Кунфу [Цзя] родился Му Цзиньфу. У [Му] Цзиньфу родился Гао И. У Гао И родился Фан Шу. У Фан Шу родился Бо Ся. У [Бо] Ся родился Шу Лянхэ. О нем сказано: «Хотя у него было девять дочерей, но не было ни одного сына». После чего [у Шу Лянхэ] родился Мэн Пи, по прозвищу Бо Ни, у него были большие ноги. Поэтому [Шу Лянхэ] решил жениться [во второй раз] на девушке из клана Янь. В клане Янь было три дочери, младшую звали Чжэн Цзай. Отец спросил своих дочерей: «Хотя предки *дафу* из местности Цзоуи были служилыми-*ши*, но они были потомками совершенномудрого вана. Ныне [Шу Лянхэ] ростом в десять *чи*, обладает недюжинной физической силой, я восхищен им. И хотя он уже в летах и крут нравом, но это не повод для сомнений. Кто из вас троих решит выйти за него замуж?» Две сестры не выразили согласия. Чжэн [Цзай] вышла вперед и сказала: «Следуй наставлениям отца и все, о чем же еще спрашивать?» Ее отец произнес: «Ты и станешь его женой». И отправили [Чжэн Цзай] в жены [Шу Лянхэ]. После того как Чжэн прибыла в дом [Шу Лянхэ], был произведен обряд представления молодой жены⁷. Так как супруг был в летах, то боялись, что от него не сможет родиться мальчик, и [Чжэн Цзай] молилась у горы Ницюшань. Поэтому, когда родился Кун-цзы, его имя было Цю, а прозвище – Чжунни. Когда Кун-цзы было три года, Шу Лянхэ скончался и был похоронен у [горы] Фаншань. В девятнадцать лет [Кун-цзы] женился на девушке из семьи высокопоставленного сунского чиновника. После чего родился Бо Юй. Когда родился Бо Юй, луский Чжао-гун отправил в подарок Кун-цзы карпа. [Поскольку] Кун-цзы

⁷ Обряд представления молодой жены родственникам мужа в зале предков (*мяо цзянь* 廟見) совершался на второй день, если родители мужа живы, или через три месяца после свадьбы, если родители мужа уже умерли.

удостоился подарка правителя, поэтому имя его сына было Ли, а прозвище – Бо Юй⁸. Бо Юй скончался в возрасте пятидесяти лет, Кун-цзы пережил его.

XXXIX, 2. Циский придворный летописец Цзы Юй прибыл в Лу и встретился с Кун-цзы. Они говорили о Дао. Цзы Юй радостно произнес: «Я обычный простолюдин, давно слышал об Учителе, но не имел возможности встретиться лично. Быть здесь очень ценно! Отныне и навсегда я знаю, что гора Тайшань высока, а глубокое море обширно. К сожалению, Учителю не встретился просвещенный ван, Дао и Дэ не применяют к народу, [остается только] передать сокровища [вашей мудрости] последующим поколениям». После чего он отступил и сказал, обращаясь к Наньгун Цзиншу: «Кун-цзы – наследник совершенномудрых древности, начиная с Фуфу. Его потомки обладали добродетелью и уступчивостью – это дар Неба. Чэн Тан управлял Поднебесной посредством военной доблести и добродетели, согласовывал [свои действия] с культурой. Но с окончания династии Инь такого не бывало. Кун-цзы родился на закате эпохи Чжоу, когда старинные книги, созданные при прежних ванах, были разрознены и не упорядочены; [Кун-цзы] проанализировал наследие разных мыслителей, исправил и упорядочил смысл [текстов], он следует заветам Яо и Шуня, чтит установления Вэнь-вана и У-вана, он сократил „Ши цзин“, отредактировал „Шу цзин“, упорядочил „Ли цзи“, систематизировал „Юэ цзин“, создал „Чунь цю“, разъяснил принципы „И цзин“, обучает и наставляет потомков законам и нормам [управления Поднебесной], вот в чем просвещенность и добродетель [Кун-цзы]! Учеников, которые слушают его наставления за связку вяленого мяса, более трех тысяч! Не иначе как само Небо желает, чтобы Кун-цзы был непризнанным государем⁹! Почему же он достиг таких высот?» [Наньгун] Цзиншу ответил: «Пожалуй, все так, как вы говорите. В мире не бывает обоюдовыгодных вещей. Я слышал, что если традиция совершенномудрых не получает преемственности по наследству, то непременно появляется тот, кто воодушевлен [традицией совершенномудрых]. Ныне Дао Кун-цзы достигло высшей точки, в будущем его применение будет безгранично. Пусть даже [Кун-цзы сам] пожелает отказаться от ми-

⁸ Имя Ли переводится как «каrp», Бо – «старший из братьев», а Юй – «рыба».

⁹ Т.е. одаренный всеми качествами идеального государя, но не занимающий соответствующего поста.

лости Неба, но это все равно будет невозможно». Услышав этот разговор, Цзы Гун поведал о нем Кун-цзы. Кун-цзы сказал: «Как же так? Я желаю лишь исправить то, что находится в беспорядке, дать ход тому, что прекратилось. Так причем же здесь Небо?»

Глава XL

Последняя запись¹

XL, 1. Кун-цзы проснулся рано утром, заложил руки за спину, взял посох, прогуливаясь у ворот, он запел²: «Гора Тайшань вот-вот должна обрушиться³! Балка сломается! Мудрец при смерти!» Закончив петь, он вернулся в дом и сел напротив двери. Услышав [пение Кун-цзы], Цзы Гун воскликнул: «Если рухнет гора Тайшань, то на что я буду возносить свои взоры? Если балка сломается, то на что мне опереться? Если мудрец умрет, то кому мне подражать? Наверное, Учитель болен». [Цзы Гун] поспешно направился [к Кун-цзы]. Вздохнув, Учитель сказал: «Цы! Почему ты пришел так поздно? На днях мне снился сон, в котором я сидел между двумя главными колоннами⁴. Во времена эпохи Ся гроб с телом покойника ставили наверху восточной лестницы, т.е. там, где хозяин встречал гостей; во времена эпохи Инь гроб с телом покойника ставили между двумя главными колоннами, т.е. в промежутке между местом хозяина и местом гостя; во времена эпохи Чжоу принято ставить гроб с телом покойника наверху западной лестницы, т.е. в месте, предназначенном для гостя. Я, Цю, – человек эпохи Инь. [Ныне] нет просвещенных ванов, так кто же в Поднебесной будет почитать меня? Я, должно быть, скоро умру». Вскоре [Кун-цзы] слег в постель и через семь дней скончался. Ему было семьдесят два года.

XL, 2. [Луский] Ай-гун, произнося надгробную хвалебную речь, сказал: «Небо [к нам] беспощадно, не пожелало оставить [в живых] почтенного старца, и я вынужден царствовать в одиночестве! Увы! Я тоскую и горюю в одиночестве! Ах! Отец-Ни, ты оставил меня, и некого мне брать за образец!» Цзы Гун сказал: «Гун, разве вы не

¹ Перед смертью Кун-цзы.

² Данный эпизод почти полностью совпадает с отрывком из гл. «Ган-гун шан» «Ли цзи» [Ли цзи].

³ «Гора Тайшань вот-вот должна обрушиться» – образное выражение о глубочайшей скорби, переполняющей сердце перед неминуемой кончиной великого человека своей эпохи.

⁴ Две главные колонны (*лян ин* 两楹) в восточной и западной части зала: между ними – места гостя и хозяина; почетная часть зала.

хотите мирно скончаться в Лу? Учитель говорил: „Когда утрачивают ритуал, наступает помутнение, когда утрачивают имена, появляются промахи. Утрата воли – это помутнение, утрата положения – промах“. При жизни не использовать, а после смерти восхвалять – это не соответствует ритуалу. Превозносить себя – это не соответствует имени [Лу]. Правитель утратил и ритуал, и имя».

XL, 3. Когда [Кун-цзы] скончался, ученики не знали, какую одежду должно надеть, чтобы [почтить память] Учителя. Цзы Гун сказал: «Когда Учитель справлял траур по Янь Хуэю, это было подобно тому, как справляют траур по собственному сыну, но Учитель не носил траурные одежды. Когда справлял траур по Цзы Лу, все было так же. Ныне мы потеряли Учителя, это подобно тому, как потерять отца, [но] не надлежит надевать траурные одежды». Однако все ученики облачились в траурные одежды и повязали пояса из пеньки. Когда выходили из дома, повязывали траурную головную повязку. Цзы Ся сказал: «Когда заходишь в жилище, должно повязывать траурную головную повязку, а не наоборот». Цзы Ю сказал: «Я слышал, что Учитель говорил: „Когда соблюдаешь траур по другу, в жилище носишь траурную головную повязку, а когда выходишь – нет. Когда соблюдаешь траур по уважаемому человеку, можно носить траурную головную повязку и в помещении, и вне его“».

XL, 4. Во время похорон Кун-цзы Гунси Чи руководил церемонией. В рот покойному вложили три зерна очищенного риса, подготовили одиннадцать платьев на подкладке, а вдобавок еще один комплект парадного одеяния, возложили на голову парадный венец, на пояс повесили подвеску из слоновой кости. Витой шнур для подвески был длиной в пять *цуней*, [внутренний] тунговый гроб был [толщиной] в четыре *цуня*, [внешний] кипарисовый гроб был [толщиной] в пять *цуней*, покрывало для гроба было изысканно украшено, были установлены похоронные бунчуки, подготовлены узлы постромок гроба – в этом следовали традициям эпохи Чжоу; в убранстве использовали зубчатый орнамент времен эпохи Инь. Знамя из отбеленного шелка, следующее впереди гроба в похоронной процессии, соответствовало временам эпохи Ся. [Так ученики] объединили ритуалы трех великих ванов, тем самым не только выразили уважение к Учителю, но и сохранили верность ему.

XL, 5. [Кун-цзы] похоронили к северу от луской столицы на берегу реки Сышуй, гроб опустили в землю на глубину, не достигаю-

шую вод. Вершина могильного холма по форме напоминала перевернутую алебарду, в высоту достигала четырех *чи*, [у могилы ученики] в качестве опознавательного знака посадили сосну и кипарис. Все ученики поселились вблизи могилы и соблюдали ритуал траура по Учителю. Когда хоронили Кун-цзы, на похороны пришел человек из царства Янь, он поселился в доме у Цзы Ся. Цзы Гун сказал [этому человеку]: «Мы, простые люди, хороним совершенномудрого, а не наоборот. Так на что же тут смотреть? Некогда Учитель говорил: „Я видел [могильный] холм, подобный просторному жилищу, и видел [по форме] подобный алебарде. Когда я умру, [сделайте мне могильный холм], подобный алебарде“. Это называется погребение узкой планировки. Ныне мы за день использовали три связки балок, чтобы [сделать такой] могильный холм, чтобы почтить и осуществить волю Учителя, – и только. Так на что же тут смотреть?»

XL, 6. Когда закончился трехлетний траур, некоторые из учеников [Кун-цзы] остались, а некоторые уехали. Только Цзы Гун жил в хижине у могилы [Учителя] в течение шести лет. С тех пор многие ученики и некоторые жители Лу поселились близ могилы Кун-цзы, здесь появилось свыше ста домов. Поэтому селение получило название «Кун ли» («Деревня Кун-цзы»).

Глава ХLI

Разъяснения о подлинной морали

ХLI, 1. Когда Кун-цзы находился в царстве Ци, циский *чэсхоу* выехал на охоту, при помощи знамени подзывал загонщика, но загонщик не появился, тогда гун отправил людей поймать его. Загонщик сказал: «В древности прежние ваны во время охоты при помощи знамени подзывали *дафу*, при помощи лука подзывали служилых-*ши*, при помощи меховой шапки подзывали загонщиков. Я не увидел меховую шапку, поэтому и не явился». Услышав об этом, Кун-цзы сказал: «Прекрасно! Соблюдать нормы Дао лучше, чем блюсти чиновничьи нормы. Вот истинно благородный муж!»

ХLI, 2. Царство Ци пошло войной на Лу, [луский] Цзи Кан-цзы назначил Жань Цю руководить обороной с левого фланга, а Фань Чи¹ – с правого фланга. [Лусцы] не то что не могли [продвигаться вперед], они не доверяли [Цзи Кан-цзы]. Было велено выступать через три четверти часа, все [воины] подчинились и прорвали позицию цисцев. Войско царства Ци обратилось в бегство. Жань Ю [искусно] пользовался клевцом, поэтому [луское войско] одержало победу. Услышав об этом, Кун-цзы воскликнул: «[Это соответствует] долгу!» Когда сражение завершилось, Цзи Кан-цзы спросил Жань Ю: «Вы научились [искусству] ведения боя или это заложено в Вашей природе?» [Жань Ю] ответил: «Научился». Цзи Кан-цзы спросил: «Вы научились этому у Кун-цзы, не так ли?» Жань Ю ответил: «Да, я научился этому у Кун-цзы. Кун-цзы – великий совершенномудрый, [его учение] всеобъемлюще, он одинаково сведущ как в культуре, так и в военном искусстве. Я слышал, как [Учитель] рассказывал о военном искусстве, но едва ли я подробно [уяснил] это». [Услышав слова Жань Ю], Цзи Кан-цзы обрадовался. Фань Чи рассказал об этом Кун-цзы. Кун-цзы сказал: «Цзи-суня можно назвать не только веселым, но и способным человеком».

¹ Фань Чи 樊迟 (род. 515 г. до н.э.) – по имени Сюй 须, прозвище – Цзы Чи 子迟, уроженец царства Лу, один из учеников Кун-цзы.

XLI, 3. Наньжун Шо и Чжун-сунь Хэцзи² по истечении срока сняли траур [по отцу], в это время [луский правитель] Чжао-гун был за пределами царства³ и не назначил их на соответствующие должности. Когда на престол вступил Дин-гун, он издал указ о назначении. [Наньжун Шо и Чжун-сунь Хэцзи] сказали [Дин-гуну]: «Ваш прежний слуга, наш отец [Мэн Си-цзы]⁴ оставил предсмертный наказ: „Ритуал – опора для людей, тот, кто не следует ритуалу, не может утвердиться“. Глава семьи велел нам непременно служить Кун-цзы и учиться у него ритуалу, и утвердить его положение [в обществе]». Гун согласился. Наньжун Шо и Чжун-сунь Хэцзи начали учиться у Кун-цзы ритуалу. Кун-цзы сказал: «Тот, кто может исправить свои ошибки, – благородный муж. В „Ши цзин“ сказано: „Благородный муж – это образец для подражания“⁵. Мэн Си-цзы был таким. Он не только взыскивал с себя за недостатки, но и поучал своих наследников. В „Великих одах“ сказано: „Потомкам оставил замысел и позаботился о них“⁶. Вот каков пример!»

XLI, 4. Вэйский Сунь Вэнь-цзы⁷ обиделся на вэйского Сянь-гуна⁸ и поселился в Ци⁹. Когда гун скончался, но еще не был похоронен, Вэнь-цзы начал [радостно] бить в барабан. Младший сын [правителя царства У], Яньлин Цзи [Чжа], направляясь в царство Цзинь, проезжал через Ци, [узнав о случившемся] он произнес: «Странно! Вы живете здесь, точно ласточка, свившая гнездо на крыше, пока

² Наньжун Шо 南容说, или Наньгун Ко 南宫括 – уроженец царства Лу, ученик Кун-цзы. Чжун-сунь Хэцзи 仲孙何忌, или Мэн И-цзы 孟懿子 – луский *дафу*, старший брат Наньжун Шо.

³ Чжао-гун бежал в царство Ци.

⁴ Мэн Си-цзы 孟僖子 (ум. 518 г. до н.э.) – луский советник-*сыкун* из клана Мэн-сунь.

⁵ «Ши цзин» II, I, 1 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 148].

⁶ «Ши цзин» III, I, 10 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 270].

⁷ Сунь Вэнь-цзы, по фамилии Цзи 姬, его имя было Линьфу 林父, чиновник *цин* из царства Вэй.

⁸ Подробнее об этом см. в «Ши цзи»: «На восемнадцатом году [своего правления] (599 г.) Сянь-гун остерегся принимать пищу вместе с Сунь Вэнь-цзы и Нин Хуэй-цзы, и они оба удалились. Подошел вечер, но [гун] их не призывал, а отправился в парк пострелять лебедей. Двое сановников последовали за ним; гун, даже не сняв охотничьего костюма, стал с ними беседовать. Двое сановников возмутились и отравились в Сю...» [Истзап 1987].

⁹ Ци 戚 – город на территории нынешней пров. Хэбэй.

еще бояться нечего, так чему же радоваться? Правитель еще не предан земле, разве можно [поступать таким образом]?» Вэнь-цзы до конца своих дней не слушал звуков музыки. Услышав об этом, Кун-цзы сказал: «Цзи [Чжа] смог посредством долга исправить человека, Вэнь-цзы смог стать требовательным к себе и усвоить долг, это и называется изменением к лучшему».

XLI, 5. Кун-цзы читал «Цзинь чжи» («Записи царства Цзинь»), [где было написано], что цзиньский [чиновник] Чжао Чуань убил [цзиньского правителя] Лин-гуна, Чжао Дунь обратился в бегство¹⁰, не достигнув [пограничной заставы], он вернулся обратно. Летописец записал: «Чжао Дунь убил правителя». [Чжао] Дунь сказал: «Это не так». Летописец ответил: «Вы – старший из *цинов*, бежали из царства, не покинув его пределов, вернулись, но не покарали убийцу, так кто же, если не вы, [убил правителя]?» [Чжао] Дунь воскликнул: «Увы! Своими мыслями я сам накликал на себя беду, это сказано обо мне!» [Дочитав], Кун-цзы с восхищением произнес: «Беспристрастный летописец, добросовестный историк древности! Не утаил в летописи ни единого факта! А Чжао Сюань-цзы¹¹ – благородный чиновник древности, ради порядка принял удар на себя и пощадил [убийцу]. Если бы пересек границы [царства Цзинь], то избежал бы этого».

XLI, 6. Царство Чжэн пошло войной на царство Чэнь, захватив [столицу], Цзы Чаню¹² было велено поднести цзиньскому [правите-

¹⁰ Чжао Дунь 趙盾 был дядей Чжао Чуаня 趙穿. В «Ши цзи» сказано: «Лин-гун находился у власти целых четырнадцать лет, становясь все более заносчивым. Чжао Дунь многократно его увещевал, но Лин-гун не слушал его. Однажды, когда медведья лапа, приготовленная для еды, оказалась недостаточно прожаренной, гун убил повара, приказав выкинуть его тело прочь. Чжао Дунь видел эту [сцену], и с этого момента гун встревожился и решил убить Чжао Дуня. Дунь по характеру был человеком гуманным, любил людей, нередко кормил голодных под шелковицей. Именно [эти люди] защитили и спасли Дуня, так Чжао Дунь сумел избежать гибели. Не успел еще Дунь покинуть границы княжества, как Чжао Чуань убил Лин-гуна и поставил у власти младшего брата Лин-гуна — Хэй Туня, который стал Чэн-гуном. Чжао Дунь вновь вернулся в княжество и стал вести дела управления. Совершенномудрые мужи, насмехаясь над Дунем, говорили: „Дунь является таким чжэнцином (высшим сановником), который, убежав, не покинул пределы своей территории, а вернувшись, не карает преступных“. Вот почему главный историограф записал: „Чжао Дунь убил своего правителя“» [Истзап 1992].

¹¹ Т.е. Чжао Дунь.

¹² Цзы Чань был главным министром царства Чжэн.

лю] пленных и трофеи. Человек из царства Цзинь спросил Цзы Чаня, в чем вина царства Чэнь. Цзы Чань ответил: «Чэнь забыло великую добродетель Чжоу¹³ и полагается на царство Чу, презирает всякие нормы и притесняет мою Родину, поэтому в прошлом году [Чжэн] объявило войну [Чэнь]. Не получив согласия [вашего царства], Чэнь напало на [мое царство] Чжэн у Дунмэнь. На пути чэньской [армии] колодцы были засыпаны и деревья уничтожены, моя Родина пребывала в великом страхе, но Небо наставило нас на путь истинный и просветило наши сердца. Узнав об их злодеяниях, мы обезглавили [чэньцев]. Поэтому осмелюсь поднести плоды [наших] достижений». Человек из царства Цзинь спросил: «Почему вы пошли войной на такое маленькое царство?» [Цзы Чань] ответил: «Завет прежних ванов [гласил]: когда злодеяния распространяются повсюду, каждое из них нужно искоренить. В древности Сын Неба владел государевым уделом, [правитель] удельного царства владел землей размером в один *тун*¹⁴, и далее соответственно [размер земли] уменьшался, это установление эпохи Чжоу. Ныне большое государство занимает площадь в несколько государевых уделов. Если не нападать на маленькие царства, то как еще заполучить земли?» Человек из царства Цзинь сказал: «В ваших словах есть последовательность». Услышав об этом, Кун-цзы сказал Цзы Гуну: «Когда обладаешь волей, словом выражаешь свои устремления, письмом вкладываешь содержание в свои слова. Если не говорить, то кто узнает о твоих устремлениях? Слова, не запечатленные в письменном виде, не распространятся далеко. Царство Цзинь – гегемон, а царство Чжэн покорило царство Чэнь, не владея словом и письмом, не достигнешь успеха. Будь осмотрителен в словах!»

XLI, 7. Чуский Лин-ван¹⁵ утопал в роскоши, Цзы Гэ¹⁶, занимавший должность *юиня*¹⁷, прислуживал ему. Старший историограф Исян¹⁸ спешно прошел мимо, ван сказал: «Вот – добросовестный историк, присмотритесь к нему внимательно. Он читает „Сань фэнь“ („Три

¹³ Чжоуский У-ван отдал свою старшую дочь замуж за Ху-гуна и даровал ему земли в Чэнь.

¹⁴ Тун 同 – 100 кв. *ли*.

¹⁵ Лин-ван 靈王 (ум. 529 г. до н.э.) по имени Сюн Вэй 熊圍 – правитель царства Чу (540–529 гг. до н.э.).

¹⁶ Цзы Гэ 子革 – чуский *дафу*.

¹⁷ Юинь 右尹 – название должности в царстве Чу.

¹⁸ Исян 倚相 – придворный историограф в царстве Чу.

писания“)¹⁹, „У дьянь“ („Пять установлений“)²⁰, „Ба со“ („Восемь законов“) и „Цзю цю“ („Девять вершин“)²¹). [Цзы Гэ] ответил: «Добросовестный историк – это тот, кто записывает ошибки правителя и прославляет его добродетели. Но того, о ком вы говорите, нельзя назвать добросовестным историком. Осмелюсь спросить: в прошлом чжоуский Му-ван²² был неводержан в своих желаниях, решил объехать всю Поднебесную, дабы повсюду оставить след о себе. Но чжайский²³ гун по имени Моу Фу написал „Ци чжао“ („Мольба о свете“), чтобы прекратить [распущенность] вана, после чего [Му]-ван умер своей смертью во дворце. Я спросил [Исяна] об этих стихах, но он их не знает. Если спросить его о более далеких событиях, знает ли он?» Ван ответил: «А вы знаете?» [Цзы Гэ] ответил: «Да. В этих стихах сказано: „Молю о свете, спокойствии, счастливом знаменнии, гармонии и радости, прославляю добродетельные слова, размышляю о поведении моего вана. Его вид подобен яшме и золоту, он является образцом для народа, ему чуждо пьянство и обжорство“». Лин-ван раскланялся и удалился, ему подносили яства, но он не притрагивался, ночью не мог сомкнуть глаз. В течение нескольких дней он так и не мог одержать победу над страстями и трудностями. Прочитав запись об этом, Кун-цзы сказал: «Тот, кто может обуздать себя и обратиться к ритуалу, обладает человеколюбием. Так и есть! Если бы чуский Лин-ван смог поступить таким образом, то разве бы он опозорился при Ганьси²⁴. Цзы Гэ, в отличие от старшего историографа, наставлял [вана] и увещевал его при помощи стихов! Вот [пример] послушания!»

¹⁹ «Три писания» (*сань фэнь* 三墳) – мифические книги, авторами которых, согласно преданию, были Фу Си, Шэнь Нун и Хуан-ди.

²⁰ «Пять установлений» (*у дьянь* 五典) – мифические книги, авторами которых, согласно преданию, были Шао Хао, Чжуань Сюй, Гао Синь, Яо и Шунь.

²¹ «Восемь законов» (*ба со* 八索) и «Девять вершин» (*цзю цю* 九丘) также мифические книги древности, упоминание обо всех четырех книгах встречаем в «Цзо чжуань» под 12-м годом правления Чжао-гуна [Цзо чжуань]. Данный отрывок из «Кун-цзы цзя юй» почти полностью совпадает с аналогичным отрывком в «Цзо чжуань».

²² Му-ван 穆王 – пятый государь династии Чжоу, правивший по традиционной версии в 1001–947 гг. до н.э.

²³ Чжай 祭 – царство в эпоху Чжоу на территории нынешней пров. Хэнань.

²⁴ Когда царство Чу напало на царство Сюй, чуский Лин-гун остановился со своим войском в местности Ганьси (徂谿), где он предавался пороку, а вскоре в результате политических перипетий умер в голоде и нищете. Подробнее об этом см. гл. 40 «Ши цзи» [Истзап 1987].

XLI, 8. Шу-сунь Му-цзы²⁵ искал убежища в царстве Ци и остановился на ночлег в местечке Гэнцзун. Там он вступил в связь с одной вдовой, которая [впоследствии] родила [мальчика по имени] Ню. Когда Му-цзы вернулся в Лу, он взял Ню с собой, сделал его своим личным слугой и велел ему вести домашние дела. Ню подговорил Шу-сунь [Му-цзы] убить двух человек²⁶. Когда Шу-сунь Му-цзы заболел, Ню не давал ему есть, и Шу-сунь Му-цзы умер от голода. После чего Ню содействовал тому, чтобы главой семьи стал сын наложницы [Шу-сунь Му-цзы] по имени Чжао[-цзы]²⁷. Обращаясь ко всем родственникам, Чжао-цзы сказал: «Подлый Ню причиняет зло нашему роду и нарушает общий порядок. Он убил сыновей от законной жены и возвысил сына от наложницы, разделил наши земли для того, чтобы скрыть свою вину, – это величайшее преступление! Надлежит скорее умертвить [Ню]!» Так и было сделано. Кун-цзы сказал: чтобы «Шу-сунь Чжао-цзы повел себя как неблагодарный человек, не может такого быть. Чжоу Жэнь²⁸ говорил: „Правитель не награждает исходя из личных интересов, не наказывает исходя из личной неприязни“. В „Ши цзин“ сказано: „Тому, кто осуществляет добродетельное поведение, повинуются все страны“²⁹. Шу-сунь Чжао-цзы таков!»

XLI, 9. Цзиньский Гэн-хоу³⁰ и Юн-цзы³¹ затеяли земельную тяжбу³². Шу Юй³³ разбирал эту тяжбу, виновным был Юн-цзы. Юн-цзы

²⁵ Шу-сунь Му-цзы 叔孙穆子, или Шу-сунь Бао 叔孙豹 (ум. 538 г. до н.э.) – луский *дафу* из клана Шу-сунь. Бежал из царства Лу по причине того, что его старший брат Шу-сунь Цяожу 叔孙侨如 поднял мятеж.

²⁶ Возможно, это были два сына от законной жены – Мэн Бин 孟丙 и Чжун Жэнь 仲壬. О сыновьях Шу-сунь Му-цзы см. в «4-й год правления Чжао-гуна» «Цзо чжуань» [Цзо чжуань]. Однако упоминания о том, что Шу-сунь Му-цзы убил своих сыновей, в данном тексте нет.

²⁷ Шу-сунь Чжао-цзы 叔孙昭子, или Шу-сунь Жо 叔孙婼 (ум. 517 г. до н.э.) – луский *дафу* из клана Шу-сунь.

²⁸ Чжоу Жэнь 周任 – выдающийся придворный историк времен династии Шан.

²⁹ «Ши цзин» III, III, 2 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин: 2015: 293].

³⁰ Гэн 邢 – древнее название местности на территории нынешней пров. Шаньси. Видимо, по месту кормления этого чиновника его стали именовать Гэн-хоу 邢侯.

³¹ Юн-цзы 雍子 – чуский *дафу*, бежавший в царство Цзинь.

³² Данный эпизод, но с другой концовкой описан и в тексте «Го юй»: «Речи владения Цзинь», «Чжао-гун. Раздел 9» [Го юй 1987: 227].

³³ Шу Юй 叔魚 – прозвище цзиньского *дафу* Яншэ Фу 羊舌鮒.

отдал свою дочь в жены Шу Юю, и Шу Юй признал виновным Гэн-хоу. Тот пришел в ярость и в суде убил Юн-цзы и Шу Юя. Хань Сюань-цзы³⁴ спросил Шу Сяна³⁵, кто виновен. Шу Сян сказал: «Вина этих трех злодеев одинакова. Надлежит казнить [Гэн-хоу] и выставить трупы [всех троих злодеев] для всеобщего обозрения. Юн-цзы знал, что был неправ, и, чтобы исправить положение, преподнес в дар [свою дочь], а [Яншэ] Фу³⁶ принял „взятку“. Вина Гэн-хоу в том, что он совершил самосуд³⁷. Творить зло и присваивать себе чужое – значит сеять смуту; быть алчным и принимать взятку – значит замарать себя; убить человека из неприязни – значит совершить злодейство. В „Ся шу“ сказано: „Тех, кто сеет смуту, тех, кто замарал себя, тех, кто совершил злодейство, Гао Яо карает смертной казнью“. Прошу поступить таким образом». После чего казнили Гэн-хоу. Трупы Гэн-хоу, Юн-цзы и Шу Юя были выставлены на базарной площади для всеобщего обозрения. Кун-цзы сказал: «Шу Сян – хранитель лучших традиций древности. Управляя государством, используй наказания, но не покрывай своих родственников. [Шу Сян] признал вину Шу Юя и не дал ему послабления, это называется следовать долгу, такого [человека] называют справедливым. На собрании в Пинцю³⁸ [Шу Сян] укорял брата за алчность. Чтобы проявить великодушие по отношению к царству Вэй, царство Цзинь не решится на жестокость. [Шу Сян] велел лускому Цзи-суню вернуться [в Лу] и поведал ему о мошенничествах [Шу Юя]. Чтобы проявить великодушие по отношению к царству Лу, царство Цзинь не решится на зверства. [Шу Юй] осудил Гэн-хоу, но [Шу Сян] не скрыл алчность [брата], чтобы следовать уголовному уложению, царство Цзинь останется беспристрастным. Трижды высказавшись, [Шу Сян] трижды искоренил зло, втройне принес пользу, обрел на смерть родственника, но удостоился славы – это соответствует долгу!»

³⁴ Хань Сюань-цзы 韓宣子, или Хань Ци 韓起 (ум. 497 г. до н.э.) – *цин* из царства Цзинь.

³⁵ Шу Сян 叔向 – прозвище цзиньского *дафу* Яншэ Си 羊舌肸. Шу Сян и Шу Юй были сводными братьями.

³⁶ Яншэ Фу 羊舌鮒, он же Шу Юй.

³⁷ Подробный разбор данного эпизода см.: [Кучера. Становление традиции].

³⁸ В 529 г. до н.э. цзиньский правитель Чжао-гун (531–526 гг. до н.э.) устроил в Пинцю собрание *чжухоу*, на котором присутствовали правители различных царств. Собрание было устроено для подтверждения главенствующей роли Цзинь среди других царств Поднебесной.

XLI, 10. В царстве Чжэн была сельская школа, служилые-*ши* этой школы часто обсуждали принципы правления. Цзун Мин³⁹ решил разрушить эту школу. Цзы Чань сказал: «Зачем разрушать? С утра до вечера мужи прогуливаются и обсуждают, хороши или дурны принципы правления. Если принципы правления хороши, их надлежит осуществлять, если же они дурны, их надлежит исправлять. Так зачем же разрушать [эту школу]? Я слышал, что клевету искореняют посредством преданности и блага, но не слышал, чтобы ее искореняли посредством установления силы. Искоренение клеветы подобно защите от наводнения. Если вода хлынет мощным потоком, то непременно погибнет множество людей, и их не удастся спасти. Но можно [разделить] воду на маленькие потоки и направить в нужное русло. Так и то, что мы услышим [в сельской школе], может стать лекарством [для управления страной]». Услышав эти слова, Кун-цзы сказал: «Я знаю, что люди называют Цзы Чаня нечеловеколюбивым, но я не верю этому».

XLI, 11. Цзиньский Пин-гун устроил собрание *чжухоу* в Пинцю. Циский *чжухоу* тоже принимал участие в собрании. Чжэнский [*дафу*] Цзы Чань в ходе дискуссии о размере налогов сказал: «В древности Сын Неба устанавливал порядок подношений в соответствии с положением в обществе. Если положение было почетным, то и подношения были соответствующие; если положение было низким, то и подношения были соответствующие. Это установление времен эпохи Чжоу. Если положение низкое, но подношения богатые, то такое возможно только в столичном владении⁴⁰. Наше царство Чжэн – это третья зона земель⁴¹, и боюсь, мы не сможем собрать столько налогов, сколько предлагают *гуны* и *хоу*. Осмелюсь просить [послаблений]». Спорили вплоть до самого вечера, в итоге цзиньский [Пин-гун] выразил согласие. Кун-цзы сказал: «То, что осуществил Цзы Чань, основа для всех стран. В „Ши цзин“ сказано: „Радостны пребудут благородные мужи – они опора страны“⁴². Цзы Чань как раз такой благородный муж. Еще скажу: „Объединять *чжухоу* и искусно установить размер налогов – это соответствует ритуалу“».

³⁹ Цзун Мин 叡明 – чжэнский *дафу*.

⁴⁰ Столичное владение (*дянь фу* 甸服) в квадрате со стороной 1000 *ли* вокруг столицы вана.

⁴¹ Третья зона земель (*нань ю* 男) – 2000–2500 *ли* от столицы вана.

⁴² «Ши цзин» II, II, 7 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 164].

ХLI, 12. Чжэнский Цзы Чань заболел, обращаясь к Цзы Тайшу⁴³, он произнес: «Когда я умру, непременно посвяти себя управлению [страной]. Только тот, кто обладает добродетелью, может воздействовать на народ посредством великодушия, в противном случае применяют строгость. Народ избегает и боится сильного огня, поэтому мало [людей] гибнет от него. Вода мягкая и слабая, народ недооценивает ее и забавляется с водой, поэтому от воды гибнет много [людей]. Поэтому быть великодушным трудно». Когда Цзы Чань скончался, Цзы Тайшу занял его место. Он был великодушным и не применял строгость. И в царстве Чжэн появилось великое множество разбойников. Со вздохом сожаления Цзы Тайшу произнес: «Если бы я следовал заветам учителя [Цзы Чаня], этого бы не случилось». Услышав об этом, Кун-цзы сказал: «Верно! Если быть великодушным в управлении, то народ станет распушенным, распушенность умирят строгостью. Строгость ожесточит народ, ожесточенность выправляют великодушием. Великодушие умеряют строгостью, строгостью умеряют великодушие. Когда сочетают великодушие и строгость – управление гармонично. В „Ши цзин“ сказано: „Народ выбился из сил, и должно дать ему малое успокоение. Окажи милость Срединной стране, умиротвори четыре стороны света“⁴⁴. Так управляют посредством великодушия. „Не потворствуй распушенным, умиряя порочных, борись с жестокими и бесчеловечными, [хотя] безжалостные [люди] и не бояться закона“⁴⁵. Так умирят строгостью. „Будь мягким с дальними, дружи с ближними, и тем самым наш ван утвердится“⁴⁶. Так выравнивают посредством гармонии. Еще сказано: „Не напористый и не медлительный, не твердый и не мягкий. Ладно управлял делами государства, и все достоинства были сосредоточены в нем“⁴⁷. В этом вершина гармонии». Когда Цзы Чань скончался, Кун-цзы узнал об этом и, заплакав, произнес: «Он обладал великодушием, наследованным от древних».

⁴³ Цзы Тайшу 子太叔, или Ю Цзи 游吉 – чжэнский чиновник *цин*, с 522 г. до н.э. заменил Цзы Чаня на посту первого министра царства Чжэн.

⁴⁴ «Ши цзин» III, II, 9 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 285].

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ «Ши цзин» IV, V, 4 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 355].

XLI, 13. Кун-цзы отправился в царство Ци, проходя мимо горы Тайшань, [он заметил] в отдалении женщину, которая очень горько плакала. Учитель обернулся и прислушался, затем сказал: «В этой скорби как будто содержится непрерывное горе». И велел Цзы Гуну узнать, что случилось. [Женщина] ответила: «Сначала тигр растерзал моего свекра, затем мужа, а теперь и сына». Цзы Гун спросил: «Так почему же вы не покинули это место?» Женщина ответила: «Здесь не установлено жестокое правление». Цзы Гун рассказал об этом Кун-цзы. Кун-цзы сказал: «Запомни, сынок! Жестокое правление страшнее свирепого тигра!»

XLI, 14. Цзиньский Вэй Сянь-цзы⁴⁸ находился у власти, он разделил земли кланов Ци и Яншэ⁴⁹, распределил их между несколькими *дафу* и своим сыном [Вэй У] и тем самым выдвинул достойных. [Вэй Сянь-цзы] сказал Цзя Синю: «Ныне вы помогаете царствующему дому, поэтому я и выдвинул вас. Так действуйте с почтением! И пусть ваши усилия не пропадут даром». Услышав об этом, Кун-цзы сказал: «Вэй Сянь-цзы выдвинул близких и не лишился родных, [выдвинул] дальних и не лишился достойных – это называется достоинством. А его наставление Цзя Синю воплощает собой преданность. В „Ши цзин“ сказано: „Если неустанно согласовываться с волей Неба, то обретишь большое счастье“⁵⁰. Это и есть преданность. То, что Вэй Сянь-цзы выдвинул [достойных], соответствует долгу, его наставление соответствует преданности. Его преданность останется потомкам в царстве Цзинь».

XLI, 15. Чжао Цзянь-цзы взыскал с [народа] царства Цзинь колокол весом в один *гу*⁵¹. И велел переплавить его в треножник, на котором выгравировать текст уголовного уложения. Кун-цзы сказал: «Царство Цзинь на пороге гибели, утеряна мера. Цзинь надлежит соблюдать законы Тан Шу⁵², усмирять народ посредством закона.

⁴⁸ Вэй Сяньцзы 魏献子, или Вэй Шу 魏舒 – высокопоставленный чиновник в царстве Цзинь.

⁴⁹ В «Ши цзи» сказано: «В цзиньском главном доме роды Ци-ши и Яншэ-ши начали проявлять враждебность друг к другу. Шесть цинов в конце концов казнили глав этих родов, полностью захватив их селения и образовав из них десять уездов» (Истзап 1992. Электр. текст).

⁵⁰ «Ши цзин» (Ш, 1, 1) (Ши цзин. Электр. текст). В поэтическом переводе см. Ши цзин 2015: 253.

⁵¹ Гу 鼓 равен 480 цзиням.

⁵² Тан Шу 唐叔, или Тан Шууюй 唐叔虞 по имени Ци Юй 姬虞, был родоначальником дома Цзинь и младшим братом чжоуского Чэн-вана 周成王.

Когда *цины* и *дафу* последовательно блюдут [закон], народ в состоянии следовать своему Дао и сохранять свое ремесло. Не нарушать [последовательность] благородных и худородных – это и есть мера. [Цзиньский] Вэнь-гун ввел должность распорядителя рангов у чиновников, тем самым утвердил закон и стал гегемоном. Ныне забыли о мере и создают тренажник с текстом уголовного уложения. Как с помощью этого тренажника народ будет почитать благородных? Как сможет сохранить свое ремесло? Как может существовать государство, где нарушена последовательность между благородными и худородными? Да к тому же огласить уголовное уложение во время объезда варварских [земель], когда в самом Цзинь нет порядка в управлении, как же можно считать это законом?»

XLI, 16. Когда чуский Чжао-ван заболел, гадатель сказал: «[Духи] в [Хуан]хэ бесчинствуют». Чжао-ван не стал совершать жертвоприношение. *Дафу* просили устроить загородное жертвоприношение. Ван сказал: «Во времена трех эпох приносили жертвы только [духам] гор и рек своей страны. Янцзы, Ханьшуй, Суйшуй, Чжаншуй – вот великие реки Чу. Счастье и беда не могут простираться дальше этого [места]. Быть может я и не обладаю добродетелью, но уж точно не повинен пред [духами Хуан]хэ». В связи с этим [ван] не стал совершать жертвоприношение. Кун-цзы сказал: «Чуский Чжао-ван познал Великое Дао, он без сомнения сохранит страну! В „Ся шу“ сказано: „Только государь Яо руководствовался Небесным Постоянством и обладал этим краем. Ныне его деятельность позабыта, его устои находятся в беспорядке, царят мрак и погибель“. Еще сказано: „Что посеешь, то и пожнешь“».

XLI, 17. Вэйский Кун Вэнь-цзы⁵³ велел Тайшу Цзи⁵⁴ выгнать жену и жениться на [своей] дочери. [Тайшу] Цзи соблазнил младшую сестру своей первой жены и дал ей кров. А сам женился на дочери Кун Вэнь-цзы. [Кун] Вэнь-цзы пришел в ярость и решил расправиться [с Тайшу] Цзи. [В то время] Кун-цзы жил у Цюй Боюя, Вэнь-цзы нанес ему визит. Кун-цзы сказал: «Некогда я учился тому, как использовать жертвенный короб-*фу* для зерна и жертвенный сосуд-*гуй* для проса. Но я несведущ относительно оружия и успехов». Отступив назад, он велел заложить экипаж и, уходя, произнес: «Птица выбирает дерево, где гнездиться, а не дерево птицу, не так ли?» Вэнь-

⁵³ Кун Вэнь-цзы 孔文子 (ум. 480 г. до н.э.) – *дафу* из царства Вэй.

⁵⁴ Тайшу Цзи 太叔疾, или Тайшу Дао-цзы 太叔悼子 – аристократ из царства Вэй.

цзы тотчас же застыл на месте и сказал: «Разве можно определять меру, исходя из личных [интересов]? [Я лишь желаю] оградить царство Вэй от напастей». [Кун-цзы решил] остаться. [Луский] Цзи Кан-цзы спросил Жань Цю о военном [искусстве], Жань Цю ответил и еще добавил: «Учитель известен в народе, его качества восхищают даже духов-*гуй* и духов-*шэнь*, используйте его и обретете добрую славу». Кан-цзы сказал [лускому правителю] Ай-гуну, что надлежит вернуть Кун-цзы в [Лу] и поднести ему дары. [Кан-цзы] сказал: «Доверимся Жань Цю и назначим [Кун-цзы] на высокую должность».

XLI, 18. Циский Чэнь Хэн⁵⁵ убил своего правителя Цзянь-гуна⁵⁶. Услышав об этом, Кун-цзы три дня совершал ритуальное омовение, затем явился ко двору и сказал [лускому] Ай-гуну: «Чэнь Хэн убил своего правителя, прошу покарать его». Ай-гун не выразил согласия. [Кун-цзы] трижды повторил свою просьбу, [после чего] гун сказал: «Царство Лу долгое время находится под гнетом царства Ци. Как же я могу покарать [Чэнь Хэна]?» Кун-цзы ответил: «Чэнь Хэн убил своего правителя, половина народа не одобрила этого. Если взять всех лусцев, да еще и половину цисцев, [которые не согласны с Чэнь Хэном], то можно одолеть его». Гун ответил: «Доложи об этом главе клана Цзи». Кун-цзы отказался, отступил назад и произнес: «Поскольку я [в ранге], следующем за *дафу*, я не мог не доложить».

XLI, 19. Цзы Чжан спросил: «В „Шан шу“ сказано: „Гао Цзун [носил траур по отцу] три года и не произносил ни слова, когда же он заговорил, его речь была спокойной“⁵⁷. Бывает ли такое?»⁵⁸. Кун-цзы ответил: «А почему же нет? В древности, когда умирал Сын Неба, его наследник на три года вручал бразды правления советнику-*чжунцзаю*. Когда скончался Чэн Тан, Тай Цзя⁵⁹ внимал [наставлениям] И Иня⁶⁰. Когда почил У-ван, Чэн-ван внимал [наставлениям] Чжоу-гуна. Их чувство долга было едино».

⁵⁵ Чэнь Хэн 陈恒, он же Чэньчэн Хэн 陈成恒, или Тянь Чан 田常 – циский высокопоставленный чиновник, был советником Цзянь-гуна.

⁵⁶ Цзянь-гун 简公 (ум. 481 г. до н.э.) по имени Люй Жэнь 吕壬 – правитель царства Ци (484–481 гг. до н.э.). Данный отрывок близок с «Лунь юй» XIV, 21 [Лунь юй], однако в «Лунь юй» Ай-гун велел Кун-цзы сообщить о злодеянии главам трех родов (Цзи, Мэн и Сунь), а в «Кун-цзы цзя юй» – только главе клана Цзи.

⁵⁷ Полную цитату см. в гл. «У и» («Не ленись») «Шан шу» [Шан шу 2014: 411].

⁵⁸ Об этом читаем в «Лунь юй» XIV, 40 [Лунь юй].

⁵⁹ Тай Цзя 太甲 – правитель династии Шан, внук Чэн Тана 成汤.

⁶⁰ И Инь 伊尹, или И Чжи 伊摯 (ок. 1649 – 1550 гг. до н.э.) – знаменитый главный министр династии Шан.

ХLI, 20. Вэйский Сунь Хуань-цзы⁶¹ напал на царство Ци и потерпел поражение. Цисцы стали преследовать [вэйское войско], Чжуншу Юйси, *дафу* из Синьчжу⁶², и его люди спасли Сунь Хуань-цзы, и ему удалось уйти. Вэйцы решили наградить Чжуншу Юйси и пожаловать ему земли, но он отказался, попросив лишь трехгранный подвесной музыкальный инструмент, который используют *чжухоу*, и подвески на подпруге лошади, которые также используют *чжухоу*. В таком виде он явился ко двору. [Вэйский правитель] выразил согласие и велел трем чиновникам⁶³ сделать запись об этом. Цзы Лу служил в царстве Вэй, увидев [запись] об этом событии, он нанес визит Кун-цзы. Кун-цзы сказал: «Какая жалость! Уж лучше б ему жаловали больше земель. Только ритуальную утварь и титул нельзя одолжить. Это то, чем ведает правитель, посредством титула выявляют верность, посредством верности хранят ритуальную утварь, посредством ритуальной утвари сберегают ритуал, посредством ритуала осуществляют долг, посредством долга приносят пользу, посредством пользы умиротворяют народ, управляют на основании великой нормы. Если [ритуальную утварь и титул] одолжить другому, это равнозначно тому, что передать другому управление [страной]. Если принципы управления забыты, то и страна последует за ними, и этого не остановить».

ХLI, 21. Мать Гунфу Вэньбо⁶⁴ беспрестанно сучила пряжу, Вэньбо увещевал ее [бросить это занятие]. Мать сказала: «В древности супруга вана собственноручно ткала шелковые ленты для парадного головного убора [Сына Неба]. Жены *гунов* и *хоу* ткали шнуры для головного убора, жены *цинов* ткали парадный пояс с кистями. Жены чиновных особ⁶⁵ изготавливали ритуальное облачение, жены служилых-*ши* изготавливали парадные одежды для приемов во дворце. Жены простолюдинов ткали одежду для своих мужей. Осенью снимали урожай, зимой совершали жертвоприношения и подносили плоды своей работы. [Зимой] мужчины и женщины сучили пряжу, кто допускал ошибку, тот не принимал участия [в жертвоприноше-

⁶¹ Сунь Хуань-цзы 孙桓子, или Сунь Лянфу 孙良夫 – *цин* из царства Вэй.

⁶² Синьчжу 新筑 – название города на юге совр. пров. Хэбэй.

⁶³ Три чиновника (*сань гуань* 三官) – *сыту*, *сыма* и *сыкун*.

⁶⁴ Гунфу Вэньбо 公父文伯, или Гунфу Чу 公父歆 – луский *дафу*, двоюродный дядя главного министра царства Лу – Ци Кан-цзы. Мать Гунфу Вэньбо звали Цзинцзян 敬姜, она славилась своей мудростью.

⁶⁵ Чиновные особы (*ле ши* 列士) – чиновники с рангами знатности от *цинов* до *ши*.

нии]. Это установление совершенномудрых ванов. Ныне я вдова, а ты вновь на службе. С утра до вечера прилежно работаю, беспокоюсь о том, чтобы не забыть ремесло предков. А если поддастся лени, то как же тогда избежать обвинений?» Услыхав об этом, Кун-цзы воскликнул: «Ученики, запомните! Женщину из клана Цзи можно назвать превосходной!»

XLI, 22. Фань Чи спросил у Кун-цзы: «Бао Цянь⁶⁶ служил правителю царства Ци [Лин-гуну], крепко держал бразды правления, это можно назвать преданностью, но Лин-гун велел отрубить [Бао Цяню] ступни. [Такое поведение гуна] считается невежеством, не так ли?» Кун-цзы ответил: «В древности служилые-иши были беззаветно преданными Дао управления страной и тем самым помогали [государю]. Когда же Дао было утеряно, они отступали назад и отходили от дел. Ныне Бао Чжуан-цзы получает жалованье при дворе, где царит разврат, не понимает, просвещен или невежественен его правитель, поэтому и понес великое наказание. Его мудрость не была выверена, вот почему [Бао Чжуан-цзы] лишился ног».

XLI, 23. [Луский] Цзи Кан-цзы решил внедрить колодезную систему землепользования и велел нанести визит Кун-цзы. Учитель сказал: «Я не знаю этого». Жань Ю трижды [спрашивал] и в конце концов произнес: «Учитель – старейшина нашей страны, мы ждем вашего совета, почему же вы молчите?» Кун-цзы не ответил, только сказал, обращаясь к Жань Ю: «Цю, подойди ко мне, едва ли ты не слышал об этом. Прежние ваны распределяли земли в соответствии с качеством почвы, устанавливали налоги в соответствии с тем, как трудился народ [на земле], и в соответствии с удаленностью земель. Взимали налоги в соответствии с получаемой прибылью, оценивали, имеется ли прибыль. Распределяли трудовую повинность исходя из количества мужчин [в семье], а также исходя их того, сколько [в семье] стариков и детей. И потому бобылей, вдов, сирых, убогих, стариков использовали только во время военных действий. За год войны с каждого участка взимали не более одного *бин*⁶⁷ [зерновых],

⁶⁶ Бао Цянь 鲍牵, или Бао Чжуан-цзы 鲍庄子 – циский чиновник. Когда чиновник Цин Кэ вступил в связь с матерью гуна, Бао Цянь сказал об этом старшему чиновнику Го Цзо. Но мать гуна обвинила Бао Цяня в том, что он затевает мятеж против Лин-гуна, тогда Лин-гун распорядился отрубить Бао Цяню ступни. См.: «17-й год Чэн-гуна» Цзо чжуань [Цзо чжуань].

⁶⁷ *Бин* 秉 – мера объема, равная 16 ху. Ху 斛 – мера сыпучих или жидких тел, в древности равная 10, позже – 5 доу, т.е. 1 ху ≈ 103,5 л, позже – ок. 52 л.

одного *фюу*⁶⁸ риса и одного снопа сена. Прежние ваны полагали, что такого количества было достаточно, благородные мужи действовали согласно с ритуалом. Совершая благодеяния, стремились к широте, решая дела, стремились придерживаться середины, взимая подати, стремились к наименьшему. По моему мнению, этого достаточно. Если не согласовываться с ритуалом, быть алчным и ненасытным, то, хотя обложишь налогом все пахотные земли, и этого будет недостаточно. Если Цзи-сунь желает поступать таким образом, то пусть возьмет за образец установления Чжоу-гуна, если же Цзи-сунь желает нарушать закон, то пусть поступает по собственному усмотрению, к чему еще спрашивать меня?»

XLII, 24. Цзы Ю спросил Кун-цзы: «Учитель увлеченно повествует о благодеяниях [чжэнского министра] Цзы Чаня, можно ли услышать об этом?» Кун-цзы ответил: «Это любовь к народу и ничего больше». Цзы Ю сказал: «Любовью к народу называется добродетельное обучение. Неужели только это называется благодеянием?» Кун-цзы сказал: «Цзы Чань словно мать для народа, кормит, но не наставляет». Цзы Ю спросил: «Не могли бы вы рассказать конкретнее». Кун-цзы сказал: «Цзы Чань предлагал [людям] свои носилки, для того чтобы зимой переправиться вброд⁶⁹. Это и называется любить, но не наставлять».

XLII, 25. [Луский] Дин-гун спросил Кун-цзы: «Некоторые *дафу* увещевают меня и велят уважать стариков, почему же?» Кун-цзы ответил: «Государь, что касается этих слов, они действительно принесут счастье всей Поднебесной. А что же говорить о царстве Лу!» Гун спросил: «Почему же? Осмелюсь спросить о смысле этих слов?» Кун-цзы ответил: «В древности во времена [государя] Шуня ценили добродетельных и превозносили стариков, во времена эпохи Ся ценили титулованных особ и превозносили стариков, во времена эпохи Инь ценили превосходных и превозносили стариков, во времена эпохи Чжоу ценили обладающих родственной близостью и превозносили стариков. Великие ваны Поднебесной во времена [государя Шуня], во времена эпох Ся, Инь и Чжоу никогда не оставляли стариков, их ценили по всей Поднебесной. [Уважение к старикам] уступает только служению родителям. Поэтому при дворе [между

⁶⁸ *Фюу* 斛 – мера сыпучих тел, равная 4 ху.

⁶⁹ Т.е. он не строил мосты, а лишь оказывал милость. Об этом см. гл. «Ли Лоу. Часть II» «Мэн-цзы» [Мэн-цзы].

чиновниками] одинакового ранга лучшее [место] предоставляли старшему по возрасту. По достижении семидесяти лет являлись ко двору, опираясь на посох, если государь обращался с вопросом, то [отвечали] сидя. По достижении восьмидесяти лет не являлись ко двору, если государь обращался с вопросом, то он приходил [в дом старца], так осуществляли уважение и покорность по отношению к старикам при дворе. В дороге, если идешь плечом к плечу [со старшим], то нельзя идти в одну линию, надо идти позади и наискосок. Старцы с проседью в волосах на дороге не носили свою ношу, [за них это делали молодые]. Так осуществляли уважение и покорность по отношению к старикам на дороге. Жители страны занимали места в соответствии с возрастом, старые и бедные не испытывали нужды. Сильные не притесняли слабых, семейные не измывались над одиночными, так осуществляли уважение и покорность по отношению к старикам в селениях. Дао древних заключалось в том, что люди по достижении пятидесяти лет не прислуживали при царской охоте, а охотничий трофей преподносили старшему из приближенных, так осуществляли уважение и покорность по отношению к старикам на охоте. В армии [военным] одинакового звания лучшее [место] предоставляли старшему по возрасту, так осуществляли уважение и покорность к старикам в армии. Наставление совершенномудрых заключается в том, чтобы сыновнюю почтительность и уважение к старшим проявлять при дворе, осуществлять на дороге, реализовывать в селениях, выполнять на охоте, соблюдать в армии. Так люди обращаются к долгу, и лучше уж умереть, чем нарушить [нормы уважения к старшим]⁷⁰. Гун воскликнул: «Превосходно! Хотя я и слышал об этом, но не мог осуществить».

XLI, 26. [Луский] Ай-гун спросил Кун-цзы: «Я слышал, что делать пристройку к дому с восточной стороны неблагоприятно, верить ли этому?» Кун-цзы ответил: «Неблагоприятных событий существует пять видов, и пристройка с восточной стороны не входит в их число. Когда причиняют ущерб другим ради собственной выгоды – это неблагоприятно для себя самого. Когда покидают старых и заботятся [лишь] о молодых – это неблагоприятно для семьи. Когда не используют достойных и назначают дурных – это неблагоприятно для страны. Когда старые не наставляют, а молодые не

⁷⁰ Данный ответ Кун-цзы практически полностью совпадает с отрывком из гл. «Цзи и» «Ли цзи» («Смысл жертвоприношения») [Ли цзи].

учатся – это неблагоприятно для нравов [народа]. Когда совершенномудрые бегут от мирской суеты, а глупцы узурпируют власть – это неблагоприятно для всей Поднебесной. Неблагоприятных событий существует пять видов, и пристройка с восточной стороны не входит в их число».

ХLI, 27. Кун-цзы прибыл с визитом к Цзи-суню⁷¹, личный управляющий спросил [Цзи-суня]: «Правитель направил своих людей и просит одолжить [часть нашей] земли, как быть?» Цзи-сунь не ответил. Кун-цзы сказал: «Я слышал, что, когда государь просит у подчиненных что-либо, это называется „получать“; когда же государь дает что-либо подчиненным, это называется „дарить“». Когда подчиненный просит у государя что-либо, это называется „одолжить“, когда же подчиненный дает что-либо государю, это называется „подносить“». Цзи-сунь изменился в лице и, внезапно осознав [сказанное], произнес: «Я действительно [раньше] не понимал смысл [этих слов]». А затем сказал своему личному управляющему: «Теперь, если правитель попросит что-либо, никогда не говори „одолжить“».

⁷¹ Т.е. к Цзи Кан-цзы.

Глава XLII

Цзы Гун спросил о разнообразных [видах] ритуала¹

XLII, 1. Цзы Гун спросил Кун-цзы: «Цзиньский Вэнь-гун призвал Сына Неба и велел всем *чжухоу* явиться ко двору. Учитель создал „Чунь цю“ и написал: „Небесный ван охотился на северном берегу Хуанхэ“, что это значит?» Кун-цзы ответил: «От имени подчиненного призывать государя – этому нельзя подражать, поэтому я написал, как [Вэнь-гун] призвал *чжухоу* служить государю».

XLII, 2. Когда Кун-цзы был в царстве Сун, он увидел Хуань Туя², который заказал каменный саркофаг [для себя]. После трех лет работа так и не была закончена, а все мастера выбились из сил. Учитель изменился в лице и сказал: «При такой роскоши уж лучше поскорее умереть, чем довести работу до конца»³. В это время Жань Ю прислуживал [Кун-цзы], [Жань Ю] спросил: «В „Ли цзи“ [сказано], что к печальным событиям не стоит готовиться заранее. Что это значит?» Учитель ответил: «Когда [государь] умирает, то получает посмертное имя, после этого можно проводить гадание о месте и дне захоронения. После похорон возводят храм предков, всем этим занимаются подданные, нельзя заранее делать приготовления и уж тем более нельзя самому заниматься этим». Луский Дин-гун обвинил Наньгун Цзиншу в расточительстве, и тот бежал в царство Вэй. Вэйский *хоу* попросил [Дин-гуна] вернуть [Наньгун Цзиншу] и послал ко двору [Дин-гуна] богатые дары. Услышав об этом, Кун-цзы ска-

¹ Первая глава трактата «Ли цзи», в которой рассматриваются аспекты пяти важнейших ритуалов: свадебного, жертвоприношения, приема гостей, военного, траурного – также имеет название «Цюй ли»; И.Б. Кейдун переводит заглавие как «Разнообразные правила благопристойного поведения» [Кейдун 2001: 147]. Данная глава из «Цзя юй» не совпадает с главой из «Ли цзи», в «Цзя юй» Учителя спрашивают главным образом о траурном ритуале.

² Хуань Туй 桓魋, или Сян Туй 向魋 – сунский воевода-*сыма*. В «Лунь юй» VII, 23 говорится о том, что Хуань Туй хотел убить Кун-цзы [Лунь юй].

³ Данный эпизод почти полностью совпадает с отрывком из гл. «Тан-гун шан» («Тан Гун. Часть I») «Ли цзи» [Ли цзи].

зал: «При таком подкупе уж лучше быстрее обнищать, чем лишиться [титула]». В это время Цзы Ю прислуживал [Кун-цзы], Цзы Ю спросил: «Осмелюсь спросить, что это значит?» Кун-цзы ответил: «Когда богатство выше ритуала, жди беды. Цзиншу ради богатства лишился [титула] и не сожалеет об этом. Я боюсь, его ждут дурные последствия». Услышав об этом, Цзиншу тотчас же направился к Кун-цзы, с тех пор [Цзиншу] соблюдал ритуал и подавал милостыню.

XLII, 3. Когда Кун-цзы был в царстве Ци, там случилась большая засуха и весной был голод. [Циский] Цзин-гун спросил Кун-цзы: «Что же делать?» Кун-цзы ответил: «В неурожайный год [действуй так, будто] едешь на кляче: надлежит отменить трудовые повинности, не приводить в порядок государеву дорогу, совершать подношения [духам] монетами и яшмой, а не жертвенными животными, не совершать жертвоприношения произвольно, а если и совершать, то без жертвенных животных. Вот ритуал того, как достойный государь принижает себя для того, чтобы спасти народ».

XLII, 4. Кун-цзы прибыл с визитом к Ци [Кан-цзы], но тот целый день отдыхал во внутренних покоях. Кун-цзы поинтересовался, уж не заболел ли [Цзи Кан-цзы], тогда тот появился. Когда разговор был закончен, Кун-цзы удалился. Цзы Гун спросил: «[Цзи] Кан-цзы не был болен, но вы спросили, болен ли он, соответствует ли это ритуалу?» Кун-цзы ответил: «По ритуалу благородный муж только в случае большого несчастья может спать за пределами [внутренних покоев], если же он не соблюдает пост и не болен, то не может днем находиться во внутренних покоях. Вот почему ночью спать за пределами внутренних покоев – это возможно только в случае, если выражают соблезнования [личным визитом], а если кто-то днем находится во внутренних покоях, то можно справляться о его здоровье».

XLII, 5. Кун-цзы исполнял должность главного советника-сыкоу [в царстве Лу]. Однажды в царской конюшне случился пожар, [узнав об этом], Кун-цзы покинул дворец и явился на место происшествия⁴. Люди, жившие неподалеку, сами потушили пожар. Увидев это, Кун-цзы вежливо отблагодарил каждого, служилым-*ши* поклонился один раз, *дафу* поклонился два раза. Цзы Гун спросил: «Осмелюсь спросить, почему вы так поступили?» Кун-цзы ответил: «Люди, которые пришли тушить пожар, следовали Дао выражения сочувствия. Я же чиновник, непременно должен был поблагодарить их».

⁴ Ср. с эпизодом из «Лунь юй» X, 12 [Лунь юй].

XLII, 6. Цзы Гун спросил: «Гуань Чжун был расточителен, а Янь Ин был скуп. Если сравнить их недостатки, кого из них можно считать достойным?» Кун-цзы ответил: «Гуань Чжун использовал гравированный жертвенный сосуд-*гуй* и повязывал ярко-красные завязки для головного убора, [точно Сын Неба], он [повелел] установить заслон перед воротами и перевернуть постамент для пиршественных сосудов, на деревянных перекладинах [повелел] вырезать горы и травы, хотя он и достойный *дафу*, но ставил в затруднительное положение высших⁵. Янь Пинчжун⁶, совершая жертвоприношения предкам, использовал свиную лопатку, которая [была слишком маленькой] и не полностью заполняла сосуд-*доу*, свою шубу на лисьем меху он носил тридцать лет, хотя он и достойный *дафу*, но ставил в затруднительное положение низших. Благородный муж, будучи высшим, не притесняет низших, будучи низшим, не оказывает давление на высших».

XLII, 7. Жань Цю спросил: «Цзан Вэньчжун знал, как управлять царством Лу, он завещал свои принципы потомкам, эти принципы не забыты и по сей день. Можно ли сказать, что [Вэньчжун] познал ритуал?» Кун-цзы ответил: «Как же можно так сказать? Когда Сяфу Фуци⁷ совершал жертвоприношения без соблюдения старшинства, [Вэньчжун] не остановил его, [равно и когда Фуци] недолжным образом совершал жертвоприношения духу очага на костре. Это жертвоприношение должны совершать пожилые женщины. Подношения кладут в кувшин с узким горлом, а жертвенное вино, в отличие от других жертвоприношений, просто наливают в бутылку. Поэтому говорят, что ритуал подобен человеческому телу. Когда тело несовершенно, человека, обладающего таким телом, называют инвалидом. Когда [ритуал] устанавливают недолжным образом, это подобно тому, что тело человека несовершенно».

XLII, 8. Цзы Лу спросил Кун-цзы: «Цзан Учжун⁸ возглавлял войско и сразился с чжусцами в местечке Хутай, [лусцы] потерпели по-

⁵ Данный отрывок во многом совпадает с гл. «Ли ци» («Ритуальная утварь») «Ли ци» [Ли ци].

⁶ Янь Пинчжун 晏平仲 – другое имя Янь Иня 晏嬰.

⁷ Сяфу Фуци 夏父弗忌 – луский *цзунбо* (главный блюститель обрядов, советник по вопросам ритуала, культа).

⁸ Цзан Учжун 臧武仲, или Цзан Суньхэ 臧孙紇 – луский *дафу*, внук Цзан Вэньчжуна. Цзан Учжун исполнял должность советника-*сыкоу*. Спасаясь от преследований главного советника Мэн-суня, бежал в царство Ци.

ражение, множество воинов погибло, но [Цзан Учжун] не понес наказание. Разве в этом заключается Дао древних?» Кун-цзы ответил: «Если план военного советника провалился, он должен покончить с собой. Если план военного советника поставил под удар столицу страны, он должен погибнуть. Вот в чем заключается Дао древних. [Цзан Учжун] получил приказ от своего правителя [Сян-гуна], поэтому и не понес наказание».

XLII, 9. Царство Цзинь собиралось напасть на царство Сун, послали разведчика исследовать обстановку. В это время у юго-восточных ворот [столицы Сун] умер латник, управляющий [инженерными] работами Цзы Хань⁹ оплакивал его, выражая скорбь. Разведчик вернулся и сказал цзиньскому ху: «У юго-восточных ворот [столицы Сун] умер латник, управляющий [инженерными] работами Цзы Хань оплакивал его, выражая скорбь. Весь народ одобряет [такое поведение Цзы Ханя]. Пожалуй, не стоит нападать на царство Сун». Услышав об этом, Кун-цзы воскликнул: «Превосходно! Этот разведчик не промах! В „Ши цзин“ сказано: „Если у любого из людей траур, с величайшим старанием приди на помощь“¹⁰. Вот каков Цзы Хань. Не только в царстве Цзинь, во всей Поднебесной не найдется того, кто мог бы противостоять [царству Сун]. Поэтому Чжоу Жэнь¹¹ говорил: „Если народ одобряет твою любовь, то враг не пройдет“».

XLII, 10. Царство Чу напало на царство У, [чуский] распорядитель Шан Ян и [царевич Сюн] Цици¹² преследовали уское войско. Поравнявшись с [уским войском], Цици сказал: «Это дело касается нашего вана, можешь взять в руки лук». Шан Ян взял лук. Цици сказал: «Стреляй!» [Шан Ян] выстрелил и убил одного человека, затем убрал лук в колчан. Немного погодя Цици приказал выстрелить еще раз, и [Шан Ян] убил еще двух людей. Каждый раз, когда он убивал человека, он закрывал глаза рукой. Остановив колесницу, [Шан Ян] сказал: «Я не буду являться ко двору, не буду участвовать в пиршествах, смерти троих человек будет достаточно для того, что-

⁹ Лэ Си 乐喜 по прозвищу Цзы Хань 子罕 – выдающийся чиновник царства Сун при Пин-гуне 平公 (575–532 гг. до н.э.).

¹⁰ «Ши цзин» I, III, 10 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 42].

¹¹ Чжоу Жэнь 周任 – придворный историк во времена эпохи Шан.

¹² Сюн Цици 熊弃疾 (ум. 516 г. до н.э.) – личное имя чуского Пин-вана 平王. Видимо, во время описываемых событий Цици еще был царевичем.

бы я сообщил об исполнении приказа». Услышав об этом, Кун-цзы сказал: «Даже в убийстве людей есть ритуал!» Цзы Лу в гневе выступил вперед и сказал: «Долг подданного заключается в том, чтобы исполнять важные поручения правителя, трудиться изо всех сил до самой смерти. Так почему же Учитель похвалил [Шан Яна]?» Кун-цзы ответил: «Все так, как ты говоришь. Я ведь говорю о том, что [Шан Ян] сердцем не переносит убийства людей».

XLII, 11. Когда Кун-цзы был в царстве Вэй, [вэйский] советник-сыту скончался, Учитель явился выразить соболезнования. Хозяин дома не скорбел, поэтому Кун-цзы беззвучно оплакал [умершего] и удалился. Цюй Боюй¹³ сказал: «Наше царство Вэй невежественно, [люди] не усвоили траурный ритуал. Покорнейше прошу вас снести позор [и помочь нам]». Кун-цзы выразил согласие, [велел] вырыть углубление в средней опочивальне и совершить омовение [покойного], зажечь очаг и связать ноги [покойного], перенести [тело] на погребальный плат. Когда пришло время погребения, в западной стене храма предков сделали щель для духа дороги, пройдя через главные двери, [траурная колесница] достигла места захоронения. Мужчины стояли с западной стороны, а женщины – с восточной. После того как [могилу] засыпали землей, все вернулись в дом. Это было сделано согласно с Дао [погребального ритуала] эпохи Инь. Кун-цзы поступил таким образом. Цзы Ю спросил: «Благородный муж, следуя ритуалу, не стремится изменить нравы [народа], но Учитель изменил их, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Здесь сказано не об этом. Во время погребального ритуала следуют подлинным качествам [выражения скорби]».

XLII, 12. На восьмом году правления [луского] Сюань-гуна¹⁴, на восемнадцатый день шестого месяца, в храме предков государя совершалось большое жертвоприношение-ди, и в этот день скончался Дунмэнь Сянчжун¹⁵. На следующий день ритуал жертвоприношения все еще продолжался. Увидев запись об этом, Цзы Ю спросил Кун-цзы: «Это соответствует ритуалу?» Кун-цзы ответил: «Это не соответствует ритуалу. Когда умирает цин, [на второй день] не продолжают жертвоприношения».

¹³ Цюй Боюй 蘧伯玉 – вэйский дафу.

¹⁴ Сюань-гун 宣公 по имени Туй 倭 – луский правитель (608–591 г. до н.э.), сын Вэнь-гуна 文公. Восьмой год правления – 601 г. до н.э.

¹⁵ Дунмэнь Сянчжун 东门襄仲 – луский цин, второй сын луского правителя Чжуан-гуна 庄公.

XLII, 13. Во время похорон Цзи Хуань-цзы Цзи Кан-цзы надел одежды из отбеленного шелка¹⁶, вместо того чтобы надеть траурное платье с неподрубленными краями. Цзы Ю спросил Кун-цзы: «Разве одежды из отбеленного шелка могут заменить траурное платье с неподрубленными краями?» Кун-цзы ответил: «[Во время трехлетнего траура], не надев траурное платье с неподрубленными краями, нельзя встречать гостей, как же можно не носить его?»

XLII, 14. У одного человека из царства Чжу умерли единоутробные братья, он решил носить траур, но так как не знал, как надлежит соблюдать ритуал, попросил Янь Кэ спросить об этом Кун-цзы. Учитель сказал: «Если этот человек жил вместе с отчимом, то надлежит носить траур как по [родным] братьям, если же он не жил вместе с отчимом, то тогда не носят траур даже и по отчиму, не говоря уже о [единоутробных братьях]».

XLII, 15. Циское войско вторглось в царство Лу, [сын луского Чжао-гуна] Гуншу Ужэнь принимал участие в защите [Родины], он спал, опираясь на посох. Со слезами на глазах Ужэнь сказал: «Понуждаем [народ], хотя это и приводит к болезням, возлагаем [на него работу], хотя она и тяжела, но [даже] если правитель не может разработать план, то это не значит, что солдаты не должны быть готовы пожертвовать жизнью. Я об этом уже говорил, так как же можно не стараться?» И тогда [Ужэнь] и находящийся рядом с ним его юный фаворит Ван Ци ринулись на врага и встретили свою смерть. Оба были временно захоронены¹⁷. Лусцы желали похоронить Ван Ци не как умершего в раннем возрасте¹⁸ и спросили Кун-цзы об этом. Кун-цзы сказал: «Того, кто может держать щит и копьё, кто встал на защиту государства, разве можно назвать умершим в раннем возрасте?»

XLII, 16. Жена луского Чжао-гуна, по имени У Мэн-цзы¹⁹, скончалась, однако гун не сообщил об этом *чжухоу*. [В это время] Кун-

¹⁶ Одежду из отбеленного шелка (*лянь 练*) полагалось надевать в качестве нижнего платья только после первого года траура по родителям.

¹⁷ Гроб с телом умершего в данном случае устанавливают на месте временного захоронения.

¹⁸ Здесь употреблен иероглиф «殇» (*шан*), который означает: умирать в раннем (незрелом) возрасте (несовершеннолетним, в детстве, в юности, до 19 лет).

¹⁹ У Мэн-цзы 吴孟子 была уроженкой царства У и, как и луский Чжао-гун 昭公, носила фамилию Ци 姬, поэтому их брак не соответствовал ритуалу, так как было запрещено вступать в брак с однофамильцами.

цзы уже не служил, но явился выразить соболезнования и прибыл к Цзи-суню²⁰. Цзи-сунь не надел траурную головную повязку [из пеньки], Кун-цзы снял траурную головную повязку и не совершил поклона. Цзы Ю спросил: «А как же ритуал?» Кун-цзы ответил: «Если хозяин не облачился в траурные одежды, а ты явился выразить соболезнования, согласно ритуалу, не должно надевать траурную головную повязку».

XLII, 17. Когда умер Гунфу Мубо²¹, [его жена] Цзинцзян рыдала [только] днем. Когда умер [Гунфу] Вэньбо, [его мать] Цзинцзян рыдала [только] ночью. Кун-цзы сказал: «Женщину из клана Цзи можно назвать знающей ритуал. В любви она не ведаёт личных побуждений и соблюдает различие между высшим и низшим».

XLII, 18. Жена Наньгун Тао была племянницей Кун-цзы. Когда умерла ее тетя, Учитель дал ей наставления относительно траурной прически²², сказав: «Не делай ее слишком высокой и слишком большой. Шпилька из орешника должна быть длиной в один *чи*, а длина ленты, [скрепляющей волосы], должна быть в восемь *цуней*».

XLII, 19. Когда умер отец Цзы Чжана, Гун Мин²³ помогал руководить проведением похорон. [Гун Мин] спросил Кун-цзы, о том, как совершать земной поклон. Кун-цзы ответил: «Сначала поклониться, а затем совершить земной поклон – это значит быть послушным в своей покорности. Сначала совершить земной поклон, а затем поклониться – это значит соболезновать в высшей степени. При трехлетнем трауре следует совершать второй [вариант земного поклона]».

XLII, 20. Когда Кун-цзы был в царстве Вэй, в одной семье проходили похороны. Посмотрев церемонию похорон, Кун-цзы сказал: «Эти похороны прекрасны! Их можно брать за образец. Мальчик мой, запомни это!» Цзы Гун спросил: «Учитель, почему вы назвали эти похороны прекрасными?» [Кун-цзы] ответил: «Когда провожали

²⁰ Т.е. Цзи Кан-цзы.

²¹ Гунфу Мубо 公父穆伯 – луский аристократ, сын Цзи Дао-цзы 季悼子 и брат Цзи Пин-цзы 季平子.

²² В траурную женскую прическу (*чжуа* 髻) в волосы вплетались волокна конопли.

²³ Гун Мин 公明 – уроженец царства Лу, один из последователей ученика Кун-цзы Цзы Чжана. В гл. «Ган-гун шан» («Ган Гун. Часть I») «Ли цзи» есть упоминание о том, что Гун Мин руководил похоронами Цзы Чжана (子張之喪, 公明儀為志焉) [Ли цзи].

в последний путь, это было подобно тому, как [ребенок] льнет к [родителям]. Когда возвращались обратно, это было подобно тому, как выражают сомнение». Цзы Гун спросил: «Не лучше ли быстрее вернуться обратно и совершить поминальное жертвоприношение?» Кун-цзы ответил: «Этим в высшей степени выражают чувство [скорби]. Мальчик мой, запомни это! Я не смог бы [сделать лучше]».

XLII, 21. У человека из местности Бянь умерла мать, он рыдал [точно] младенец. Кун-цзы сказал: «Его слезы выражают скорбь, но едва ли [у такого вида плача] могут быть последователи. Ритуал же можно распространять, у ритуала могут быть последователи. Поэтому в плаче есть норма, в ношении траура есть временные ограничения».

XLII, 22. Мэн Сянь-цзы²⁴ совершил жертвоприношение-*тань*^{25/26}. Но музыкальные инструменты [в его доме] по-прежнему не использовались. [Мэн Сянь-цзы] мог посетить своих наложниц, но не сделал этого. Цзы Ю спросил Кун-цзы: «Не выходит ли за рамки ритуала [такое поведение]?» Кун-цзы ответил: «Сянь-цзы – вот человек, превосходящий остальных».

XLII, 23. Один человек из царства Лу совершил жертвоприношение-*сян*²⁷ и вечером начал петь. Цзы Лу посмеялся [над ним]. Кун-цзы сказал: «Ю, ты без конца укоряешь других. Трехлетний траур длится долго». Цзы Лу удалился. Кун-цзы сказал: «[До окончания траура] еще много времени, вот если бы он [запел] через месяц, то это было бы прекрасно».

XLII, 24. Цзы Лу спросил Кун-цзы: «Бедность [заставляет людей] печалиться. Когда [родители] живы, ты не можешь их содержать, когда они умерли, не можешь соблюсти ритуал, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Есть бобы и пить воду – вот что приносит радость [родительским] сердцам, вот что называется сыновней почтительностью. Обрядовать и класть в гроб [можно] и без внешнего саркофага – это

²⁴ Мэн Сянь-цзы 孟献子 (ум. 554 г. до н.э.) – луский аристократ из клана Мэн-сунь.

²⁵ *Тань* 禫 – жертвоприношение в день снятия траура по родителям (на 27-й месяц со дня смерти).

²⁶ Данный эпизод почти полностью совпадает с отрывком из гл. «Тан-гун шан» («Тан Гун. Часть I») «Ли цзи» [Ли цзи].

²⁷ *Сян* 祥 – жертвоприношение по случаю облегчения траура по родителям (*сяо-сян* 小祥 на 13-й, *дасян* 大祥 на 25-й месяц со дня смерти). Исходя из дальнейшего повествования, становится ясно, что в данном случае речь идет о *дасян*.

зависит от твоего достатка. Вот что называется ритуалом. Так почему же бедность [заставляет людей] печалиться?»

XLII, 25. Уский Яньлин Цзи-цзы²⁸ был с визитом в царстве Ци. На обратном пути его старший сын умер в местечке, находящемся между городами Ин и Бо²⁹. Услышав об этом, Кун-цзы сказал: «В царстве У Яньлин Цзи-цзы лучше всех осведомлен о ритуале. Последуем за ним и посмотрим, как он устроит погребальный ритуал». При возложении в гроб на умершем была обычная одежда, глубина могилы не достигала родниковых вод, а погребальный инвентарь и вовсе отсутствовал. После погребения над могилой соорудили могильный холм, который по ширине и длине соответствовал размерам захоронения, по высоте был на уровне вытянутой руки. После этого Цзи-цзы обнажил левую руку и трижды обошел захоронение, он плакал и восклицал: «Когда кости и мясо возвращаются в землю – это судьба! Только душа-хунь и пневма-ци вездесущи и самодостаточны». Кун-цзы сказал: «Действия Яньлин Цзи-цзы соответствуют ритуалу».

XLII, 26. Цзы Ю спросил о погребальной утвари. Кун-цзы ответил: «Все зависит от достатка в семье». Цзы Ю спросил: «Но как уравнивать то, что есть, и то, чего нет?» Кун-цзы ответил: «При наличии [богатства] не превышают [нормы] ритуала. При [его] отсутствии обряжают и кладут в гроб, хоронят, опуская гроб в могилу на веревке, и сооружают могильный холм. И тогда разве кто-то скажет, что это не соответствует [ритуалу]? Когда отправляют траурный ритуал, лучше, когда достаточно скорби, чем когда в избытке погребальная утварь. Когда совершают жертвоприношения, лучше, когда достаточно уважения, чем когда в избытке ритуальная утварь».

XLII, 27. В царстве Вэй умер Бо Гао³⁰, об этом сообщили Кун-цзы³¹. Учитель сказал: «Где же мне оплакивать его? Братьев оплакивают в храме предков, друзей отца оплакивают за воротами храма предков, наставников оплакивают во внутренних покоях, друзей оплакивают за воротами внутренних покоев. Всех знакомых оплаки-

²⁸ Яньлин Цзи-цзы 延陵季子 по имени Цзи Чжа 季札 – младший сын уского гуна Шоумэна 寿梦 (585–561 гг. до н.э.).

²⁹ Ин 贏 и Бо 博 – оба древних города находились на территории совр. пров. Шаньдун.

³⁰ Бо Гао 伯高 – благородный чиновник эпохи Чуньцю.

³¹ Данный эпизод почти полностью совпадает с отрывком из гл. «Тан-гун шан» («Тан Гун. Часть I») «Ли цзи» [Ли цзи].

вают под открытым небом. Ныне же оплакивать [Бо Гао] под открытым небом слишком непочтительно, но оплакивать его во внутренних покоях – чрезмерно. Цзы Гун представил меня [Бо Гао], поэтому я буду оплакивать его в доме Цзы Гуна». Тогда [Кун-цзы] повелел Цзы Гуну быть главным распорядителем, сказав: «Кланяйся тем, кто придет оплакивать [Бо Гао], но не тем, кто придет просто потому, что знал его». Начали оплакивать, и [Кун-цзы] велел Цзы Чжану отправиться [в царство Вэй] и выразить соболезнования личным визитом. [Цзы Чжан] еще не прибыл, когда Жань Цю, который был в Вэй, взяв связку шелка и четверку лошадей, прибыл, чтобы [выразить соболезнования]. Услышав об этом, Кун-цзы воскликнул: «Странно! Жань Цю не позволил мне до конца исполнить ритуал по отношению к Бо Гао!»

XLII, 28. Цзы Лу носил траур по старшей сестре, [в день], когда можно было снять траурные одежды, Цзы Лу не сделал этого³². Кун-цзы спросил: «Почему же ты не снял траур?» Цзы Лу ответил: «В нашей семье мало братьев, и потому я не смог [снять траурные одежды]». Кун-цзы сказал: «Каждый, кто следует Дао, не смог бы. Но когда прежние ваны устанавливали нормы ритуала, [они велели] тем, кто впереди, склонить голову и замереть на месте, а тем, кто позади, встать на цыпочки и взирать вдаль». Услышав эти слова, Цзы Лу тотчас же снял траурные одежды.

XLII, 29. Когда умерла мать Бо Юя, он оплакивал ее в течение года³³. Услышав [звуки плача], Кун-цзы спросил: «Кто это?» Ученики ответили: «Это Ли»³⁴. Кун-цзы воскликнул: «Ох, это чрезмерно и не соответствует ритуалу!» Услышав эти слова, Бо Юй прекратил оплакивать [мать].

XLII, 30. Вэйский гун в сопровождении *дафу* прибыл [в Лу] свататься и обратился к Цзи-суню. [Цзи] Хуань-цзы спросил о ритуале [сватовства] у Кун-цзы. Учитель сказал: «Люди, которые носят одинаковую фамилию, имеют общего предка и принадлежат к одному роду. Поэтому между теми, кто связан общей фамилией, нет различия. Когда [государь] устраивает совместный пир, то зовет всех сородичей. Пусть даже минули сто поколений [от начала] рода, но [людям с одинаковой фамилией] нельзя вступать в брак, в этом Дао

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Ли 鯉 – имя Бо Юя.

эпохи Чжоу». [Цзи] Хуань-цзы спросил: «Предок Лу и предок Вэй хотя и были братьями, но уже прошло столько лет. Так можно ли вступать в брак?» Кун-цзы ответил: «Это не соответствует ритуалу. Прошлые поколения предков должно почитать, а последующие поколения должно упорядочивать посредством родственной близости. В обращении с братьями должно придерживаться сердечной дружбы. В этом неизменное наставление прежних ванов».

XLII, 31. Ю Жо³⁵ спросил Кун-цзы: «Как поступать правителю по отношению к своим сородичам?» Кун-цзы ответил: «Каждый обладает Дао предков. Хотя правитель глубоко почитаем, но сотни поколений [сородичей] связаны посредством его родственной близости – в этом заключается благоговение и любовь. Хотя сородичи испытывают [к правителю] родственную близость, но они не смеют фамильярничать с ним – в этом заключается скромность».

³⁵ Ю Жо 有若, или Ю-цзы 有子 – один из учеников Кун-цзы.

Глава XLIII

Цзы Ся спросил¹

XLIII, 1. Цзы Ся спросил Кун-цзы: «Как обходиться с убийцами родителей?» Кун-цзы ответил: «Спать на подушке из соломы² – значит не служить и не жить [с врагом] под одним небом. Не важно, где встретишь [убийцу], при дворе или на рынке, не возвращайся домой за оружием – вступай в поединок [тотчас же]». [Цзы Ся] спросил: «Как обходиться с убийцами братьев?» Кун-цзы ответил: «Если служишь с ними не в одной стране, то, получив от правителя поручение и прибыв с визитом [в эту страну], даже если встретишь [убийц], не вступай с ними в поединок». [Цзы Ся] спросил: «Как обходиться с убийцами двоюродных братьев [со стороны отца]?» [Кун-цзы] ответил: «Не становись во главе [расправы с убийцами], если глава семьи [потерпевших] захочет призвать [убийц] к ответу, с оружием в руках окажи содействие».

XLIII, 2. Цзы Ся спросил: «Во время трехлетнего траура, после окончания [стодневного] оплакивания, нельзя отказываться от участия в военных действиях, это соответствует ритуалу? Или же надлежит [продолжить] службу?» Кун-цзы ответил: «Во времена эпохи Ся при трехлетнем трауре оставляли службу сразу после временного захоронения [умершего]. Во времена эпохи Инь оставляли службу сразу после погребения. Во времена эпохи Чжоу оставляют службу сразу после оплакивания. В [древних] записях сказано: „Благородный муж не лишает людей родственной близости, не лишает их [возможности оплакивать умерших]“». Цзы Ся спросил: «Тогда отказ от участия в военных действиях [после окончания оплакивания]

¹ В тексте «Кун-цзы цзя юй» данная глава называется «Цзы Гун спросил» (子貢問). Однако данное название не представляет отражающим главное содержание главы, так как большую часть вопросов задает Цзы Ся. Кроме того, в других публикациях «Кун-цзы цзя юй» глава так и называется «Цзы Ся спросил» (子夏問) (см.: [Цзи Сюйшэн 2010: 16]). Поэтому кажется целесообразным переводить название данной главы как «Цзы Ся спросил».

² В случае убийства родителей дети должны были спать на подушке из соломы, демонстрируя, что они никогда не забудут о случившемся.

соответствует ритуалу?» Кун-цзы ответил: «Некогда Лао Дань рассказывал мне, что луский гун Бо Цинь [вступил в войну после окончания оплакивания]. Но я не знаю, чтобы нарушение трехлетнего траура ныне приносило пользу».

XLIII, 3. Цзы Ся спросил Кун-цзы: «В [древних] записях сказано: „Когда Чжоу-гун помогал Чэн-вану, Чжоу-гун обучал наследника престола нормам ритуала“. Это правда?»³. Кун-цзы ответил: «В древности, когда Чэн-ван наследовал трон, из-за детского возраста он не мог вступить на престол. Чжоу-гун регентствовал, он упорядочивал [страну], показывал принципы [поведения] наследнику престола в обращении [со своим сыном] Бо Цинем. [Чжоу-гун] хотел, чтобы [Чэн]-ван познал Дао отца и сына, Дао правителя и чиновника, и тем самым совершенствовал Чэн-вана. Познав, что такое быть сыном, [Чэн-ван] в дальнейшем смог стать отцом, познав, что такое быть подчиненным, он в дальнейшем смог стать правителем, познав, как служить людям, он в дальнейшем смог использовать людей. [Чжоу-гун] показывал принципы [поведения] наследнику престола в обращении [со своим сыном] Бо Цинем и тем самым побуждал Чэн-вана познать суть отношений между отцом и сыном, правителем и чиновником, старшими и младшими. Всякий правитель по отношению к наследнику престола если испытывает родственную близость, то приходится отцом, если пользуется уважением, то является правителем. Обладающий родственной близостью отца, пользующийся уважением правителя может объединить Поднебесную и держать ее в руках. Но такой человек должен быть осмотрительным. Сделав одно, получить хороший [результат] может только тот наследник престола, который в учебе соблюдает порядок старшинства. Когда наследник престола в учебе соблюдает порядок старшинства, люди, взирая на него, спрашивают: „Наш будущий правитель уступает мне как старшему по возрасту, почему же?“ Отвечают: „Когда отец жив, это соответствует ритуалу“. Так все узнают Дао отца и сына. Тогда второй человек спрашивает: „Наш будущий правитель уступает мне как старшему по возрасту, почему же?“ Отвечают: „Он является чиновником, и это соответствует ритуалу“. Так все узнают долг правителя и чиновника. Тогда третий человек спрашивает: „Наш будущий правитель уступает мне как старшему по возрасту, поче-

³ Данный эпизод почти полностью совпадает с отрывком из трактата гл. «Вэнь-ван ши цзи» («Наследник Вэнь-вана») «Ли цзи» [Ли цзи].

му же?» Ответают: „Почтение к старшим соответствует ритуалу“. Так все узнают норму [отношений] между старшими и младшими. Поэтому, когда отец жив, [наследник престола] приходится сыном, когда правитель жив, он является чиновником. Будучи сыном и чиновником, он выражает уважение к правителю и родственную близость к отцу. Так он учится [Дао] отца и сына, [долгу] правителя и чиновника, [норме отношений] между старшими и младшими. Познав Дао отца и сына, правителя и чиновника, старших и младших, можно упорядочить страну. Поэтому говорят: „Главный придворный музыкант ведает знанием дела, наставник ведает совершенствованием [наследника престола]. Если наследник престола достигнет этого, то десять тысяч царств обретут стойкость“. Вот как говорят о наследнике престола. Я слышал также, что говорят: „Чиновником является тот, кто пойдет на смерть ради того, чтобы принести пользу правителю“. Так что же говорить о том, чтобы всю жизнь положить на благо правителя! Чжоу-гун, без сомнения, справился с этой задачей».

XLIII, 4. Цзы Ся спросил Кун-цзы: «Как вести себя на похоронах матери или жены правителя?» Кун-цзы ответил: «Жилище, речи и пища должны быть обычными, прибыв на место похорон, надлежит быть в соответствующем [положении] траурном одеянии». [Цзы Ся еще спросил]: «Осмелюсь спросить, как вести себя в случае смерти тетки?» Кун-цзы ответил: «Когда умирает жена старшего брата отца или жена младшего брата отца, носят траурное одеяние, соответствующее трауру-цуй⁴, когда при оплакивании бьются в отчаянии, [ноги] не отрывают от земли. Когда умирают двоюродные сестры отца, носят траурное одеяние, соответствующее трауру-дагун⁵, когда при оплакивании бьются в отчаянии, [ноги] отрывают от земли. Если человек знает это, то он следует нормам культуры».

XLIII, 5. Цзы Ся спросил Кун-цзы: «При соблюдении всякого траура начиная с траура-сяогун⁶ совершают жертвоприношения в доме покойного и в храме предков, а также – омовение. Во время трехлетнего траура сын тем самым выражает чувство [скорби] по отношению к родителям, не так ли?» Кун-цзы ответил: «Разве дело

⁴ Цуй 衰 – траур в один год, в отличие от трехлетнего траура по родителям. Подробнее о различных видах ношения траура см.: [Кейдун. Порядок ношения траура].

⁵ Дагун 大功 – траур в девять месяцев.

⁶ Сяогун 小功 – малый траур по дальним родственникам.

только в жертвоприношении? Во время трехлетнего траура совершают омовение, если на теле не появились язвы, а на голове – нарывы, в случае болезни пьют вино и едят мясо. Известись от горя и заболеть – благородный муж не поступает таким образом. Благородный муж горюет об умерших, совершает ритуальное омовение для того, чтобы соблюдать [духовную] чистоту, а не для того, чтобы приукрасить свое тело».

XLIII, 6. Цзы Ся спросил Кун-цзы: «Если гость [прибыл] издалека и ему негде остановиться на ночлег, Учитель говорил об этом: „Пусть живет в моем доме“. А если гость умер и негде его временно захоронить, то об этом Учитель говорил: „Пусть будет похоронен на моей земле“. Осмелюсь спросить, это соответствует ритуалу? Или же это веление человеколюбивого сердца?» Кун-цзы ответил: «Я слышал, как Лао Дань говорил: “Хозяин постоянного двора должен давать [гостям] почувствовать себя словно [дома], как же может он отказать во временном захоронении?” Поэтому человеколюбивый упорядочивает ритуал. Ритуал необходимо ясно понимать. Существует множество разнообразных ритуалов, их количество нельзя ни убавить, ни прибавить. Поэтому сказано: „Я вступаю в бой и одерживаю победу, приношу жертву и получаю благословление [Неба]“. Вероятно, [это сказано о том], кто обрел Дао ритуала».

XLIII, 7. Кун-цзы трапезничал у Цзи-суня. После ритуала кормления предков⁷ хозяин дома не поблагодарил [Кун-цзы], сам не стал вкушать пищу, а гости не стали пить вино, так и прошла трапеза. Цзы Ся спросил: «Это соответствует ритуалу?» Кун-цзы ответил: «Это не соответствует ритуалу, но [гости] следовали за хозяином. У Шаоши⁸ я ел досыта, потому что он принимал меня согласно ритуалу. После ритуала кормления предков он поблагодарил меня и сказал: „Скудной пищи недостаточно для того, чтобы совершать ритуал кормления предков“. После трапезы я произнес: „Даже скудная пища не навредит моей природе“. Когда хозяин не соблюдает ритуал, гость не может в полной мере соблюсти его. Когда хозяин в полной мере соблюдает ритуал, гость не посмеет поступать по-другому».

XLIII, 8. Цзы Ся спросил Кун-цзы: «Если ты находишься в подчинении у *дафу*, а также служишь гуноу, то [в случае смерти] *дафу*

⁷ Согласно ритуалу кормления предков (*ши цзи* 食祭) перед трапезой небольшое количество пищи и вина приносили в жертву духам предков.

⁸ Шаоши 少施 – луский *дафу*.

носить по нему траур – это соответствует ритуалу?» Кун-цзы ответил: «Гуань Чжун повстречался с разбойничьей шайкой, выбрал двоих человек и сделал их слугами [Хуань-гуна], сказав: „Их сбили с толку, но они могут стать людьми“. Гун выразил согласие. Когда Гуань Чжун скончался, гун велел этим двоим носить по нему траур. [Обычай] носить траур по *дафу* начался с Гуань Чжуна, так повелел сам правитель!»

XLIII, 9. Цзы Гун спросил Кун-цзы, как носить траур по родителям. Кун-цзы ответил: «Главное – это почтение, затем чувство скорби, но нельзя [доводить себя] до истощения. Выражение лица соответствует чувствам, печальный вид соответствует траурному одеянию». [Цзы Гун] спросил: «Осмелюсь спросить, как носить траур по братьям?» Кун-цзы ответил: «Об этом написано на бамбуковых планках».

XLIII, 10. Цзы Гун спросил Кун-цзы: «Во времена эпохи Инь люди после завершения погребения приходили выражать соболезнования к могиле, ныне же люди эпохи Чжоу после оплакивания [умершего] приходят выразить соболезнования в дом [умершего], почему так?» Кун-цзы ответил: «[Люди] приходят выразить соболезнования после оплакивания – это завершение похорон, оплакать лишившись – значит потерять. Тогда [родственники умершего] в высшей степени [скорбят], поэтому [люди] приходят выразить соболезнования. Смерть – последнее важное событие для человека, иньцы основывались на простоте, но я следую заветам эпохи Чжоу. Иньцы совершали жертвоприношение-*фу*⁹ в храме предков на следующий день после облегчения траура [на тринадцатом месяце], во времена эпохи Чжоу жертвоприношение-*фу* совершают после [ста дней] оплакивания. Жертвоприношение-*фу* – начало поклонения духам предков. Чжоуский [обычай] слишком поспешный, в этом вопросе я следую [заветам] эпохи Инь».

XLIII, 11. Цзы Гун спросил: «Я слышал, Янь-цзы говорил, что Шао Лянь и Да Лянь¹⁰ хорошо разбирались в ношении траура, не так

⁹ *Фу* 祔 – жертвоприношение родителям после трех лет траура, целью которого было приобщить душу покойного к предкам в родовом храме.

¹⁰ Шао Лянь 少连 и Да Лянь 大连 – неустановленные личности, возможно, братья. О Шао Ляне упоминается в «Лунь юй» (XVIII, 8): «Люся Хуэй и Шао Лянь поступили своими убеждениями и покрыли себя позором, их речи соотносились с правилом, их поступки были осмысленными, и только» [Лунь юй].

ли?» Кун-цзы ответил: «Верно. Когда умерли их родители, [Шао Лянь и Да Лянь] в течение трех дней соблюдали пост, в течение трех месяцев непрестанно [оплакивали родителей], в течение года горевали и скорбели, в течение трех лет оставались печальными. И хотя они принадлежали к племени восточных варваров, но в полной мере следовали ритуалу».

XLIII, 12. Цзы Ю спросил: «Когда наследник *чжухоу* соблюдает траур по матушке-воспитательнице так же, как и по родной матери, это соответствует ритуалу?» Кун-цзы ответил: «Это не соответствует ритуалу. В древности за пределами дома у мальчика был наставник, а дома – матушка-воспитательница. Правитель повелел им наставлять своих детей. Но не велел носить траур по наставнику и матушке-воспитательнице. Мать луского Сяо-гуна¹¹ умерла, когда он был еще мал, его матушка-воспитательница была прекрасной [женщиной]. Когда и она умерла, гун места себе не находил и пожелал носить по ней траур. Но заведующий ритуалом сказал: «Согласно ритуалу, государь не носит траур по матушке-воспитательнице. Если ныне правитель будет носить траур по матушке-воспитательнице, то это нарушит древний ритуал и приведет в беспорядок законы нашей страны. Если же вы все же решитесь на это, то я должен буду оставить об этом запись в назидание последующим поколениям. Не лучше ли воздержаться от такого [поведения]?» Гун ответил: «В древности, когда умирала матушка-воспитательница Сына Неба, он надевал траурный головной убор из белой ткани и тем самым выражал [скорбь]». После чего *гун* надел траурный головной убор из белой ткани в знак траура по своей матушке-воспитательнице. Обычай соблюдать траур по матушке-воспитательнице так же, как и по родной матери, начался лишь с луского Сяо-гуна».

XLIII, 13. Кун-цзы прибыл в царство Вэй и увидел похороны хозяина постоянного двора, где [Кун-цзы] прежде останавливался¹². Зайдя в дом, Кун-цзы заплакал, выражая скорбь. Выйдя, он велел Цзы Гуну распрячь лошадей и преподнести их в качестве подарка [семье покойного]. Цзы Гун спросил: «На похороны обычных людей не преподносят подарки. Ныне [Учитель] преподнес [лошадей семье]

¹¹ Сяо-гун 孝公 (ум. 769 г. до н.э.) – правитель царства Лу (795–769 гг. до н.э.) по имени Чэн 称.

¹² Данный эпизод почти полностью совпадает с отрывком из гл. «Тан гун шан» («Тан Гун. Часть I» «Ли цзи» [Ли цзи]).

хозяина постоянного двора, уж не слишком ли это много?» Кун-цзы ответил: «Когда я зашел, чтобы оплакивать его, я увидел одного скорбящего, [убитого горем], и слезы хлынули из глаз. Я не люблю пустые слезы, за которыми ничего не стоит. Сделай, как я велел, сынок».

XLIII, 14. Цзы Лу спросил у Кун-цзы: «Луский *дафу* во время жертвоприношения при облегчении траура [все еще] был одет в глубокий траур, это соответствует ритуалу?» Кун-цзы ответил: «Я не знаю». Цзы Лу удалился и сказал Цзы Гуну: «Я думал, что Учитель всезнающий, но есть и то, чего он не знает». Цзы Гун спросил: «Какой вопрос ты задавал Учителю?» Цзы Лу рассказал, как было дело. [Цзы Гун] поспешно удалился, пришел к [Кун-цзы] и спросил: «Во время жертвоприношения при облегчении траура носить глубокий траур, это соответствует ритуалу?» Кун-цзы ответил: «Это не соответствует ритуалу». Цзы Гун вышел и сказал Цзы Лу: «Ты сказал, что Учителя нельзя назвать всезнающим, это не так. Ты просто не о том спрашивал. Согласно ритуалу, если живешь в этой стране, то нельзя осуждать *дафу* этой страны».

XLIII, 15. Скончалась мать Шу-сунь Ушу¹³. После малых похорон¹⁴ гроб с телом вынесли из дверей опочивальни. Шу-сунь Ушу последовал за гробом, вышел из дверей опочивальни, обнажил [левую руку], снял головной убор и в знак траура связал волосы [веревкой из конопли]. Цзы Лу ахнул [от удивления]. Кун-цзы сказал: «Это соответствует ритуалу». Цзы Лу спросил: «Разве не перед малыми похоронами надлежит менять одежду? Ныне [Шу-сунь Ушу] сделал это после малых похорон, но Учитель назвал его знающим ритуал, почему же?» Кун-цзы ответил: «Ты спрашиваешь не о том. Благородный муж не превозносит людей только на основании хороших поступков».

XLIII, 16. Когда скончался циский Янь Хуань-цзы¹⁵, [его сын Янь] Пинчжун в знак трехлетнего траура носил траурное платье-*цзуй*¹⁶,

¹³ Данный эпизод частично совпадает с отрывком из гл. «Тан гун шан» («Тан Гун. Часть I» «Ли цзи» [Ли цзи].

¹⁴ Малые похороны *сяо лян* 小殮 – выставление гроба во внутреннем помещении.

¹⁵ Янь Хуань-цзы 晏桓子, или Янь Жо 晏弱 (ум. 556 г. до н.э.) – циский аристократ и политический деятель.

¹⁶ Платье-*цзуй* 粗衰 – самое тяжелое траурное платье из толстой и грубой холстины.

траурную холщовую повязку на голове и поясе, в руках держал траурный посох, а на ногах его были соломенные туфли, он ел жидкую кашу, жил в шалаше [у могилы отца], спал на циновке, положив под голову связку соломы. Старейшина его [рода] сказал: «Это не тот траурный ритуал, который *дафу* совершает по отцу». Янь-цзы сказал: «Только *цин* [является настоящим] *дафу*». Цзэн-цзы спросил об этом Кун-цзы. Кун-цзы ответил: «Янь Пинчжуна можно назвать тем, кто предотвращает бедствия. Он не опровергает ошибки других собственным примером, а предотвращает их вежливыми и учтивыми словами. В этом и заключается долг!»

XLIII, 17. Когда скончался [луский] Ци Пин-цзы, его [родственники] хотели хоронить его [в одежде, украшенной] государевыми самоцветами, а также положить в гроб изделия из жемчуга и яшмы. [В это время] Кун-цзы только что был назначен на должность министра-*цзай* в Чжунду, услышав о случившемся, он тотчас же поспешил, чтобы не допустить [подобного]. Кун-цзы сказал: «Преподнести драгоценные камни [умершему] – подобно тому, как оставить труп посреди пустоши, этим выражается стремление народа к незаконной прибыли, это наносит вред умершему. Как же можно поступать таким образом? Кроме того, почтительный сын не следует чувствам, чтобы не навлечь опасность на родителей, преданный чиновник не руководствуется пороками, чтобы не ввергнуть правителя в пучину бедствий». [После этого родственники Ци Пин-цзы] отказались от [своих намерений].

XLIII, 18. Ученик Кун-цзы Цинь Чжан¹⁷ был другом Цзун [Лу]¹⁸. Как-то раз вэйский Ци Бао представил Цзун Лу Гунмэн Чжи¹⁹, который сделал Цзун Лу своим возницей. Ци Бао захотел убить Гунмэн Чжи, сообщил об этом Цзун Лу и велел ему скрыться. Цзун Лу сказал: «Я служу [Гунмэн Чжи] благодаря вам, ныне ему грозит опасность, и я должен бежать, но это значит предать вас. Вы собираетесь осуществить [задуманное]? Я умру, чтобы служить и помогать вам, и я также готов принять смерть от рук Гунмэн Чжи». Ци [Бао хотел] при помощи клеветы нанести удар Гунмэн [Чжи], а Цзун Лу закрыл его спиной, [Ци Бао] отсек ему руку до локтя, и удар достиг Гунмэн

¹⁷ Цинь Чжан 琴张, или Цинь Лао 琴牢 – ученик Кун-цзы, уроженец царства Вэй.

¹⁸ Цзун Лу 宗鲁 (ум. 522 г. до н.э.) – уроженец царства Вэй.

¹⁹ Гунмэн Чжи 公孟縶 (ум. 522 г. до н.э.) – вэйский *дафу*, старший брат вэйского Лин-гуна 卫灵公.

Чжи. Гунмэн Чжи и Цзун Лу были убиты. Цинь Чжан, узнав о смерти Цзун Лу, хотел лично выразить соболезнования. Кун-цзы сказал: «Ци Бао – разбойник, а Гунмэн Чжи – предатель²⁰. Так зачем же тебе выражать соболезнования? Благородный муж не питается подачками порочных людей, не поддерживает смуту, не служит другим посредством зла, не покрывает несправедливость и не нарушает ритуал. Так зачем же тебе выражать соболезнования?» И тогда Цинь Чжан отказался [от своих намерений].

XLIII, 19. Скончался Цзы Пу из царства Чэн. Те, кто его оплакивал, выкрикивали [слово] «исчезновение». Цзы Ю сказал: «Это вульгарный плач! Кун-цзы порицает его». Услышав это, плакальщики тотчас же исправились.

XLIII, 20. Когда скончался Гунфу Вэньбо, все его жены и наложницы рыдали беззвучно. [Мать Гунфу Вэньбо], Цзинцзян, предостерегая, сказала: «Я слышала, служилые-*ши* умирают за того, кто любит заниматься государственными делами; а женщины умирают за тех, кто любит жен и наложниц. Ныне мой сын безвременно почил, но я не желаю, чтобы о нем думали как о женолюбце. Если вы хотите совершать жертвоприношения предкам, то прошу вас не дурнеть лицом, не рыдать безутешно, не бейте себя в грудь, не делайте скорбное выражение лица, не увеличивайте [время] ношения траура, а снизьте его на одну степень, следуйте ритуалу и будьте спокойны, тем самым прославите моего сына». Услышав об этом, Кун-цзы сказал: «Мудрость девушки не сравнится с мудростью женщины, мудрость юноши не сравнится с мудростью мужчины. Мать Гунфу [Вэньбо] поистине мудра. Разбираясь в [человеческих] чувствах, она ограничила ритуал и тем самым высветила высшую добродетель своего сына!»

XLIII, 21. Цзы Лу и Цзы Гао служили в царстве Вэй, когда Куай Куй поднял мятеж. Кун-цзы в то время был в Лу; узнав о случившемся, он сказал: «Чай²¹ вернется, а Ю²² погибнет». Спустя некото-

²⁰ «В пространном сообщении „Цзо-чжуань“, датированном 522 г. до н.э., повествуется о заговоре, спровоцированном старшим братом Лин-гуна, не поладившим с некоторыми сановниками. Из текста неясно, почему недовольство заговорщиков было направлено против брата правителя — ведь он в конце концов правителем Вэй так и не стал, хотя можно допустить, что занимал на правах старшего брата весомое положение в царстве. Как бы то ни было, но заговорщики напали на брата правителя и убили его, когда самого Лин-гуна в столице не было» [Васильев 2000: 56].

²¹ Гао Чай 高柴 – Цзы Гао.

²² Чжун Ю 仲由 – Цзы Лу.

рое время прибыл гонец из Вэй и произнес: «Цзы Лу убит». Учитель стал оплакивать его во дворе перед главным залом. Когда приходили люди, чтобы выразить свои соболезнования, Учитель [отвечал им] поклоном. После оплакивания Кун-цзы спросил гонца о том, как погиб Цзы Лу. Гонец ответил: «Его изрубили в крошево, [подобно] мясной подливке». [Кун-цзы] тотчас же велел вылить всю мясную подливу, [что имелась в доме], и произнес: «Я не в состоянии есть это!»

XLIII, 22. Когда скончался Цзи Хуань-цзы, луские *дафу*, надев парадные одежды, явились ко двору выразить соболезнования. Цзы Ю спросил Кун-цзы: «Это соответствует ритуалу?» Учитель не ответил. Через несколько дней Цзы Ю задал тот же вопрос. Учитель ответил: «Как только умирает [правитель], черные каракулевые шубы и черные [шелковые] шапки меняют [на белые], вот и все. Так в чем ты сомнеешься?»

XLIII, 23. Цзы Гао спросил Кун-цзы: «Когда человек умирает, сооружают деревянную стойку-чун²³, зачем же?» Кун-цзы ответил: «Деревянная стойка-чун – это табличка с именем предка. Люди эпохи Инь соединяли табличку с именем предка и деревянную стойку-чун, а люди эпохи Чжоу, делая табличку с именем предка, закапывают деревянную стойку-чун [в землю]». [Цзы Гао еще спросил]: «Позвольте узнать о дне похорон». Учитель ответил: «День похорон – следование сыновней любви по отношению к покойному, поэтому захоронение совершают после посещения храма предков. Во времена эпохи Инь тело умершего временно оставляли в храме предков после совершения жертвоприношения, а во времена эпохи Чжоу после совершения жертвоприношения тело умершего немедленно предают земле».

XLIII, 24. Сторожевая собака Кун-цзы умерла²⁴. Он сказал Цзы Гу: «Когда умирает лошадь аристократа, ее хоронят, завернув в полог, когда умирает собака, ее хоронят, накрыв навесом колесницы. Сделай так. Я слышал, что ветхий полог не следует выбрасывать, в нем хоронят лошадей, ветхий навес колесницы не следует выбрасывать, в нем хоронят собак. Ныне я беден и у меня нет [даже ветхого] навеса, заверни собаку в циновку перед тем, как закапывать, чтобы ее голова не соприкасалась с землей».

²³ Чун 重 – деревянная стойка с чашками рисового отвара (в память покойного).

²⁴ Похожий эпизод находим в гл. «Тан гун ся» («Тан Гун. Часть II») «Ли цзи» [Ли цзи].

Глава XLIV Гунси Чи спросил

XLIV, 1. Гунси Чи спросил Кун-цзы: «Если *дафу* лишился [должности] за провинность, то в случае смерти как надлежит хоронить его?» Кун-цзы ответил: «Если *дафу* лишился должности и никогда больше не служил, то его хоронят согласно ритуалу для служилого-*иши*. Если же он в дальнейшем служил, то его хоронят согласно ритуалу для *дафу*».

XLIV, 2. Когда умер сын главной жены Гунъи Чжун-цзы¹, он назначил наследником сына от второстепенной жены². Тан Гун³ спросил Цзыфу Бо-цзы⁴: «Почему я раньше не слышал об этом?» Цзыфу Бо-цзы ответил: «[Гунъи] Чжун-цзы следует Дао древних. В древности Вэнь-ван отстранил [своего старшего сына] Бо Икао и назначил наследником У-вана. Вэй-цзы отстранил своего внука Ту и назначил наследником своего младшего брата Яня». Цзы Ю рассказал об этом Кун-цзы. Кун-цзы сказал: «[Гунъи Чжун-цзы поступил] неверно. Согласно чжоуским установлениям, [в таком случае] надлежит назначать наследником внука».

XLIV, 3. Когда скончалась мать Кун-цзы, ее собирались похоронить в одной могиле [с супругом]. [Кун-цзы] сказал: «В древности не было совместных захоронений, как же можно вновь смотреть на умершего? В „Ши цзин“ сказано: „когда мы умрем, нас похоронят в одной могиле“⁵. Совместные захоронения начались с Чжоу-гуна. Я слышал, что жители царства Вэй при совместном захоронении располагают умерших [в одной могиле], но отдельно друг от друга. А жители царства Лу при совместном захоронении располагают умерших вместе, и это прекрасно. Я следую [традиции] царства Лу».

¹ Данный эпизод частично совпадает с отрывком из гл. «Тан гун шан» («Тан Гун. Часть I») «Ли цзи» [Ли цзи].

² А не внука от главной жены, как должен был сделать согласно ритуалу.

³ Тан Гун 檀弓 – уроженец царства Лу, сведущий в ритуале. Его именем названа глава трактата «Ли цзи».

⁴ Цзыфу Бо-цзы 子服伯子, или Цзыфу Цзинбо 子服景伯 – луский *дафу*.

⁵ «Ши цзин» I, VI, 9 [Ши цзин]. В поэтическом переводе см.: [Ши цзин 2015: 76].

Тогда [мать Кун-цзы] захоронили вместе [с его отцом] на горе Фан[шань]. [Кун-цзы] сказал⁶: «Я слышал, что в древности над захоронением не сооружали могильный холм. Ныне же я, Цю, скитаюсь по свету и должен оставить [на могиле родителей] опознавательный знак. Я видел могильные холмы, похожие на ровную и высокую гору, видел похожие на квадрат, видел похожие на просторное помещение, видел могильные холмы в форме топора. Мне по душе могильный холм в форме топора». И тогда соорудили могильный холм высотой в четыре *чи*. [После погребения] Кун-цзы отправился совершать жертвоприношение-*юй*⁷, а ученики остались [у могилы]. Тогда хлынул ливень, могильный холм был разрушен, но [ученики] привели его в порядок. [Когда ученики вернулись], Кун-цзы спросил их: «Что задержало вас?» [Ученики] ответили: «Могила ваших родителей была разрушена». Кун-цзы промолчал. [Ученики] трижды повторили сказанное, и тогда Кун-цзы, горько заплакав, произнес: «Я слышал, что в древности не сооружали могильные холмы». На двадцать пятый месяц [Кун-цзы] совершил жертвоприношение-*сян*, через пять дней он заиграл на цитре, не издавая звуков, на десятый день после жертвоприношения-*тань* [Кун-цзы] начал петь, подыгрывая себе на свирели.

XLIV, 4. Когда скончалась мать Кун-цзы, уже после погребения явился Ян Ху, чтобы выразить соболезнования. Он спросил Кун-цзы: «Вы слышали, что сегодня Цзи[-сунь] устраивает пир для всех служилых-*ши*?» Кун-цзы ответил: «Я не слышал об этом. Но если бы слышал, то, невзирая на траур, желал бы отправиться ко двору». Ян Ху спросил: «Так в чем же дело? Цзи[-сунь] потчует служилых-*ши*, которым далеко до вас». Ян Ху удалился. Цзэн Шэнь спросил: «Как понимать сказанное?» Кун-цзы ответил: «Хотя я и в трауре, но все же должен был ответить на слова [Ян Ху], выражая тем самым, что я не отказываюсь».

XLIV, 5. Когда умер Янь Хуэй, луский Дин-гун отправил посланников к Кун-цзы, чтобы выразить соболезнования. Кун-цзы ответил: «Всякий, кто находится в пределах страны, – подданный. По ритуалу правитель выражает соболезнования своему подданному, поднимаясь по восточной лестнице, роняет слезы над умершим, тем самым осуществляет безграничную милость».

⁶ Данный эпизод частично совпадает с отрывком из гл. «Тан гун шан» («Тан Гун. Часть I») «Ли цзи» [Ли цзи].

⁷ *Юй 虞* – поминальное жертвоприношение в доме у покойника после похорон.

XLIV, 6. Юань Сы⁸ сказал Цзэн-цзы: «Во времена эпохи Ся, когда провожали в последний путь, использовали погребальную утварь⁹, которая указывала на то, что мертвые не обладают сознанием. Во времена эпохи Инь использовали жертвенную утварь, которая указывала на то, что мертвые обладают сознанием. Во времена эпохи Чжоу используют оба вида ритуальной утвари, которая указывает на то, что не ясно, обладают ли мертвые сознанием или нет». Цзэн-цзы ответил: «Это не так. Погребальная утварь – это вещи для духов-*зуй*. Жертвенная утварь – это вещи для людей. Так как же люди древности заботились о своих умерших родных?» Цзы Ю спросил об этом Кун-цзы. Кун-цзы ответил: «Если относиться к умершим так, словно они полностью мертвы, то здесь нет человеколюбия, не стоит поступать таким образом. Если относиться к умершим так, словно они полностью живы, то здесь нет мудрости, не стоит поступать таким образом. Всякий, кто изготавливает посмертную утварь, знает Дао погребального [ритуала], изготавливает предметы, которые нельзя использовать [в быту]. Вот почему бамбуковыми [сосудами] нельзя пользоваться, глиняную [посуду] нельзя поставить ровно, цитра и гусли издают нестройное звучание, губной органчик и свирель не образуют гармонии, колокол и музыкальный камень не имеют переключателя для подвески. Все это и есть погребальная утварь, [с ее помощью] просветляется дух-*шэнь* [умершего]. Если использовать предметы живых для мертвых, то, значит, можно и живых [людей] хоронить вместе с мертвыми?»

XLIV, 7. Цзы Ю спросил Кун-цзы: «С древних времен при захоронении кладут повозку из глины и соломенные чучела. Однако ныне некоторые люди кладут при захоронении [погребальные] статуэтки. Разве это не вредит траурному [ритуалу]?» Кун-цзы ответил: «Что касается соломенных чучел – это прекрасно, но класть [погребальные] статуэтки – это не соответствует [нормам] человеколюбия. Ведь это сродни захоронению живых людей!»

XLIV, 8. После смерти Янь Юаня, когда совершали жертвоприношение-*сян*, [его отец] Янь Лу преподнес Кун-цзы жертвенное мясо. Выйдя за ворота, Кун-цзы лично принял его. Зайдя домой, Кун-цзы

⁸ Данный эпизод частично совпадает с отрывком из гл. «Тан гун шан» («Тан Гун. Часть I») «Ли цзи» [Ли цзи].

⁹ Погребальная утварь (*мин ци* 明器) – предметы, имитировавшие вещи, которые использовались умершим в быту, но сделанные, например, из глины, соломы и т.д.

сыграл на цитре для того, чтобы развеять грусть, а затем вкусил жертвенное мясо.

XLIV, 9. Во время вкушения¹⁰ Кун-цзы совершил подношение и принял пищу¹¹. Сам он был искренен, а его шаги были стремительны и часты. После жертвоприношения Цзы Гун спросил: «Учитель говорил, что при жертвоприношении должно быть торжественным и отчужденным, но сегодня Учитель не был таким, почему же?» Кун-цзы ответил: «Торжественный и отчужденный облик [нужен в отношении] с дальними, [т.е. с духами]. Посредством отчужденности обращают [взор] к самому себе. Но как же можно так взаимодействовать с духами [родных]? Так как же при этом быть торжественным и отчужденным? Когда совершают подношение [съестным], есть радость свершения, когда принимают пищу, то наслаждаются ей. Всё свершается согласно с ритуалом и музыкой. Все чиновники находятся на своих местах. И только тогда благородный муж принимает торжественный и отчужденный вид. То, что я говорю, не стоит понимать однобоко. Каждая [речь] имеет применение к соответствующей [ситуации]».

XLIV, 10. Цзы Лу был личным управляющим клана Цзи[-сунь]¹². Когда Цзи [Кан-цзы] совершал жертвоприношения, с наступлением сумерек начинали делать подношения, целого дня не хватало, поэтому продолжали при свете факелов. Хотя [те, кто принимал участие в жертвоприношении], внешне и выглядели сильными и выражали уважение, но были в крайней степени утомлены. [Поэтому] некоторые управляющие еле держались на ногах, чем выражали неуважение по отношению к великим [предкам]. После Цзы Лу тоже стал учувствовать в жертвоприношении. Когда совершали обряд домашнего жертвоприношения предкам, во время церемонии в открытом зале [присутствующие] стояли на ступенях. Жертвоприношение начиналось на рассвете и заканчивалось поздним вечером. Услышав об этом, Кун-цзы сказал: «Взирая на это, кто бы мог сказать, что Ю не знает ритуал!»

¹⁰ Вкушение (*чан* 嘗) – название осеннего жертвоприношения колосьев нового урожая.

¹¹ Данный эпизод частично совпадает с отрывком из гл. «Чжай и» («Значение жертвоприношений») «Ли цзи» [Ли цзи].

¹² Данный эпизод частично совпадает с отрывком из гл. «Ли ци» («Ритуальная утварь») «Ли цзи» [Ли цзи].

XLIV, 11. Вэйский Чжуан-гун поднял восстание, реформировал старые порядки, изменил жертвоприношения в храме предков, преобразовал торговлю и [жизнь] при дворе. Цзы Гао спросил Кун-цзы: «Согласно чжоуским ритуалам, во время жертвоприношения-и¹³ жертвенник в воротах храма предков располагается к западу от входа. Впереди – государев дворец, а сзади – рынок. Ныне вэйский правитель желает изменить это. Как же быть?» Кун-цзы ответил: «Когда совершают жертвоприношение-и в пределах третьих ворот, жертвенник располагается на востоке [от входа в храм предков], а государев дворец на западе, то здесь утерян [ритуал]».

XLIV, 12. Перед жертвоприношением Цзи Хуань-цзы соблюдал пост в течение трех дней, в течение двух дней без перерыва [слушал] звуки колокола и барабана¹⁴. Жань Ю спросил об этом у Кун-цзы. Учитель сказал: «Перед жертвоприношением почтительный сын соблюдает облегченный пост в течение семи дней, тщательно обдумывает каждое действие, в течение трех дней соблюдает строгий пост, беспокоится только об одном: как бы не выразить непочтение. Так зачем же в течение двух дней бить в барабан?»

XLIV, 13. Мать Гунфу Вэньбо была двоюродной тетей Цзи Кан-цзы. [Цзи] Кан-цзы отправился навестить свою двоюродную тетю; встав у бокового входа, он начал говорить, не переступив порог. Когда [Гунфу] Вэньбо совершал жертвоприношение в память о [своем деде Цзи] Дао-цзы, [Цзи] Кан-цзы тоже прибыл, но не подносил чашу-цзу¹⁵, а [затем] не уносил ее¹⁶. Старейшины клана присутствовали не в полном составе, и потому [на пиру] не соблюдалась последовательность. Так как не соблюдалась последовательность, то [Цзи Кан-цзы] удалился, не дождавшись окончания пира. Услышав об этом, Кун-цзы сказал: «Различие между мужчинами и женщинами – великая норма ритуала. Женщины из клана Гунфу придерживаются середины и стремятся к добродетели, выправляют посредством ритуала».

¹³ И 絳 – жертвоприношение, совершаемое на следующий день после основного жертвоприношения.

¹⁴ Колокол (чжун 钟) и барабан (гу 鼓) – символы Неба и Земли, мужских и женских предков в общинных молениях.

¹⁵ Чашу-цзу 俎 использовали для ритуального подношения мяса.

¹⁶ Этот этап знаменует окончание жертвоприношения, после чего начинался пир.

XLIV, 14. Цзи Кан-цзы надел в качестве парадной одежду из белого шелка¹⁷. Цзэн-цзы спросил Кун-цзы: «Это соответствует ритуалу?» Кун-цзы ответил: «*Чжухоу* [надевает] шапку из белой оленьей кожи и тем самым извещает о наступлении новолуния¹⁸, а затем принимает придворных – вот что соответствует ритуалу».

¹⁷ Одежда из белого шелка (*гао 縞*), т.е. траурная.

¹⁸ Извещать о наступлении новолуния (*гао шо 告朔*) означает совершать обряд с жертвоприношением овцы в первый день лунного месяца.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Кун-цзы цзя юй – Кун-цзы цзя юй 孔子家语. (Речи школы Конфуция). – [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/kongzi-jiaayu>
- Ли цзи – Ли цзи 礼记 (Записки о ритуале). – [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/liji>
- Лунь юй – Лунь юй 论语 (Беседы и суждения). – [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/analects>
- Мэн-цзы – Мэн-цзы 孟子 ([Трактат Учителя] Мэн-цзы). – [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/mengzi>
- Сюнь-цзы – Сюнь-цзы 荀子 ([Трактат Учителя] Сюнь-цзы). – [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/xunzi>
- Хань шу – Бань Гу 班固. Хань шу 汉书 (История [династии] Хань). – [Электронный ресурс]. URL: https://www.gushiwen.org/gushiwen_48b00b5a15.aspx
- Цзо чжуань – Чунь цю цзо чжуань 春秋左傳 (Комментарии [господина] Цзо к летописи «Вёсны и осени»). – [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan>
- Циндай – Циндай сюэжэнь лечжуань 清代学人列传 (Жизнеописания ученых династии Цин). – [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=932818&remap=gb>
- Чжоу и – Чжоу и, Сици ся 周易, 系辞下 (Чжоуские перемены, Комментарий привязанных слов. Часть II) – [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/book-of-changes/xi-ci-xia>
- Чжун юн – Чжун юн 中庸 (Следование середине). – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gushiwen.org/guwen/zhongyong.aspx>
- Чжу-цзы – Чжу-цзы юй лэй, Цзюань и бай саньши ци чжаньго хань тан чжуцзы 朱子语类、卷一百三十七 战国汉唐诸子 (Классифицированные речи учителя Чжу. Цз. 137. Мудрецы эпох Чжаньго, Хань и Тан). – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guoxue123.com/zhibu/0101/01zzy/139.htm>
- Ши цзи – Ши цзи 史記 (Исторические записки). – [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/shiji>
- Ши цзин – Ши цзин 詩經 (Канон поэзии) – [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/book-of-poetry>
- Беседы и суждения 2011 – Беседы и суждения (Лунь юй) / Науч. пер. А.Е. Лукьянов, поэтическое излож. В.П. Абраменко. М.: Форум, 2011.

- Го юй 1987 – Го юй (Речи царств) / Пер. с кит. В.С. Таскина. М.: Наука, 1987.
- Древнекитайская философия 1973 – Древнекитайская философия / Пер. с кит. В.Г. Булова, Р.В. Вяткина, М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1973.
- Истзап 1972 – *Сьма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. I / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М.: Вост. лит., 1972. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/index.htm
- Истзап 1987 – *Сьма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. V / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М.: Вост. лит., 1987. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/index.htm
- Истзап 1992 – *Сьма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. VI / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М.: Вост. лит., 1992. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/index.htm
- Истзап 1996 – *Сьма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. VII / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М.: Вост. лит., 1996. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/index.htm
- Четверокнижие 2004 – Конфуцианское четверокнижие (Сы шу) / Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова (отв. ред.), П.С. Попова. М.: Вост. лит., 2004.
- Конфуциева летопись 2018 – Конфуциева летопись «Чунь-цю» («Вёсны и осени») / Пер. с кит. и примеч. Н.И. Монастырёва. М.: ИПЦ «Маска»; Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2018.
- Чжуан-цзы 2004 – Чжуан-цзы / Пер. с кит. В.В. Малявина. М.: АСТ, 2004.
- Чжун юн 2003 – Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования / Составитель А.Е. Лукьянов; Отв. редактор М.Л. Титаренко. Пер. с кит., исслед. и коммент. Д. Конисси, В.Г. Булова, А.Е. Лукьянова, В.Б. Югай. М.: Вост. лит., 2003.
- Шан шу 2014 – Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй») / Подгот. древнекит. текстов и ил., пер., прим. и предисл. В.М. Майорова; послесл. В.М. Майорова и Л.В. Стеженской. М.: ИДВ РАН, 2014.
- Ши цзин 2015 – Ши цзин (Канон поэзии) / Поэтический перевод В.П. Абраменко. М.: ИДВ РАН, 2015.
- Eno 2016 – *Eno R. Liji, Chapters 3-4 / Tan Gong Translation, Notes, and Commentary*, 2016. – [Электронный ресурс]. URL: https://scholarworks.iu.edu/dspace/bitstream/handle/2022/23425/Tan_Gong_%28Eno-2016%29.pdf?sequence=2&isAllowed=y
- Hutchinson 1878 – *Hutchinson A.B. The Family Sayings of Confucius* / ap. Chinese Recorder, vol. IX (1878) sq.

Kramers 1950 – *Kramers R.P. K'ung Tzū Chia Yü (The School Sayings of Confucius) / Introduction. Translation of Sections 1–10, with critical notes. By Dr R.P. Kramers, pp. xii + 406. – Leiden: Brill, 1950 (Sinica Leidensia, vol. vii). – [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=XgwVAAAIAAJ&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false*

Литература

- Бонч-Осмоловская 2020 – *Бонч-Осмоловская О.А.* Конфуцианский комментарий в эпоху Хань // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Симферополь: КФУ, 2020. С. 18–36.
- Васильев 2000 – *Васильев Л.С.* Древний Китай. Т. 2: Период Чуньцю (VIII – V вв. до н.э.). М.: Вост. лит., 2000.
- Георгиевский 2015 – *Георгиевский С.М.* Принципы жизни Китая: культ предков, многобожие и философия. М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Головачёв. Самоубийство – *Головачёв В.Ц.* Самоубийство как родовой обычай в Китае. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/625/644/649/848.html>
- Головачёва. Ян Бо-цзюнь о названии – *Головачёва Л.И.* Ян Бо-цзюнь о названии, авторстве и времени создания Лунь-юй. – [Электронный ресурс]. URL: https://china.ivran.ru/f/Golovachyova_L.I._YAn_Bo-czyun_o_nazvanii_avtorstve_i_vremeni_sozdaniya_Lun-yuj.pdf
- Гомулин 2013 – *Гомулин А.Л.* Антиконфуцианская риторика в «Лао-цзы»: Годяньские фрагменты versus традиционный текст (textus receptus) // Международная научная конференция «Конфуцианство в России» (28–29 ноября 2013 г.). М.: Институт Конфуция МГУ, 2013. С. 8–10.
- Кейдун 2001 – *Кейдун И.Б.* «Ли цзи»: перевод первой главы («Цюй ли») // Религиоведение. Благовещенск: ФГБОУ ВО «АмГУ», 2001. №1. С. 147–164.
- Кейдун. Порядок ношения траура – *Кейдун И.Б.* Порядок ношения траура в канонических установлениях конфуцианства (по материалам трактата «Ли цзи»). – [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.spbu.ru/html15/s13/s13v4/07.pdf>
- Кобзев, Ткаченко 2010 – *Кобзев А.И., Ткаченко Г.А.* Содержание и формы, архаика и новации. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; ИДВ. М.: Вост. лит., 2006. Т. 6 (дополнительный). Искусство / ред. М.Л. Титаренко и др., 2010. С. 20–29.
- Кучера. Становление традиции – *Кучера С.* Становление традиции коллективной ответственности и наказания в Китае. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.synologia.ru/monograph-1331-26>

- Маслов 2020 – *Маслов А.А.* Конфуций: беседы с одиноким мудрецом. М.: РИПОЛ классик, 2020.
- Переломов 1998 – *Переломов Л.С.* Конфуций: «Лунь юй». М.: Вост. лит., 1998.
- Рысаков 2014 – *Рысаков А.С.* Ритуал совершеннолетия согласно каноническому тексту И ли «Церемонии и ритуалы» // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / ред.-сост. Т.В. Ермакова. СПб.: А. Голода, 2014.
- Ульянов, Ахтемова 2013 – *Ульянов М.Ю., Ахтемова Л.А.* Эпиграфический комплекс II в. до н.э. из Шуангудуя // Общество и государство в Китае. Т. XLIII, ч. 1 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: ИВ РАН, 2013. С. 6–68.
- Юань Кэ 1965 – *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1965.
- Ван Госюань, Ван Сюэмэй 2011 – *Ван Госюань, Ван Сюэмэй* 王国轩、王秀梅. Кун-цзы цзя юй ши цзюань 孔子家语十卷 («Кун-цзы цзя юй» в десяти свитках). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2011.
- Ван Шэньюань 2014 – *Ван Шэньюань* 王盛元. Кун-цзы цзя юй тун цзе 孔子家语通解 (Толкование «Кун-цзы цзя юй»). Нанкин: Илиянь чубаньшэ, 2014.
- Ли Лин 2002 – *Ли Лин* 李零. Годянь чу цзянь цзюду цзи 郭店楚简校读记 (Очерки о годяньских бамбуковых планках). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2002.
- Ло Бинсян 1998 – *Ло Бинсян* 罗秉祥. Жуцзя дэ шэн сы цзячжигуань юй анлэсы 儒家的生死价值观与安乐死 (Ценностные представления о жизни и смерти в конфуцианстве и эвтаназия) // Чжунвай исюэ чжэсюэ, Сянган цзиньхуэй дасюэ инюнлисюэ яньцзючжунсинь чубаньшэ, 1998. № 1. С. 35–73.
- Лян Тао 2008 – *Лян Тао* 梁涛. Годянь чжуцзянь юй сы мэн сюэпай 郭店竹简与思孟学派 (Годяньские бамбуковые планки и школа Цзы Сы и Мэн-цзы). Пекин: Чжунго жэнь мин дасюэ чубаньшэ, 2008.
- Нин Чжэньцзян 2013 – *Нин Чжэньцзян* 宁镇疆. Уцзин чжэньи дуй кун-цзы цзя юй ивэй цзююй 《五经正义》对《孔子家语》依违举隅 (Некоторые примеры истинности и ложности в «Уцзин чжэньи» по отношению «Кун-цзы цзя юй») // Госюэ сюэкань, Чжунго жэньминь дасюэ чжубань. 2013. Вып. 1. С. 8–17.
- Пан Пу 2004 – *Пан Пу* 庞朴. Хуашо у чжи сань у 话说五至三无 (К вопросу о трех пределах и пяти небывалых вещах) // Вэнь ши чжэ. 2004. Вып. 1. С. 71–76.
- Ху Пиншэн 2000 – *Ху Пиншэн* 胡平生. Фуян шуангудуй ханьцзянь юй кун-цзы цзя юй 阜阳双古堆汉简与孔子家语 (Ханьские бамбуковые планки из Шуангудуя (Фуян) и «Кун-цзы цзя юй»). Пекин: Госюэ яньцзю, Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2000.
- Цзи Сюйшэн 2010 – *Цзи Сюйшэн* 季旭昇. Кун-цзы цзя юй чжунвэнь цзиндянь ибай цзю 中文经典100句: 孔子家语 (Сто классических фраз на китайском

- из «Кун-цзы цзя юй»). Тайбэй: Чжоу чубань чэнбан вэньхуашиэ гуфэнъ юсянь гунсы, 2010.
- Чжан Сипин 2016 – *Чжан Сипин* 张西平. Жусюэ си чуань оучжоу яньцзю даолунь – 16–18 шицзи чжунсюэ си чуань дэ гуйцзи юй инсян 儒学西传欧洲研究导论 – 16–18世纪中学西传的轨迹与影响 (О проникновении конфуцианства в Европу. Влияние китайских наук на Запад в XVI–XVIII вв.). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2016.
- Чэнь Юбинь. Чжунго лидай – *Чэнь Юбинь* 陈友冰. Чжунго лидай чжумин цзяцзю сяюаньцзе Кун-цзы цзя юй 中国历代著名家教选介(二): 孔子家语 (Выборка древних китайских текстов для домашнего обучения: «Кун-цзы цзя юй»). – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guoxue.com/?p=23084>
- Ян Чаомин. Кун-цзы – *Ян Чаомин* 杨朝明. Кун-цзы цзя юй дэ чэншу юй кэкаосинь яньцзю 《孔子家语》的成书与可靠性研究 (Изучение подлинности книги «Кун-цзы цзя юй»). – [Электронный ресурс]. URL: <http://bbs.tianya.cn/post-666-31315-1.shtml>
- Ян Чаомин. Цзы Юань – *Ян Чаомин* 杨朝明. Цзы Юань шэннянь юй ли юнь дэ кэсин вэньти 子游生年与《礼运》的可信性问题 (Годы жизни Цзы Юаня и вопрос о подлинности «Ли юнь»). – [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_617467ae0100tkla.html
- Ян Чаомин, Чжан Лэй – *Ян Чаомин, Чжан Лэй* 杨朝明, 张磊. Кун-цзы цзя юй чжи сы пянь яньцзю 《孔子家语·致思》篇研究 (Исследование главы «Тщательно обдумывать» из «Кун-цзы цзя юй»). – [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_617467ae0100f6ba.html
- Ames 2010 – *Ames R.T.* Achieving Personal Identity in Confucian Role Ethics: Tang Junyi on Human Nature as Conduct. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oriens-extremus.de/inhalt/pdf/49/OE49-07.pdf>
- Chan 2011 – *Chan S.* Cosmology, society and humanity: Tian in the Guodian texts // *Journal of Chinese Philosophy*, 2011, No 38. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/4591130/Cosmology_Society_and_Humanity_Tian%E5%A4%A9_in_the_Guodian_%E9%83%AD%E5%BA%97Texts_Part_I
- Goldin 1999 – *Goldin P.R.* Rituals of the Way: The Philosophy of Xunzi. Chicago: Open Court, 1999. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/36996761/Xunzi>

Указатель имен

- Ай-гун 哀公 50, 51, 71, 74, 75, 78, 79, 83, 86–88, 104, 108, 123, 124, 145, 149, 151, 162, 193, 258, 272, 276
- Байли Си (Боли Си) 百里奚 127
- Бао Цянь 鲍牵 (Бао Чжуан-цзы 鲍庄子) 274
- Бао Шу 鲍叔 (Бао Шуя 鲍叔牙) 124
- Би Гань 比干 47, 125, 162
- Бо И 伯夷 47, 50, 120, 165, 181
- Бо И 伯益 182
- Бо Пи 伯髀 48, 165, 240
- Бо Хуа из Тунди 铜鞮伯华 120, 121, 126
- Бо Юй 伯魚 95, 255, 256, 287
- Бонч-Осмоловская О.А. 18
- Бочан Цянь 伯常蹇 99
- Бу Шан 卜商 (Бу Цзы Ся 卜子夏, он же Цзы Ся 子夏) 97, 118, 135–137, 139, 140, 190–192, 200, 201, 247, 259, 260, 289–292
- Ван Бо 王柏 9
- Ван Лян 螭螭 144
- Ван Су 王肃 6, 8–12
- Вильгельм Р. (Wilhelm R.) 10
- Вэй Сянь-цзы 魏献子 (Вэй Шу 魏舒) 270
- Вэй-цзы Ци 微子启 254
- Вэнь-ван 文王 30, 32, 63, 92, 107, 110, 151, 155, 179, 204, 210, 215, 229, 230, 236, 299
- Вэнь-хоу 文侯 248
- Вяткин Р.В. 6, 91, 221, 234, 254
- Гао Яо 皋陶 67, 176, 182, 267
- Георгиевский С.М. 6, 83, 113, 193, 194,
- Головачёв В.Ц. 41
- Гоу Лун 勾龙 184, 185
- Гоу Ман 勾芒 183, 184
- Гоу Цзянь 勾践 166, 167, 239, 240
- Гу Цзеган 顾颉刚 10
- Гуань Чжун 管仲 (Гуань Иу 管夷吾) 18, 38, 39, 63, 93, 94, 124, 280, 293
- Гуаньлун Фэн 关龙逢 (Лун Фэн 龙逢) 48, 50, 125, 165
- Гуаньшу Сянь 管叔鲜 63
- Гун-ван 恭王 106
- Гун Гун 共工 146, 181, 184
- Гун Лю 公刘 110
- Гун Мин 公明 284
- Гун Тао 宫缘 (Наньгун Тао 南宫缘, Наньгун Ко 南宫括) 119, 249, 250
- Гунмэн Чжи 公孟紫 296, 297
- Гунси Чи 公西赤 117, 118, 249, 259, 299
- Гун-цзы Цзю 公子纠 38, 93, 94
- Гунфу Вэньбо 公父文伯 (公甫文伯) (Гунфу Чу 公父歆) 273, 297
- Гунфу Мубо 公父穆伯 284
- Да Лянь 大连 293
- Да Хао 大皞 (Фу Си 伏羲, Тай Хао 太皞) 146, 183, 184, 185
- Дань Фу 亶甫 110
- Ди Синь 帝辛 51, 87
- Дин-гун 定公 19, 57–60, 147, 156, 205, 262, 275, 278, 300

- Доучоу 窦犇 174
Дунмэнь Сянчжун 东门襄仲 282
- Е-гун 叶公 (Шэнь Чжулян) 沈诸梁 129
- Жань Ю 冉有 (Жань Цю 冉求, Цзы Ю 子有) 34, 40, 64, 208, 210, 211, 230, 231, 245, 261, 274, 278, 303
Жань Юн 冉雍 117, 245
Жу Шоу 蓐收 183, 184
Жу-цзы Жун 孺子容 106
Жун И 榮伊 179
Жуншэн Ци 荣声期 (Жунци Ци 荣启期) 139
- И Инь 伊尹 (И Чжи 伊摯) 272
Инь Се 尹諧 63
Инь-гун 隐公 147, 225
Исян 倚相 264
- Крамерс Р.П. (Kramers R.P.) 10
Ку 轡 180
Куай Куй 蒯聩 (вэйский Чжуан-гун 卫庄公) 91
Куй 夔 144
Кун Аньго 孔安国 8, 9
Кун Вэнь-цзы 孔文子 271
Кун Ми 孔蔑 (Кун Чжун 孔忠) 161, 164
Куньу 昆吾 137
- Лао Лай-цзы 老莱子 121
Легг Дж. (Legge J.) 10
Ли-ван 釐王 (Цзи Хуци 姬胡齐) 135
Ли-гун 厉公 112, 255
Ли Сюэцинь 李学勤 10
Лин-ван 靈王 264, 265
Лин-гун 灵公 (вэйский) 91, 104, 123, 124, 127, 163, 177, 246, 250
Ло Бинсян 罗秉祥 42
Лу Сян-гун 魯襄公 38, 42, 43, 57, 93, 94, 149
Лу Хуань-гун 魯桓公 60, 100, 147–149
Лун Вансян 龙罔象 144
- Лэ Си 乐喜 281
Люся Хуэй 柳下惠 109, 121, 158, 293
Лянцю Цзюй 梁丘据 59
- Маслов А.А. 6
Ми-цзы Ся 弥子瑕 177
Ми (Фу)-цзы Цзянь 宓子贱 131, 132, 162, 241
Му-ван 穆王 156, 265
Му-гун 穆公 127
Мэн Сянь-цзы 孟献子 285
Мэн Убо 孟武伯 252
- Наньгун Цзиншу 南宮敬叔 92, 112, 256, 278
- Пан Пу 庞朴 10
Пань Чжэн 潘正 63
Переломов Л.С. 32, 123
Пин-гун 平公 121, 268, 281
- Се Ё 216
Се Е 泄冶 162, 163
Суйский У-цзы 随武子 (Фань У-цзы 范武子) 120
Сунь Чжицзу 孙志祖 9
Сунь Хуань-цзы 孙桓子 (Сунь Лянфу 孙良夫) 273
Сыма Цянь 司马迁 6, 7, 16, 63, 177, 254
Сюань-гун 宣公 282
Сюань Мин 玄冥 183, 184
Сюань Сяо 玄枵 (玄噐) 180
Сюн Цици 熊弃疾 281
Сюнь Куан 荀况 (Сюнь-цзы 荀子) 8, 47, 50
Сяо-гун 孝公 294
Сяфу Фуци 夏父弗忌 280
- Тай-гун 太公 (Цзян Цзыя 姜子牙) 63, 232
Тай У 太戊 (Тянь У 天戊) 51, 87
Тай Цзя 太甲 272

- Тайшу Цзи 太叔疾 (Тайшу Дао-цзы 太叔悼子) 272
- Тан Гун 檀弓 299
- Тан Шу 唐叔 (Тан Шуюй 唐叔虞) 270
- Таньтай Мемин 澹台天明 119, 248, 249
- Тань-цзы 鄒子 146, 147
- Тянь Чан 田常 (Чэнь Хэн 陈恒, Тянь Чэн-цзы 田成子) 238, 239, 272
- У Гэн 武庚 110, 254
- У Дин 武丁 (Гао-цзун 高宗) 248
- У Мэн-цзы 吴孟子 283
- У Цзысюй 伍子胥 48, 165, 166
- У Цю-цзы 丘吾子 94
- Ума Ци 巫马期 243, 251
- У-цзы 吴子 (У-ван Фучай 吴王夫差) 144
- Фан Фэн 防风 144, 145
- Фань Цзясян 范家相 9
- Фань Чи 樊迟 261, 274
- Фэнь Ян 贛羊 144
- Фу И 付乙 63
- Фу-хоу 甫侯 236
- Хань Сюань-цзы 韓宣子 (Хань Ци 韩起) 267
- Хатчинсон А.Б. (Hutchinson A.B.) 10
- Хоу Ту 后土 183, 184
- Хоу Цзи 后稷 110, 114, 145, 234
- Хуа Ши 华士 63
- Хуань-гун 桓公 60, 93, 147, 148,
- Хуан-ди 黄帝 146, 179, 180, 183, 233
- Хуэй-гун 惠公 145
- Хуань Туй 桓魋 (Сян Туй 向魋) 177, 251, 278
- Цайшу Ду 蔡叔度 63
- Цзан Вэньчжун 臧文仲 (Цзан-сунь Чэнь 臧孙辰) 106, 157, 280
- Цзан Учжун 臧武仲 (Цзан-сунь Хэ 臧孙纘) 42, 43, 106, 157, 158, 280, 281
- Цзай Во 宰我 (Цзай Юй 宰予) 154, 164, 179–182
- Цзе 桀 (Люй Гуй 履癸, Ся Цзэ 夏桀) 48, 63, 89, 124, 125, 134, 137, 187, 212
- Цзи Гао 季羔 (Цзы Гао 子羔, Гао Чай 高柴) 91, 92
- Цзи Кан-цзы 季康子 (Цзи-сунь Фэй 季孙肥) 74, 148, 161, 183, 242, 261, 273, 274, 277, 279, 283, 284, 304
- Цзи Пин-цзы 季平子 (Цзи-сунь Ижу 季孙意如) 57, 58, 60, 284, 296
- Цзи Сюйшэн 季旭昇 17
- Цзи Хуань-цзы 季桓子 58, 60, 63, 74, 144, 148, 163, 283, 298, 303
- Цзин-гун 景公 126, 127, 131, 135, 140, 279
- Цзинь Дин-гун 晋定公 (цзиньский хоу 晋侯) 149
- Цзинь Вэнь-гун 晋文公 166, 271, 278
- Цзифу 吉甫 (Инь Цзифу 尹吉甫) 248
- Цзэн Шэнь 曾参 (Цзэн-цзы 曾子) 66–69, 92, 107, 118, 138, 140, 141, 167, 248, 296, 300, 301, 304
- Цзун Лу 宗鲁 251, 296, 297
- Цзун Мин 鬻明 268
- Цзы Гун 子贡 18, 50, 62, 89, 93, 97, 100–102, 116, 120, 122, 124, 129, 131–133, 136, 137, 139, 140, 147–150, 159, 162, 167, 168, 173–177, 182, 192, 197, 199, 204, 235, 238–241, 245, 246, 257–260, 264, 270, 278–280, 284, 285, 287, 293–295, 302
- Цзы Гэ 子革 264, 265
- Цзы Пи 子皮 124
- Цзы Тайшу 子太叔 (Ю Цзи 游吉) 269
- Цзы Ухай 兹无还 59
- Цзы Чань 子産 (Гунсунь Цяо 公孙侨) 63, 124, 131, 263, 264, 268, 269, 275
- Цзыфу Бо-цзы 子服伯子 (Цзыфу Цзин-бо 子服景伯) 299
- Цзянь-гун 简公 238, 272

- Ци Си 祁奚 121
 Цидяо Пин 漆雕凭 (Цидяо Кай 漆雕开) 106
 Цинь Чжан 琴张 (Цинь Лао 琴牢) 296, 297
 Цюй Бойю 蘧伯玉 121, 177, 282
- Чан Хун 苾弘 (苾宏) (Чан Шу 苾叔) 113, 232
 Чан Ш. (Chan S.) 44
 Чжан Лэй 张磊 38
 Чжан Сипин 张西平 10
 Чжань Цинь 展禽 (Люся Хуэй 柳下惠) 158
 Чжао-ван 昭王 49, 130, 165, 271
 Чжао Вэнь-цзы 赵文子 120
 Чжао-гун 昭公 57, 58, 95, 149, 255, 262, 265, 283
 Чжао Цзянь-цзы 赵简子 (Чжао Ян 赵鞅) 148, 174, 270
 Чжоу-гун 周公 63, 92, 113, 126, 179, 216, 226, 232, 254, 272, 275, 290, 291, 299
 Чжоу Жэнь 周任 266
 Чжу Жун 祝融 183
 Чжу Си 朱熹 10
 Чжуан-ван 庄王 104, 105, 135
 Чжуань Сюй 顓琐 (Гао Ян 高阳) 147, 180, 183, 229, 265
 Чжуаньсунь Ши 顓孙师 105, 118, 248
 Чжун Ю 仲由 (Цзы Лу 子路, Цзи Лу 季路) 60, 62, 96, 117, 133, 168, 230, 246, 297
 Чжунсунь Хэцзи 仲孙何忌 (Мэн И-цзы 孟懿子) 60, 158, 262
 Чжунхан 中行 (Чжунхан Вэнь-цзы 中行文子) 126, 130
 Чжэн Сюань 郑玄 9
 Чэн Тан 成汤 (Шан Тан 商汤) 63, 119, 137, 184, 256, 272
 Чэн-цзы 程子 96
 Чэнь Шикэ 陈士珂 10
 Чэнь Лин-гун 陈灵公 162
- Шан Жун 商容 233
 Шао-гун 邵(召)公 (Шао Бо 邵伯) 229, 232
 Шао Лянь 少连 293
 Шао Хао 少皓 (少昊) 146, 184, 265
 Шао Ху 召忽 38, 39, 93
 Шаочжэн Мао 少正卯 17, 32, 33, 62
 Шаоши 少施 292
 Ши Сян-цзы 师襄子 230
 Ши Хэ 史何 63
 Ши Цю 史鳅 (Ши Юй 史鱼) 123, 124, 140
 Шунь 舜 29, 52, 104, 117, 132, 138, 156, 181, 184, 231, 233, 265
 Шунь Хуа 舜华 174
 Шусунь Му-цзы 叔孙穆子 (Шусунь Бао 叔孙豹) 266
 Шусунь Чжао-цзы 叔孙昭子 (Шусунь Жо 叔孙婞) 146, 266
 Шусунь 叔孙 (Шусунь Ушу 叔孙武叔) 60, 149, 150, 159, 295
 Шу Сян 叔向 267
 Шу Ци 叔齐 47, 50, 120, 165
 Шу Юй 叔鱼 266, 267
 Шэ 社 102
 Шэнь Цзюйсюй 申句须 61
 Шэнь-бо 申伯 (Цзян Фан-бо 姜方伯) 236
 Шэньшу 申叔 (Шэньшу Ши 申叔时) 105
- Эно Р. (Eno R.) 18, 43
 Эймс Р.Т. (Ames R.T.) 49
- Юань Жан 原壤 243
 Юань Сянь 原宪 (Юань Сы 原思) 246, 249
 Ю-ван 幽王 (Цзи Гуншэн 姬宫涅) 216
 Ю Жо 有若 (Ю-цзы 有子) 249
 Юй 禹 (Великий Юй 大禹, сяский Юй 夏禹) 67, 144, 184, 227
 Юн-цзы 雍子 266, 267
 Юэ Ци 乐颀 61

- Ян Ху 阳虎 148, 300
 Ян Чаомин 杨朝明 8, 11, 38
 Янь-ди 炎帝 (Шэнь-нун 神农) 146
 Янь Пинчжун 晏平仲 (Янь Ин 晏婴,
 Янь-цзы 晏子) 121, 126, 280, 296
 Янь Хуань-цзы 晏桓子 (Янь Жо 晏弱)
 295
 Янь Шигу 颜师古 9
- Янь Юань 颜渊 (Янь Хуэй 颜回) 89,
 101, 102, 116, 124, 139, 156, 157,
 159, 167, 168, 245, 300
 Янь Янь 言偃 80, 119, 215, 247
 Яньлин Цзи-цзы 延陵季子 286
 Яо 尧 29, 89, 113, 117, 132, 137, 176,
 181, 184, 229, 233, 256, 265, 271
 Яо Цзихэн 姚际恒 9

Указатель географических названий

Би 费 60, 144

Бо 博 286

Бянь 弁 246

Вэньян 汶阳 20, 59, 60

Гуйцзи 會稽 144, 166, 240

Гэн 邢 266

Жуй 芮 107

Ин 嬴 286

Куан 匡 175–176

Линьцзы 临淄 245

Линьцю 廩丘 135

Миньшань 岷山 102

Муе 牧野 233

Пу 蒲 93, 133, 176

Синьчжу 新筑 273

Синьян 信阳 132

Тань 鄆 96, 146

Учэн 武城 247–249

Гора Фэньюй 封嵎 (горы Фэн 封 и Юй 嵎) 145

Цаньгу 苍梧 137, 182

Цзинтай 荆臺 130, 131

Цзюэсян 矍相 202

Цзягу 夾谷 58

Чжунду 中都 17, 57, 296

Чэн 郟 139

Шаньфу 單父 131, 241–243, 249

Юй 虞 107

SUMMARY

This monograph is the first complete Russian translation of the Confucian treatise *Kong-zi jia yu* (“Speeches of the Confucius School”), equipped with brief comments. The book presents issues of theoretical importance to the history of world Sinology. Despite the ongoing dispute in the learned community as regards the time of writing and the authorship of this text, over a period of more than a thousand years *Kong-zi jia yu* has spread everywhere in China. Nowadays, it attracts the attention of wide audiences ranging from ordinary readers to the President of the People’s Republic of China Xi Jinping.

The *Kong-zi jia yu* is composed of stories from the life of Confucius, his conversations with his closest students, as well as with prominent political figures of that time. These conversations are philosophical dialogues, they concern the most important ontological, ethical, aesthetic and epistemological issues, such as: harmonization of the *Tianxia* (“Under-the-Heaven”, i.e., China) on the basis of virtuous management, the philosophical need for ritual practice, issues traditional for early Confucianism of a pedagogical and educational nature, moral self-improvement.

The range of various topics that receive philosophical reflection in the *Jia yu* are extremely wide. The *Kong-zi jia yu* is a source on the basis of which we can consider the Confucian doctrine, a source telling us about the life and activities of the first Teacher of the Middle Kingdom, as well as about the historical background of his life. The treatise in question is about four times longer than the famous Confucian text *Lun yu*. Unlike *Xiao jing* (“The Classic of Filial Piety”), *Zhong Yong* (“Doctrine of the Mean”) or *Da xue* (“Great Learning”), the *Jia yu* is not restricted topically, but is a complex and diverse work.

Confucian wisdom, embodied in the *Kong-zi jia yu* treatise has become an integral part of the modern political and economic culture of China. The study of the *Kong-zi jia yu* appears to the author of this work to be an urgent scholarly task, the solution of which can expand the arsenal of world philosophical knowledge, as well as contribute to the dialogue between the philosophical cultures of the East and West.

内容提要

这本专题著作是全俄罗斯第一个《孔子家语》之译本，带有简短的注释。《孔子家语》中调查不同理论上的问题，这些问题对世界汉学的历史发展具有很深刻的意义。尽管不停的学术上的争辩对《孔子家语》的创作时代和作者，但是一千多年这部书传播了全国各处。它不仅吸引了普通读者的关注，也吸引了中国国家主席习近平的关注。

《孔子家语》是儒家哲学的著作，《孔子家语》所记载的，正是孔子和他的弟子，当时的著名政治家的对话和故事。这些故事成为哲学对话，涉及基本的本体、伦理、美学和知识论的问题，比如说：以德治和谐天下，弃礼名恶，以及早期儒家传统的教学和教育问题，道德修身的问题。

不同的主题在《孔子家语》这本书中得到了哲学的思考，对研究儒家学派的哲学思想、政治思想、伦理思想和教育思想，有很大的科学价值。此书是研究儒家哲学，孔子生平及其思想的重要的文献，同是研究孔子生活的历史背景重要依据。《孔子家语》比儒家著名的文献《论语》多出近四倍。与《孝经》、《中庸》或《大学》不同的是，《孔子家语》不是一个专业范围窄的的文本，而是一个相当综合和多方面的作品。

《孔子家语》所体现的儒家智慧，已经成为了中华人民共和国当代政治与经济文化的组成部分。《孔子家语》的研究向这本专题著作的作者提出了一项迫切与必须的科学任务。如果我们考虑到新理论上的资料，研究古代儒家的文字遗迹可以扩大世界哲学知识的范围，同时可以促进东方与西方哲学文化的建设性对话。

Научное издание

Блажкина Анастасия Юрьевна

КУН-ЦЗЫ ЦЗЯ ЮЙ
(Речи школы Конфуция)

Редакторы *В.И. Мартынюк, М.А. Унке*

Корректор *И.И. Чернышева*

Компьютерная верстка *М.П. Горшенкова*

Художественный редактор *О.В. Волкова*

Подписано в печать 15.07.2022
Формат 60×90^{1/16}. Усл. п. л. 20,0. Уч.-изд. л. 18,3
Тираж 500 экз. (1-й завод – 200 экз.)

ФГАУН ИКСА РАН
117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 32
тел.: +7(499) 124 02 17
e-mail: ifes@ifes-ras.ru
<https://www.icca-ras.ru>